

625/2584
791
9/1/176

И.М.Пушкарёва

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО- ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ **1917** г. В РОССИИ

Издательство «Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

И. М. Пушкарёва

ФЕВРАЛЬСКАЯ
БУРЖУАЗНО-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
1917 г. В РОССИИ

Издательство «Наука»

Москва 1982

Монография представляет научный очерк, содержащий анализ предпосылок революции, систематическое изложение ее основных событий, а также итогов успешного штурма царизма в феврале 1917 г. в России. В книге на большом фактическом материале, определенной часть которого вводится в научный оборот впервые, раскрывается борьба трех политических лагерей на заключительном этапе буржуазно-демократической революции, руководящая роль рабочего класса в революции, многогранная деятельность большевистской партии.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

Ирина Михайловна Пушкарева

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИИ

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства Л. М. Пряжникова

Художник Н. А. Седельников. Художественный редактор Н. А. Фильчагина

Технические редакторы С. Г. Тихомирова, Н. Н. Кокина

Корректоры Г. Н. Джигоева, К. П. Лосева

ИБ № 25130

Сдано в набор 05.11.81. Подписано к печати 30.03.82. Т-03270.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр. отт. 17. Уч.-изд. л. 18,7. Тираж 4700 экз.
Тип. зак. 1062. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чем больше времени отделяет нас от российских революций начала XX в., тем ярче, весомее, зримее предстает перед нами их определяющее влияние на судьбы народов всего мира. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России явилась первой победоносной революцией XX столетия, гегемоном которой был пролетариат. Значение ее заключалось не только в том, что в результате победы этой революции коропа еще одного европейского монарха была выброшена на свалку истории. Февральская революция 1917 г. в России явилась историческим прологом Великого Октября, важным этапом международного рабочего движения.

О сокрушении царизма в России написано немало. Советские историки исследовали важнейшие события Февральской революции, создали многотомные фундаментальные коллективные труды, освещающие события революции в их исторической последовательности¹, а также монографии, раскрывающие различные стороны проблемы: социально-экономические предпосылки революции², борьбу в ней трех лагерей, действовавших на политической арене,— революционно-демократического во главе с рабочим классом и его авангардом — партией большевиков³, буржуазно-оппозиционного и правительственного во главе с царем⁴. Основательно изучена проблема гегемонии пролетариата в Февральской революции⁵. С исключительной подробностью представлена борьба рабочих Петрограда, деятельность центральных организаций партии большевиков — Русского бюро ЦК, Петербургского комитета РСДРП (ПК)⁶. Исследователи все чаще останавливаются на вопросе о связи большевистского подполья с Заграничным бюро ЦК и т. д. В специальных историографических трудах подводятся итоги изучения ленинской концепции истории Февраля и критики ее фальсификаторов, освещается история изучения основных направлений исследовательской работы в этой области⁷.

Повышенный интерес к 1917 г. в России, и в частности к Февральской революции, как, впрочем, и ко всем

революциям XX столетия, объясняется прежде всего тем, что этот век войдет в историю человечества как эра революций и освободительной борьбы, на протяжении которой велось непрерывное наступление на укрепленные позиции отживающих государственных систем. Борьба же российского рабочего класса начала века вошла в революционный опыт мирового освободительного движения. На современном этапе его история неразрывно связана с идеологическими сражениями против международного империализма, стратегическая линия которого в этой борьбе направлена против сил социализма и демократии. Главным объектом нападок буржуазных авторов-антисоветчиков и антикоммунистов являются концепционные положения советской историографии: о закономерности революций, ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, гегемония пролетариата. В хаосе предположений, выдвигаемых буржуазными фальсификаторами истории по поводу причин революционных взрывов, можно обнаружить попытки всеми способами доказать «случайность» революций, нежелательность их для буржуазного общества. Проявляя устойчивый интерес к истории последних лет царствования Николая II, к Февральской революции, некоторые «россиеведы» на Западе, идеологи и апологеты капитализма еще пытаются противопоставить истории революционного штурма твердынь самодержавия пошлые анекдоты из интимной жизни царствующих особ, министров, сановников, придворной камарилы, подменить анализ истории классовой борьбы рассказами о деятельности масонских лож и т. д. Но даже те, кто распространяет большим тиражом книги для обработки политически не искушенного западного читателя, кто тратит огромные силы, чтобы опорочить, свести к «частным явлениям» опыт российского пролетариата и его авангарда — партии большевиков, демонстрируют тем самым его историческую значимость.

Революционеры, преобразующие мир в наши дни, высоко оценивают борьбу народов России в 1917 г., используют ее опыт, творчески применяя его в конкретно-исторических условиях развития других стран, особенно тех, которые стоят перед необходимостью демократических преобразований⁸. Они тщательно изучают характер массового движения в период Февральской революции, ведущую и организующую роль в нем забастовочной борьбы рабочих, руководящее значение авангарда рабочего класса

и его передового отряда — партии большевиков, знакомятся с нелегальными и легальными методами партийной работы, деятельностью мелкобуржуазных организаций, анализируют роль выступлений солдатских масс на стороне народа, возможность переворота в «верхах», поведение либеральной буржуазии, деятельность российского «парламента» — Государственной думы и, конечно, исторические закономерности развития буржуазно-демократической революции в России.

Актуальность обращения к истории Февральской революции состоит и в том, что эта революция тесно связана с борьбой народов Европы, и прежде всего российского пролетариата, за демократический мир между народами против империалистической войны. История этой революции дает поучительные уроки необходимости последовательной борьбы народов за мир против войны. Подняв на гребне революционной волны мелкобуржуазные партии и поставив у власти в стране буржуазию, Февральская революция не смогла до конца решить вопрос о войне и мире. Однако именно она вскрыла огромное противоречие между гигантски возросшей силой и организованностью рабочего движения и бессилием буржуазного правительства решить этот жизненно важный для народных масс вопрос. Именно Февральская революция направила авангард пролетариата на поиски более действенных путей в борьбе за мир.

Эта борьба могла быть успешно решена лишь при условии перерастания буржуазно-демократической революции в России в социалистическую. Страстное желание мира народами России отражено в документах большевистской партии, объявившей «войну войне». Уже в манифесте ЦК РСДРП, изданном в самом начале войны, партия большевиков показала народным массам возможные пути революционного выхода из войны. В разгар революции — 27 февраля 1917 г. — появился второй манифест ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России». В нем указывалось, что одна из важнейших задач новой революционной власти — войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов против своих угнетателей и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, навязанной поработленным народам. Февраль 1917 г., начав превращение войны империалистической в войну гражданскую⁹, явился крупным шагом вперед в борьбе большевиков во главе с В. И. Лениным

за революционный выход из войны. В. И. Ленин писал: «Опыт войны, как и опыт всякого кризиса в истории, всякого великого бедствия и всякого перелома в жизни человека, оупяляет и надламывает одних, но *зато просвещает и закаляет других*, причем в общем и целом, в истории всего мира, число и сила этих последних оказывались... больше, чем первых»¹⁰. В книге и раскрывается, как это «просвещение» народных масс объединило миллионы, составившие под руководством рабочего класса силу революции, выступившую против царизма, развязавшего войну.

В центре внимания автора книги находятся такие проблемы, как закономерности формирования революционных сил в стране, условия и способность пролетариата во главе со своим авангардом — партией большевиков — осуществить свержение самодержавия, завершить демократический этап революционной борьбы народов России и подготовить рабочий класс к роли гегемона социалистической революции.

Таким образом, перед автором исследования стоял ряд задач, и главные из них — показать глубоко народный характер февральского переворота, что проявилось в широком участии в нем трудящихся масс города и деревни, всех народов и наций Российской империи, раскрыть движущие силы революции во главе с рабочим классом и его авангардом — партией большевиков. В ряду основных задач находится воссоздание целостной картины деятельности большевистской партии в период парастания революционной ситуации в стране в годы первой мировой войны — партии, объединенной гением В. И. Ленина — теоретиком революционного движения и непосредственным руководителем революционной борьбы рабочего класса, всех трудящихся масс России.

В книге ставится задача раскрыть сам процесс расширения социальной базы революции, революционизирования солдат в армии, доведенных до крайности бессмысленной империалистической войной, вовлечения в борьбу крестьянства, непролетарских демократических слоев города (главным образом студенчества), а также показать участие в массовом движении за мир, за демократические свободы женщин — работниц и крестьянок, ставших в период войны важной производительной силой страны.

Анализируя увеличение численности и расширение

состава участников революционного движения и касаясь проблемы соотношения в нем элементов стихийности и организованного начала, автор не ограничивался рассмотрением конкретно-исторического материала восьми дней революции в Петрограде, а привлек для этого фактический материал предшествовавшего периода, связанного с вызреванием революционных предпосылок революции, концентрацией сил вокруг большевистской партии, выработкой ею во главе с В. И. Лениным тактической и стратегической линии на новом этапе революционного движения в стране. В книге подчеркивается, что борьба большевистской партии во главе с В. И. Лениным за внесение сознательности и организованности в массовое движение, за развитие и утверждение в пролетариате качеств гегемона имела целью всемерное развитие инициативы и революционного творчества самих широких масс, что и нашло свое проявление в повсеместном создании Советов.

Обеспечение единства действий рабочего класса с другими революционными слоями трудящихся сопровождалось идейной борьбой большевиков с лидерами мелкобуржуазных организаций, пытавшимися также воздействовать на массы. В монографии последовательной революционности и интернационализму большевиков противопоставляется оппортунизм и социал-шовинизм меньшевиков и эсеров, прослеживается эволюция меньшевиков-оборонцев и правых эсеров к открытой поддержке ими империалистической буржуазии.

Как уже отмечалось, к настоящему времени сложился целый «историографический комплекс» проблем «кризиса верхов» последних лет российского самодержавия⁴¹, всестороннее освещение получила политическая история русской буржуазии в этот период. На страницах монографии рассматривается борьба буржуазии с самодержавием, освещаются те аспекты проблемы, которые позволяют лучше понять расстановку классовых сил, возросшую роль пролетариата на этом этапе освободительного движения, контрреволюционную сущность либеральной буржуазии, проявившуюся, в частности, и при формировании «прогрессивного блока». В соответствующих разделах книги дается оценка значения оппозиции буржуазии в деле сокрушения царизма, освещается отношение либеральной буржуазии к дворцовому перевороту, различие контрреволюционности самодержавия и контрреволюцион-

ности либеральной буржуазии, позиция последней в период вооруженного восстания в Петрограде. В связи с историей правительственного лагеря затронут вопрос о сепаратном мире и о «распутинщине», как одном из ярких примеров загнивания царизма.

В связи с поставленными задачами рассмотрение истории Февральской революции в данном исследовании ведется последовательно по трем периодам: 1) возникновение революционной ситуации в России в годы первой мировой войны и перерастание ее в революцию в феврале 1917 г.; 2) вооруженное восстание в Петрограде и поддержка его в других районах страны; 3) развитие революционного процесса в марте 1917 г. Материалы, связанные с последним периодом и выходящие за рамки фактического окончания революции — 2 марта 1917 г. — привлечены для суммирования итогов революции, раскрытия завоеваний рабочего класса и крестьянства, доказательства неизбежности и необходимости победы социалистической революции в стране.

Настоящая книга — научно-популярная. Она создана на базе как опубликованных работ советских историков, так и на изучении данной проблемы автором в исследовательском и историографическом планах. Подытоживая изучение истории Февральской революции 1917 г. в советской историографии, автор вместе с тем опирается и на свое собственное участие в исследовании некоторых сторон изучаемой проблемы.

Февральская революция оставила нам богатейшие исторические источники, массу мемуарной литературы. Значительная часть этих источников уже опубликована и введена в научный оборот. Она вошла, естественно, и в данную книгу. Но источниковый материал по нашей проблеме еще далек от исчерпывающего использования. Многие еще лежат в архивах и остались поэтому непривлеченным и в коллективных трудах, и в монографиях. Некоторые из таких архивных источников читатель найдет в настоящей книге. Это, в частности, материалы фондов Центрального государственного военно-исторического архива, рукописных фондов Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, а также газет и журналов того времени.

Автор благодарит сотрудников сектора истории буржуазно-демократических революций Института истории

СССР АН СССР, принявших участие в обсуждении книги в рукописи. Особую благодарность автор приносит научному сотруднику Института истории СССР АН СССР Л. П. Дойниковой за участие в подборе иллюстраций и в подготовке книги к печати.

- ¹ Минц И. И. История Великого Октября. 2-е изд. М., 1977. Т. 1. Свержение самодержавия; Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967; Он же. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.
- ² Анфилов А. Н. Российская деревня в годы первой мировой войны, 1914 — февраль 1917 г. М., 1962; Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.
- ³ Партия большевиков в Февральской революции 1917 г. М., 1971; Кириянов Ю. И. Рабочие Юга России, 1914 — февраль 1917 г. М., 1971; Тютюкин С. В. Война. Мир. Революция: Идеинная борьба в рабочем движении России, 1914—1917 гг. М., 1972; Гаркавенко Д. А. Партия, армия и флот в Февральской революции 1917 г. Л., 1972; Лейберов И. П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979; Дажина И. М. Большевиcтские листовки в России периода первой мировой войны и Февральской революции: Опыт источниковедческого анализа сводной таблицы документов. М., 1981; и др.
- ⁴ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967; Лаврычев В. Я. По ту сторону баррикад. М., 1967; Он же. Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917). М., 1972; Слонимский А. Г. Катастрофа русско-го либерализма. Душанбе, 1975; Ерошкин Н. П. Самодержавие накануне краха. М., 1975; Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975; Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977; и др.
- ⁵ Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции. М., 1975; Гегемония пролетариата в трех русских революциях. М., 1971; Зародов К. Три революции в России и наше время. М., 1975; и др.
- ⁶ Минц И. И. Указ. соч., с. 253—260, 477—487; Лейберов И. П. Указ. соч., с. 72—102, 195—204; Алуф И. А. В. И. Ленин и Русское бюро ЦК РСДРП (1914 — февраль 1917 г.). — Вопр. истории КПСС, 1970, № 9; и др.
- ⁷ Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. М., 1979; Шестаков С. В. Историография деятельности большевистской партии в период мировой войны и Февральской революции. М., 1977; и др.
- ⁸ Арисменди Родней. Ленин, революция и Латинская Америка. М., 1972 (гл. «Мирный путь в русской социалистической революции»).
- ⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 73.
- ¹⁰ Там же, т. 26, с. 220.
- ¹¹ Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции, с. 161.

Глава I

РОССИЯ НА ПУТИ К НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПРЕДПОСЫЛКИ ФЕВРАЛЯ

Революции — «локомотивы истории». Этим классическим определением К. Маркса подчеркивается выдающаяся роль масс в поступательном развитии общества. Революции невозможны без крайнего обострения глубочайших противоречий внутри отмирающего строя. «Революции не делаются по заказу, — писал В. И. Ленин, — не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин»¹.

Комплекс же внутренних причин, обусловивших Февральскую буржуазно-демократическую революцию, заключался в необходимости свержения монархии, установления политических свобод, ликвидации помещичьего землевладения и уничтожения национального гнета, т. е. выполнения задач, выдвинутых еще революцией 1905—1907 гг. Нерешенные проблемы этой революции были обострены первой мировой империалистической войной.

Вторая народная революция в России назревала в обстановке, когда непримиримые противоречия между самодержавно-полицейским строем и потребностями общественного развития еще более усугубились в связи с развитием капитализма в стране по сравнению с кануном первой революции 1905—1907 гг., с порожденными мировым капитализмом социально-экономическим, политическим и национальным кризисами невиданной силы, вылившимися в первую мировую империалистическую войну.

Уже в начале XX в. Россия входила в число шести стран мира, где высокоразвитый промышленный капитал стал господствующей экономической силой. То, что капиталистический мир, к которому принадлежала Россия, вступил в последнюю, империалистическую стадию своего развития, объективно обуславливало иную расстановку политических сил в стране по сравнению со странами Западной Европы, уже пережившими ранее демократиче-

ские революции, поскольку к основному противоречию между развитием производительных сил, созданных капитализмом, и пережитками феодально-крепостнических производственных отношений в стране присоединялись противоречия, свойственные империализму. Последний в России был буквально «оплетен» густой сетью докапиталистических, то есть феодально-крепостнических производственных отношений², которые особенно ярко проявились в землевладении. «Дикая деревня», как образно определял В. И. Ленин аграрные отношения в России начала XX в.³, соседствовала с передовым промышленным и финансовым капитализмом, особенностью которого был высокий уровень концентрации производства и капиталов.

Процесс капиталистической индустриализации России являлся необходимым условием быстрой монополизации промышленности и централизации банковского дела. В начале XX в. монополии в России существовали уже во всех решающих отраслях производства средств производства, возникали они также и в важнейших отраслях производства предметов потребления, появились первые региональные монополии. Однако рост промышленного производства значительно сдерживался замедленным развитием капитализма в сельском хозяйстве, это порождало серьезные противоречия между двумя основными устоями российской экономики. И хотя процесс крестьянской колонизации и распространения на окраинные области торговых связей несколько притуплял остроту этого противоречия, узость крестьянского рынка, сосредоточение значительных денежных средств вне сферы производственного обращения, удержание значительных масс крестьян в деревне внеэкономическими мерами ограничивали возможности экономического развития России в целом.

После первой буржуазно-демократической революции в России 1905—1907 гг. главные экономические противоречия не были сняты и только обострились. Главным оплотом крепостнических пережитков в деревне, тормозом в развитии сельского хозяйства по капиталистическому пути и, следовательно, отставания России от других капиталистических стран в экономическом отношении являлось наличие здесь огромных полукрепостнических латифундий помещиков — экономической базы могущества класса дворян. 30 тыс. помещиков, главным образом дворянство, владели 70 млн. дес. земли, что составляло

почти $\frac{3}{4}$ всего частного землевладения. Этот факт В. И. Ленин сопоставляет с другим: во владении 10,5 млн. крестьянских дворов и наиболее мелких собственников находилось 75 млн. дес. земли. В среднем на одно помещичье имение приходилось свыше 2333 десятин, а на крестьянский двор — от 7 до 15 дес. (а то и того менее) ⁴. Помещичьи латифундии достигали и более крупных размеров. Представление о невиданной в мире концентрации крупного землевладения в России в начале XX в. усиливается при рассмотрении родственных связей помещиков. В начале XX в. отчетливо выделялись четыре фамильно-родственных союза (помещики, связанные родственной принадлежностью с фамилией гр. Шуваловых, с членами фамилии кн. Мещерских, родственной близостью с царствующей фамилией, а также с представителями знати польского происхождения), которые владели землей общей площадью 11,6 млн. дес. ⁵ Одной из характерных особенностей группы крупнейших земельных собственников было то, что около половины ее состава в такой же мере были помещиками, как и промышленниками, связанными с уральской горнозаводской, сахарной, мукомольной, лесной, текстильной промышленностью. Отдельные ее представители владели машиностроительными, стекольными, текстильными предприятиями, месторождениями нефти, золота и других ископаемых и были связаны с акционерным и банковским капиталом. Экономическая сила российских аграриев была основой их политической силы, вполне сохранившей свое значение в эпоху империализма. Все они составляли основное ядро придворной камарилы — второго негласного правительства России.

В руках привилегированного сословия — дворянства — находились наиболее важные звенья государственного аппарата, вся государственная власть во главе с царем — «первым дворянином» Российской империи. Царь издавал законы, назначал и смещал министров и высших сановников, распоряжался финансами. Все предписания центральных правительственных органов неизменно начинались словами: «По высочайшему повелению его императорского величества самодержца всея Руси соизволено...».

Государственный аппарат комплектовался в основном из представителей дворянства. Они занимали большинство высших постов в министерствах, в органах царской

администрации, многие высшие офицерские должности в армии.

По мере своего развития капитал все сильнее воздействовал на политическую надстройку. «...Капитал, окрепши и поработивши себе миллионы трудящихся, целые районы,— начинает прямо уже и без стеснения давить на правительство, обращая его в своего лакея»⁶,— писал В. И. Ленин. В России интересы промышленного и финансового капитала переплетались с интересами государственной надстройки, совпадая на основе ограбления, экономического и политического закабаления трудящихся масс. В обстановке исключительной остроты классовых противоречий, в интересах собственной выгоды царизм не отказывался от союза с экономически господствующей империалистической буржуазией, тем более что без ее поддержки в новых условиях царизму становилось просто невозможно сохранять в дальнейшем экономические привилегии и политическую власть помещиков. «Как ни азиатски-дико наше самодержавие, как ни много в нем допотопного варварства, консервированного в необыкновенно чистом виде в течение веков,— указывал Ленин,— а все же самодержавное правительство есть правительство капиталистической страны, связанной тысячами неразрывных нитей с Европой, с международным рынком, с международным капиталом. Зависимость самодержавия от буржуазии вся Россия есть самая сильная материальная зависимость...»⁷

Однако ни изменения в кадровом составе государственного аппарата на пути эволюции от феодального к буржуазному, ни растущая заинтересованность бюрократии в делах промышленной и финансовой буржуазии (что особенно часто проявлялось в годы первой мировой войны) не приводили к изменению классово-помещичьего характера государственно-политической надстройки. Эволюционируя вместе с российским абсолютизмом, постепенно обуржуазиваясь и по своему составу, и особенно с точки зрения характера и мотивов своей деятельности, определяя в значительной степени процесс плутократизации самодержавного режима, правящая бюрократия придавала «чисто крепостническое, исключительно крепостническое *направление и облик* буржуазной деятельности»⁸. Это обуславливалось, как справедливо указывается в литературе, природой самого абсолютизма, интересами господствующего класса⁹.

Форма правления в России, хотя она и модернизировалась, но осталась прежней — самодержавной («общий парламентскими формами абсолютизм»¹⁰). Под влиянием развивающегося капитализма самодержавие было вынуждено делать робкие шаги по превращению в буржуазную монархию — реформа 1861 г., столыпинская аграрная реформа, переходить под влиянием роста капитализма к «представительным учреждениям национального масштаба»¹¹ (Государственная дума), поддерживать конституционные иллюзии, что явилось, кстати сказать, одним из компонентов бонапартистского лавирования между полуфеодальным и буржуазным элементами третьиюньской системы. Казалось бы, все это должно было революционизировать класс буржуазии, как это и было в революциях XIX в. на Западе. Однако при вступлении капитализма в России в империалистическую стадию российская буржуазия становилась еще более контрреволюционной, чем ранее, постепенно утрачивая даже те элементы прогрессивности, которыми она должна была обладать как класс, идущий на смену классу помещиков-феодалов.

В авангарде революционного преобразования общества встал ее класс антагонист и могильщик — пролетариат, возглавивший общенародное движение против царизма. Вырастая на базе глубоких противоречий российской действительности, буржуазно-демократическая революция в России «как бы соединила в себе ведущие тенденции национального и международного развития, она рельефно отразила основные социальные антагонизмы и расстановку классовых сил в масштабах всей мировой капиталистической системы, стала прообразом многих последующих революционных битв XX в., впервые продемонстрировала на практике ряд особенностей освободительного движения в условиях империализма»¹².

Одной из них было переплетение в ходе буржуазно-демократической революции двух социальных войн: борьбы всего народа под руководством рабочего класса против самодержавного режима, помещиков, всех остатков крепостничества и борьбы пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством против городской и деревенской буржуазии. Ко времени завершающего акта буржуазно-демократической революции в России конфликты, обусловленные как остатками крепостничества, так и противоречиями, заложенными в самом капиталистическом строе,

стали еще более напряженными, все более уменьшался разрыв между буржуазно-демократической революцией, устраивающей остатки крепостничества, и социалистической революцией, цель которой — уничтожение капитализма.

Буржуазно-демократическая по своему характеру и содержанию революция в России, призванная свергнуть самодержавие и довершить капиталистическое преобразование аграрного строя страны, была в определенном смысле и пролетарской революцией, ибо пролетариат был главной движущей силой, руководящей ее силой, гегемоном движения¹³.

К началу 1917 г. численность только промышленного пролетариата в России достигла почти 3,4 млн. человек, а общая армия пролетариата составляла около 15 млн. человек¹⁴. По степени концентрации рабочей силы на предприятиях — столь важного фактора для развития революционного движения — пролетариат России шел впереди всех капиталистических стран. На крупных промышленных предприятиях страны, насчитывавших 500 и более человек, было занято 54% рабочих.

Жажда прибыли толкала капиталистов-монополистов на усиленную эксплуатацию рабочего класса. Объединяясь в монополистические союзы, капитал обрушивался с новой силой на рабочий класс, усугублял его лишения и тяготы. Кризисы порождали многочисленную армию безработных. Продолжительный рабочий день и короткий досуг, низкая заработная плата, часто неудовлетворительное в качественном и количественном отношении питание, неблагоустроенные жилища, не соответствующие в большинстве случаев санитарно-гигиеническим нормам жилищно-бытовые условия, нехватка средств для получения образования — таковы основные параметры жизненного уровня рабочих капиталистической России¹⁵.

Как отмечают исследователи, несмотря на развитие производительных сил в стране, жизненный уровень рабочего класса оставался крайне низким. Ни царизм, ни буржуазия не были в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно решить «рабочий вопрос»¹⁶.

Страдая и от капитализма, и от недостаточности его развития — пережитков крепостничества в экономике и политическом строе, российский пролетариат обладал исключительной революционностью, высокой классовой сознательностью и организованностью. Ни в одной стра-

пе мира пролетариат в начале XX в. не развивал такой стачечной энергии, как рабочий класс России. С 1895 по 1916 г. в России ежегодно насчитывалось в среднем более полумиллиона стачечников, т. е. гораздо больше, чем в каждой из других капиталистических стран — Англии, США, Франции, Германии. Больше половины бастующих в России за этот период участвовало в политических стачках.

По мере развития капитализма и расширения сферы производственных отношений в борьбу под руководством пролетариата втягивались все новые демократические слои общества: широкие массы крестьян и городской демократии.

Огромную роль в уяснении пролетариатом России своих классовых задач, своей исторической миссии как последовательного борца и вождя за интересы всех трудящихся играла созданная В. И. Лениным революционная марксистская партия нового типа, возглавившая борьбу пролетариата и всех угнетенных против царизма. Наиболее последовательно и активно борясь с самодержавием, большевистская партия решительно отвергала претензии буржуазии на руководящую роль в освободительном движении и провозглашала лозунг гегемонии пролетариата в революционно-демократическом перевороте. Разоблачая контрреволюционность буржуазии перед лицом широких масс, большевики выступили за ее изоляцию в политической борьбе с царизмом и за недопущение к политической власти в государстве после победы демократической революции. Победа революции должна была привести, по мысли большевиков, В. И. Ленина, к созданию Временного революционного правительства из представителей рабочего класса и революционной мелкобуржуазной демократии, к установлению революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Многочисленное крестьянство обладало огромными революционными потенциями, выступая против дворянского латифундного землевладения, которое было и оставалось основой сохранения отсталых форм земледелия, кабалы, полукрепостнических форм угнетения крестьянства. Почти в половине губерний в деревне господствовал такой пережиток барщины, как отработочная система — обработка полей помещика зависимым от него крестьянином большею частью за деньги, частью за половину урожая. Широко была распространена и кабала — сдельная

система пайма крестьян за выданную зимой денежную ссуду или продукты. Все это тормозило развитие капитализма в земледелии, сковывало развитие производительных сил. Крестьянское хозяйство подрывали непосильные государственные налоги, земские подати. Миллионы бедняков обрастали недоимками, попадали в зависимость от кулаков и ростовщиков. «Крестьянин,— писал В. И. Ленин,— был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже *откупаясь* от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожаяев, которые возвращались все чаще и чаще»¹⁷.

Внедрение капиталистических отношений в сельское хозяйство ускоряло дифференциацию крестьянских масс, на ее основе рождались новые противоречия. Однако основным препятствием прогрессивному развитию российской деревни являлся крупный землевладелец-помещик, опиравшийся на поддержку всей охранительно-политической системы самодержавия. Борьба за землю против помещиков, крупных землевладельцев делала российское крестьянство активной движущей силой революции.

Аграрный вопрос в стране стал национальной проблемой не только потому, что он касался более чем ста миллионов населения. Судьба остальных пятидесяти миллионов также имела непосредственное отношение к решению этого вопроса. Низкая покупательная способность большинства жителей страны тормозила развитие внутреннего рынка. Нищая, безграмотная деревня поставляла неквалифицированные кадры промышленности. По абсолютным размерам производства Россия входила лишь в число среднеразвитых капиталистических стран, по производству на душу населения оставалась одной из самых отсталых стран Европы.

Социальный гнет в стране тесно переплетался с гнетом национальным. В конце XIX — начале XX в. на территории России проживало более 100 наций и народностей, причем нерусские народы составляли более половины населения. Они находились в еще более тяжелом положении, чем русские рабочие и крестьяне, так как

эксплуатировались как великорусскими помещиками и буржуазией, так и местными феодалами и нарождавшейся национальной буржуазией. Царизм, исповедуя политику «разделяй и властвуй», стремился посеять рознь и вражду среди угнетенных национальностей, культивировал великодержавный шовинизм.

Глубокие социальные противоречия между трудом и капиталом, крестьянством и помещиками-крепостниками, между развитым капиталистическим городом и отсталой полуфеодальной деревней, между жесткой политикой национального гнета, проводимой царским самодержавием, и возмущением угнетенных наций достигли в России исключительной остроты еще накануне 1905 г. Назревший кризис был чреват народной революцией против царизма. Общность экономических и политических интересов трудящихся масс в стране создавала объективную основу для революционного союза пролетариата и многомиллионных масс крестьянства, который являлся залогом победы демократической революции в России.

Первоочередными задачами назревающей в России буржуазно-демократической революции было свержение самодержавия, ликвидация помещичьего землевладения, установление демократической республики, восьмичасового рабочего дня, уничтожение национального гнета. «Сначала русскому народу надо вывезти вон на своей телеге весь тот сор, который называется крепостнической, помещичьей, собственностью,— образно говорил Ленин,— а потом с опростанной телегой вернуться на более чистый двор и начать укладывать на воз вторую кучу, начать убирать сор капиталистической эксплуатации»¹⁸.

Итак, в условиях более развитых классовых отношений буржуазно-демократическая революция в России должна была совершиться при соотношении классовых сил, характерном для новой исторической эпохи — эпохи империализма. Как указывал В. И. Ленин, на политической арене России боролись три главных лагеря. Во-первых, революционно-демократический лагерь, главной силой которого была рабочая демократия, как центр притяжения вообще всей демократии. Пролетариат — гегемон революции — и его союзник — крестьянство олицетворяли движущие силы революции, боровшиеся за свержение царизма, за установление демократической республики. Авангард революционно-демократического лагеря — большевистская партия вела революционную пропаганду в

деревне, настойчиво призывала крестьян к союзу с рабочим классом. Участие в революционной борьбе мелкобуржуазных масс, среди которых определенным влиянием пользовались идейно шаткие и политически неустойчивые мелкобуржуазные, или «трудовые», партии, заставляло большевиков выработать по отношению к ним определенную тактику, цель которой была «заставить» многочисленную демократическую массу (крестьянство и родственные ему слои неземледельческой мелкой буржуазии в городе) вести линию «совместных действий» рабочей и пролетарской демократии против самодержавия и против колеблющейся либеральной буржуазии.

Во-вторых, либерально-буржуазный лагерь составляла буржуазия, проявлявшая недовольство тем, что она не допускалась к власти крепостниками-помещиками. Буржуазия хотела устранить некоторые остатки крепостничества и участвовать в управлении страной. В условиях нарастания классовой борьбы буржуазия нуждалась в самодержавии. Вот почему противоречия и конфликты между буржуазной оппозицией и царизмом (классом помещиков) носили, по выражению В. И. Ленина, характер «домашней ссоры» двух расхитителей народного достояния¹⁹.

В-третьих, правительственный лагерь (царизм и класс помещиков) всеми силами стремился не допустить социального переворота, сохранить неизблемым монархический строй.

Эти три лагеря, отражавшие четкую в классовом отношении расстановку политических сил в стране, действовали на всем протяжении буржуазно-демократического этапа революции в России.

Уже первая буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. неопровержимо доказала полную контрреволюционность буржуазии, способность пролетариата «быть *вождем* победоносной революции, доказала способность демократических масс крестьянства помочь пролетариату сделать эту революцию победоносной»²⁰. Революция 1905—1907 гг. не устранила основной конфликт между пережитками феодально-крепостнических производственных отношений и бурно развивающимся капитализмом, основное противоречие между интересами национального прогресса и неспособностью абсолютистского режима его обеспечить. Самодержавие, опиравшееся на армию, полицию, суд, по-прежнему возглавляло всю си-

стему государственного управления, стояло на страже бесчеловечных форм капиталистической эксплуатации пролетариата и крестьянства, обреченных на постоянную нужду и разорение. Царизм по-прежнему был олицетворением великодержавного шовинизма, жесточайшего национального гнета. Политическое бесправие народных масс сочеталось с преследованием и беспощадным подавлением любых проявлений протеста.

Но в том и заключалось значение революции 1905—1907 гг. как «генеральной репетиции» революционного 1917 г., что она «драматизировала» классовые противоречия до высшего социального напряжения. Революционный шквал 1905 г. пробудил к политической жизни и политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, сделал эту борьбу массовой. Эта революция и последовавшие за ней годы контрреволюции способствовали «самоопределению» всех классов русского общества. Выступив открыто, классы и партии обнаружили свою действительную природу, действительное соотношение интересов, сил, способов политического действия, ближайшие и конечные цели в освободительной борьбе.

Отмечая неразрывную связь первой (1905—1907 гг.) и второй (1917 г. февраль) революций в России, В. И. Ленин указывал, что Февральская революция «была, если позволительно так метафорически выразиться, „разыгранна“ точно после десятка главных и второстепенных репетиций; „актеры“ знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия» ²¹.

В основе самоопределения классов между двумя буржуазно-демократическими революциями в России лежали крупные сдвиги в экономической и политической жизни страны. «От бурной эпохи 1905 года,— писал В. И. Ленин в марте 1914 г.,— нас отделяет менее десяти лет, а между тем перемена, которая произошла за это короткое время в России, кажется громадной. Россия как будто сразу превратилась из патриархальной в современную капиталистическую страну» ²².

Последнее пятилетие перед первой мировой войной явилось кульминационным пунктом в развитии капитализма в России. В эти годы промышленного подъема наблюдался рост новейших отраслей и основных капиталов промышленного производства. Значительно возросла роль

монополий в экономической и политической жизни страны. В предвоенные годы в России действовало, по неполным сведениям, свыше 150 монополистических объединений²³, вплоть до самых развитых, какими являлись тресты и концерны).

Монополии сосредоточили в своих руках подавляющую часть сбыта и производства промышленной продукции страны. Процесс монополизации охватил все важнейшие отрасли тяжелой промышленности. Так, синдикат «Нобель-мазут» монополизировал перед войной 77% торговли нефтепродуктами. В результате перегруппировок в нефтяной промышленности перед войной было создано несколько могущественных трестов, контролировавших свыше 60% добычи нефти. Широко известны такие синдикатские объединения, как Продвагон, которому накануне войны принадлежало около 97% в общей сумме заказов. Продамета сосредоточил в своих руках 85% продажи черных металлов. Продаруд охватывал более 80% добычи руды в Донбассе и Криворожье. Синдикат «Урожай» включал три крупные фирмы по производству сельскохозяйственных машин. Существовали синдикаты Продуголь, «Кровля», «Проволока» и др. В процессе милитаризации экономики страны в России были созданы и военно-промышленные монополии, вобравшие в себя десятки акционерных обществ. Районы действия монополистических организаций расширялись. Развитие монополий продолжалось в легкой, пищевой промышленности (свеклосахарной, мукомольной, соляной и др.), в промышленности строительных материалов и в других отраслях. Яркое представление о раскинувшихся щупальцах одного из синдикатов текстильной промышленности дает «Товарищество на паях внутренней и вывозной торговли мануфактурными товарами», создавшее свои учреждения в Петербурге, Москве, Баку, Варшаве, Минске, Ростове-на-Дону, Харькове, Одессе, в городах Прибалтики, Средней Азии, а также за границей.

В создании высших форм монополий возросла роль банков и финансовых групп. Накануне войны пять крупнейших петербургских банков сосредоточили в своих руках половину ресурсов и активных операций всех российских и коммерческих банков. Финансовая группа, контролировавшая Русско-Азиатский банк, сделала ряд шагов по созданию своего «большого Круппа». Она установила контроль над крупнейшими предприятиями — «Общест-

вом Путиловского завода», «Товариществом Невского судостроительного и механического завода». Группой Международного банка было создано огромное объединение типа концерна в военной промышленности и военном судостроении. Финансовый капитал стал решающим фактором дальнейшего роста экономики России. Несмотря на препятствия уродливо-архаической политической системы в развитии производительных сил, по степени обобществления промышленности и развития организационных форм финансово-монополистического капитализма Россия не уступала развитым капиталистическим странам. Но развитие монополий углубляло и обостряло экономические противоречия, усиливало конкурентную борьбу, ускоряло разложение и загнивание капитализма.

Революция 1905—1907 гг. заставила капиталистов объединить силы для эксплуатации рабочего класса и борьбы с ним. Тузы-миллионеры, «воротилы» крупной промышленности и торговли создали в 1906 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли. Главная цель этого генерального штаба монополий и банков была одна — договориться о наивыгоднейших условиях грабежа народных масс. Через Совет съездов расширялись и упрочивались связи монополий и банков с чиновничеством и государственными учреждениями. Еще до первой мировой войны усилилось государственное вмешательство в экономическую жизнь и интересы монополий, а вопросы экономической политики царского правительства становились в центре внимания буржуазных представительных организаций.

Однако это не означало, что буржуазия заняла место господствующего класса. С развитием ее экономического могущества, увеличением роли в политической жизни, ростом буржуазии как класса в стране лишь глубже становилось противоречие между «сохранением 99/100 политической власти в руках абсолютизма и помещиков, с одной стороны, и экономическим усилением буржуазии, с другой»²⁴.

Революция 1905—1907 гг. не решила коренной вопрос о земле, а аграрные реформы Столыпина не только не сняли, а, напротив, усилили социальные противоречия и классовую борьбу в деревне. При утрате помещиками значительной части земли к концу первого десятилетия XX в. за ними все равно сохранялся огромный земельный фонд с его полукрепостнической природой. Гнет латифун-

дий не слабел, а усиливался. Почти две трети земельного фонда крестьян по-прежнему оставались в общинном пользовании. Закрепление в личную собственность 22 млн. дес. (15% земельного фонда крестьян) не привело к созданию значительного слоя кулаков, на которых рассчитывало опереться самодержавие в борьбе с революцией.

Ломка в деревне общинных отношений вела к дальнейшему росту капитализма в сельском хозяйстве. Рост перед войной хлебных цен на внутреннем и мировом рынке, растущая в стране промышленность (в частности, увеличение производства сельскохозяйственных машин) способствовали некоторому подъему производительных сил в деревне, в том числе и в крестьянском хозяйстве. Однако диалектическое противоречие в том и заключалось, что процесс буржуазных преобразований в деревне вел не к предотвращению, а к приближению крестьянской революции против полуфеодального аграрного строя. Социальные противоречия в деревне обострялись борьбой против кулаков.

Итоги экономического развития России перед первой мировой войной показывают, что широкое и свободное развитие капитализма в стране, без чего на том историческом этапе ее прогресс был невозможен, не состоялось. Сила мирового капиталистического хозяйства и мирового рынка влияла на сжатость сроков развития российского капитализма. Крепостнические пережитки после революции 1905—1907 гг. еще больше тормозили экономическое развитие России, придавая ему крайне неравномерный характер. Все это неизбежно вело к кризису, лежавшему в основе предпосылок новой революции.

Землевладельческое дворянство, державшее в своих руках государственный аппарат, не могло не считаться с ростом экономической силы капитала. Помещики, бывшие крепостники, шли на экономический и в некоторой степени политический блок с магнатами финансового капитала, но по-прежнему не собирались отдавать буржуазии ключевые бразды политического правления. Они предпочитали сосредоточивать полноту власти в своих руках в целях поддержания своего клонившегося к упадку хозяйства и этим способом сохранить свои вековые привилегии.

Предвоенный период показал российской монополистической буржуазии, что самодержавие не может обеспе-

чить условий капиталистического развития страны, хотя оно и временами щедро расплачивалось с ней казенными заказами, различными ссудами. Буржуазия с трудом уживалась с косностью царизма, его неспособностью провести минимальные буржуазные реформы. Но при всем экономическом могуществе монополистической буржуазии, двигавшем ее к власти, революция 1905—1907 гг. испугала ее настолько, что она и теперь смертельно боялась подняться «до общеполитических вопросов». Борьба за «допущение» в те или иные местные или центральные учреждения — вот предел «смелости» буржуазии²⁵. После революции 1905—1907 гг. полностью обнажились ее контрреволюционность и согласие с абсолютизмом в надежде на реформы.

Вместе с тем реформы в России были возможны только до определенного предела, выход за который означал бы крах абсолютной монархии. Вот почему отдельные робкие шаги царизма в сторону буржуазной монархии не могли изменить его главной и основной сути.

Рост монополий в промышленности после революции 1905—1907 гг. делал эксплуатацию пролетариата более интенсивной и изощренной. Капиталисты категорически игнорировали такие требования, как 8-часовой рабочий день, ограничение произвола в договорах о найме, введение законов о социальном страховании, о пенсии и пр. Еще в начале 1905 г. заводчиками и фабрикантами России была составлена антирабочая конвенция, которую подписали 125 промышленных фирм²⁶. Конвенция запрещала удовлетворять требования рабочих без согласия участников конвенции. Капиталисты пытались действовать против рабочих «рублем и дубьем», и все попытки либералов, а также меньшевиков организовать «мир» в промышленности путем введения так называемых «примирительных камер» всячески торпедировались крупным капиталом.

Только революционная борьба сдерживала наступление капиталистов. Сделав самые мизерные уступки рабочим, капиталисты тут же стремились компенсировать свои потери, повышали интенсивность труда, взвинчивали цены на предметы народного потребления и т. д. В годы столыпинской реакции буржуазия с помощью царского правительства всячески пыталась отнять у рабочих все, что ими было завоевано в годы революции. Началось массовое увольнение рабочих под тем или иным

предлогом, увеличивался временно сокращенный на некоторых предприятиях рабочий день, правительство увеличило косвенные налоги, усилило фабричный террор. Все бо́льший размах в промышленности и на транспорте получала потогонная система труда. Антирабочая политика капиталистов всемерно поддерживалась самодержавием. Небольшие шаги в области фабричного законодательства (куцый закон о профсоюзах, введение государственного страхования и др.) все равно оставляли рабочий класс в целом бесправным, под двуглавым орлом самодержавия монополии могли свободно проводить любые репрессии против рабочих.

Революция 1905—1907 гг. нанесла мощный удар по устоям царизма. Она вырвала у самодержавия Манифест 17 октября, признание за Государственной думой законодательных прав. Конечно, Думе было еще далеко до буржуазного парламента, тем не менее сам факт появления в стране в ходе революции выборного государственного органа, в котором так или иначе были представлены все классы страны, говорил о многом, равно как и такие завоевания революции, как отмена выкупных платежей крестьян, пусть временное, но официальное сокращение рабочего дня, легализирование профсоюзов и пр. Все это продемонстрировало силу народного движения, его способность свергнуть существующий строй.

Революция 1905—1907 гг. дала пролетариату великие исторические уроки для последующей борьбы за полную победу над самодержавием, помещиками и капиталистами. Первый и основной урок, усвоенный пролетариатом и всеми трудящимися, заключался в том, что только революционной борьбой можно добиться сколько-нибудь серьезных улучшений в жизни и управлении государством. Второй урок революции: «...недостаточно подорвать, ограничить царскую власть. Ее надо *уничтожить*»²⁷. Третий урок революции состоял в том, что она явилась генеральной проверкой идейно-теоретических и тактических установок классов и партий трех политических лагерей.

«Пятый год объединил рабочих всех наций России»²⁸. Главнейшим политическим итогом революции было громадное усиление роли пролетариата как вождя освободительного движения. Пролетариат поднял миллионы трудящихся на борьбу с самодержавием и буржуазией и «завоевал себе роль *гегемона* в борьбе за свободу, за де-

мократию, как условие для борьбы за социализм. Он завоевал всем угнетенным и эксплуатируемым классам России *умение* вести революционную массовую борьбу...»²⁹.

Сила революционно-демократического лагеря проявилась в способности рабочего класса вести массовые революционные действия. Только на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, в 1905 г. было зарегистрировано 2863 тыс. стачечников (на 1905 год имеются и другие более полные данные — до 5010,1 тыс.)³⁰, в 1906 г. — 1108 тыс. и в 1907 г. — 740 тыс. Даже последняя, наиболее скромная в этом ряду цифра опять же превосходит максимум числа стачечников в любой из таких капиталистических стран, как США, Германия и Франция, за целое пятнадцатилетие — с 1894 по 1908 г.³¹

Важнейшим результатом революции 1905—1907 гг. было усиление влияния в массах партии большевиков во главе с В. И. Лениным. Она выступила как самостоятельная политическая сила со своей особой, научно обоснованной стратегией и тактикой. В годы первой русской революции ярко проявилась роль Ленина как величайшего теоретика марксизма и вождя трудящихся. На опыте революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин сформулировал важнейшие теоретические положения о том, что сила и роль пролетариата в обществе определяются не тем, является ли он большинством населения в стране, а местом в системе производительных сил, революционной энергией пролетариата, его способностью руководить борьбой крестьянства и других демократических слоев населения, в том числе угнетенных царизмом народов. Под руководством партии большевиков в годы первой русской революции широкие массы прошли большую политическую школу, глубоко усвоили и продумали новые формы и приемы борьбы. Итогом ее стали политические и экономические завоевания народа. Под руководством большевиков стачка как пролетарское орудие борьбы — этот «аппарат всенародной агитации» — была главным способом раскачивания масс.

Для последующего развития революционного движения огромное значение имело приобретение под руководством пролетариата народными массами опыта и усвоение ими уроков в вооруженной борьбе. Так, опыт революции показал, что для успеха выступления огромное значение имеет выбор момента. Уроки революции требо-

вали продолжения подготовки одновременного общероссийского выступления пролетариата. Они указывали, что для окончательного поражения враг должен получить решающий удар в главном опорном пункте самодержавия — в столице империи. С предельной ясностью подтвердилось, что важнейшим условием победы будет смелое и решительное наступление, а не оборона. Для будущих сражений имело значение и приобретение опыта тактики революционного боя — действие в ходе восстания небольших подвижных отрядов, которые могли бы в зависимости от обстановки выполнять роль и «коллективного» революционного агитатора, и боевой силы.

Важнейшим приобретением революции 1905—1907 гг. стала массовая стачка, которая в сочетании с вооруженным восстанием становится основной ударной силой революции. Затрагивая наиболее глубокие стороны революционной жизни страны, стачка проходила под лозунгом демократической республики и приобрела в ходе революции 1905—1907 гг. огромное общенародное значение. Под воздействием массовых стачек и вооруженных боев пролетариата разворачивалось широкое крестьянское движение. Вместе с русским пролетариатом и крестьянством борьбу против царизма и эксплуататоров начали рабочие и крестьяне Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и других национальных районов.

1905—1907 годы показали крестьянам, что без помощи рабочего класса они не смогут добыть земли и освободиться от ига эксплуататоров. В свою очередь, и рабочие убедились в необходимости поддержки миллионного крестьянства в борьбе с самодержавием. Впервые в истории проявил себя в действии союз рабочего класса и крестьянства. Он осуществлялся десятки и сотни раз в совместных выступлениях рабочих и крестьян, в выдвижении общих революционных лозунгов, в создании Советов и т. д. Все крупные события 1905—1907 гг. были отмечены этим союзом рабочих и крестьян³². Он вселял также и надежду, что в революцию можно вовлечь и армию — наиболее действенный инструмент поддержания старого строя, вооруженный его оплот. Революция 1905—1907 гг. только частично «нейтрализовала» армию. Однако стало ясно, что условием революционной «дезорганизации» армии в стремлении заставить солдат повернуть оружие против царизма является широкая агита-

дия, борьба с командным составом, стремящимся удержать солдат в повиновении, за войско.

1905 год поднял революционное творчество масс на огромную высоту. Его результатом явились новые формы политической организации масс, органы вооруженного восстания и революционной власти — Советы рабочих депутатов, в создании которых участвовали также крестьяне, солдаты и непролетарские демократические слои города. Они воплотили в себе революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Определение В. И. Лениным роли и значения Советов способствовало революционному просвещению масс в отношении целей и задач борьбы. В статье 1910 г. «За что бороться?» В. И. Ленин писал, что в первую русскую революцию пролетариат показал «на опыте *возможность* завоевания власти демократическими массами, *возможность* республики в России, показал, *„как это делается“*, показал практический приступ масс к конкретному выполнению этой задачи»³³.

Революция 1905—1907 гг. учила пролетариат четко определять своих врагов и временных, колеблющихся мелкобуржуазных попутчиков революции. Так, становилось явным, что либеральная буржуазия принимала демократические лозунги неполно и лицемерно, готова была пойти не только на любое соглашение с царизмом, но и сохранить монархию. Жизнь показала также несостоятельность и банкротство оппортунистической тактики меньшевиков, эсеров и других мелкобуржуазных организаций и групп. В результате их раскольнической деятельности рабочий класс мог оказаться раздробленным, ослаблялась его руководящая роль в революции. Отсутствие единства в рядах РСДРП в результате тактики меньшевиков отрицательно сказалось на всем ходе революционной борьбы пролетариата и явилось одной из причин поражения революции 1905—1907 гг. Революция со всей очевидностью показала необходимость очистить РСДРП от оппортунистических элементов, отражающих мелкобуржуазные взгляды и настроения в среде рабочих.

Наиболее массовой среди мелкобуржуазных партий была неустойчивая и идейно шаткая партия социалистов-революционеров. Центральное место в ее программе занимал аграрный вопрос. Путаница в главных теоретических положениях эсеров, и прежде всего в отрицании ими гегемонии пролетариата, могла помешать укреплению

пию союза пролетариата с крестьянскими массами: ведь за мелкобуржуазными партиями шла определенная часть народа, их позиции могли либо облегчать, либо, наоборот, затруднять достижение единства действий пролетариата с непролетарскими слоями трудящихся. Уроки первой русской революции ставили перед партией большевиков во главе с В. И. Лениным главную задачу — для дальнейшего развертывания революционной борьбы отделить пролетарское движение от «мелкобуржуазной мешанины», очистить его от «мелкобуржуазных примесей, ограничений, узости, извращений». Другая задача заключалась в обеспечении гибкости тактических действий РСДРП, в осуществлении «левого блока» с партиями, представляющими крестьянство, интересы городских непролетарских демократических слоев, в том числе и в национальных районах.

Большевики боролись за то, чтобы массы усвоили и поняли расстановку социальных сил в стране: либеральное подличание российской буржуазии, позицию капитулянтов от социал-демократии — меньшевиков, троцкистов и прочих агентов буржуазии в рабочем движении, предлагавших ориентироваться на «мирный» путь развития, путь реформ. Большевики выдвинули лозунг «единства снизу», единства самих рабочих в борьбе за революционные требования пролетариата»³⁴, союза рабочего класса и непролетарских трудящихся масс в борьбе за революционные преобразования в стране. В период между 1907 и 1917 гг. большевики сохранили и умножили связи с массами, блестяще осуществив ленинскую тактику собирания сил и использования легальных и нелегальных возможностей в революционной агитации. В период подъема рабочего движения накануне империалистической войны выросло новое поколение революционных рабочих-правдивых, которое помогло в осуществлении этой задачи.

История революции подтвердила, что, чем шире и глубже революционное движение, тем больше возрастают роль и значение пролетарской партии, ее идейно-политической и организаторской деятельности среди широких масс трудящихся. Накануне войны подавляющее число сознательных рабочих стало под знамя революционной марксистской партии. На основе ленинской теории большевистские организации в России успешно сплачивали трудящихся всех народов многонациональной России для

совместной борьбы против общего врага. «Будет революция или не будет,— писал Ленин,— зависит *не только* от нас. Но мы *свое* дело сделаем, и это дело не пропадет никогда. Оно посеет в массы глубоко семена демократизма и пролетарской самостоятельности, и семена эти *обязательно* дадут ростки, завтра ли в демократической революции или послезавтра, в социалистической»³⁵.

Уже революция 1905—1907 гг. несла в себе антикапиталистический заряд, ядро перерастания демократической революции в социалистическую. В борьбе за победу буржуазно-демократической революции российский пролетариат развивал не только качества гегемона демократической, но и социалистической революции.

Революционная борьба трудящихся масс России под руководством рабочего класса в 1905—1907 гг. и последующее за ней развитие революционного движения в стране оказали огромное воздействие на рост революционных выступлений рабочих и крестьян во многих странах мира в период подготовки буржуазией империалистической войны, вызвала мощный подъем национально-освободительного движения угнетенных народов Востока. Все это расшатывало мировую систему капитализма, приближало ее общий кризис и вместе с тем ускоряло революционные процессы в самой России, приближало ее к заключительному этапу демократической революции. Следует учесть, что, хотя роль царизма как международного жандарма в значительной степени сошла на нет, в глазах передовых людей разных стран царизм все еще являлся одним из оплотов мировой реакции. Вот почему победа демократической революции в России, отмечал В. И. Ленин, открыла бы великие перспективы для европейского пролетариата и в то же время для судеб сотен миллионов поработенных империализмом стран Азии³⁶. Иными словами, от того, в какой степени российский рабочий класс в союзе с крестьянством и городской демократией решит выпавшую на его долю историческую задачу, во многом зависели перспективы мирового революционного процесса.

Решать эти задачи рабочему классу России во главе с партией большевиков пришлось в условиях первой мировой империалистической войны, в которую была втянута Россия, как одно из звеньев единой системы мирового капитализма, которая *связала* революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократи-

ческой революции, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе»³⁷.

Царская Россия давно уже участвовала в борьбе капиталистических держав за сферы влияния на международной арене. Военный блок, в составе которого оказалась Россия в первой мировой войне, сформировался задолго до ее начала. В силу присущего капитализму закона неравномерного развития противоречия между великими империалистическими державами достигли в начале XX в. крайней остроты.

Буржуазные историки европейских стран — участники первой мировой войны немало потрудились над доказательствами невинности своих правительств в ее возникновении. Главная задача их состоит в том, чтобы скрыть истинные причины и цели мировой войны, замаскировать ее империалистический характер, доказать ее случайность³⁸. Они пытаются скрыть факт того, что война явилась результатом обострения всех противоречий капитализма на империалистической стадии его развития. Когда в полдень 2 августа (20 июля) 1914 г. руководители германского министерства иностранных дел закончили составление «Памятной записки и документов, относящихся к возникновению войны», в которой виновницей войны объявили Россию, они надеялись, что, может быть, этой наспех сфабрикованной версии удастся утвердиться в истории. Но уже и тогда эту версию никто из здравомыслящих политиков не мог принять всерьез: главными конкурирующими странами в борьбе за мировое могущество были «старая» капиталистическая Англия и «молодая» Германия³⁹. Далеко идущие цели Германии в борьбе за сферы экономического влияния привели ее к столкновению с Россией на Ближнем Востоке и на Балканах. Это заставило Россию определить свои международные позиции и вступить в англо-французскую коалицию — Антанту. России отнюдь не были предоставлены равные права в этом союзе. За французское золото, которое Россия взяла в долг, она обязывалась выставить на Восточном фронте максимальное число солдат. Влиятельные придворные круги во главе с царицей, лидеры реакционных помещичьих группировок оставались германофилами и больше склонялись к заключению «Союза трех императоров» (германского, австро-венгерского и российского). Но и этот союз был унижительным для России: германские экспансион-

стские круги разрабатывали программу низведения России до ранга второразрядной, подчиненной им державы. Они мечтали вытеснить из России преуспевавших там французских и английских капиталистов, превратить Россию в рынок сбыта германских товаров, отторгнуть Прибалтику, часть Белоруссии, Украины, а также закрыть для России Босфор и Дарданеллы. Планы германской военщины в отношении вытеснения России на Балканах вполне разделяла Австро-Венгрия, помещики которой мечтали о польских землях.

Империалистическими были планы и России. Русские помещики и буржуазия, готовясь к войне, претендовали на Галицию и Прикарпатскую Украину, принадлежавшие тогда Австро-Венгрии. Русская буржуазия мечтала и о захвате турецких черноморских проливов.

Ввергая миллионы людей в пучину кровопролитной бойни, правительства империалистических держав рассчитывали также, что война остановит растущее революционное движение народных масс во всех странах. Наиболее значительным оно было в России. В первые восемь месяцев 1914 г. (до начала первой мировой войны) стачки охватили почти половину промышленного пролетариата — 1 337 458 из 3 млн. человек. Почти три четверти стачек были политическими. Крупнейшая из них — бакинская всеобщая стачка в мае-июне 1914 г. охватила не менее 50 тыс. рабочих. Она показала интернациональную сплоченность рабочих России: забастовку солидарности объявили рабочие Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Екатеринослава, Одессы, Николаева, Сормова, Грозного.

В начале июля 1914 г., когда в Петербург приехал президент Франции Р. Пуанкаре, забастовки в столице охватили многие крупные предприятия. На Путиловском заводе дело дошло до того, что вооруженный отряд полиции расстрелял митинг рабочих. Число стачечников в Петербурге достигло в те дни 150 тыс. По улицам шли демонстрации. В Выборгском районе появились баррикады. Так было не только в Петербурге. «Мы видим, как революционные дрожжи снова начинают бродить... от Баку до Риги,— писала буржуазная газета «Голос Москвы» за пять дней до начала войны.— Наш государственный корабль стремительно несется в водоворот, где он легко может разбиться»⁴⁰.

Выстрел в Сараеве сербского националиста в эрцгерцога Франца Фердинанда и убийство наследника австро-венгерского престола явились для германских милитаристов поводом развязать войну. Случайность, как известно, есть частный случай общей закономерности. Милитаристы готовились к войне, и не было еще в мире сил, способных предотвратить надвигающуюся мировую бойню.

В. И. Ленин, разоблачая империализм, указывал, что «пемецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала... удобный... момент... используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предрешенные Россией и Францией»⁴¹. Милитаристы опасались только, что их военные приготовления могут быть парализованы народными выступлениями, и прежде всего в России. Высказывалось мнение, что, пока царизм в состоянии потопить в крови революционное движение, необходимо торопиться с войной. С опасением смотрели на объявление войны некоторые царские министры. Когда 17 июля 1914 г. царское правительство объявило всеобщую мобилизацию, что фактически означало начало войны, министр внутренних дел Н. А. Маклаков довольно компетентно заметил: «Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярной, а идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцем»⁴².

Но это были всего лишь частные разговоры в кулуарах. Военная машина была запущена, и ее невозможно было уже остановить: 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России.

Первая мировая империалистическая война развернулась в Европе на огромном по протяженности театре военных действий, при участии миллионных армий, на новой по тому времени технико-экономической основе, требующей организованного взаимодействия фронта и тыла.

Россия оказалась неподготовленной к войне. Рассчитывая, что война будет недолгой, царское правительство даже приблизительно не представляло себе тех высоких требований, которые будут предъявлены экономике страны. Однако уже начало боевых действий привело к колоссальному напряжению сил. Русские армии уже из кампании 1914 г. вышли чрезвычайно истощенными.

Весной 1915 г., когда на Западном фронте война приняла позиционный характер, германское командование, вдвое увеличив воинские силы на Восточном фронте, перешло к активным действиям. В мае противник прорвал русские позиции и начал наступление на Юго-Западном и на Западном фронтах. В результате русские войска оказались вытесненными из Галиции, польских земель, большей части Прибалтики, Белоруссии. Русские армии ввиду нехватки вооружения и боеприпасов понесли почти миллионные потери. Солдаты кровью расплачивались за неподготовленность своей страны к участию в бессмысленной для народа войне.

Из месяца в месяц все более обострялись экономические, социальные, политические, национальные противоречия в стране. Рассматривая Россию как узел противоречий, В. И. Ленин выдвигал на первый план главные противоречия капитализма — между трудом и капиталом. Война еще более усилила эксплуатацию рабочего класса, углубила его лишения и тяготы. В результате мобилизации из 163 млн. населения страны «под ружье» было поставлено более 15 млн., ранее занятых в промышленности и сельском хозяйстве. Возникли новые противоречия. Мобилизация коснулась наиболее дееспособных слоев рабочего класса, а между тем уже сам фронт требовал увеличения промышленности, прежде всего военного, производства. Форсируя вооруженные армии, царское правительство попыталось мобилизовать для этой цели все возможные ресурсы. Предприятия, выпускавшие продукцию для народного хозяйства, ввиду нехватки топлива и сырья свертывали или сокращали свое производство. Да и промышленники, видя спрос на военную продукцию, предпочитали работать на оборону. Военную продукцию стали производить заводы сельскохозяйственных машин, хлопчатобумажные мануфактуры, даже сахарные заводы. На военное производство переключались тысячи предприятий.

Основной кадровый состав промышленных рабочих изменился примерно на 40% от всего их числа. Уже в первые месяцы войны около половины промышленных рабочих стало полностью занято работой на военные нужды. Военная промышленность требовала все настойчивее новых и новых резервов. Поэтому, несмотря на неоднократные мобилизации, численность рабочих в этой сфере возросла за два с половиной года войны до

1947,9 тыс. рабочих, оставаясь почти стабильной в отраслях, производивших продукцию для потребления населения страны — там число рабочих возросло к 1917 г. очень незначительно⁴³. Менялось и численное соотношение профессиональных отрядов рабочего класса. Появилось больше рабочих, занятых в металлообрабатывающей, машиностроительной, химической, каменноугольной промышленности, уменьшилось их число в текстильной, хлопчатобумажной, полиграфической. Например, в Петрограде рабочий класс возрос с 1914 по 1917 г. более чем на 150 тыс. человек. Некоторые небольшие заводы, начавшие производить продукцию на нужды войны, сразу увеличили число рабочих в 6—8 раз («Айваз», «Лесснер», «Патронный», «Симменс—Шуккерт» и др.). В Москве общее число рабочих-металлистов увеличилось более чем в два раза. Также было и в других промышленных центрах. Однако это увеличение производства в ряде важных для войны отраслях продолжалось недолго: примерно через год, а особенно во второй половине 1916 г., в результате начавшегося экономического кризиса и разрухи предприятия, работавшие на войну, стали свертывать производство, выбрасывая на улицу сотни, а то и тысячи рабочих. Там, где сохранялась безработица (например, текстильные районы в центральных губерниях), она еще более усилилась.

На смену рабочим-мужчинам в промышленность пришли члены их семей — женщины, подростки. Общая их численность в армии наемных рабочих по сравнению с довоенным временем возросла примерно на 40%⁴⁴.

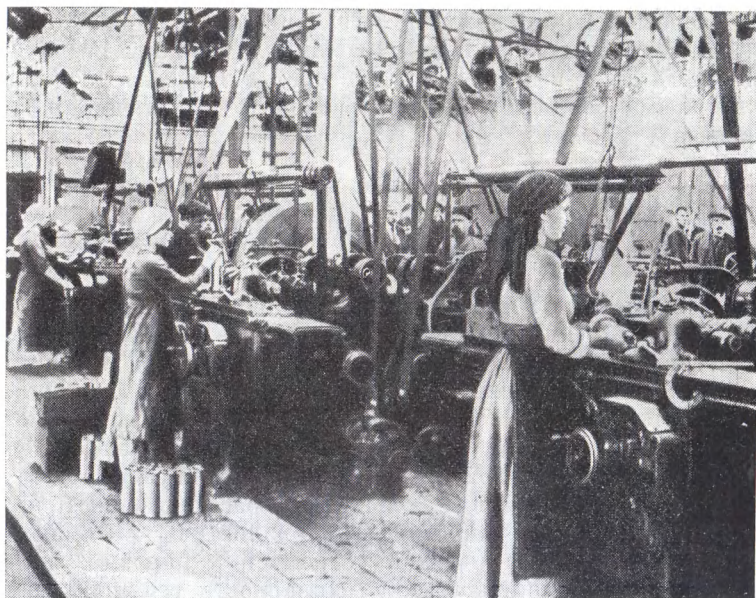
Рабочий класс и в центре страны становился все более многонациональным: в него влились беженцы из Прибалтики и Польши. А на подсобных работах ряда железоделательных заводов, в шахтах, рудниках, в строительстве было занято примерно полмиллиона мобилизованных из числа коренного населения Средней Азии и Поволжья, которое не призывалось в армию. Часть пополнения рабочего класса составили мелкая буржуазия города (лавочники, держатели трактиров, зажиточные ремесленники) и крестьяне. Они шли в основном на военные промышленные предприятия, на железные дороги, где можно было получить освобождение от военной службы.

Треть сети железных дорог и железнодорожного состава перешла в ведение военных властей. Коммерческие

перевозки внутри страны постепенно сокращались. Кризис на железных дорогах особенно обострился во время отступления русских армий в 1915 г. На железнодорожных станциях скапливались тысячи беженцев, громоздились ящики с оборудованием демонтированных предприятий. Районы потребляющей полосы оказывались отрезанными от хлебопроизводящих областей. Это особенно ударило по промышленным центрам — Петрограду, Москве, Иваново-Вознесенскому текстильному району.

Буржуазия не довольствовалась теми колоссальными прибылями, которые она получала от казны благодаря военным заказам. Она стремилась увеличить свои доходы путем усиления эксплуатации рабочего класса в условиях военного времени. Под ее лжепатриотическими призывами скрывалось желание получить высокие прибыли. Используя военную обстановку, капиталисты с помощью царского правительства начали проводить милитаризацию рабочего класса. Некоторые крупные заводчики предложили даже создать на предприятиях военные команды, облачив мастеров в офицерские мундиры. Видавший виды царский министр Н. А. Маклаков называл эти проекты вымыслом «безумных людей, которые совершенно не знают рабочих»⁴⁵. Отказавшись от закона о милитаризации промышленности, царские власти и буржуазия стали вводить ее путем частных мер: рабочие казенных заводов и железных дорог были вынуждены трудиться на сверхурочных работах. Тем, кто получил отсрочку от призыва, запрещалось уходить или переходить на другие предприятия. На военных заводах все чаще стали появляться мобилизованные в армию рабочие высокой квалификации.

Повсеместно был удлинен рабочий день. Снижались расценки при сдельной оплате труда, особенно женщинам и детям. В условиях инфляции реальная заработная плата падала. Номинальный рост заработной платы буквально не успевал за обгонявшим его вздорожанием стоимости жизни уже с весны 1915 г. По официальным сведениям, собранным по промышленным губерниям, здесь тогда уже возник недостаток в основных продуктах питания, повсюду вздорожали предметы первой необходимости⁴⁶. Нарушение работы железнодорожного транспорта приводило к тому, что в богатых хлебом районах, например в Сибири, гнило зерно, а промышленные города центра устанавливали продуктовые нор-

Женщины на военном заводе в годы первой империалистической войны

мы, которые к концу 1916 г. приблизились к голодному пайку. Это вело в полном смысле к обнищанию рабочего класса. Достаточно привести такие подсчеты экономистов: в 1916 г. номинальная плата рабочего равнялась в среднем 478 руб., а реальная — 210 руб.⁴⁷. Разрыв номинальной и реальной заработной платы был особенно ощутим опять же у рабочих крупных промышленных центров, и прежде всего в Петрограде и Москве.

Шло наступление и на права рабочего класса: за подстрекательство к забастовке и участие в ней следовало суровое наказание, вплоть до каторжных работ. При приеме на работу на ряде производств полиция ввела особую подписку, заверявшую в «благонадежности». Повсюду действовала разветвленная сеть агентуры Охранного отделения. В. И. Ленин подчеркивал, что военно-монополистический капитализм, который процветал в годы войны, есть не что иное, как «военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов»⁴⁸.

Необыкновенно обострив все социальные конфликты, империалистическая война расширила фронт революционных и оппозиционных сил против царизма и стала «главным режиссером» назревавшего революционного взрыва.

РАБОЧИЙ КЛАСС В БОРЬБЕ ЗА СВЕРЖЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЕ ВОЙНЫ

В атмосфере военной истерии большевики во главе с В. И. Лениным подняли голос протеста против войны, категорически отмежевываясь от партий, требовавших гражданского мира во имя политики захватов и насилий. В дни всеобщей мобилизации в Петербурге, Екатеринославе, Риге и других городах было распространено более 64 тыс. экз. антивоенных листовок⁴⁹. Наперекор шовинистической пропаганде большевики рассказывали правду о начавшейся мировой империалистической войне, разоблачали захватнические устремления царизма, призывали к интернациональной солидарности трудящихся в решительной борьбе против грабительской войны. Активная работа велась и среди солдат запасных воинских частей.

В кулуарах Государственной думы 26 августа 1914 г. группа журналистов обратилась к депутату-большевику А. Е. Бадаеву с просьбой дать интервью. Бадаев заявил, что большевистская фракция Государственной думы будет всеми средствами бороться против войны. Хотя заявление Бадаева и не было опубликовано, оно получило широкий резонанс⁵⁰. Большевистская фракция, представлявшая свыше 1 млн. рабочих, категорически отказалась вотировать военные кредиты, о чем и было заявлено в декларации большевиков уже в первый день войны. Меньшевистская фракция во главе с Н. С. Чхеидзе тоже не голосовала за военные кредиты, иначе она вызвала бы против себя бурю возмущения рабочих. В момент голосования обе фракции покинули зал заседания в знак протеста против нового преступления правящих классов. Меньшевики, однако, уже тогда заметно склонялись к шовинизму: по их настоянию в декларацию социал-демократов от 26 июля 1914 г. был включен полуоборонческий тезис о необходимости «защищать культурные блага народа от всяческих посягательств». Вот почему

В. И. Ленин в одном из первых посланий большевикам в Россию после объявления войны настоятельно требовал совершенно самостоятельных выступлений большевистской фракции и заявления *«последовательной точки зрения»*⁵¹.

Не устояли против шовинистической волны и мелкобуржуазные партии. Партия трудовиков отказалась, правда, вотировать военные кредиты, но устами своего лидера А. Ф. Керенского огласила патриотическую декларацию, одобренную царем. Вся легальная печать трудовиков и социалистов-революционеров потянулась за либералами. «Революционеры „из буржуазной среды“, т. е. буржуазные революционеры, не связанные с рабочим классом, потерпели жесточайший крах в этой войне»⁵², — писал Ленин.

Объявление указа о мобилизации было встречено в России бурным возмущением в городах и деревнях. Такой силы антивоенного протеста не знала ни одна страна. 19—21 июля в Петербурге в связи со стачкой протеста бастовало 26 предприятий промышленности — более 27 тыс. человек⁵³. Возволнованные происходящими событиями, рабочие предприятий Выборгской стороны, Нарвской и Невской застав вышли на антивоенные демонстрации. На заводах «Айваз», Путиловском, Розенкранца и многих других прошли антивоенные митинги и собрания. Несколько десятков рабочих с завода «Эриксон», увидев солдат, следовавших в сопровождении полицейских на сборный пункт, окружили эту группу кольцом и избili полицейских, солдаты же с пением «Марсельезы» влились в демонстрацию.

Волны антивоенных выступлений прокатились по всем промышленным районам страны. В Москве 20 июля 1914 г. большая группа рабочих Прохоровской мануфактуры встретила организованную шовинистами «патриотическую» манифестацию на Тверской улице у памятника Пушкину негодующими возгласами: «Долой войну! Не надо крови!»⁵⁴. Антивоенные выступления мобилизованных прошли в городах, селах и деревнях 17 губерний и 31 уезда России. Организованная революционная борьба переплеталась со стихийным протестом против войны. Появились лозунги «Долой царское правительство!», «Да здравствует российская революция!». В деревнях выступления мобилизованных сопровождалась погромами помещичьих усадеб и кулацких хуторов, вооружен-

ными столкновениями с полицией. За первые десять дней после объявления мобилизации в ходе этих столкновений, превращавшихся в настоящую гражданскую войну, было убито и ранено свыше 600 человек ⁵⁵.

Буржуазная печать продолжала всячески раздувать шовинизм. Однако призывы в этом направлении либеральной буржуазии, а затем и мелкобуржуазных партий довольно поверхностно затронули массы рабочих, поскольку общее положение в стране, как указывал В. И. Ленин, было «враждебно процветанию „социалистического“ оппортунизма в среде рабочих масс». Целый ряд оттенков оппортунизма и реформизма можно было наблюдать «среди интеллигенции, мелкой буржуазии и т. д. ...Слой привилегированных рабочих и служащих у нас очень слаб» ⁵⁶. Объяснялось это рядом причин. Во-первых, российский капитализм еще не успел «развернуть» рабочих подачками от своих высоких прибылей, как это было, например, в Англии. Во-вторых, кадровым рабочим, которые помнили 1905 г., трудно было внушить идею классового мира с самодержавием и капиталистами: 1905 год как бы привил рабочему классу иммунитет против шовинизма. Не более процента составили зарегистрированные рабочей инспекцией «патриотические» выступления рабочего класса ⁵⁷. На шовинистическую и националистическую пропаганду поддались в начале войны вслед за отдельными мелкобуржуазными элементами в городах лишь некоторые слои рабочих, которые имели сравнительно сносные заработки и обеспеченность работой на «оборонных» предприятиях. Примеров тому можно привести немного, да и «патриотизм» этого слоя рабочего класса был очень неглубок ⁵⁸.

Напротив, даже вторая половина 1914 г., как отмечали сами царские чиновники, в связи с объявлением войны сопровождалась «высоким подъемом настроения» в городах и сельских местностях, который свидетельствовал, что в народе «живы... воспоминания 1905—1906 гг.» ⁵⁹. Сотни крестьянских выступлений в 56 губерниях, конечно, были противоречивыми. С одной стороны, в них содержалась ненависть к помещикам, кулакам, местным властям, но она уживалась порой и с «патриотическими» настроениями, тем более что в некоторых районах среди крестьян вдруг распространился слух, что за участие в войне они получают в качестве вознаграждения землю. Одновременно подготовка к войне обостряла классовые

противоречия в деревне, так как зажиточное крестьянство «откупилося» от мобилизации. В деревне с новой силой вспыхнула ненависть к кулакам, возобновились массовые протесты, связанные с насильственным проведением в жизнь указа о разрушении общинного землепользования крестьян, выделением на хутора и отруба. Уже вскоре после начала военных действий верховный главнокомандующий вынужден был отдать приказ об использовании армейских подразделений для подавления «в самом зародыше» начавшихся беспорядков в деревне.

По военное положение, мобилизация в армию, жестокие репрессии правительства в стране по отношению к тысячам передовых рабочих, а также нелегальным большевистским организациям, рабочей печати, профсоюзам — все это не могло не сбить на время натиск революционного движения. В итоге в последние месяцы 1914 г. на предприятиях, подчиненных фабричной и горной инспекции, произошло лишь 74 стачки, в которых участвовало немногим более 43 тыс. человек⁶⁰. Большинство забастовок в это время оканчивалось поражением рабочих.

Партия большевиков оказалась в исключительно трудных условиях. Непрекращающиеся репрессии и аресты вырывали из большевистских рядов лучших борцов, ломали звенья единой системы большевистских организаций в России, нарушали связи между этими большевистскими организациями и ячейками: затруднялась и осложнялась агитационная и пропагандистская работа в массах, ослаблялись контакты с заграничным ЦК. «Работа нашей партии теперь стала во 100 раз труднее, — отмечал В. И. Ленин осенью 1914 г. в письме представителю Русского и Заграничного бюро ЦК РСДРП А. Г. Шляпникову. — И все же мы ее поведем!»⁶¹

Связь с Заграничным бюро была прервана Лениным до первой половины сентября 1914 г.: 8 августа 1914 г. В. И. Ленин был заключен в тюрьму в Новом Тарге (Галиция) по обвинению австрийских властей в шпионаже в пользу царского правительства. Только 19 августа он был освобожден и переехал в г. Берн. С этого времени тихий швейцарский город становится большевистским заграничным центром. Отсюда через стокгольмскую и другие группы эмигрантов, находящихся в других странах, шла связь вождя революции с думской большевистской фракцией — руководящим партийным центром в России,

выполнявшим в трудное для партии время функции первого Русского бюро ЦК военного времени⁶², а также непосредственно с местными большевистскими организациями революционного подполья России. Эта связь не прекращалась вплоть до возвращения Ленина на родину. Советские и некоторые зарубежные историки на базе обширных материалов пришли к заключению, что «путь между Швейцарией и Петроградом никогда не прерывался надолго, хотя он никогда не функционировал так, чтобы В. И. Ленин был полностью удовлетворен»⁶³.

Ленин фактически руководил всей практической работой большевиков в России, связывая ее с основными задачами международного рабочего движения, и прежде всего с борьбой за демократический мир. Еще до ареста в начале августа 1914 г., узнав, что все депутаты германского рейхстага, включая социал-демократов, проголосовали за военный бюджет, Ленин заклеил лидеров немецкой, французской, бельгийской социал-демократии за шовинизм, измену социализму. Прибыв в Берн, Ленин сразу же привлек к активной деятельности всю местную группу политэмигрантов-большевиков. На одном из собраний этой группы он впервые огласил только что написанные им «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» — знаменитые тезисы, определившие задачи коммунистов, всего международного рабочего движения, обосновавшие лозунг о превращении империалистической войны в войну гражданскую. Тезисы призывали направить оружие, которое получил в руки пролетариат, против империалистических правительств и буржуазии. Будучи переписанными от руки в нескольких экземплярах, тезисы были разсланы другим заграничным группам большевиков. В Петроград их нелегально доставил находившийся на лечении в Швейцарии депутат Думы большевик Ф. Н. Самойлов.

С тезисами тут же ознакомились члены большевистской фракции Государственной думы. Они позаботились, чтобы этот документ был обсужден рабочими на предприятиях столицы, а также в Москве, Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Вологде, Киеве, Екатеринославе, Харькове, Баку, Тифлисе, Красноярске и в других городах. Поскольку тезисы встретили повсюду горячее одобрение передового пролетариата России, Ленин решил переработать их в манифест, который вышел впоследствии отдельным изданием.

Манифест «Война и российская социал-демократия» был опубликован за подписью ЦК в центральном органе большевистской партии — газете «Социал-демократ» (№ 33) ⁶⁴. Манифест ясно и точно определял характер, значение и смысл начавшейся войны как империалистической, несправедливой со стороны обеих воюющих группировок, — войны, которая была не чем иным, как продолжением политики правящих классов капиталистических стран другими средствами. Манифест разоблачал попытки правящих классов выдать эту войну, направленную на захват чужих земель и покорение других наций, за национально-освободительную. Он показывал, что война развязана в целях отвлечения внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов в России, Германии, Англии и других странах. Манифест призывал всех социал-демократов разоблачать буржуазную ложь о якобы «патриотическом» характере войны и осуждал поведение тех вождей социалистических партий европейских стран, которые, став на путь социал-шовинизма, не только проголосовали за военные кредиты, но и призывали в своих странах к политике «гражданского мира». Манифест, как и тезисы, указывал, что единственно правильный пролетарский лозунг в современных условиях — превращение империалистической войны в войну гражданскую, так как во всех передовых странах война, как проявление наиболее острого противоречия капитализма, ставит на очередь дня лозунг социалистической революции. Из лозунга превращения войны империалистической в гражданскую вытекал и был тесно с ним связан другой лозунг партии большевиков — поражение своего правительства в войне. Этот лозунг исходил из того, что неудачи и поражения армий воюющих правительств на фронте ослабляют старые режимы, облегчают успех революционного выступления масс против эксплуататорских классов, помогают освобождению угнетенных империалистами народов. Тактика поражения своего правительства в войне была направлена на превращение ее в войну угнетенных против угнетателей, на победу революции ⁶⁵. Революционные социалисты всех воюющих стран должны были проводить лозунг поражения одновременно с подготовкой революции. В России главной задачей должно быть революционное свержение царской монархии, борьба против помещиков и капиталистов. Эту задачу можно было решить до конца лишь при условии реше-

тельного разрыва с оппортунизмом и социал-шовинизмом на основе интернационального сплочения пролетариата. Программный документ большевиков «Война и российская социал-демократия» подчеркивал органически окрепшую связь революционного движения в России с развитием мирового революционного процесса. Манифест указывал, что партия большевиков твердо держит знамя авангарда международного революционного движения.

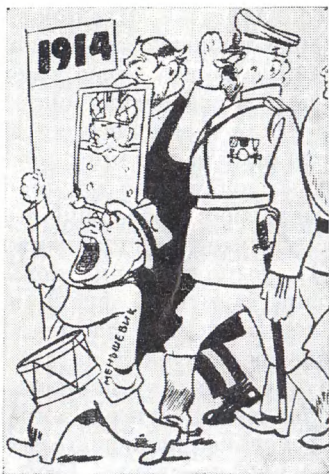
Главной заботой соратников В. И. Ленина стало быстрое распространение манифеста среди рабочих всех воюющих стран. Среди тех, к кому обращался В. И. Ленин с просьбой помочь «двинуть» манифест «на других языках», была А. М. Коллонтай. Вот что можно прочесть в ее дневнике: «Вчера провела вечер с молодыми (норвежский „Союз молодежи“). Перевела им тезисы Ленина. Дискутировали. Разъясняла. Чем больше вчитываешься в этот важный, глубокий документ, тем положения Ленина яснее открывают путь. Это не просто „анализ“, это тактика, это действия. Это политическая программа. Прежде всего во всех странах разрыв со всеми социал-патриотами. Разрыв решительный и безжалостный... Не „сотрудничество классов“, как сейчас... а именно острейшая, беспощадная, открытая классовая борьба. Баррикады в ответ на войну»⁶⁶. Перевод манифеста был впоследствии опубликован в ряде городов Швейцарии, Франции, Англии, Германии, Италии, Швеции, Испании, Румынии, Болгарии, Турции, США.

Руководствуясь задачей выработки единой революционной тактики, большевистская фракция IV Государственной думы — А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов — держала связь с крупнейшими большевистскими организациями. Большевистские депутаты Думы разъезжали по стране, вели антивоенную революционную агитацию⁶⁷. Все это делалось, как сообщала царская охранка в своих донесениях, «под видом ознакомления избирателей с деятельностью Государственной думы»⁶⁸. В отличие от европейских парламентариев-социалистов, подпевавших «своей» буржуазии, депутаты-большевики, отмечал тот же источник, «делали смотр пролетарской армии и проверку ее дисциплины»⁶⁹.

Большевистская партия была единственной, которая сохранила свою монолитность в общем разброде и шатании социалистов в Европе. За границей против Ленина

ополчились «свои» же русские социалисты — Плеханов, Троцкий и другие представители как меньшевистской, так и эсеровской эмиграции. Угар шовинизма все более распространялся в среде меньшевистских и эсеровских организаций и в России. Трудовики, а затем и меньшевики в Государственной думе вскоре заняли позиции оборончества. От них отделились только небольшие по численности группки, тянущиеся по мере роста революционного движения в стране в сторону интернационализма. Организационный комитет (ОК), выполнявший роль меньшевистского центра в России, думская фракция меньшевиков во главе с Н. С. Чхеидзе встали на платформу откровенных социал-шовинистов. Осуждая на словах империализм и подвергая критике политику царизма, эта группа меньшевиков ограничивалась лозунгом мира без аннексий и контрибуций. Несколько пацифистских деклараций, а затем полное одобрение поведения Каутского, Гильфердинга, Вандервельде и других социал-шовинистов на Западе, начавших сотрудничество со своими империалистическими правительствами, — таков недолгий путь предательства интересов рабочего класса, на который вступила меньшевистская партия в России. Меньшевики и эсеры считали, что в их противодействии войне якобы проявляется их патриотизм. Это и решило их политическую судьбу как прислужников империалистической буржуазии, несмотря на щедрые заявления меньшевиков о преданности рабочему классу или даже позднее на признание в ряде случаев неспособности либеральной буржуазии вести борьбу с самодержавием.

Пропасть между большевиками и меньшевиками в России увеличилась после ареста царским правительством большевистской фракции Государственной думы. Это произошло 3 ноября 1914 г. в Озерках (пригород Петрограда). Накануне большевистская фракция собралась на небольшое совещание для ознакомления с только что полученным из-за границы ленинским манифестом «Война и российская социал-демократия». На совещании присутствовали представители большевистских организаций Петрограда, Иваново-Вознесенска, Риги, Харькова. Неожиданно по доносу провокатора нагрянула полиция. Пять депутатов большевистской фракции Государственной думы были арестованы. Царское правительство обвиняло большевиков в том, что они поставили своей целью «поколебать военную мощь России путем агитации

*Карикатура на меньшевиков.
1914 г.*

минал, что экземпляр «Социал-демократа», в котором был опубликован манифест, «зачитался» до того, что его «нельзя было уже прочесть, невозможно различить буквы». Кондратьев пишет, что само обсуждение манифеста спланивало, одобряло и окрыляло рабочих, укрепляло веру в успех революционной работы, которая велась в подполье⁷². «Мы стремились в беседах о манифесте, — сообщала впоследствии большевичка А. Додонова, — как можно лучше разъяснить рабочим основные ленинские положения: об империалистическом характере войны, о превращении войны империалистической в войну гражданскую»⁷³. «Колоколом маяка, указывающего верный путь в тумане» — так псключительно образно пазывал ленинский манифест «Война и российская социал-демократия» один из рабочих⁷⁴.

Таким «колоколом маяка» была сама программа большевистской партии, деятельность большевиков против империалистической войны, призывавших трудящихся всех воюющих стран повернуть оружие против своих правительств. Партия большевиков раскрывала народам мира возможность и перспективы революционного движения, интернациональную солидарность народов мира в борьбе против войны.

против войны, посредством подпольных воззваний и устной пропаганды»⁷⁰. Депутатам грозил военный трибунал. Однако, опасаясь открытых революционных выступлений, правительство передало дело в гражданский суд⁷¹.

Несмотря на репрессии, ленинский манифест тайно распространялся среди рабочих России. С него снимались копии, на полях которых делались приписки, свидетельствующие о том, что передовые рабочие России одобряют новый программный документ большевистской партии. Питерский рабочий-металлист, член ЦК РСДРП К. Кондратьев вспо-

Материалы процесса над депутатами Государственной думы имели огромное воспитательное значение. Процесс состоялся в феврале 1915 г. Он вызвал многочисленные отклики в самой России и за рубежом, показал огромную революционную работу, проделанную большевистской партией. Когда суд приговорил рабочих-депутатов к лишению прав и ссылке в Сибирь, на ряде предприятий страны вспыхнули стачки и демонстрации против расправы царизма над большевиками-депутатами, имена которых стали знаменем политической борьбы рабочего класса. В. И. Ленин, подводя итоги этому судебному процессу, указывал на его огромное политическое значение, на то, что он продемонстрировал «невиданную еще в международном социализме картину использования парламентаризма *революционной* социал-демократией» ⁷⁵.

Деятельность в первые месяцы войны Заграничного бюро ЦК РСДРП и его центрального органа — газеты «Социал-демократ», а также большевиков в России способствовала сплочению передовых рабочих вокруг своего авангарда. Большевики опирались на ядро рабочего класса, воспитанное на лозунгах газеты «Правда», которые были проникнуты последовательной революционностью, идеями пролетарского интернационализма. Партия большевиков уже в самом начале войны выполнила свой революционный долг перед международным пролетариатом. Она сплачивала передовых рабочих, оставшихся верными этим заветам интернационализма.

В январе 1915 г. в России число бастующих на фабриках, заводах, горных промыслах в стране возросло в три раза по сравнению с декабрем 1914 г. Стаечная борьба сопровождалась различными по форме антивоенными выступлениями ⁷⁶. Стихийно нарастающее рабочее движение в России умело направлялось большевистскими организациями, поставившими своей главной целью, как и накануне 1905 г., сконцентрировать, слить в «*один гигантский поток*» ⁷⁷ растущее возмущение, преодолеть в массах какие бы то ни было шовинистические настроения, которые тормозили развитие революционного процесса.

В. И. Ленин с величайшей зоркостью следил за развитием общих закономерностей революционных выступлений рабочих во всех странах и проявлением их в России. Он уловил главное в подъеме первых революционных

выступлений — ненависть против империалистической войны — и призвал большевистскую партию развить активную деятельность по собиранию интернационалистических сил, тесно увязывая революционную агитацию с повседневной кропотливой работой в массах. В феврале 1915 г. в Берне состоялась конференция заграничных секций РСДРП⁷⁸, имевшая значение общепартийной конференции, поскольку созвать во время войны съезд партии или всероссийскую конференцию не представлялось возможным. В докладе на этой конференции В. И. Ленин развил дальше положения манифеста ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», уточнил изложение принципов стратегии и тактики партии. В резолюции конференции отмечалось, что в условиях войны партия должна «не отказываться от длительной повседневной работы, не пренебрегать ни одним из прежних методов классовой борьбы»⁷⁹. Главная задача партии, подчеркивал Ленин, состоит в укреплении пролетарского единства, восстановлении партийных социал-демократических организаций на базе решительного организационного размежевания с социал-шовинистами⁸⁰. Резолюция бернской конференции «Лозунги революционной социал-демократии» воспроизводила все основные лозунги большевистской партии, которые были сформулированы еще в манифесте ЦК о войне, и добавляла параграф, отдельно разъяснявший содержание понятия лозунга перерастания войны империалистической в гражданскую и его применение как к буржуазным, так и к монархическим государствам. «Гражданская война,— отмечал В. И. Ленин,— к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху, есть борьба... с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель), за республику в остальных монархических странах вообще и т. д.»⁸¹ Под лозунгом гражданской войны, подчеркивалось далее в резолюции, партия должна использовать все формы недовольства, чтобы ввести их в русло революционной борьбы⁸².

Ленинские идеи пропагандировались большевиками и среди европейских социал-демократов. Так, по поручению ЦК РСДРП находившиеся в эмиграции Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд, Л. Н. Сталь, Е. Ф. Розмирович и

Большевики — депутаты IV Государственной думы в ссылке. 1-й ряд (слева направо) А. Е. Бадаев, Ф. Н. Самойлов; 2-й ряд — М. К. Муранов, Г. Н. Петровский; 3-й ряд — Н. Р. Шагов

другие большевички развернули работу по сплочению женщин социалисток-интернационалисток. Делегация ЦК составила проект резолюции Международной женской социалистической конференции, которая состоялась в марте 1915 г. в г. Берне. В ней содержался призыв к работницам активно участвовать в революционном движении в своих странах, разоблачать шовинистический лозунг «защиты отечества» с позиций интернационализма⁸³. К сожалению, в обстановке, которая сложилась в социал-демократическом движении в Европе, большинство делегатов женской социалистической конференции из других стран пошло за центристами и проголосовало за расплывчатую, пацифистскую резолюцию, которую делегация ЦК РСДРП отвергла. Однако принципиальная позиция Крупской, Арманд и других русских делегатов повлияла на участниц конференции, в своем воззвании осудившей империалистическую войну. Проект резолюции, составленной делегацией ЦК, был одобрен В. И. Лениным, отредактирован им и опубликован в июньском номере за 1915 г. «Социал-демократа»⁸⁴. С ним ознакоми-

лись и взяли его на вооружение в своей пропаганде тысячи большевиков в России, где в это время развертывалась агитация среди женщин-работниц.

Заграничное бюро ЦК во главе с В. И. Лениным определило главной задачей воссоздание и укрепление сети большевистских организаций в России. Весной—летом 1915 г. в крупнейших промышленных центрах были в основном восстановлены местные большевистские организации. Осенью 1915 г. возобновило свою работу Русское бюро ЦК. Ведущую роль в оживлении работы играли крупнейшие организации и партийные комитеты Петрограда и Москвы, связанные перепиской с В. И. Лениным.

Была налажена и работа печати, прежде всего выходящей за границей газеты «Социал-демократ», а также нелегальных и легальных изданий в России. В условиях жесточайшей военной цензуры особое значение для массовой агитации приобрели выпуск и распространение нелегальных листовок, популяризовавших основные ленинские идеи. Большевики откликались на все важнейшие текущие события, приурочивали выпуск листовок к памятным революционным датам, разъясняли рабочим, солдатам, крестьянам лозунги революционной партии.

Процесс восстановления партийной печати шел быстрее всего у петроградских большевиков. Уже в феврале 1915 г. Петербургский комитет * РСДРП выпустил первые два номера газеты «Пролетарский голос», которая освещала ход рабочего движения в России и в других странах, политические маневры либеральной буржуазии, пропагандировала, как и другие большевистские издания, политику партии, разоблачала захватнический характер мировой войны.

Для агитационной и разъяснительной работы большевики во всех крупных городах и промышленных центрах использовали легальные общества: страховые советы, больничные кассы, рабочие кооперативы, клубы, культурно-просветительные организации, уцелевшие от разгрома профсоюзов. В легальных союзах и обществах большевики создавали нелегальные партийные ячейки, связавшие

* Петербург был переименован царским правительством в Петроград уже в августе 1914 г. Однако большевики в знак протеста против шовинистической политики царизма сохранили за городским комитетом столицы наименование Петербургского. Прежнее название столицы встречается и в ряде воззваний и листовок того времени.

с комитетами РСДРП. Благодаря этому большевикам удалось провести через некоторые профсоюзы организацию крупных забастовок, вовлечь ряд легальных организаций в кампанию солидарности и взаимопомощи забастовщикам. Навлекая на себя репрессии, легальные союзы и общества в ряде случаев открыто выступали против ареста забастовщиков, мобилизаций в армию, отчислений из заработков рабочих на военные нужды⁸⁵. В некоторых профсоюзах были организованы женские секции, которые вели революционную пропаганду среди работниц. По воспоминаниям революционеров-подпольщиков, легальные общества и союзы в ряде районов страны к 1916 г. стали буквально «боевыми штабами» большевиков⁸⁶.

В Петрограде с начала 1915 г. восстановил издательскую деятельность выросший в свое время из Отдела страхования газеты «Правда» легальный журнал «Вопросы страхования». Он сыграл большую роль в разоблачении социал-шовинизма, пропагандируемого меньшевистской газетой «Рабочее утро», которая клеветала на большевиков, искажала идеи революционного движения.

К лету 1915 г., несмотря на преследования и постоянные аресты, в Петрограде уже насчитывалось 500, а к осени — 1200 членов большевистской партии. Большевики в этот период в столице численно преобладали над меньшевиками и эсерами⁸⁷. Большевистские организации уделяли большое внимание работе среди женщин. В ЦК РСДРП был создан специальный женский отдел⁸⁸. Немало женщин входило в состав руководящих органов Петроградской организации большевиков. К работе в Русском бюро ЦК были привлечены А. И. Ульянова-Елизарова, М. И. Ульянова, М. Г. Павлова, Е. Д. Стасова; в состав других комитетов петроградской организации входили К. Н. Самойлова, Н. Ф. Агаджанова, А. В. Афанасенкова и др. Многие женщины работали в большевистских ячейках при больничных кассах (Е. И. Кащевская, А. П. Костина, П. Ф. Стяжкина и др.), в студенческих большевистских организациях (Н. Т. Копонова, В. Н. Лапина и др.), являлись хозяйками явочных квартир большевиков (М. Г. Павлова, Ю. П. Сергеева, Е. Степанова).

Рабочие низовых организаций независимо от их партийной принадлежности подвергались преследованиям за всякую революционную деятельность, но чаще всего преследовались рабочие-большевики за их последователь-

ную и упорную революционную борьбу, за пропаганду антивоенных лозунгов. Однако меньшевики, а также мелкобуржуазные демократы — «трудовики» существовали как официально признанные фракции IV Государственной думы.

Учитывая возможность распространения мелкобуржуазного влияния в массах, ЦК РСДРП восстанавливал и укреплял свои партийные ячейки среди рабочих и непролетарских демократических слоев города, например студенчества, а также солдат воинского гарнизона. Здесь, в Петрограде, и в других местах под воздействием большевиков многие лучшие элементы из мелкобуржуазных групп включались в борьбу против царизма и войны, что является еще одним доказательством руководящей роли пролетариата и партии большевиков в период нарастания революции.

Одновременно большевики развернули организационную работу в Москве, Иваново-Вознесенске, Киеве, Ростове-на-Дону, Самаре и в других городах. Большевистские группы РСДРП возникли в воинских частях — как в действующей армии, так и среди запасников, на кораблях Балтийского флота, среди студентов крупных городов (Петроград, Москва, Киев). На фабриках, заводах, в деревнях, в окопах на фронте большевистские агитаторы разъясняли политику партии по отношению к империалистической войне, к самодержавию, помещикам и буржуазии. Начавшиеся массовые рабочие стачки в городах, выступление крестьян в деревнях, солдат в армии и матросов на флоте были так или иначе связаны с революционной, главным образом большевистской, агитацией.

С начала 1915 г. борьба рабочих России стала заметно нарастать. С января по июль в Петрограде произошло 62 стачки, в которых участвовало 26 тыс. рабочих. Значительные стачки состоялись в Москве на Даниловской мануфактуре и на ряде предприятий в уездах Московской губ. Так, в Коломенском у. в забастовке рабочих на фабрике «Ф. Щербаков и сыновья» участвовало 4 тыс. человек, а в забастовке на Коломенском машиностроительном заводе, начавшейся 8 апреля, — свыше 11 тыс. человек. Эта забастовка продолжалась около одного месяца, в итоге администрация была вынуждена пойти на уступки и частично удовлетворить требования рабочих⁸⁹. Под руководством большевиков рабочие Москвы, как и многих других городов, отметили день Первого мая. В канун

праздника были выпущены листовки с призывом к борьбе против войны и дороговизны.

Летом 1915 г. центром массовой стачечной борьбы становятся соседние с Московской Владимирская и Костромская губернии, где были также сильны революционные традиции и действовали сплоченные большевистские организации.

В Иваново-Вознесенске произошла и первая в годы войны общегородская всеобщая стачка. Здесь в июне 1915 г. бастовало свыше 30 тыс. рабочих, которые выступали за повышение зарплаты, сокращение рабочего дня, а также по другим экономическим поводам. Но рабочие осознавали, что главная причина их экономических бед коренилась в войне, в чуждой трудящимся политике самодержавия. Пытаясь пресечь в зародыше источник «революционной смуты», царское правительство приказало потопить в крови выступления рабочих губерний Центрально-Промышленного района. Так, 5 июня 1915 г. у Зотовской мануфактуры в Костроме полиция расстреляла рабочую демонстрацию. Убито и ранено было 57 человек.

Второй и более значительный удар пришелся на Иваново-Вознесенский промышленный район, давший более половины политических забастовок в стране за второе полугодие 1915 г. С первых дней войны большевики вели здесь работу в городах Иваново-Вознесенске, Шуе, Кохме, Родниках, Тейкове и промышленных селах этого района, были тесно связаны с Московской организацией РСДРП.

В начале августа вблизи Иваново-Вознесенска состоялась региональная конференция большевиков. Присутствовавшие на ней 14 делегатов представляли организацию более чем в 350 членов большевистской партии. Организаторы этой конференции ослабили, видимо, конспирацию, что и позволило полиции выследить революционные явки. В ночь на 10 августа в городе Иваново-Вознесенске были произведены массовые аресты и обыски. В ответ на действия полиции рабочие объявили забастовку. Вечером на городской площади собрался тысячный митинг. Неожиданно налетели городовые. 30 человек остались лежать убитыми на площади. Среди них — видные большевики Е. С. Зиновьев, А. И. Дунаев⁹⁰

Кровавое преступление самодержавия в Иваново-Вознесенске получило широкий политический резонанс в стране. «Проклятье убийцам!» — так называлась листов-

ка тверских большевиков. В ней говорилось: «Не остыли еще трупы костромских товарищей, как гулким эхом отдались по России выстрелы по рабочим в Иваново-Вознесенске. Сотни наших товарищей расстреляны за смелость повысить свой голос над пучиной лжи и несправедливости. Вчера Лена и Кострома, сегодня Иваново-Вознесенск, а завтра, может быть, Петроград и Москва»⁹¹. Листовка призывала пролетариат к стачкам протеста. Вскоре такие забастовки были организованы в ряде городов. Наиболее сильным проявлением солидарности было в Петрограде. 18 и 19 августа забастовкой политического характера здесь было охвачено 22,5 тыс. рабочих. В ней участвовали 23 предприятия города⁹².

Сентябрь 1915 г. дал в итоге около 114 тыс. бастующих в стране. Тысячи стачечников на заводах выступали с политическими требованиями: освобождения большевистских депутатов Думы, введения в стране демократических свобод (печати, всеобщего избирательного права и др.). В Петрограде, где впервые за годы войны забастовал Путиловский завод, насчитывалось 88 тыс. стачечников. О политических настроениях рабочих столицы красноречиво свидетельствует такой, например, факт. Незадолго до забастовки кадет А. И. Шингарев подумал распространить среди рабочих ряда цехов Путиловского завода облигации внутреннего займа на военные нужды. Рабочие завода категорически отвергли призывы кадета. В некоторых цехах рабочие прямо заявляли уполномоченным по сбору денег на заем: «А где наши депутаты?», имея в виду сосланных на каторгу депутатов большевистской фракции Государственной думы⁹³. Если в первом полугодии — с февраля по июль 1915 г. — в России было зарегистрировано 574 забастовки, в которых участвовала 241 тыс. человек, то с августа 1915 г. по январь 1916 г. число стачек в стране увеличилось уже до 606, а число участников — до 432 тыс. человек, причем 36% всех стачек были политическими. Их участники составили 45% общего числа бастовавших. Всего по итогам 1915 г. в 964 стачках фабрично-заводской и горной промышленности приняло участие 570 тыс. бастующих. В фабрично-заводской промышленности преобладали стачки среди текстильщиков, за ними следовали металлисты. Если в 1914 г. подавляющая часть забастовок закончилась поражением, а меньшая часть — победой (соответственно 674 и 68 стачек), то в 1915 г. поражением закончилось

только 185 стачек, победой рабочих — 232, компромиссом — 320 стачек⁹⁴. Это свидетельствовало о наступательных тенденциях в стачечном движении.

Вести о нарастании стачечной борьбы рабочих, листовки и прокламации, издаваемые местными комитетами РСДРП, и другие сведения о работе большевиков в России систематически поступали в Заграничное бюро ЦК. В. И. Ленин внимательно изучал полученную корреспонденцию, делал свои пометки, составлял тезисы ответов на письма товарищей. Верный секретарь и помощник В. И. Ленина Н. К. Крупская на основе этих тезисов формулировала ленинские указания большевикам в Россию. Перед В. И. Лениным, партией большевиков возникло много сложных и ответственных проблем в осуществлении непосредственного руководства революционной борьбой трудящихся масс в России. Необходимы были постоянный анализ нараставших выступлений и выработка перспектив дальнейшего развертывания революционной борьбы, выработка тактики, в частности по отношению к маневрам буржуазных и мелкобуржуазных партий. Основой решения этих проблем был ленинский стратегический план борьбы за революционный выход из империалистической войны. В условиях назревавшей в России буржуазно-демократической революции В. И. Ленин считал наиболее правильным выдвижение известных уже лозунгов «трех китов» (демократическая республика, конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день «с добавлением» «призыва к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны»⁹⁵), тесно связанных с конкретной программой действий.

Исходя из того что движущими силами предстоящей революции в России являются пролетариат, крестьянство и непролетарские демократические силы города, В. И. Ленин подчеркивал необходимость руководящей роли пролетариата в этой революции. Такую необходимость он объяснял тем, что «мелкая буржуазия в решающие моменты качнется влево»⁹⁶ и необходима принципиальная классовая позиция пролетариата, чтобы революция закончилась воплощением в жизнь революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Эта диктатура, в свою очередь, под воздействием пропаганды большевиков должна завершить доведение осуще-

ствления буржуазно-демократической революции до конца и обеспечить последующее ее перерастание в социалистическую. Поэтому В. И. Ленин в статье «Несколько тезисов», написанной в важный исторический момент, когда в России сложилась революционная ситуация, отстаивал участие социал-демократов (в случае победы революции) во Временном революционном правительстве вместе с демократической мелкой буржуазией, категорически отвергая вместе с тем вхождение большевиков в правительство вместе с «революционерами-шовинистами», стремившимися к победе над царизмом ради победы над Германией для грабежа других стран и народов ⁹⁷.

Революцию в России В. И. Ленин представлял как начало революционного движения в мировом масштабе, которое должно положить конец империалистической войне. К открытию Первой Международной социалистической конференции в Циммервальде 5 сентября 1915 г. Ленин написал брошюру «Социализм и война». Ее раздали 38 делегатам из 11 стран. Значительная часть труда была посвящена России. Ленин разъяснял, что в условиях империалистической войны лозунг мира, противопоставленный лозунгам превращения войны империалистической в гражданскую, — неправильный лозунг. Ленин подчеркнул, что сила РСДРП состоит и в том, что она, «отколовшись» от оппортунистов, ведет борьбу с шовинизмом и тем закладывает основу для революционного марксистского Интернационала. Образованная на этой конференции по инициативе В. И. Ленина «циммервальдская левая» — группа социал-демократов интернационалистов — способствовала укреплению союзнических взаимоотношений российского пролетариата с рабочими других стран. Это имело исключительно важное значение в связи с нарастающим в России революцией.

В то время как В. И. Ленин прилагал все усилия, чтобы быть в курсе событий, которые происходили в России, и в конечном счете был хорошо информирован о них, лидеры фракционных группировок РСДРП, мелкобуржуазных партий, находившиеся за границей, были плохо связаны с Россией. Известно, что, например, Троцкий, присутствуя на конференции в Циммервальде в качестве представителя меньшевистской газеты «Наше слово», отказался выступить с информацией о положении в стране, так как никаких связей с революционным движением в России эта группа не имела ⁹⁸.

Сквозь гул сражений империалистической войны все громче становился слышен голос Ленина и левых социал-демократов интернационалистов. Большевистская партия во главе с В. И. Лениным возглавила борьбу за превращение империалистической войны в гражданскую, в войну против самодержавия, помещиков и капиталистов за подлинный демократический мир. В. И. Ленин был твердо уверен, что революция в России не за горами. «Теперь мы снова идем к революции. Это все видят»⁹⁹, — писал он в ноябре 1915 г., призывая большевиков в России упорно работать на революцию.

Из дома на улице Зейденвег, где жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская, через шведско-русскую и норвежскую границы при содействии скандинавских левых социалистов шла переписка Ленина по многим адресам в Россию. Из Лелюа и Хапаранды (Швеция) в Финляндию, через Торнео и другие финские пункты в Петроград, через норвежский порт Вардё в Архангельск переправлялись многочисленные большевистские издания. «...Литература на складах истощилась, — пишет Н. К. Крупская В. М. Каспарову, ведавшему тогда экспедицией нелегальной литературы. — Еженедельно переправляют теперь 2000 экземпляров. Шлите немедленно... 500 экз. тонкой бумаги»¹⁰⁰. Среди отправленной в Россию литературы была газета «Социал-демократ», брошюра В. И. Ленина «Социализм и война» и другие большевистские издания.

О результатах идеологической работы большевиков в массах, которая занимала всегда одно из центральных мест в деятельности партии, свидетельствовало не только усиление стачечной борьбы, но и увеличение числа политических стачек. Одним из важных итогов этой работы была победа большевиков при выборах в военно-промышленные комитеты (ВПК), в результате чего были разоблачены маневры и попытки либеральной буржуазии воздействовать на рабочий класс. Известно, что в массе своей либеральная буржуазия оставалась верна старым методам господства. Однако некоторые кадеты, «прогрессисты» не исключали возможности проведения либеральной рабочей политики с целью поддержки реформизма внутри рабочего движения в общепромышленных интересах. Конкретным проявлением этого и явилась идея создания «рабочих групп» при военно-промышленных комитетах. Эта же буржуазия, опираясь на социал-шовинистов, груп-

пу меньшевиков во главе с К. А. Гвоздевым, задумала привлечь верхушку наиболее привилегированного слоя рабочего класса к активной деятельности в поддержку войны. Самодержавие весьма неохотно пошло на создание рабочих групп. Но когда вопрос все же был решен, то ликование выразили не только представители либеральной буржуазии. Шовинистическая меньшевистская газета «Утро» поспешила заверить буржуазных лидеров, что «обращение ищущих опоры в рабочих слоях общественных кругов (буржуазии.— И. П.)... не будет обойдено холодным молчанием»¹⁰¹. Фактически «рабочая группа» действовала в одном фарватере с меньшевистским центром ОК и думской фракцией меньшевиков.

Кампания выборов в рабочие группы военно-промышленных комитетов началась в конце сентября 1915 г. Она означала, что социал-шовинисты во главе с К. А. Гвоздевым оказались в исключительно выгодных условиях для широкой пропаганды своих ренегатских взглядов. Главным в деятельности «рабочих групп» являлось стремление сорвать забастовочное движение пролетариата и обеспечить поддержку буржуазной оппозиции в Государственной думе.

Большевики заявили о своем решительном отказе участвовать в работе военно-промышленных комитетов. Вместе с тем они приняли тактику использования легальных возможностей в агитационных и организационных целях. Такая линия поведения была разработана пленумом ЦК РСДРП в конце августа 1915 г. и затем поддержана начавшим оформляться в октябре-ноябре 1915 г. Русским бюро ЦК РСДРП.

Выборная кампания в ВПК вылилась в упорную борьбу между большевиками и меньшевиками-шовинистами. В определенный момент борьбы с социал-шовинистами большевики умело использовали тактику «левого блока». Было заключено соглашение между большевиками-выборщиками, межрайонцами и эсерами-интернационалистами о совместном бойкоте выборов рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете (ЦВПК). Соглашение сыграло свою роль при повторных выборах в Петрограде и Баку¹⁰². В обстановке военных поражений царизма, первых признаков надвигающейся разрухи, общего полевения масс коллективы рабочих крупных предприятий решительно пошли за большевиками, отказываясь участвовать в выборах в ВПК. Это вызвало рас-

кол в среде меньшевиков: центральная инициативная группа меньшевиков выступила против соглашения с гвоздедцами. Исход выборов решался в Петрограде при выборах рабочей группы ЦВПК. Только полицейский террор, подлог и махинации при повторных выборах, в которых не была представлена основная масса рабочих, позволили избрать в ЦВПК представителей в основном из меньшевиков-гвоздедцев. Но и в этих условиях в Петрограде моральная победа осталась за большевиками. Кампания выборов в ВПК способствовала сплочению революционного пролетариата, усилению влияния большевиков. Выборы привлекли массы пролетариев к обсуждению важнейших политических вопросов, выявили революционно-интернационалистическое течение в социал-демократии и противостоящее ему оборонческое, социал-шовинистическое, которое поддерживала буржуазная печать. По всей стране выборы рабочих групп в ВПК удалось провести лишь в 76 ВПК из 244, причем рабочие группы были созданы лишь в 58 комитетах — как правило, в незначительных в промышленном отношении городах. Причем там, где они были созданы, почти сразу же началась борьба рабочих за роспуск этих групп, начинания которых терпели неудачу благодаря, как отмечала охранка, «враждебному отношению огромного большинства рабочих, примыкающих к большевикам»¹⁰³.

В. И. Ленин дал высокую оценку кампании бойкота выборов уполномоченных в рабочие групп. «Впервые за время войны... — подчеркнул он, — эти выборы притянули действительно *массы* пролетариев к обсуждению и решению основных вопросов современной политики, показали нам настоящую картину *того, что есть* в социал-демократии, как массовой партии»¹⁰⁴.

В. И. Ленин обращал внимание большевиков в России на то, что в новых условиях, в которых созревала вторая революция в стране, необходимо более четкое, чем было когда-либо ранее, размежевание двух линий в политических событиях — революционно-интернационалистской и социал-шовинистской. В. И. Ленин подчеркивал при этом, что «буржуазное общество постоянно вскармливает таких политиков, любящих называть себя внеклассовыми, и таких оппортунистов, любящих называть себя социалистами, которые умышленно и систематически обманывают массы самыми пышными, самыми „левыми“ словами»¹⁰⁵.

Война же, как любая другая эпоха кризиса, расставила все на свои места, с наглядностью разоблачила намерения всех партий и организаций, в том числе и построенную, говоря иронически, «на базе лучших намерений» политику гвоздевцев в рабочих группах ЦВПК. Оказалось, пишет Ленин, что «есть два, только два течения, одно — революционно-интернационалистское, действительно пролетарское, организованное нашей партией... Другое, „оборонческое“ или социал-шовинистское»¹⁰⁶, которое поддерживает буржуазная печать, и тем самым становится очевидной буржуазная сущность этого течения. Гневные строки ленинских работ периода войны обрушивались на социал-шовинистов — изменников делу рабочего класса, вступивших в сделку с буржуазией. Вождь революции выражал твердую уверенность, что возросшая классовая сознательность авангарда пролетариата в России сумеет в конечном счете победить соглашательство меньшевиков и эсеров, оборончество и шовинизм в рабочем движении, в каких бы формах они ни проявлялись.

В 1916 г. число участников стачечной борьбы в России по сравнению с предыдущим годом возросло более чем в два раза. В 1529 стачках, отмеченных фабричной и горной инспекцией, участвовало 1169 тыс. человек. Стаечное движение достигло довоенного уровня и превысило уровень 1906 г. В два раза по сравнению с прошлым годом возросло число участников политических стачек. Общая картина стачечной борьбы в странах Европы показывает, что главный удар мирового революционного движения концентрировался в России. Во Франции и Германии стачечная борьба шла на подъем, однако по числу стачек и бастующих эти страны сильно отставали от России.

Стаечная борьба в России отличалась ростом вширь: если в 1915 г. в месяцы высшего подъема движения более или менее крупные забастовки происходили одновременно в 10—15 губерниях и горных округах, то в 1916 г. они были одновременно более чем в 30 губерниях и горных округах. В 1916 г. стачки пролетариата возникли на предприятиях Бакинской, Нижегородской, Екатеринославской, Харьковской, Херсонской губерний, в Донской области. В стачечную борьбу включились рабочие из слабо развитых в промышленном отношении губерний — Орловской, Рязанской, что свидетельствовало о росте движения

Динамика стачечного движения в ведущих странах Европы¹⁰⁷

Страна	Число стачек		Число участников, тыс	
	1915 г.	1916 г.	1915 г.	1916 г.
Россия	928	1284	540	952
Великобритания	672	532	448	276
Германия	137	240	14	129
Франция	98	314	9	41

вглубь и вширь. Для стачечного движения в России 1916 г. характерны продолжительность и неослабевающее упорство бастующих. Если в 1915 г. каждая стачка «стоила» капиталистам 2008 забастовочных «человеко-дней» на одну забастовку и 3,5 дня на одного участника, то в 1916 г.— соответственно 3621 «человеко-день» и 4,9 дня ¹⁰⁸.

Крупные политические выступления рабочих в начале 1916 г. были связаны с годовщиной «кровавого воскресенья». Царские власти уже и не думали о полном предотвращении забастовок 9 января. Министр внутренних дел А. Н. Хвостов ставил только одну задачу — по возможности «ослабить» натиск рабочего класса. Царская охранка неистово обрушилась на рабочих и партию большевиков. Только в Петрограде в течение 20 дней накануне 9 января было произведено 6 налетов на большевистские организации. Тем не менее к годовщине «кровавого воскресенья» большевиками были изданы тысячи экземпляров листовок, обращенных к рабочим, солдатам, матросам. В день 9 января состоялось несколько демонстраций в столице. Его отметили рабочие не только Петрограда, но и Москвы, Харькова, Ревеля, Екатеринослава, Твери. В стачках в январе 1916 г. участвовало около 150 тыс. рабочих. Удар был нанесен капиталистам монополистического объединения «Наваль—Руссуд» в январе-феврале 1916 г. Забастовка охватила судостроительные заводы и верфи «Наваль» в Николаеве, она продолжалась почти два месяца, в ней участвовало 7 тыс. рабочих; ее руководители были тесно связаны с питерскими большевиками. В столице империи в феврале-марте 1916 г. дважды бастовал Путиловский завод. Общезаводская стачка, объявленная 5 февраля, сопровождалась двухты-

сячным митингом во дворе завода, который был закрыт по приказу командующего военным округом. Петербургский комитет призвал к солидарности, но организовать сразу общегородскую забастовку не удалось. По доносу провокатора полиция произвела массовые аресты. В очередной раз были разгромлены Петербургский и Нарвский районные комитеты большевиков. На Путиловском были произведены массовые расчеты, в ответ прокатилась новая волна стачек, которая 22 февраля превратилась во всеобщее выступление рабочих завода. С 23 февраля по 4 марта на заводе был объявлен локаут, свыше двух тысяч рабочих было мобилизовано в армию. События на Путиловском всколыхнули столицу. Общегородская стачка солидарности охватила 49 предприятий, на многих из них состоялись митинги. Была организована антивоенная демонстрация, рабочие организовали денежные сборы в фонд помощи путиловцам.

Стачка рабочих предприятий объединения «Наваль—Руссуд» и путиловская забастовка рабочих способствовали заметному оживлению в апреле-мае 1916 г. революционного движения Юга России (металлисты Екатеринослава, Луганска, шахтеры Донбасса). Одной из наиболее упорных была здесь забастовка рабочих Горловско-Щербинского района, в которой участвовало до 30 тыс. рабочих. Она продолжалась месяц и окончилась частичной победой рабочих¹⁰⁹.

В ходе стачечной борьбы большевики последовательно проводили в жизнь лозунг превращения войны империалистической в гражданскую, с огромной силой убежденности раскрывали преступный характер этой войны. Газета «Пролетарский голос» в статье, посвященной Международному рабочему дню в 1916 г., писала: «Война — это не только страдание, безработица и нищета. Это — разнуздание диких страстей в человечестве, это — торжество грубой силы, это — оправдание беззакония жестокости, насилия, всего темного, припиженного в человеке. Вот что такое милитаризм»¹¹⁰.

Из писем, которые приходили из России к В. И. Ленину, он черпал все новые подтверждения обострения политического положения в стране. Ему сообщали, что в Петрограде и в других городах страны экономические стачки превращаются в политические, рабочие ряда предприятий обсуждают вопрос о всеобщей забастовке. Ленина исключительно радовало это «духотподъемное настроение»

*Дом на Шпигельштрассе, 14, в Цюрихе, где жил
В. И. Ленин в феврале 1916 — марте 1917 г.*

ние» (как определила его Н. К. Крупская в письме к В. А. Карпинскому) рабочих в России весной 1916 г.¹¹¹

Еще в феврале 1916 г. Ленин и Крупская переехали на новое местожительство из Берна в Цюрих. По переезде сюда Ленин сразу же развернул энергичную подготовку Второй Международной социалистической конференции. Она состоялась в Кингале и способствовала дальнейшему сплочению интернационалистов различных стран. Слушая делегатов конференции о росте революционного движения в Великобритании, Германии и других странах Европы, Ленин думал о России, где оно было особенно значительным в 1915 г. Его заботил вопрос о спаянности и монолитности рабочего класса, без этого невозможно было бороться за дальнейшее развитие рево-

люционных действий трудящихся масс, за сплочение их под революционным знаменем. Ленин требует от революционного подполья в России полного разрыва с оппортунизмом и социал-шовинизмом. В одном из писем Шляпникову Ленин подчеркивает, что необходимо твердо держать курс на разрыв с «социал-патриотами», что вопрос о расколе с Чхеидзе и К° теперь основной¹¹².

Среди многих дел, которыми до отказа был забит день В. И. Ленина, была и работа над рукописью «Империализм, как высшая стадия капитализма». Книга была закончена в начале июля 1916 г. Ленин дал в ней глубокое осмысление нового этапа развития капитализма в целях выработки правильного политического курса пролетариата на пути к новой революции. Принципиально важным для рабочего класса России и всего международного рабочего движения был вывод Ленина о том, что империализм являлся высшей и последней стадией капитализма, когда созревают объективные условия крушения капитализма и перехода к социалистической революции. С этим выводом было связано и другое важное ленинское положение, выдвинутое им в работе «О лозунге Соединенных Штатов Европы», а затем развитое в статье «Военная программа пролетарской революции», — о возможности вызревания условий и победы социалистической революции первоначально в немногих или одной отдельно взятой стране. Притом Ленин доказал, что для перехода к социализму требуются известные материальные предпосылки, создаваемые развитием монополистического капитализма. «Этот вывод был новым словом марксистской науки. Он коренным образом изменил представление об условиях победы нового строя, открыл перед российским и международным пролетариатом перспективы борьбы»¹¹³.

Сумка почтальона с трудом вмещала корреспонденцию на имя Ленина, идущую по Шпигельштрассе в Цюрихе. Писали отовсюду: из Англии, Франции, Германии, США, Норвегии, Италии, Болгарии, Австро-Венгрии, Швеции... Но более всего Ленина интересовали новости из России. Весной и летом 1916 г. он предпринял меры для обеспечения более крепкой и постоянной связи с Россией. Русское бюро ЦК РСДРП проводило работу в стране. Об этом свидетельствуют документы этого органа, в частности воззвание «Современное положение и задачи рабочего класса в России». Но В. И. Ленин требовал большего —

более тесной связи с массами. Связной Заграничного бюро ЦК РСДРП и секретарь Русского бюро А. Г. Шляпников во многом не оправдывал надежд Ленина. Сообщения его о положении дел в стране носили случайный характер.

Из них можно было лишь понять, что новый состав Русского бюро ЦК в организационном отношении нуждается в укреплении. Ленину стало известно о конфликте, возникшем у Шляпникова с ЦК РСДРП. Вскоре выяснилось, что Шляпников стал проявлять серьезные колебания, склоняясь к частичной поддержке фракционной группировки Бухарина—Пятакова¹¹⁴, которая, в частности, ленинскому лозунгу превращения войны империалистической в гражданскую и поражения своего правительства в этой войне с целью облегчения выступления масс против эксплуататорских классов противопоставила ограниченный в тех условиях пацифистский лозунг борьбы за мир.

В Заграничном бюро встал вопрос о возможности замены Шляпникова другим уполномоченным (Л. Н. Сталь или М. С. Кедровым). Однако нельзя было решать этот вопрос поспешно, не учитывая тот факт, что Шляпников лучше других знал революционное подполье. Ленин терпеливо разъяснял Шляпникову ошибочность его колеблющейся позиции, критиковал его поведение, вредившее общему делу партии. В одном из писем того времени по поводу расторжения одного из временных соглашений большевиков-ленинцев с группой Бухарина—Пятакова—Радека Шляпников, возражая Ленину, упрекнул его в «неуступчивости» по отношению к тем, кто проявляет колебания. «Всякая уступчивость,— ответил ему Ленин,— имея в виду обострившуюся обстановку в России,— *здесь* была бы преступлением. Я хорошо знаю, как много добрых людей... были *против* раскола думской фракции. Все они были 1000 раз неправы. Раскол был необходим. Раскол с *Чхеидзе и К°* и теперь *абсолютно* необходим»¹¹⁵.

Ленин требовал, чтобы связные (местожительством которых была Норвегия и другие страны, граничащие с Россией) активнее помогали Заграничному бюро устанавливать контакты не только с петербургской, но и непосредственно с периферийными партийными организациями в стране. В определенной степени это удавалось осуществлять. Возобновилась переписка с бакинскими большевиками. Было получено несколько писем от

Е. Д. Стасовой из Сибири. В июле Заграничное бюро получило изданный в Саратове большевистский сборник «Под старым знаменем», в котором группа большевиков-ленинцев разоблачала шовинистов и либералов. Были проложены новые каналы связи Заграничного бюро с российским подпольем, например через румынского социал-демократа Валериу Марку. В переписке активно участвовали жившие в России А. И. Ульянова-Елизарова, М. Т. Елизаров, М. И. Ульянова. А. И. Ульянова-Елизарова, строго соблюдая конспирацию, писала В. И. Ленину химическим способом в книгах и отправляла их по передаточные адреса. Письма к Ленину доходили, как правило, на девятый день. С помощью К. М. Шведчикова (члена Русского бюро ЦК так называемого второго состава) А. И. Ульянова-Елизарова наладила более или менее регулярную связь В. И. Ленина с Москвой и другими городами. Однако арест ее в конце июля 1916 г. неожиданно оборвал этот один из важных источников сведений о политической жизни России, о работе большевистского подполья.

В конце сентября 1916 г., когда А. Г. Шляпников опять был направлен в качестве связного от Заграничного бюро в Россию, Ленин пишет ему подробное письмо, в котором в конспективной форме развивает план широкой постановки в стране партийной работы, охватывающей как вопросы идеологического воспитания масс, так и ближайшие тактические и организационные задачи. В области идеологии («теоретическая линия») это борьба за «очищение» революционной теории от путаницы и шатаний по вопросам войны, разоружения, защиты отечества, самоопределения наций, роли и значения государства, а также от нелепостей левосектантских доктринеров, отрицавших необходимость борьбы за демократические требования и проповедовавших «перескакивание» через демократический этап революции. В области конкретно-практических задач («тактических») Ленин считал важнейшей из них издание «популярных листовок и прокламаций против царизма»¹¹⁶.

Ленин просил Шляпникова по приезду в Россию немедленно исправить положение с конспиративной перепиской, прерванной из-за ареста А. И. Ульяновой-Елизаровой в Петрограде, а также наладить постоянные контакты большевистского подполья с заграничным партийным центром, а Русского бюро ЦК — с периферий-

ными партийными организациями. Ленин предлагал Русскому бюро ориентироваться в первую очередь и главным образом на передовых рабочих-партийцев, включать их в подпольную связную работу, «чтобы они *писали* сами, *сами* овладели конспиративной перепиской (не боги горшки обжигают), сами приготовили для себя каждый по 1—2 „наследнику“ на случай провала. Не доверять этого интеллигенции, одной. Не доверять. Это могут и должны делать руководящие рабочие. Без этого *нельзя* установить преемственность и цельность работы, а это главное» ¹¹⁷

Борясь за подлинное единство пролетарских сил России, Ленин еще раз подчеркивал в письме к Шляпникову, насколько может помешать этому единству примиренчество с меньшевиками-оборонцами. Всякое проявление примиренчества и объединенчества со стороны большевиков по отношению к Чхеидзе и его фракции, подчеркивал Ленин, «есть вреднейшая вещь для рабочей партии в России, не только идиотизм, но и *гибель* партии», ибо на деле это означает «лакейство перед социал-шовинистами» ¹¹⁸, с которыми Чхеидзе и Скобелев полностью солидарны. В. И. Ленин не случайно повторял, что основная линия идейного размежевания проходит между сторонниками интернационализма и его противниками: год пазад Шляпников высказывался о возможности совместных тактических действий большевистского подполья в России с Керенским и Чхеидзе.

Информация из России, хотя и весьма скудная, предоставила Ленину в то время возможность понять и выявить возникшее там политическое течение — «революционный шовинизм», появившийся на почве мелкобуржуазной революционности. Этот шовинизм, рядясь в одежду революции, туманил сознание широких масс возможностью соединения лозунгов «революции» и «защиты отечества». Появление «революционеров-шовинистов» объяснялось классовым положением мелкой буржуазии, колеблющейся между либеральной буржуазией и революционным пролетариатом, непоследовательностью мелкобуржуазных партий и групп, склонных к политическому союзу с либеральной буржуазией. Вместе с тем это течение было вызвано недовольством мелкой буржуазии военными неудачами царизма и тяготами войны, которые и нашли воплощение в сочиненном мелкобуржуазными теоретиками призыве к революции ради продолжения

войны и победы над Германией. В нем переплетались буржуазный национализм (лозунг «защиты отечества»), социал-реформизм (блок с буржуазией) и мелкобуржуазная революционность (призыв к свержению самодержавия). Таким образом, объективная сущность политики «революционного шовинизма» заключалась в борьбе против самодержавия во имя установления политического господства буржуазии и продолжения великодержавной империалистической политики¹¹⁹.

В феврале 1916 г. Ленин писал в одной из статей, опубликованных в «Социал-демократе», что в России именно потому, что она идет навстречу буржуазно-демократической революции, «соединение революционности с шовинизмом есть абсурд»¹²⁰. Борясь с шовинизмом во всех его проявлениях, большевики всемерно направляли пропаганду и агитацию на воспитание демократических масс в духе пролетарской революционности, интернационализма и в общем и целом достигали в этом успеха. Интернационализм был несовместим с лозунгом победы в империалистической войне, с захватом чужих территорий, с порабощением других народностей и наций. Революционный интернационализм, сущностью которого является уважение народов, неотделим от подлинного патриотизма, от социалистических интересов рабочего класса. Перед В. И. Лениным, большевиками встала сложнейшая задача решить в условиях войны не только теоретически, но и практически проблему соотношения национального и интернационального, в частности сочетания патриотизма и пролетарского интернационализма. В соответствии с этим необходимо было дать установку большевистским комитетам в их борьбе против войны, за развязывание сил революции. Решение этих вопросов осложнялось тем, что идейная борьба против национальной ненависти к немцам, австрийцам и другим военным противникам России объявлялась царскими властями «изменой родине». К тому же эта борьба разворачивалась в условиях раскольнической дезорганизаторской деятельности лидеров меньшевиков и эсеров. Огромное значение в пропаганде большевиков имела их предшествующая (еще со времени «Искры») работа по разоблачению «патриотизма» правящей клики, революционно-интернационалистская тактика поражения царизма в этой войне, которая неизбежно должна была привести к краху царской правительственной системы. В соответствии с прип-

ципами марксистского интернационализма большевики провозглашали братское единение пролетариев воюющих стран, борющихся за полное освобождение от ярма международного капитала, с лозунгом «Долой самодержавие!». Одновременно В. И. Ленин и большевики разоблачали антиинтернационалистскую тактику мелкобуржуазных партий по отношению к войне. Главную роль в борьбе большевистских комитетов за ленинское решение проблемы соотношения национального и интернационального сыграли листовки. Большевистские листовки звали на борьбу за свержение самодержавия, за установление в России демократической республики, за демократический мир между народами. В них давалась оценка войны как захватнической и грабительской с обеих сторон — и русского и других правительств. Большевики призывали рабочих России укреплять ряды последовательных борцов за дело пролетарского интернационализма, утверждали общность интересов и единство целей пролетариата разных наций в каждой стране и во всех государствах.

Союз рабочих-интернационалистов в России формировался в результате растущего понимания массами необходимости революционной солидарности в борьбе за свержение самодержавия и демократический мир между народами. Большевики протягивали руку всем, кто шел на открытую революционную борьбу с царизмом, кто принимал тактику революционного действия, форм и методов революционной борьбы (распространение революционной литературы, стачки и демонстрации, работа среди масс в духе революционной большевистской пропаганды). Вместе с большевиками работала, например, «Межрайонная организация объединенных социал-демократов». Она помогала большевикам в работе среди петроградских солдат и рабочих, распространяла среди них революционную литературу и т. д. Это была фракционная организация, стоявшая на центристских позициях в организационных вопросах, но выступившая в 1916 г. против социал-шовинизма. Большевики не могли пройти мимо идейной бездумности «межрайонки», боролись за то, чтобы она, окончательно порвав с социал-шовинизмом, признала и большевистский лозунг превращения войны империалистической в гражданскую. Именно на этой принципиальной основе осуществлялась тактика большевиков по сплочению народного фронта в борьбе за свержение самодержавия и установления демократической республики;

она могла строиться только на глубоко интернационалистской основе, как нельзя лучше обнажавшей истинные стремления классов и партий.

Революционный кризис в стране вступил в октябре 1916 г. в высшую стадию. Выход из империалистической войны путем свержения самодержавия стал главным вопросом дня. Экономическая разруха и стихийная тяга к миру с неумолимой настойчивостью толкали массы к революции. Возбуждение народа росло. Каждая очередь за продовольствием превращалась в политический клуб, где люди, не стесняясь в выражениях в адрес царя и его министров, обсуждали неутешительные известия с фронтов, слухи о разгуле придворной камарилы. Агенты царской охранки сообщали: «...озлобление растет, и конца его росту не видать... Полуголодный обыватель с восторгом приветствует всякое проявление оппозиции — будет ли она направлена на городское самоуправление или на кондукторшу трамвая, на министров, мародеров, на правительство или на немцев — все равно» ¹²¹.

Только оторванный от родины Плеханов мог надеяться, что массы можно вдохновить призывами к революции ради продолжения войны и победы над Германией. Даже некоторые агенты охранки отмечали, что народ требует мира, «скорее мира, мира во что бы то ни стало» ¹²².

Все свидетельствовало о новом подъеме забастовочного движения. В октябре 1916 г. его общий размах в стране в полтора раза превысил уровень января того же года. Исключительную роль в событиях конца осени 1916 г. сыграл петроградский пролетариат.

Если считать повторные стачки, то, согласно официальной статистике, в октябре 1916 г. в Петрограде в 189 стачках участвовали около 190 тыс. рабочих, было потеряно более 465 тыс. рабочих дней ¹²³. Борьба носила ярко выраженный политический характер и проходила под руководством большевиков. Массовые митинги против дороговизны, войны и самодержавия, организованные ПК РСДРП, начались еще 13 октября на заводах и фабриках столицы. В воспоминаниях современников этих событий в Петрограде указывалось, что в рабочих районах, особенно на улицах Выборгской стороны, «пахло порохом». 17 октября началась забастовка на заводах «Парвиаинеп», «Новый Лесснер», «Русский Рено». Около завода «Новый Лесснер» были расположены казармы 181-го запасного пехотного полка, солдаты которого были

уже давно распропагандированы большевиками, левыми эсерами и рабочими-активистами. Когда начался митинг во дворе завода «Новый Лесснер», то в поддержку рабочих выступил какой-то раненый солдат («георгиевский кавалер»). Стоило только полиции напасть на рабочих с пашками и нагайками, солдаты не выдержали. Они повалили забор, разделявший казармы и завод, и вместе с рабочими избили и прогнали полицию. Вызванные для умирения солдат казаки также отказались стрелять в рабочих. Солдат удалось загнать в казармы, а рабочих рассеять только с помощью специальной команды Московского гвардейского полка. 130 солдат из 181-го полка были арестованы.

Возбужденное настроение передалось рабочим других предприятий. 19 октября 1916 г. в столице бастовало 75 тыс. рабочих с 63 предприятий. Возникла возможность перехода отдельных стачек в более широкое движение. Как подчеркивала листовка ЦК РСДРП, пролетариат вплотную подошел к «всеобщей стачке в союзе с армией». Однако большевики удержали питерских рабочих от продолжения битвы, так как выступление 181-го полка было пока единственным симптомом поддержки их армией. «Возвращайтесь теперь к станкам,— писала листовка ПК РСДРП,— с тем, чтобы покинуть их снова, чтобы всеобщей стачкой в союзе с армией повести последний штурм за низвержение самодержавия, за установление демократической республики, 8-часовой рабочий день, за конфискацию помещичьих земель»^{124—125}.

Революционное возбуждение среди столичных рабочих продолжало нарастать. Их волновал исход суда над революционными моряками — членами Кронштадтского судового коллектива РСДРП. 26 октября по призыву ПК началась новая стачка в знак протеста против суда над матросами-кронштадтцами. Бастовало около 130 тыс. рабочих. Царские власти ответили на выступление рабочих локаутом — было закрыто 15 промышленных предприятий. К столице из пригородов были стянуты войска. Несмотря на страшные репрессии правительства (более 1 тыс. рабочих арестовано, 1750 отправлено на фронт), стачка была выиграна: царский суд не посмел приговорить моряков к смертной казни, а локаут был отменен.

М. И. Ульянова информировала из Петрограда В. И. Ленина: «Уже несколько дней в Питере забастовки... Особенно много заводов бастует на Выборгской сто-

роне, около $\frac{3}{4}$ всех заводов. Были демонстрации, столкновения с полицией...»¹²⁶.

М. И. Ульянова в это время активно участвовала в подпольной работе большевиков в столице по воссозданию Всероссийского партийного центра, который в последние месяцы сильно пострадал от репрессий. Благодаря большой работе в наитруднейших условиях, проведенной вторым составом Русского бюро ЦК, вновь прибывшему в Петроград по заданию В. И. Ленина Шляпникову довольно скоро удалось, используя прежние связи, расширить сеть нелегальных квартир для явок, для хранения и распространения литературы, листовок. Было выполнено и прежнее задание В. И. Ленина по переправке в Россию временно скопившейся на «перевальных» пунктах корреспонденции Заграничного бюро.

В новый состав Русского бюро ЦК вошли Шляпников и возвратившиеся из ссылки П. А. Залужский и В. М. Молотов. Обязанности между ними были распределены следующим образом: Залужский представлял бюро в Петербургском комитете и занимался организационными вопросами. Молотов ведал литературными и издательскими делами, а Шляпников — связями с местными периферийными организациями и с Заграничным бюро ЦК. Вскоре связи Русского бюро ЦК протянулись к подпольным организациям большевиков Центрального района (Москва, Иваново-Вознесенск, Тверь, Тула, Воронеж, Нижний Новгород), Поволжья (Самара, Саратов, Казань), Юга России (Ростов-на-Дону), Украины (Харьков, Екатеринослав, Киев), Доббасса, Сибири, Финляндии.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, поставившего задачу перед центральными организациями крепче связать воедино все звенья российской организации большевиков, Русское бюро ЦК совместно с ПК включилось в работу по созданию сети «разъездных агентов», которые должны были направлять усилия местных большевистских организаций на развитие таких форм борьбы, как уличные шествия и демонстрации. За два-три месяца до революции, несмотря на частые провалы нелегальных квартир и аресты, связь петроградских большевиков с организациями в других городах укрепились, особенно с Москвой. От Русского бюро ЦК в декабре 1916 г. сюда приезжал А. Г. Шляпников, который обсудил с московскими большевиками вопрос о переходе от разрозненных экономических и отдельных политических рабочих вы-

ступлений к массовой политической борьбе¹²⁷. Московские большевики включились в формирование группы «разъездных агентов».

24-тысячная организация большевиков в России накануне новой революции шла, преодолевая репрессии, по пути собирания и накопления, сплочения и мобилизации революционных сил в стране. 60,2% ее составляли рабочие, 7,5% — крестьяне, 25,8% — служащие (в основном профессиональные революционеры). В разные годы войны до Февральской революции по всей стране действовало около 200 организаций большевиков, в том числе 22 в крупных промышленных центрах. К моменту выхода партии из подполья в России существовало более 150 большевистских организаций¹²⁸, многие из которых прямо и непосредственно были связаны с Заграничным бюро перепиской. Среди этих организаций наиболее мощной была Петроградская городская организация. По новым сведениям, число ее членов выросло с 500—550 человек с июля 1914 по июль 1915 г. до 3000 человек к Февральской революции. Она имела сложную структуру. В нее входили девять районных, три «национальных» (латышская, литовская, эстонская) и четыре пригородных организаций. На заводах, фабриках, среди солдат, матросов, студентов и других слоев демократического населения работало до 115 ячеек и групп¹²⁹. В Московской организации при выходе из подполья насчитывалось в общей сложности 800 человек, в Екатеринославской — 400, в Киевской — 200, в Харьковской — 150, в Луганской — 100, в Саратовской — 60, в Екатеринбургской — 40 и т. д.¹³⁰

Большевистские комитеты, группы, кружки и ячейки были вооружены огромной агитационной литературой: с 16 июля 1914 г. по 3 марта 1917 г. большевики издали тиражом около 2 млн. экз. более чем 700 названий листовок и тем самым в определенной степени компенсировали недостаточность легальных изданий, которые были запрещены. Листовки против войны и царизма издавались большевиками примерно в 80 городах, а распространены они были еще шире. Выпуск нелегальной листовочной литературы не прекращался за время войны ни на один месяц. Наибольшее количество листовок выпускалось большевиками в связи с теми или иными политическими событиями: в дни памяти «Кровавого воскресенья», в дни международной солидарности, по поводу

Незаконные и легальные органы большевиков, выходившие в 1914—1916 гг. (монтаж)

ареста и суда над депутатами IV Государственной думы и т. п. В листовках перепечатывались документы ЦК РСДРП, материалы международных конференций интернационалистов^{130а}.

Кроме этой листовочной литературы и существовавшего за границей Центрального органа партии — газеты «Социал-демократ», о которой говорилось выше, в 1915—1916 гг. большевикам удавалось печатать в России ряд центральных и местных легальных и нелегальных изданий. В них пропагандировались ленинская линия партии, ставились конкретные задачи в борьбе за революционный выход из войны, за осуществление демократической революции. В 1915 г. большевистские газеты выходили в Иркутске («Товарищ пролетария»), Саратове («Наша газета»); в Петрограде был основан легальный журнал «Текстильщик», в Екатеринодаре — «Прикубанские степи», в Тифлисе — еженедельник «Пайкар» («Борьба»).

В феврале 1916 г. Московская партийная организация выпустила нелегальный номер газеты «Правда»; летом того же года вышло несколько номеров газеты «Свободное слово» (орган латышских большевиков). Кратковременно издавались большевистские газеты в 1916 г. в Ростове-на-Дону («Пролетарское слово»), Харькове («Голос социал-демократа»), Нарве («Социал-демократ»), на одном из рудников Донбасса («Правда труда») и т. д. С ноября 1916 г. в Москве стал издаваться профессиональный легальный журнал «Голос печатного труда», фактически это было партийное издание, как и «Вопросы страхования» в Петербурге¹³¹. Всего за годы войны до Февральской революции большевики выпустили нелегальных и легальных газет и журналов: 18 — на русском языке, 4 — на латышском, по одной газете — на литовском и армянском. Наряду с газетами и журналами в нелегальных типографиях печатались произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, решения РСДРП, труды большевистских деятелей. Широкий партийный актив — тысячи рабочих, крестьян, представителей демократической интеллигенции сотрудничали в большевистской печати.

Издание большевистской печати, как и другая деятельность большевиков, жестоко преследовалось, особенно нелегальные газеты и журналы. Так, например, в ночь с 9 на 10 декабря 1916 г. подвергся полицейскому разгрому выпуск «Пролетарского голоса» (орган Петроградской организации). Но Петербургский комитет срочно набрал бригаду печатников, которая захватила на ночь одну из типографий и отпечатала арестованный номер газеты¹³². В конце 1916 г. началась подготовка к выпуску подпольной газеты ЦК РСДРП в России, а также «Осведомительных листов» Русского бюро ЦК. Выпуск литературы сопровождался ее «децентрализацией» (т. е. распространением по стране).

В конце 1916 г. был поставлен, вопрос о возможном созыве всероссийского совещания в начале 1917 г. Агенты большевистской партии на периферии информировали Петроград о положении на местах шифрованными письмами, в которых слово «ситец» означало «прокламации и листовки», «удачная сделка» — «удачная демонстрация», «суровая зима» — «тяжелые полицейские условия» и т. д.¹³³ Но строгие условия конспирации, постоянная слежка охраны помешали проведению совещания во

всероссийском масштабе. Были проведены только городские и некоторые межгородские совещания большевиков (в Харькове, Екатеринбурге, Самаре, Твери и других городах). Под влиянием большевистской пропаганды в политическом сознании масс происходил тот качественный сдвиг, который привел массы к революции.

В. И. Ленин оставался в целом доволен как оперативно развертывающейся работой большевистского подполья, так и установившимися его связями с Заграничным бюро, так как он учитывал все организационные сложности, связанные с этим делом¹³⁴. Любая информация из России была важна ему для определения направления дальнейшей работы местных организаций. Его стол был буквально завален тетрадами. В них — шифры для переписки с революционным подпольем в России: стихи и проза («Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, «Ночные голоса» Ф. И. Тютчева и т. д.). Многие строки литературных произведений служили ключом к шифрам. 23 декабря 1916 г. начальник Петроградской охраны сообщал в Департамент полиции: «Исполнительная комиссия Петербургского комитета РСДРП для сношений с заграничными партийными работниками и руководящим большевистским центром употребляет каталоги разных фирм, при отправке которых между строк пишут нужное сообщение химическими чернилами, незаметными для глаз без соответствующих реактивов. Известный лидер большевиков Владимир Ленин свои сношения ведет таким способом через техническую контору инженера Германа Борисова Красина (Петроград, угол Большой Болотной и Мытшинской улиц, дом № 19/33, кв. 2) на имя Николая Гурьянова Полетаева, проживающего в означенном выше доме в квартире № 5»¹³⁵.

В адресной книге ЦК РСДРП за годы войны зафиксировано около 29 адресатов Заграничного бюро ЦК, живших в разных городах страны. Среди них многие известные люди, П. К. Штернберг (работал в Москве в астрономической обсерватории), В. Д. Бонч-Бруевич (в то время сотрудник издательства «Жизнь и знание» в Петрограде), Н. М. Лукин (будущий известный советский историк, тогда один из членов революционного подполья в Москве), П. В. Точисский (известный профессиональный революционер, один из первых марксистов, в годы войны находился в Омске), Г. Б. Красин (тогда инженер одной из строительных контор в Петрограде), Л. М. Кни-

пович (известная профессиональная революционерка, жившая в Симферополе) и т. д.¹³⁶

Преодолевая трудности военного времени, полицейскую слежку и цензуру, в конце 1916 — начале 1917 г. Бюро ЦК и ПК РСДРП и другие организации в России, имея связь с Заграничным бюро ЦК, могли практически претворять в жизнь ленинские указания, проводить интернационалистски верную тактическую линию в массовом движении.

Октябрьские 1916 г. стачки в Петрограде знаменовали начало нового этапа массовой борьбы в России. Рабочие Петрограда еще раз подтвердили, что они являются ведущим отрядом российского пролетариата. Составляя «объективную основу» массового народного движения, пролетарская стачка — оружие политической борьбы пролетариата — отражала совершенствующиеся его качества как передового отряда революции. Стачки в Петрограде осенью 1916 г. показали, насколько выросла за годы войны политическая сознательность и организованность рабочих. Политический опыт, обретенный ими в борьбе учил классовой солидарности, организации совместных действий пролетариата с крестьянством, с непролетарскими демократическими слоями города, с солдатами и матросами.

СОЮЗНИКИ ПРОЛЕТАРИАТА НА ПУТИ К НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Крестьянское движение в годы первой мировой империалистической войны отличалось большим своеобразием по сравнению с предыдущим периодом, что определялось, с одной стороны, теми условиями, которые сложились в России к началу мировой войны, а с другой — специфическими обстоятельствами переживавшегося страшной военной времени¹³⁷. Столыпинская реформа усилила раскол крестьянства на два враждующих класса — деревенскую буржуазию и сельский пролетариат; обострилась борьба между кулаками и беднотой. Вместе с тем главное противоречие в деревне оставалось между крестьянами и помещиками, все крестьянство по-прежнему выступало как непримиримый противник помещичьего землевладения.

Российская деревня встретила мировую войну совершенно ничтожными успехами в земледелии, ростом нужды и голодом миллионов крестьян, резким обострением

социальных противоречий и ускорила разрушительный процесс в сельском хозяйстве страны. За период с июля 1914 г. по 1916 г. включительно из 13 млн. мобилизованных в армию из деревни было призвано 10 с лишним миллионов человек. Число мобилизованных по губерниям России достигло к 1917 г. 55% всех мужчин рабочего возраста. Свыше миллиона хозяйств остались совсем без мужчин-работников. Это отрицательно сказывалось на ходе сельскохозяйственного производства. В значительной мере была подорвана материально-техническая база сельского хозяйства. С начала войны из деревни в армию было изъято к весне 1916 г. 2 млн. лошадей, а к весне 1917 г. — 2,6 млн. голов¹³⁸. Сократился и наличный парк машин в сельском хозяйстве — примерно на 25%¹³⁹. Общие условия военного времени требовали перестройки помещичьего хозяйства. Однако в массе своей помещики этого сделать не сумели, и хозяйство начало быстро приходить в упадок, катастрофически сокращалась посевная площадь. Наибольший урон понесли имения с полукрепостническим хозяйством. Здесь сократились земли, арендованные крестьянами, сузилась сфера применения испощины. Это сильно ударило по полукрепостническим латифундиям и сыграло немалую роль в подрыве политического господства в стране их владельцев. Но в их руках оставалась большая экономическая сила — земля, а также политическое господство в стране. Класс помещиков по-прежнему оставался главным угнетателем и врагом крестьян. Помещики, особенно капиталистического типа, с выгодой используя военно-экономическую конъюнктуру, смыкались с буржуазией в стремлении нажиться за счет крови и горя народа. Помещики и кулаки взвинчивали цены на сельскохозяйственную продукцию, припрятавали часть продуктов, чтобы выгоднее продать их в тяжкую для народа годину.

Война резко ударила по бедняцко-середняцким хозяйствам. Именно они вместе с рабочими несли основную тяжесть налога кровью, тогда как кулакам в деревне, как и лавочникам в городах, нередко удавалось откупаться от призыва или устраиваться в армейских тыловых учреждениях. Большие тяготы легли на бедняцко-середняцкие хозяйства в связи с реквизициями скота, и прежде всего лошадей. К 1917 г. в Европейской России более 30% дворов оказались безлошадными¹⁴⁰. Бедняцко-середняцкие слои вынуждены были сокращать посевы на арендован-

ной земле, что лишало хозяйства дополнительного продукта. Только зажиточная верхушка деревни продолжала арендовать землю и тем обогащалась за счет увеличения рыночных цен на хлеб.

Что касается роста цен на сельскохозяйственные продукты, то беднота и многие середняки если и продавали их, то лишь осенью, а весной они вновь появлялись на рынке в качестве покупателей — прежде всего зерна для посева и прокормления семьи. Рост цен на хлеб был выгоден лишь зажиточной части крестьян, наживавшейся на росте дороговизны. Сильно ударило по крестьянской бедноте и сокращение отходов на заработки в годы войны. В результате крестьяне лишились годового дохода примерно в миллиард рублей по довоенному курсу¹⁴¹. С начала войны было повышено обложение государственным поземельным налогом, размеры земских и так называемых мирских сборов. Кроме денежных сборов и податей, крестьяне несли многочисленный груз натуральных повинностей: ремонт мостов и дорог, предоставление подвод, постой войск и полиции, размещение приезжающих чиновников и т. д. Помимо всего этого, мобилизация промышленности на оборону повлекла за собой сокращение производства предметов потребления, возникла спекуляция предметами первой необходимости. Произвол в этом деле особенно был ощутим со стороны сельских лавочников.

Первый подъем массового движения был связан с началом всеобщей мобилизации. Многочисленные источники показывают, что настроение мобилизованных на сборных пунктах было отнюдь не таким патристическим, как это обрисовывали официальные донесения царским властям. Так, например, саратовский губернатор писал, что вторая половина 1914 г. «в связи с объявлением войны сопровождалась высоким подъемом настроения в городах и взрывом озорских и буйных наклопностей в сельских местностях, лишний раз доказав, насколько сельское население неустойчиво в своем спокойствии, насколько еще живы в нем воспоминания 1905—1907 гг.»¹⁴². Понятно, что первые возмущения в деревне происходили и на почве сопротивления реквизициям, отказа принимать участие во всякого рода повинностях, связанных с военным временем. «Уже и теперь бывают случаи, — писал в 1914 г. председатель реквизиционной комиссии Минской губ., — сопротивления населения реквизирующим

фураж военным частям, встречают их вилами у своих ворот, и в Бестайской волости бывали случаи, что пришлось связывать людей»¹⁴³.

Однако в первые месяцы войны размах крестьянского движения был, конечно, меньше, чем до нее. Это было связано прежде всего с обрушившимися на крестьян мобилизациями активного населения сел и деревень в армию, свирепыми карами царских властей за проявление самого малого недовольства, изданием разного рода циркуляров по поводу землеустроительных мероприятий, что также отвлекало крестьян от политической борьбы. Правда, уже в это время многие меры, связанные с землеустроительными работами, вносили озлобление в крестьянскую массу. Не случайно в апреле 1915 г. был издан очередной циркуляр, сокращавший землеустроительные мероприятия.

Интересы помещиков и буржуазии, жаждавших новых земель и победы в войне, были в общем и целом чужды преисполненной ненависти к помещикам и кулакам бедняцко-середняцкой массе крестьян, мечтавших прежде всего о справедливом распределении земли в своей волости. Рост антивоенных выступлений усилился в связи с отступлением русских войск из Галиции и из Польши летом 1915 г.

Борьба рабочего класса подтолкнула широкие массы крестьянства скорее определить свое отношение к войне, миру и революции. Организуемый пролетариатом протест против войны еще более сблизил его с многомиллионными массами крестьянства и непролетарскими демократическими слоями города.

В начале 1915 г. некоторые губернаторы в своих докладах в Департамент полиции и Министерство внутренних дел стали проявлять особое беспокойство в отношении ослабления «патриотического» духа крестьян, которое все чаще сменялось сообщениями о растущей ненависти к войне среди сельского населения, особенно под влиянием писем с фронта. В ряде уездов участились случаи отказа от платежа повинностей и арендных денег за землю. Крестьяне осведомлялись, что говорят о войне рабочие, прятали у себя революционную литературу — листовки и прокламации РСДРП, избивали представителей царской администрации, отказывались платить земские сборы, а в некоторых селах стали выбирать на «мирские» должности своих наиболее активных и грамотных

в политическом отношении односельчан, высказывающих нетерпимое отношение к войне, царскому правительству. Сильными и долго не прекращающимися были волнения крестьян в уездах Ставропольской губ. против уплаты земских сборов в начале 1915 г. В Харьковской губ. дело дошло до серьезного столкновения с отрядом стражников.

Осенью 1915 г. на усиление крестьянского движения оказал влияние рост рабочих стачек. Если раньше мобилизованные крестьяне отказывались идти на фронт, пока их семьи не будут обеспечены продовольствием, то теперь, кроме требования выдачи пособия семьям, крестьяне и в тылу и в окопах требовали одного — конфискации помещичьих земель. Они говорили: «За свою кровь потребуем землю»¹⁴⁴. Симптомы растущего движения пугали помещиков своей схожестью с явлениями 1905 и 1906 гг. «Пока еще верят несколько Думе,— отмечал один из них в 1915 г.,— надолго ли хватит этой веры? А потом?.. Потом останутся ведь действительно „свои средства“: красный петух и дубина»¹⁴⁵.

В 1915 г. стачкам рабочих сопутствовали крестьянские выступления в 46 губерниях, причем в 19 случаях из 177 для их подавления вызывались отряды стражников и воинских команд. Волнения были в Минской, Нижегородской, Ставропольской, Харьковской, Воронежской, Волынской, Саратовской, Екатеринославской и других губерниях. Наряду с прежними видами крестьянских выступлений (разгромы помещичьих имений, потравы полей, рубка леса и т. д.) усилилась борьба против землеустройства и кулаков-хуторян (уничтожение межевых знаков, разгром отрубников). Появились новые направления борьбы, связанные с ростом цен на сельскохозяйственные и промышленные товары.

В. И. Ленин с особым вниманием относился ко всем проявлениям растущего возмущения среди союзников пролетариата против войны. Он указывал, что они, вовлеченные в движение, колеблются между шовинизмом и революционностью. «Мелкая... буржуазия, т. е. гигантская масса едва просыпающегося населения России,— писал В. И. Ленин в сентябре 1915 г.,— идет ощупью, „вслепую“, в хвосте буржуазии, в плену националистических предрассудков, с одной стороны, подталкиваемая к революции невиданными, неслыханными ужасами и бедствиями войны, дороговизны, разорения, нищеты и голода, с другой стороны, оглядываясь на каждом шагу *назад*,

к идее защиты родины»^{145а}. «Из этого фактического положения,— подчеркивал он,— вытекает с очевидностью задача пролетариата. Беззаветно смелая революционная борьба против монархии... — борьба, увлекающая за собой все демократические массы, т. е., главным образом, крестьянство. А вместе с тем беспощадная борьба с шовинизмом...» Развивая ту же мысль, В. И. Ленин указывал далее: «Колебания мелкой буржуазии не случайны, а неизбежны, они вытекают из ее классового положения. Военный кризис *усилил* экономические и политические факторы, толкающие ее — и крестьянство в том числе — влево. В этом объективная основа полной возможности победы демократической революции в России»¹⁴⁶. Указывая на те пути, которые вели к победе демократической революции в России, В. И. Ленин призывал пролетариат не колеблясь выполнить свою историческую миссию. Он писал: «Пролетариат выполнит свою задачу лишь тогда, если... сумеет идти к своей великой цели, не колеблясь, толкая вперед мелкую буржуазию, предоставляя ей учиться на своих ошибках, когда она качается вправо, утилизируя все ее силы для папора, когда жизнь заставляет ее идти влево»^{146а}.

Война изменила состав и непролетарских демократических слоев города. В армию были призваны многие врачи, учителя; не избежало мобилизации студенчество; милитаризация коснулась определенных категорий служащих. Царские власти, используя условия военного времени, беспощадно расправлялись с малейшими проявлениями протеста, возникавшими в среде городской демократии. Участие в стачках, даже простое неповиновение начальству влекли за собой немедленное наказание, вплоть до судебного преследования, мобилизаций на фронт. К тому же политическая неустойчивость, подверженность колебаниям городской непролетарской демократии делали ее в более сильной степени подверженной лжепатриотическим настроениям, шовинизму; оборонческую позицию занимала довольно значительная часть студенчества. С ростом в стране революционной ситуации именно в этих слоях получали развитие идеи революционного шовинизма.

Большевики упорно работали и над просвещением городских непролетарских демократических слоев, боролись за вовлечение их в революционное движение под интернационалистским знаменем. Они стремились упрочить

свои связи в студенческой среде, среди демократической интеллигенции, служащих. Например, ПК РСДРП с первых дней войны продолжал осуществлять руководство Объединенным комитетом студенческих организаций социал-демократического направления; некоторые представители этой организации входили в состав столичной городской организации большевиков, в районные комитеты РСДРП. В Москве большевики имели немалое влияние в среде студентов университета, Московского технического училища, Коммерческого института, Высших женских курсов. Подпольные большевистские группы действовали среди студентов Саратова, Казани, Томска, Харькова, Одессы и т. д. Листовки большевиков адресовались всем трудящимся, некоторые из них были специально обращены к студентам, определенным категориям служащих.

Большевистская агитация находила отклик в среде непролетарской городской демократии, и прежде всего среди студентов. Только в Петроградском университете с сентября 1914 г. по февраль 1917 г. было зарегистрировано 40 студенческих выступлений. Как уже отмечалось в литературе ¹⁴⁷, совместные выступления рабочих и студентов состоялись в форме демонстраций в период обострения революционного кризиса в стране осенью 1915 г., студенты и некоторые другие представители демократической интеллигенции участвовали в политических выступлениях, связанных с годовщиной 9 января, в стачках протеста против репрессий царских властей. Ненависть к самодержавному строю и стихийная тяга к миру делала студенчество, другие непролетарские слои города союзником пролетариата в классовой борьбе, сплачивала их по мере нарастания революции под лозунгами «Долой войну!», «Долой монархию!», «Да здравствует революция!».

Судьбы миллионов людей были неразрывно соединены с армией, которая вобрала в себя «весь цвет народных сил» ^{147а}. Армия отнюдь не состояла из крестьян на 80—90%, как это было раньше. Материалы призывов 1903—1913 гг. показывают, что крестьяне в армии составляли около 61%, а рабочие — 21—25% ¹⁴⁸, и, таким образом, ее революционный потенциал в целом был выше, чем в 1905 г. Обновился и офицерский корпус, который был заменен «молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным» составом ¹⁴⁹.

Отступление 1915 г. с огромными людскими потерями,

недостатки вооружения, слухи о стачках и борьбе в деревне деморализовали армию. На фоне массового стихийного протеста против войны, глухого ропота («начальство продает Россию») формировалось политическое сознание солдат. Они все более улавливали связь настроений фронта и тыла. «Как только внутри России начнутся бунты, так и мы забастуем: более не будем воевать»¹⁵⁰, — говорили солдаты. Сидя в окопах на фронте или в казармах запасных воинских частей, бывшие рабочие и крестьяне, одетые в серые шинели, совместно обсуждали волновавшие их политические проблемы, и среди них вопрос о земле, о демократических свободах, вопрос о том, ради чего ведется война. Ответы на эти вопросы мог дать товарищ по окопу, политически сознательный рабочий, за плечами которого был и опыт классовой борьбы. Пропаганда таких рабочих влияла на солдатские умы, она отражалась, в частности, и в их письмах. Из этих писем, а также от демобилизованных, уцелевших от газовых атак и немецких пуль, но возвратившихся домой калеками, узнавали в тылу о положении на фронте, все это способствовало усвоению идеи большевистской пропаганды.

Летом 1915 г. на Юго-Западном фронте цензура отмечала уже, что «в корпусных районах мирные тенденции высказываются в 30% писем, а в тыловых районах — в 60%»¹⁵¹. Уже весной 1915 г. на почве недовольства войной на фронте имели место случаи временного прекращения военных действий и даже братания.

Антивоенные листовки большевиков с призывом повернуть оружие против самодержавия, бороться за демократический мир так повлияли на солдат в окопах, что у командования не осталось никакого сомнения в том, что в армии существует целая «сеть революционных организаций и комитетов»¹⁵². Осенью 1915 г. недовольство войной проявилось в возмущениях вновь мобилизуемых на фронт. Из эшелонов, следующих на фронт, иногда разбегалось около половины состава. Так, из отправленных со ст. Инза Пензенской губ. 1000 человек мобилизованных сбежало по пути 470 человек¹⁵³. 14 сентября 1915 г. в центре Москвы городской схватил солдата-дезертира. Увидевшая это группа рабочих вступилась за арестованного солдата. Конфликт вырос в вооруженную схватку, в ходе которой трое были убиты, 40 человек ранены¹⁵⁴. Побег из маршевых эшелонов осенью 1915 г.

превратились в массовое дезертирство, псчиславшееся сотнями тысяч бежавших с фронта. Военный министр предлагал всем гражданским властям принимать самые решительные меры к задержанию дезертиров. Были организованы специальные вооруженные команды для сопровождения маршевых частей¹⁵⁵.

Прибывшие на фронт новобранцы лишь усилили революционные настроения солдат в окопах, среди них все чаще встречались участники стачек и крестьянских выступлений в тылу. Находившиеся поблизости от Петрограда Северный фронт и Балтийский флот становились главными центрами развития большевистской пропаганды в армии и флоте. Во флот, представлявший собой сосредоточение новейшей техники, мобилизовывались лучшие рабочие-металлисты, среди которых было немало большевиков. При Петербургском комитете большевиков была создана Центральная военная организация, связывавшая воедино многие воинские и флотские части. Она вела агитацию среди матросов Балтийского флота.

19 октября 1915 г. началось восстание на линкоре «Гангут». Корабль был окружен миноносцами и подводными лодками, только с их помощью удалось захватить корабль и арестовать 95 матросов. Однако крейсер «Рюрик» отказался конвоировать восставший линкор. Вслед за «Рюриком» началось восстание на линкоре «Павел I», крейсере «Россия», учебном судне «Двина». Только через три дня взбунтовавшихся матросов доставили в Кронштадт. Все они были переданы военно-полевому суду. Несмотря на всю жестокость допросов и благодаря стойкости моряков руководителей восстания выявить так и не удалось. До тысячи моряков было списано с судов и береговых батальонов. Подсудимые были сурово наказаны: приговорены к расстрелам и к разным срокам каторжных работ.

Затяжной характер войны вызвал еще большее недовольство и упорство в крестьянском движении в 1916 г. Новому подъему стачечного движения сопутствовало уже 294 крестьянских выступления, а на первые два месяца 1917 г. приходится уже 51 выступление, причем это по далеко не полным данным официальных документов¹⁵⁶. В деревне разгоралась настоящая война, так как третья часть этих выступлений подавлялась с помощью стражников и воинских команд. Подъем крестьянского движения

пришелся на летние месяцы — июнь-июль 1916 г. Наиболее массовые выступления в деревне совпали с рабочими стачками в крупных промышленных центрах. Полиция отмечала: «Все ждут не дождутся, когда же наконец окончится эта проклятая война. Крестьяне охотно беседуют на политические темы, чего до начала войны, после 1906 г., почти совершенно не наблюдалось... Настроение деревни стало резко оппозиционным»¹⁵⁷. Наиболее сильным крестьянское движение было в губерниях Северного Кавказа, в области Войска Донского, в некоторых губерниях Центрально-промышленного района и прифронтовой полосы. Крестьяне с большим упорством, чем ранее, громили и поджигали имения и хутора, организовывали массовую потраву полей и лугов. Еще шире развернулась борьба против всевозможных реквизиций — хлеба, фуража, скота и т. д. В этой постоянно нарастающей борьбе значительно ярче определялся классовый характер крестьянского движения. В некоторых районах реквизицию хлеба проводить стало просто невозможно. Крестьяне говорили: «Начните реквизиции с помещиков, а потом берите хлеб у нас, ранее же этого мы реквизировать хлеб не дадим»¹⁵⁸.

Большевики стремились поддержать крестьянские выступления: посылали в деревни агитаторов, издавали листовки, обращенные к крестьянам. Во многих районах крестьянские выступления приняли политическую направленность: «В деревнях наблюдается революционное брожение вроде того, которое имело место в 1906—1907 гг.,—сообщала царская охранка в конце 1916 г.,— повсюду обсуждаются политические вопросы, делаются постановления, направленные против помещиков и купцов, устраиваются ячейки разных организаций. Таким образом, крестьянство, несомненно, окажется весьма действенным участником пового и неизбежного движения»¹⁵⁹.

В 1916 г. всю страну охватили волнения на почве дороговизны, нехватки товаров. Они отличались массовостью, большой силой народного гнева. Среди крестьян наибольший размах это движение приняло в тех местах, где было много сельского пролетариата — на Северном Кавказе, на Дону. Как в городах, так и в деревнях усилилось и приобрело массовые масштабы движение женщин-солдаток («бабы бунты»). Поводами для такого выступления могли быть и требование предоставления

работы, и возмущение очереди за продовольствием, углем и дровами, и протест против мобилизационных наборов. Были причины и политические — сообщения в газетах о неудаче на фронте, требование освободить арестованных за революционные выступления и т. д. Массовые «бабьи бунты» начались в феврале 1916 г., достигнув особого размаха в ноябре. Они охватили Воронежскую, Нижегородскую, Оренбургскую, Кубанскую, Ставропольскую, Харьковскую, Таврическую, Черниговскую, Подольскую, Киевскую губернии, Поволжские районы, Урал (Пермская губ.), некоторые районы Сибири. В ряде случаев эти «бунты» насчитывали тысячи участниц. Так, в Оренбурге в начале мая 1916 г. произошло сильнейшее выступление женщин, в котором приняло участие более 2 тыс. человек. В Кубанской области в движение было вовлечено до 3 тыс. человек, в Ставрополе — 5 тыс. В Нижегородской губернии «бунты» коснулись и городов и деревень, в них приняло участие почти 25 тыс. Большевицкая печать отметила специфически социальный характер массового движения женщин как важный фактор нарастания революционного движения в России.

В середине 1916 г. арепой массовой ожесточенной классовой борьбы становятся Средняя Азия и Казахстан, а также Северный Кавказ и Закавказье. Восстания здесь нерусских народов, будучи в основном крестьянскими по своему составу, отражали, с одной стороны, классовый протест против помещиков, а с другой — были ярким выражением борьбы угнетенных народов против царизма. Большое возмущение в среде этих народов вызвал царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации «инородческого населения» на военно-тыловые работы. Начавшись в конце июня — начале июля 1916 г., восстания в Средней Азии и Казахстане длились по нескольку месяцев. Они имели глубокие социально-экономические и политические предпосылки, порожденные всей системой колониальной эксплуатации этих земель. В годы войны здесь уровень жизни крестьян (дехкан) понизился в связи с массовыми изъятиями земель, ростом налогов («кибиточная подать»), военными реквизициями на нужды фронта, а также установлением монопольных цен на хлопок, которые не покрывали даже затрат хлопкоробов на его производство «Кахат-чилик» — «голодный год» — так называли 1916 год дехкане и городская беднота Средней Азии¹⁶⁰.

По царскому указу, явившемуся поводом к восстанию, для работы в тылу (в основном в качестве землекопов и на другие виды строительных работ) насильственно сгонялось почти полмиллиона трудящихся местных национальностей. Стихийно возникли демонстрации протеста против составления списков мобилизованных. В Ходженге в начале июля 1916 г. в демонстрации приняли участие и крестьяне-дехкане, и городская беднота. Из толпы доносились крики: «Не дадим рабочих!», «Лучше быть убитыми!», «Давайте списки!».

Восставшие врывались в царские канцелярии, убивали полицейских и чиновников, уничтожали списки мобилизованных. Вскоре обнаружились и более глубокие причины движения казахов, киргизов, туркмен, а именно классовая ненависть к баям, манатам, ростовщикам. К дехканам присоединялись рабочие, ремесленники. Буржуазные националисты-джадиды и алаш-ардынцы открыто помогали царским властям. Во второй половине ноября 1916 г. число повстанцев достигло 50 тыс. Для усмирения восставших пришлось бросить десятитысячную карательную экспедицию.

Восставшие были разбиты. Однако они поняли, что без свержения царского «ига» им не освободиться и от собственных угнетателей. Дехканские массы не были одиноки. Плечом к плечу с ними выступали рабочие — железнодорожники, строители, кожевники, работники хлопкоочистительных заводов, демократические слои города. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане явилось еще одним проявлением вызванного войной революционного кризиса, пробудило к политической борьбе новые слои трудящихся масс, ранее в ней не участвовавших. Росло сплочение вокруг пролетариата новых слоев угнетенных национальностей.

Пролетарские стачки 1916 г. подняли к борьбе более широкие солдатские массы, среди которых усиливается стремление к миру. Это настроение было несколько сбито частичным наступлением на Юго-Западном фронте в начале весны. Но уже в апреле цензура отмечала, что «писем с пожеланием мира стало встречаться даже несколько больше, чем прежде»¹⁶¹. В 1916 г. значительно усиливается братание на фронте. Перемирие, устроенное солдатами весной 1916 г. во время пасхальных дней, приняло небывалые размеры. Началось повсеместное «христосование» русских солдат с австрийцами. Результатами

этих общений стали разговоры с неприятельскими солдатами на тему «зачем воевать, братья» и подобные дружеские обсуждения других тем, участились и перебежки. На Юго-Западном фронте стремление к прекращению войны нарастает осенью — зимой 1916 г. Так, например, цензорами Одесского военного округа отмечалось, что если желание скорейшего мира в сентябре 1916 г. обнаруживалось лишь примерно в 25% писем, то в октябре — уже в более 50%, а в декабре — в 66%. Все эти письма свидетельствовали и о другом: часть армии поднимается до понимания того, что если война не кончится, то в решение этого вопроса необходимо будет вмешиваться самим солдатам. Так, например, в одном из писем, направленном в декабре 1916 г. в Красную Балку (район Кривого Рога), говорилось: «В газетах есть толки о мире, но это неправда. Россия велит продолжать войну до конца. Только тогда будет мир, когда герои бросят оружие, тогда они сами увидят, что нужно мириться». Конечно, автор этого письма еще не дошел до понимания необходимости повернуть оружие против зачинщиков войны, но в этом и в других письмах того же рода лозунг мира переходит в осознание необходимости активного действия.

Следующим шагом в том же направлении было выражение солдатами надежд на прекращение войны с помощью рабочих, путем развития стачечного движения в стране («путем забастовок внутри России», как указывалось в одном из писем, просмотренных военной цензурой Киевского военного округа).

Забастовочная борьба рабочего класса была вдохновляющим примером для солдат. В тыловых гарнизонах военное командование не могло изолировать их от контактов с рабочими и вообще с населением, в результате чего в среде низших чинов военнотружущих усилилась восприимчивость к проявлениям социальной несправедливости. На фронте случаи отказа идти в наступление («забастовки солдат»), имевшие место ранее, принимают массовый характер. Солдаты сами называли отказ идти в наступление «забастовками». В письмах сообщалось: «Теперь наши войска бастуют, больше не будем наступать, довольно нашу кровь пить...» или «Наш полк был в наступлении два раза, а третий раз не пошли в наступление, третий полк и шестой полк забастовали и не пошли наступать».

Братцы! Да какое время
на мы будем в воем войну
Зотъ уже пять летъ воем на
премъ годъ какъ мы и наши
литва и отъ страдаль и уби
сютъ насъ немало. Братцы
падучеайте не усеялими краве-
кадьяе двери что бы убивать
людей воем. ~~Даже воем воем~~
Настало время окончить вой-
ну. То все выкажили рукава
и убили. Какъ мы сороки воем
и не знаемъ и не знаемъ
время. Братцы, ведь я знаю, что вы
урадо, а насъ заетъ все. Яотъ
Тавать. ~~но не делаемъ, что~~
если будемъ много пунать ~~каждъ~~
наво что бы пабидитъ Теренъ

пойм дажже кончить войну
пусть, пусть воемъ кто
судитъ прада, а насъ не
никаво слышала и сямъ воем.
Будутъ насъ воемъ воемъ
то некадите ни одинъ пунтъ
топъ идетъ кто будетъ ~~воемъ~~
а воем. Поймите если вы пайде
наступать и насъ поже
у прилю ноте на падрержку ~~не воем~~
то мы ~~воем~~ ~~воем~~ одного воемъ воемъ
не оеи воемъ воемъ воемъ
пунтъ на неинца, мы на воемъ и воемъ
на каеъ тое, проеишь передатъ
Бедя воемъ пунту
Проевасли с. пах тоне
К. в. воем-
1922-й Жидричепиш пунтъ

Воззвание солдат 12-й роты 482-го Жиздренского полка об отказе идти в наступление. Найдено в окопах в 1916 г.

После октябрьских событий 1916 г. в столице царские власти не без основания стали опасаться, что вскоре начнется массовый переход солдат на сторону революционного парода, интересы которого для них становятся «более понятными и близкими, нежели выполнение воинского долга». Военная цензура отмечала, что и просмотр солдатских писем показывает, что повсюду в армии «произошел какой-то перелом в настроении в худшую сторону», что это было связано с очередными военными неудачами и усталостью солдат от войны. В отчетах цензоров Юго-Западного фронта отмечалось в конце 1916 г., что солдаты чуть ли не в один голос заявляют, что «пора бросить воевать, необходимо проложить дорогу мира на фронте». «Говорят, мир скоро будет, — писали солдаты, — но оно и так видно, что некуда дальше воевать...». В солдатских письмах находили отклик и подавления «бабьих бунтов» в деревнях: «Мы теперь воюем с врагами и защищаем родину, а они нападают на баб несчастных, но ничего, мы раньше с немцами расправимся, а вернемся домой, так отплатим...». В ряде писем в конце 1916 г.

мелькала мысль, что в тылу можно будет добиться каких-нибудь улучшений лишь в том случае, если солдаты вернутся домой с оружием в руках. Возбуждение в армии вызвали слухи об очередной реквизиции хлебных запасов в деревне, о столкновениях по этому поводу крестьян с командами уполномоченных по поставке хлеба для армии. Слухи эти усилили дезертирство. По официальным данным, к концу 1916 г. число дезертиров в армии достигло 1,5 млн. человек. Увеличилось число дел о предании суду за отказ от выполнения приказов старших по званию, критику офицеров, призывы к избиению начальников.

Проявления недовольства среди мобилизованных, запасных и фронтовиков охватывали все более широкие участки фронтов (даже отдаленных — Кавказского и Румынского) и становились все более массовыми. 22—26 октября произошло выступление 4 тыс. балтийских моряков и солдат, отправленных на фронт за участие в осенних «беспорядках» на распределительном пункте в Гомеле. Оно окончилось перестрелкой между восставшими и воинскими командами, посланными для их усмирения. После массовых арестов и полевого суда 11 участников выступления были расстреляны. Почти одновременно произошло восстание и на другом распределительном пункте в Кременчуге. На фронте во время декабрьских боев на Рижском плацдарме отказались наступать солдаты 2-го Сибирского корпуса. Инициатива принадлежала 1-му батальону 17-го стрелкового полка. Полк был с трудом разоружен, 24 солдата расстреляны по приговору военно-полевого суда. В январе 1917 г. отказались выйти на позиции солдаты 223-го Одоевского полка.

Повсюду, где вспыхивали выступления солдат, действовали революционные организации. Шел процесс слияния двух факторов — стихийного брожения солдатских масс и революционной агитации большевиков. Активную работу в армии вели видные деятели большевистской партии — М. В. Фрунзе, А. Ф. Мясников, С. М. Киров, Я. Ф. Фабрициус, А. А. Жданов. Они укрепляли революционные позиции не только в действующей армии, но и в запасных воинских частях, расположенных в Петрограде, Москве, Киеве, Минске, Баку, Тифлисе, Харькове, Екатеринбурге и других городах, среди моряков Балтийского и Черноморского флотов. В настоящее время установлено существование 150—160 большевистских орга-

низаций, кружков, групп, действовавших в войсках и во флоте к концу 1916 г.¹⁶² В тыловых гарнизонах работа большевиков велась даже в более широких масштабах, чем в действующей армии, где условия для этого были много труднее. Из тыловых гарнизонов, госпиталей, лазаретов революционная агитация по разным каналам проникала на фронт.

Говоря о нарастании революционного движения в армии в конце 1916 г., нельзя не учитывать и общего настроения младшего и среднего офицерства, состав которого изменился в сторону демократизации и в среде которого из бывших офицеров запаса было немало революционеров, в том числе и большевиков. Кружки оппозиционно настроенных офицеров появились даже в штабах армий, среди гвардейских офицеров, именующих себя «декабристами»¹⁶³, которые видели своими глазами поражение, недостатки военной техники, боеприпасов, снаряжения; они также выражали сомнение в способности правительства вести войну.

Итак, яркой чертой общенационального кризиса певиданпой силы, вызванного в России первой мировой империалистической войной, являлось слияние в единый поток революционного движения рабочих и крестьян, как в центре, так и в национальных районах страны, растущее недовольство среди всех демократических слоев населения.

Подчеркивая значение войны как одного из факторов, ускоривших революцию в России, В. И. Ленин раскрыл связь революционного кризиса в России на почве буржуазно-демократической революции с растущим кризисом на Западе на почве пролетарской, социалистической революции. «Эта связь,— указывал В. И. Ленин,— настолько непосредственна, что никакое отдельное решение революционных задач в той или иной стране невозможно: буржуазно-демократическая революция в России теперь уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе»¹⁶⁴. Повсюду шел процесс превращения войны империалистической в гражданскую. Партия большевиков во главе с В. И. Лениным, определив пути развития рабочего и крестьянского движения в стране к новой революции, твердым курсом вела по этому пути многомиллионные трудящиеся массы России.

Одним из самых рельефных проявлений революционного кризиса 1915 г. в России было усиление оппозиционных настроений в буржуазных кругах, переход отдельных представителей правых партий в оппозицию к существующему режиму, нарушение работы механизма государственного аппарата, падение авторитета царского правительства, усиление роли дворцовой камарильи. «Кризис верхов» потряс оба «высших» класса — помещиков и буржуазию — и правительственный и либеральный лагеря. Нарастание в стране революционного движения под руководством пролетариата делало оба эксплуататорских класса союзниками в борьбе против народных масс. Однако это единство не исключало конкуренции между помещиками и буржуазией в борьбе за право верховного господства в стране. И вступление России в войну не только не сняло, но еще более обострило этот конфликт.

Так же как и в других странах, в России начало войны вызвало взрыв шовинизма в буржуазно-помещичьих кругах. Либеральная буржуазия провозгласила лозунги «Все для войны!», «Все для победы!», с энтузиазмом проповедовала идею забыть «внутренние распри» и укрепить «единение царя с его народом». 26 июля 1914 г. под этим лозунгом в Зимнем дворце открылось экстренное совместное заседание Государственного совета и Государственной думы для утверждения сметы военных расходов. Либеральная буржуазия целиком и полностью одобрила империалистическую внешнюю политику царизма. На следующий день с трибуны белоколонного зала Таврического дворца, куда были перенесены заседания Государственной думы, полились речи о «миролюбии» России, ее верности союзникам, о помощи малым народам — «братьям-славянам», «защите русской культуры от германского нашествия». Выступали и глава правительства И. Л. Горемыкин, и председатель Думы М. В. Родзянко, и кадет П. Н. Милюков, и черносотенец Марков 2-й. Министр финансов П. Л. Барк красочно обрисовал блестящее финансовое положение страны.

Буржуазия включилась в идеологическую обработку общества, призывая отложить все «споры» с правительством по вопросам внутренней политики и начать «оборону» русской земли¹⁶⁵. Громадный, чудовищный аппарат лжи и хитросплетений был пущен в ход, чтобы

заразить массы шовинизмом, вызвать представление, будто царское правительство ведет «справедливую» войну, бескорыстно защищая славянские народы. Вся эта пропаганда велась классом помещиков и верхами торгово-промышленной буржуазии во имя громадных материальных выгод, получаемых от военных поставок в период войны, а в случае победы — от раздела турецкого и австрийского наследства. Русский либерализм, выродившись в национал-либерализм, «состязался в патриотизме» с черной сотней, вотируя военные кредиты и сам получая немалую прибыль. Например, в военных поставках был заинтересован уже с первых дней войны сам председатель Государственной думы М. В. Родзянко, который получил выгодный заказ на поставку военной продукции, суливший ему большой доход.

Задачу привлечения широких кругов буржуазной общественности к совместным с правительством трудам по обороне государства поставили перед собой тогда же и возникшие Земский и Городской Всероссийские союзы. (Главным уполномоченным Земского союза был избран прогрессист кн. Г. Е. Львов, которому через два с половиной года предстояло возглавить буржуазное Временное правительство; главным уполномоченным союза городов был назначен московский городской глава, правый кадет М. В. Челноков.)

Однако царская бюрократия с недоверием и настороженностью отнеслась к самостоятельности буржуазной общественности. Даже очень осторожное упоминание в кадетской «Речи» от 15 августа 1914 г. о необходимости более действенного взаимодействия власти и общества было понято как требование буржуазии выхода в отставку кабинета министров, закончилось штрафом газеты на 3 тыс. руб. и угрозой, что следующей мерой будет закрытие газеты.

Кадеты, прогрессисты, социал-шовинисты недоумевали по поводу реакционных выходов правительства, его недоверия к «общественным силам». Успехи немцев во Франции и Восточной Пруссии усиливали тревожность буржуазии. На совещаниях кадетов, прогрессистов и социал-шовинистов заходила речь о своевременности обращения к царю с адресом (или депутацией), чтобы раскрыть ему глаза на опасность такого курса правительства. Однако руководящее ядро ЦК отвергало как обращение к царю с адресом, так и использование дум-

ской трибуны для критики правительства. Милюков опасался что «критика расколет то единство, которое было проявлено 26 июля,— единство, как оказывается, довольно фиктивное, но его надо все же некоторое время поддерживать, так как демонстрация расхождения между властью и народом была бы очень неудобна с общей точки зрения»¹⁶⁶.

И даже после того, как министр внутренних дел Н. А. Маклаков внес 18 ноября 1914 г. в Совет министров записку, в которой заподозрил Земский и Городской союзы в политических интригах, требуя сузить задачи их деятельности, и Совет министров согласился с предложением Маклакова, это не вызвало активного протеста либеральной буржуазии Государственной думы. Тот же левый кадет Милюков на заседании ЦК кадетской партии заявил 21 декабря, что при настоящих условиях, когда борьба с внешним врагом не закончена, оппозиция должна воздерживаться от открытых и ярких выступлений, которые стимулируют реакционные действия правительства.

Почему же правящие сферы отвергали, как пишут исследователи, «с порога» всякую мысль о смягчении реакционного курса? Это, как уже отмечалось, хорошо формулирует одна из записок, представленная 31 января 1915 г. в правительство. Царское правительство было убеждено, что «уступки открыто поставленным политическим требованиям почти никогда не приводят ни к доверию к правительственной власти, ни к продолжительному успокоению... Обычно они вызывают новые требования и дальнейшее ослабление правительственной власти». «В основе политики „твердой руки“ лежало предположение, что война будет в конечном счете успешной, а „всякая победоносная война дает обычно могучие средства к усилению правительства“»¹⁶⁷.

С января 1914 г. во главе правительства встал опытный чиновник, пользующийся доверием правых, преданный монарху семидесятипятилетний И. Л. Горемыкин, противник каких бы то ни было уступок буржуазии и тем более Государственной думе. В составе кабинета Горемыкина были деятели, готовые идти на сотрудничество с буржуазией: министр иностранных дел С. Д. Сазонов, министр земледелия А. В. Кривошеин, близкий к банковским кругам морской министр И. К. Григорович и др. Однако не они определяли государственные дела

и даже не сподручные Горемыкина, а крайние правые: министр внутренних дел Н. А. Маклаков, военный министр В. А. Сухомлинов, министр юстиции И. Г. Щегловитов, обер-прокурор Синода В. К. Саблер и др. Своеобразной в правительстве была роль премьера. Это была и своего рода «страховка» самого монарха. В случае если принятое решение на практике оказывалось неудачным, царь мог все свалить на премьера и потребовать его отставки. Отсюда — одна за другой отставки премьеров в период обострения «кризиса верхов».

В начале войны главные дела Ставки, снабжение армии оружием, были сосредоточены в руках представителей императорского дома. Верховным главнокомандующим был вел. кн. Николай Николаевич. Поставкой оружия в армию занималась комиссия (довольно бездейственная) другого вел. кн. — Сергея Михайловича: с первых же дней войны оружия на фронте не хватало, и эта проблема не могла решиться, в том числе и из-за трений между ведомствами, из-за того, что Ставка не установила делового оперативного контакта с министерствами.

Неудачи на фронте уже на первом этапе войны, к которым прибавилось растущее революционное движение в тылу, сильно разочаровали буржуазные круги. Уже весной 1915 г. «патриотический подъем» либеральной буржуазии сменился «патриотической тревогой».

Когда стало ясно, что война приняла затяжной характер, воюющие государства вступили на путь «регулирования» экономики. В России оно началось с запозданием прежде всего потому, что здесь государственный строй отличался «резко докапиталистическим характером»¹⁶⁸. Намереваясь одновременно в какой-то мере нейтрализовать растущую оппозицию, царизм вынужден был пойти на привлечение буржуазии к делу мобилизации промышленности, а также на частичные изменения в составе правительства.

В мае 1915 г. было учреждено Особое совещание по артиллерийскому снабжению, в которое вошли виднейшие представители финансовой олигархии — А. И. Путилов, А. И. Вышнеградский, представители промышленных организаций, крупные царские чиновники. По инициативе Всероссийского Совета съездов представителей промышленности и торговли в Петрограде с согласия царя был создан Центральный военно-промышленный ко-

митет во главе с председателем Совета Авдаковым (впоследствии его сменил октябрист А. И. Гучков), а в провинции были созданы местные комитеты. Эти организации должны были заняться обеспечением армии боеприпасами и военным снаряжением. В течение двух месяцев было создано 78 областных и местных военно-промышленных комитетов, привлечено для обслуживания фронта более 1300 средних и мелких предприятий. С помощью этих комитетов, а также расширявших свои функции Земского и Городского союзов, образовавших Земгор, буржуазия стремилась договориться с царизмом о совместных усилиях в организации победы над Германией и в разгроме революционного движения в стране. Лидеры буржуазных партий настаивали на регулярных созывах Государственной думы.

В обстановке усиления буржуазной оппозиции царь избрал маневр смены министров. На министерских креслах замелькали, как на ленте синематографа, с убыстряющейся скоростью разные чиновники. За полтора года сменилось четыре председателя Совета министров, шесть министров внутренних дел, четыре военных министра, три руководителя внешней политики. Это было одним из наиболее ярких показателей кризиса политики господствующего класса. В июне-июле 1915 г. с поста обер-прокурора был уволен В. К. Саблер и вместо него назначен А. Д. Самарин, с поста министра внутренних дел был смещен Н. А. Маклаков и назначен кн. Н. Б. Щербатов. За поражения на фронте поплатился карьерой любимец царя военный министр В. А. Сухомлинов, пад ним началось следствие по подозрению в шпионаже. Его заменил довольно «левый» А. А. Поливанов. Министра юстиции И. Г. Щегловитова сменил новый реакционер А. А. Хвостов.

Естественно, царь и не думал ни о каком изменении внутренней политики. Маневр самодержавия был рассчитан на то, чтобы ввести в берега возбужденное буржуазное общественное мнение, отвлечь внимание трудящихся масс от поисков истинных причин военных поражений и симптомов разрухи. Те же цели преследовала уступка Николая II буржуазии в созыве очередной сессии Государственной думы. Еще накануне ее открытия Горемыкин принял группу депутатов из буржуазной оппозиции. Горемыкин категорически отверг все претензии думцев, заявив, что поднятый ими вопрос о том, что царское

правительство не занимается обеспечением фронта, неправомерен и претензии сильно преувеличены, а вообще «если бы даже пришлось отступать до Волги и Камы, то и тогда мы не преклонялись бы перед врагом»¹⁶⁹.

Буржуазия была в растерянности. С одной стороны, грозный призрак растущих стачек, а с другой — неудачи на фронте, пастроение правительства, готового отступить до Волги и Камы.

В обстановке крайнего внутривполитического напряжения и неуверенности, растущей тревоги господствующих классов открылась 19 июля 1915 г. сессия Государственной думы. В выступлениях депутатов — от «социалистов» Чхеидзе и Керенского до кадета Милюкова и октябриста Родзянко, хотя и говорилось о назревшей необходимости «изменить сам дух власти», а в идеале создать «министерство доверия» в стране, критика правительства носила умеренный характер. Она отражала только стремление обеспечить буржуазии «деловое» сотрудничество с правительством, буржуазия пыталась «примириться» с самодержавием. В выступлениях кадетов в лучшем виде проявилась страсть к маклерству, хотя они и пришли на сессию с определенной законодательной программой. Программа была сформулирована в общей форме, что открывало путь для компромиссов по конкретным вопросам. Тогда же Милюков говорил: «Не поддерживать сейчас правительство — это значило бы шутить с огнем. Какова бы ни была власть — худа или хороша, но сейчас твердая власть необходима более, чем когда-либо». В конечном итоге все требования думцами сводились к созданию «министерства доверия» при царе.

В июле 1915 г. отдельные группы, например московской буржуазии, будучи приободренными и даже «умиленными» отставкой ряда реакционных министров, попытались сделать еще один шаг — предложить примерный кабинет «твердой власти». 13 августа в газете «Утро России» — органе промышленных и банковских магнатов во главе с крупным финансистом П. П. Рябушинским — был опубликован возможный состав буржуазного «кабинета обороны», готового служить царю: октябристы Родзянко, Гучков, Савич, прогрессисты Коновалов и Ефремов, кадеты Милюков, Некрасов, Маклаков, Шингарев, от фракций центра — Львов, а также «левые» министры — Поливанов и Игнатьев. Дпем позже октябристы предложили «свой список», примерпо такой же.

Идея создания «министерства доверия» нашла отклик в широких кругах провинциальной буржуазии, если судить по выступлениям в городских думах, а также в Земском и Городском союзах. Она же толкнула к объединению большинства буржуазно-помещичьих фракций Государственной думы и часть фракций Государственного совета в «прогрессивный блок». Переговоры между ними завершились 22 августа подписанием формального соглашения. В «прогрессивный блок» вошли: от Государственного совета — центральная академическая группа и так называемые внепартийные; от Государственной думы — «прогрессивные» националисты, группа центра, земцы-октябристы, фракция «Союза 17 октября», кадеты, «прогрессисты». Вне блока остались думские фракции правых и националисты, безоговорочно поддерживающие правительство, а также трудовики и меньшевики, которые практически проводили линию блока.

В литературе уже неоднократно отмечалось, что общей платформой либеральной буржуазии, до того враждовавших между собой отдельных ее групп, было стремление предотвратить революционный взрыв. Ради этого либералы готовы были пойти навстречу правым, сгладив требования политического характера. Интересно отметить высказывания по поводу «прогрессивного блока», исходящие из разных флангов «верхов». «Не для революции мы призываем власть пойти на соглашение с требованиями общества,— говорил октябрист А. И. Гучков,— а именно для укрепления власти и в целях защиты родины от революции и анархии»¹⁷⁰. Если лидер кадетов П. Н. Милюков сравнивал значение блока со «спасательным поясом тонущей монархии», с «последней попыткой найти мирный исход положения, которое с каждым днем становилось все более грозным», то монархист В. В. Шульгин называл блокистов «пожарными», призванными тушить огонь революции¹⁷¹. Ведущее место в «прогрессивном блоке» заняли кадеты, ставшие как бы выразителями чаяний российской буржуазно-помещичьей контрреволюции.

Но кроме предотвращения революционного взрыва и борьбы с революционным движением, создание «прогрессивного блока», несомненно, отражало и другое, на что и была направлена деятельность блока после его создания,— организацию оппозиционных сил для давления на правительство в целях достижения победы в захват-

нической войне и увеличения доли прибылей и участия буржуазии в управлении страной. «Поражение армий царской монархии — рост стачечного... движения в пролетариате — брожение в широких массах — либерально-октябристский блок для соглашения с царем на программе реформ и мобилизации промышленности для победы над Германией. Такова последовательность и связь событий в конце первого года войны»¹⁷², — писал В. И. Ленин, подводя итоги внутривнутриполитической жизни России в сентябре 1915 г. Это были две главные, связанные между собой стороны новой политической организации русской либеральной буржуазии.

Создание в Государственной думе сравнительно устойчивого большинства на основе своеобразного компромисса между полуфеодальными и буржуазными элементами третьеиюньской системы еще не означало полного краха политики бонапартизма: для возможностей лавирования, которые стали уже, у самодержавия оставались еще органы государственного регулирования (как приманка «министерство доверия», с которым носилась буржуазия) и некоторые другие рычаги. Вместе с тем хотели или не хотели того организаторы «блока», объективно с его созданием над всевластием самодержавия поднимался дамоклов меч, падение которого, однако, готовы были в любую минуту поддержать те же самые участники создания «прогрессивного блока». Отношение к монархии объясняет известная аллегория кадета В. А. Маклакова — одного из активных «блокистов». Маклаков сравнивал царское правительство с безумным шофером, ведущим автомобиль по краю пропасти, и тут же констатировал, что во время войны нельзя у шофера вырывать руль управления страной, поскольку это может привести к гибели страны в результате революции¹⁷³.

Внимательно следя за поведением либеральной буржуазии в России, В. И. Ленин отмечал в работе «Социализм и война»: «Русская либеральная буржуазия окончательно стала на путь контрреволюции. Точка зрения РСДРП в этом вопросе целиком подтвердилась. Разбит жизнью тот взгляд наших оппортунистов, будто русский либерализм является еще движущей силой революции в России»¹⁷⁴.

Центральным пунктом программы «прогрессивного блока» была замена кабинета Горемыкина «кабинетом общественного доверия». При этом демагогически про-

возглашалась необходимость политической амнистии, восстановления профсоюзов и рабочей печати, говорилось о мероприятиях, которые были бы направлены к завуалированию национального гнета и пр. Вот почему, вопреки главной стратегической линии «прогрессивного блока», обнародование его программы на страницах газет сыграло немаловажную роль в усилении антиправительственных настроений, в углублении общеполитического кризиса в стране.

Новую робкую попытку либеральной буржуазии приблизить себя к управлению страной крайне правые встретили с откровенной враждебностью, рассматривая ее как ограбление власти самодержавия. Создание «прогрессивного блока» вызвало ответную реакцию архиреакционной части Государственного совета и Государственной думы. Возник «черный блок», который возглавил Совет объединенного дворянства — опора самодержавия. Эта часть монархистов резко отрицательно относилась ко всей программе «прогрессивного блока» и довольно категорично высказалась за роспуск Государственной думы, как рассадницы оппозиции. Причем возглавляемые Горемыкиным крайне правые быстро ухватились за ахиллесову пята «прогрессивного блока»: они поняли, что либеральная буржуазия не только не готова, но и никогда не решится на серьезные антиправительственные действия из-за боязни революционных выступлений. Осознав, что либеральное оппозиционное движение не только не имеет твердой почвы, но и представляет собой довольно беспомощную организацию, напуганную военными неудачами и угрозой революции и не способную ни на что больше, чем словесная трескотня, Горемыкин предложил немедленный роспуск Думы. Он говорил: «Разойдется ли Дума тихо или со скандалом — безразлично. Рабочие беспорядки разовьются помимо, если вожаки готовы к действиям». Далее он добавил, что «никого, кроме газет, Дума не интересует и всем надоела своей болтовней»¹⁷⁵.

Еще до официального оформления «прогрессивного блока» царское правительство, лелея надежду расправиться с либеральной оппозицией, предприняло ряд шагов навстречу промышленным и финансовым кругам буржуазии. Опасаясь политического усиления буржуазии и стремясь сохранить за собой последнее слово в решении экономических вопросов, царь специальным Положением от 17 августа 1915 г. создал «Особое совещание по обо-

роне» и подконтрольные ему совещания — по топливу, перевозкам, продовольствию. Эти уступки в определенной степени соответствовали планам крупной буржуазии, однако были весьма далеки до полного удовлетворения ее желаний. В работе совещаний под председательством царских министров (военного, торговли и промышленности, путей сообщения, земледелия) должны были участвовать представители буржуазных общественных организаций — Центрального военно-промышленного комитета, Земского и Городского союзов, Думы. Распорядительную и исполнительную власть при этом имели только министры и их уполномоченные на местах.

Создание системы «особых совещаний», ставших составной частью российского государственно-монополистического капитализма, в известной степени соответствовало потребностям военной экономики. Со стороны же Николая II «разрешение» их было лишь очередным вынужденным шагом царизма. У него не было альтернативы. Суть политических противоречий в годы войны, отражавших противоречия между базисом и надстройкой, осталась неизменной. После провала столыпинской политики — ставки на кулака — царизм приостановил выделения. Буржуазия по-прежнему была самостоятельным лагерем на политической арене борьбы за власть, поскольку в истории еще никогда не было, чтобы крепостники-помещики передали бы власть добровольно другому — пусть даже эксплуататорскому — классу. И это противоречие, игравшее в общем и целом «на революцию», сохранялось всей политикой самодержавия, которое только делало шаги по пути «превращения в буржуазную (не власть вообще, а) монархию, причем реальная власть остается, сохраняется в руках феодалов...»¹⁷⁶. Неизменной оставалась и тактика самодержавия водить за нос буржуазию, но власти ей не отдавать.

Один из бывших царских чиновников А. Д. Бубнов размышлял на досуге в эмиграции о положении в «верхах» тех лет: «Николай II... твердо верил, что власть дана ему богом и что его долг состоит в том, чтобы сохранить ее неумаленной; вследствие этого он отвергал всякие попытки самодетельности и инициативы „общественных сил“, видя в этом посягательство на его власть»¹⁷⁷. Русское самодержавие в этом отношении выполнило свой долг перед классом помещиков до конца.

Во время кризиса «верхов» 1915 г. царь (в бумагах

которого имелись составленные думцами три списка кандидатов в «министерство доверия»¹⁷⁸) вполне разделял мнение Горемыкина, что думцы зашли слишком далеко и что необходим роспуск Государственной думы. Но сделать это царю мешала неблагоприятная ситуация на фронте. К 20-м числам августа фронт стабилизировался, на некоторых участках армия перешла к активным действиям, улучшилось артиллерийское снабжение. Царской камарилье не было надобности продолжать игру с либеральной оппозицией. На следующий день после образования «прогрессивного блока», 23 августа, царь, отстранив от должности вел. кн. Николая Николаевича, принял на себя роль верховного главнокомандующего и выехал в Ставку. Этим Николай II хотел укрепить власть самодержца, внушить народу, что в тяжелую годину военных испытаний «сам царь встал на защиту своей страны». Вместе с тем это означало, что царь переходит к обузданию либеральной оппозиции. Ознакомившись перед отъездом с программой «блока», царь прежде всего категорически отклонил всякие либеральные заигрывания с рабочими через ВПК. Уже в Ставке он получил сообщение от Горемыкина, суть которого была ясна: соглашение с оппозицией не достигнуто и даже сближения точек зрения не произошло¹⁷⁹.

29 августа Горемыкин выехал в Ставку и возвратился оттуда с повелением о роспуске Думы. 3 сентября в наступившей тишине зала Таврического дворца... стоя выслушали депутаты Государственной думы указ о «перерыве» ее заседаний, прокричали верноподданническое «ура» и в растерянности разошлись.

Роспуск Думы завершился увольнением в отставку проявивших себя «левыми» министров Кривошеина, Самарица, Щербатова.

Дальнейшие действия основных оппозиционных сил буржуазно-либерального лагеря были характерными для русской либеральной оппозиции в подобных случаях: когда всякие «решительные действия», которые предлагали левые кадеты, отклонялись большинством оппозиции, весь либеральный лагерь сходил на тактику «мирного» давления на правительство, на терпеливом ожидании политических подачек самодержавия, возможности обращения к царю с петициями и т. д. и т. п.

Поскольку царь отказался лично принять Родзянко, тот 12 сентября направил ему свой письменный вернопод-

подданнический доклад с целью уладить отношения царя с «прогрессивным блоком». Родзянко писал, что Государственная дума может стать тем «предохранительным клапаном, который предотвратит отдельные вспышки всевозможных эксцессов» в стране¹⁸⁰, что не понимать этого, как Горемыкин, — преступление. Родзянко требовал от имени «прогрессивной общественности» отставки («удаления от дел») премьера, который, став «на опасный путь превратного толкования» положения дел в стране, может довести ее до революционных потрясений.

После разгона Думы часть недавно оппозиционной буржуазии целиком ушла в деловое сотрудничество с правительством в «особых совещаниях», лакейски благодаря его за новые возможности получения огромных барышей на военных поставках. К этому времени относится попытка определенных кругов кадетов получить поддержку среди городских обывателей путем создания (через потребительское общество «Кооперация» и др.) «обывательских комитетов»¹⁸¹. Некоторые незначительные элементы буржуазии, объединившиеся вокруг ВПК, искали возможности, вопреки изъавленному неодобрению со стороны царя, добиться привлечения на свою сторону путем сближения с вождями мелкобуржуазных партий оппортунистических элементов в рабочем движении. Как было показано выше, эти попытки потерпели полный провал прежде всего вследствие узости социальной базы либеральной буржуазии, а главное — вследствие растущего революционного движения и борьбы большевиков против рабочих групп ВПК. Этот постоянно действующий фактор не давал рассосаться «кризису верхов», продолжал расшатывать механизм государственного устройства, держал в напряжении организации помещиков и буржуазии.

Резкий крен внутренней политики царского правительства вправо осенью 1915 г., проделанный по утвержденной царем программе новым министром внутренних дел в составе правительства Горемыкина А. Н. Хвостовым, не разрешил, а углубил кризис в «верхах». Эта программа свелась к подавлению и так называемых общественных (читай: буржуазных!) организаций, разжиганию национальной розни, и прежде всего антисемитизма, т. е. к открытому черносотенному курсу. В обстановке разброда и растерянности, охватившей оппозиционные группировки в «прогрессивном блоке»,

а также внутренних противоречий, снижения политической активности буржуазных организаций обозначилось окончательное падение авторитета царского правительства. Оно сопровождалось усилением влияния в придворной камарилье «темных сил», нашедших наиболее яркое и законченное олицетворение в так называемой «распутинщине», являвшейся *следствием* кризиса правящих верхов, распада, разложения, «гнилости» самодержавия¹⁸².

Работы советских историков и некоторых историков за рубежом раскрывают подлинную роль Распутина в ближайшем окружении царя и само явление «распутинщины» как проявление высшей стадии разложения самодержавия.

Григорий Распутин (его настоящая фамилия — Нových) — крестьянин, изгнанный из родного села в Тобольской губ. за конокрадство, пьянство и разврат, будучи уже тридцатилетним, добрался до Петербурга. В 1905 г., когда в аристократических и великосветских кругах буйствовала мода на юродивых, хиромантов и пророков, Распутин авантюристически проник в великосветские салоны под видом «святого старца», «прорицателя». Вскоре он стал известен царице Александре Федоровне — урожденной немецкой принцессы Алисы Гессенской, которая, став супругой русского императора, увлеклась новой для нее православной религией. Это увлечение императрицы в сочетании с мистицизмом достигло чрезмерных пределов. Спальня царской четы в Зимнем дворце была завешана несколькими сотнями икон. Войдя в доверие к царской семье под видом «святого старца», Распутин умело использовал панический страх императрицы за здоровье наследника Алексея, больного гемофилией. Несколько случаев, когда Распутин останавливал кровь при незначительных царапинах последнего, неожиданно укрепили его положение при дворе, в результате чего он был назначен царским лампадником. Но главное — Распутин уловил то, что Николай II был ярким противником любых перемен в угоду думской либеральной буржуазии, ненавидел Думу, лелея надежду отобрать у нее даже ту мизерную власть, которую она имела, и превратить в абсолютно послушное ему учреждение. Поэтому все свои «советы», которые, кстати, направлялись определенными кругами придворной камарильи, все свое «пророчество» Распутин

направил на защиту самодержавного строя, чем и завоевал доверие в царской семье.

Некоторые историки в прошлом усматривали в Распутине всемогущего фаворита, «некоронованного властителя царской России», даже «нечистую силу», простершую свое влияние над страной, приписывали Распутину прямо-таки роковую роль в судьбе царизма¹⁸³. Ошибочно преувеличивать роль самого Распутина, смещать акценты в оценке исторического процесса, подменять историю классовой борьбы идеей саморазложения самодержавия. В приверженности к полуграмотному «провидцу» нашли наиболее яркое выражение мракобесие, изуверство, моральный распад, весьма характерные для «последней черты», до которой дошла правящая верхушка царской России. Следует согласиться с советским историком Е. Д. Черменским в этом вопросе и с английским историком Н. Френклендом, которые выражают одну и ту же мысль, что Распутин даже в период наибольшего его возвышения среди придворной камарильи мог подавлять волю лишь некоторых истеричных особ из своего окружения¹⁸⁴. Поэтому он имел определенное влияние и на царицу. Но «секрет» его влияния в данном случае заключался в том, что этот авантюрист-приспособленец умел придавать «царствующим особам» уверенность в правоте тех мнений, которые уже у них сложились. Беседы с Николаем II были у Распутина, как правило, кратки. И «советы» ему Распутина относительно государственных дел являлись также своеобразным предвосхищением того, что было в мыслях царя. Распутин умел придать царствующим особам определенную уверенность в принятии ряда уже фактически сформировавшихся решений, соответствовавших определенному политическому курсу. Это касалось и отставки или смены министров, и изменений в кадровом составе министерств. Распутин большой политики не делал и делать не мог, он всего лишь являлся удобным орудием в руках тех или иных политических проходимцев более крупного масштаба, желавших поживиться за счет государственной казны. В фонде одного из них — приближенного к царской семье врача Бадмаева — сохранилась записка осени 1916 г., в которой говорится, что поскольку в «скором времени возможно крушение Распутина, то следует позаботиться о поиске „достойного“ ему заместителя, который также имел бы прямой доступ к коронованным особам»¹⁸⁵.

Царь черпал поддержку своего политического курса не у Распутина, а у всей группы крайне правых (Горемыкин, Голицын и др.), которые его привлекали своей приверженностью к незыблемости монархического правления, к всевластию бюрократии. Характерна записка частного характера Николая II царице из Ставки, в которой он, между прочим, писал: «Только, прошу тебя, не вмешивай нашего Друга (Распутина.— *И. П.*). Ответственность несу я и потому желаю быть свободным в выборе...»¹⁸⁶.

Чем сложнее было положение самодержавия, стремившегося выйти из политического тупика, тем больше разрасталось при дворе влияние придворной камарилли.

Смена премьера в начале 1916 г. не принесла разрядки политической напряженности в «верхах». Репутация в буржуазных кругах Штюмерера, «если не готового предателя, то готового предать»¹⁸⁷, его неумная страсть к казенным деньгам и темным спекулятивным махинациям дискредитировали правительство.

Сделав в начале своей карьеры реверанс в сторону Думы, Штюмерер круто и открыто повернул в сторону реакции, за что его кабинет был назван Милюковым с трибуны Думы «министерством доверия „Союза русского народа“»¹⁸⁸. Забрав в свои руки при помощи Распутина портфели министров внутренних и иностранных дел, Штюмерер наносил удары один за другим по либеральной буржуазии, считавшейся «левой» в правительстве. В июне 1916 г. не без участия Штюмерера была распущена не только Дума, но и Государственный совет. Деятельность «Особого совещания» по обороне была или сочтена находящейся «в резком несоответствии с видами и намерениями правительства», в результате чего военный министр Поливанов был заменен малоизвестным офицером интендантской службы, довольно безликим Д. С. Шубаевым. При поддержке «черного блока» Штюмерер урезывал одну за другой функции буржуазных организаций: были сокращены заказы военно-промышленным комитетам, а также утверждены новые правила, по которым право разрешать съезды буржуазных организаций передавалось в Министерство внутренних дел. Правительство Штюмерера предприняло ряд мер, рассчитанных на изоляцию оппозиционной буржуазии от рабочих масс; главной из них был арест активных деятелей рабочих групп ВПК,

Казалось, что все это должно было вызвать отпор «прогрессивного блока», привести к консолидации сил либеральной буржуазии, особенно в связи с возрастающей ролью деловых ее кругов в экономике страны. Однако под ударами «справа» — от правительства — и «слева» — от революционных сил — в оппозиционном стане среди думской общественности только усилилась дифференциация: появилось бесчисленное число раздираемых внутренними распрями группировок, каждая из которых в конечном счете в той или иной мере проявляла недовольство общей обстановкой в стране, правительством Штюрмера, придворной камарильей.

Все эти внутренние противоречия в «прогрессивном блоке» были обусловлены в конечном счете спорами по поводу того, как обеспечить путем реформ капиталистическую эволюцию России, чего, по сути дела, невозможно было решить вследствие сложного комплекса исторических причин.

Оппозиционные выступления кадетов и некоторых левых октябристов ограничивались заметками в прессе и пессимистическими письмами, циркулировавшими в либеральных кругах. В них говорилось об усилении в правительстве прогерманского влияния, о шпионаже, предательстве. Однако это вело как бы к обесцвечиванию в классовом отношении буржуазной оппозиции, либеральные силы растворялись в бесформенно-рыхлой организации, которая не была в состоянии провести в жизнь какую бы то ни было программу, противоречащую правительственному реакционному курсу. Деловые круги промышленной и финансовой буржуазии стали открыто высказывать недовольство действиями либералов, и прежде всего их заигрыванием с рабочими через военно-промышленные комитеты. Так, например, известный книгоиздатель, капиталист И. Д. Сытин заявлял, что, хотя торгово-промышленный класс хочет создания своей организации, «у него нет ни малейшего желания идти в этом отношении в поводу, на помочах у интеллигентов — политических теоретиков из городского и земского союзов... Довольно того, что военно-промышленные комитеты заваривают с рабочими такую кашу, что после и не расхлебашь... Это слишком опасно, очень далеко они заходят»¹⁸⁹.

В сентябре 1916 г. представители «прогрессивного блока» предложили Родзянко получить аудиенцию у Ни-

колая и просить его о созыве Думы и смене кабинета. Но царь не принял Родзянко. Что касается помещиков, то политика правительства и рост крестьянского движения к осени 1916 г. привели к заметному их поправению, что отметило еще совещание губернаторов летом того же года¹⁹⁰. Дворянско-помещичий класс был занят поисками путей предотвращения экономической разрухи и надвигавшейся революции. Их мог предупредить и сепаратный мир. Политический зондаж о возможности заключения сепаратного мира шел во всех воюющих странах. Многие европейские газеты усиленно муссировали в 1916 г. слухи о якобы готовящемся сепаратном мире между Россией и Германией.

В настоящее время распространено мнение, что реальных шагов к заключению сепаратного мира самодержавие не делало и сделать не могло¹⁹¹. В числе главных причин называют то, что в стране существовала революционная ситуация и самодержавие опасалось, что изменение внешнеполитического курса ускорит революцию.

Действительно, царизм жил в обстановке нарастающего страха по любому поводу, и можно предположить, что это могло распространяться и на сферу внешнеполитических акций самодержавия.

Однако вопрос заключается в том, что́ считать «реальным шагом» в заключении сепаратного мира. Конечно, этот вопрос не мог дебатироваться официально: Россия была связана договорными отношениями с союзниками, открытые переговоры с Германией о мире повлекли бы за собой скандал, которого опасался Николай II. Он великолепно понимал, что в этом случае союзники будут действовать в стране через буржуазную оппозицию, усиления которой царь боялся примерно так же, как и революции. Однако Россия, как и другие воюющие страны, в глубокой тайне вела политический зондаж, который и являлся источником слухов о сепаратном мире между Россией и Германией. Эти слухи проникли и в иностранную прессу.

Вчитываясь в страницы иностранных газет, В. И. Ленин старался получить возможно более полную информацию о том, что делается за кулисами дипломатии в отношении сепаратного мира между Германией и Россией. В статье «О сепаратном мире» (ноябрь 1916 г.) В. И. Ленин указывает, что раздувание прессой слухов об этом

сепаратном мире может быть и маневром ловкого шантажа. «...Царизм покажет Англии готовый проект договора с Германией,— писал Ленин,— и скажет: столько-то миллиардов рубликов и такие-то уступочки или гарантии, а не то я подпишу завтра этот договор»¹⁹².

Но в работах В. И. Ленина содержится и обоснованная тревога по поводу угрозы заключения такого сепаратного мира, поскольку этот мирный договор ничего хорошего не мог принести народам в тех странах, где назревала революция. В России заключение такого мира могло бы только усилить самодержавие, да и позиции империалистической буржуазии во всех странах, которые договорятся о мире («все эти три разбойника (Англия, Германия, Россия.— *И. П.*) усилятся...» — отмечал В. И. Ленин)¹⁹³. В результате этого дальнейшее развитие революционного кризиса сильно бы осложнилось.

Англия и Франция были чрезвычайно обеспокоены доносившимися слухами о возможном заключении сепаратного мира Германии с Россией. Английские дипломаты использовали все средства, вплоть до угрозы отказать в военных кредитах, чтобы даже слухи на этот счет не подтвердились. В числе прочих маневров союзники имели в виду способность консолидации сил либеральной российской буржуазии и установление контактов с ее лидерами. Английский посол Дж. Бьюкенен, пачальник английской разведки С. Хор дипломатично намекали на приемах Николаю II о необходимости иметь министров, «популярных в союзных странах», чем вызвали крайнее «раздражение» царя, заметившего Бьюкенену, что это не что иное, как вмешательство во внутренние дела России. Однако английские и французские дипломаты, в частности посол М. Палеолог, нашли полное взаимопонимание с деятелями «прогрессивного блока», и прежде всего с кадетами. «Кризис верхов» прогрессировал, а связь англо-французского финансового капитала с октябристско-кадетскими деятелями была фактором, способствовавшим обострению этого кризиса.

Осенью 1916 г. грозивший стране голод отчетливо обнаружил и другие ранее невидимые прорехи в государственном аппарате, деятельность которого рождала все новые конфликты между чиновниками различных ведомостей. Государственную машину лихорадило, в правительственном аппарате рождались проекты, один исключавший другой. Некоторые из них, необходимые, может

быть, в иных условиях, не могли быть реализованы по причине полного хаоса в системе управления. «Мероприятия на первый взгляд весьма решительного и бесповоротного свойства,— писали по этому поводу «Русские ведомости»,— быстро следуют одно за другим, но с такой быстротой, что еще до приведения их в действие ограничиваются, отсрочиваются или даже совсем отменяются. Течение дел напоминает в общем ход поврежденной машины, каждую минуту прерываемой судорожными толчками то вперед, то назад»¹⁹⁴.

И царь, и премьер-министр Штюрмер искали возможность переложить ответственность за продовольственное дело на чужие плечи. Кандидатом на пост «продовольственного диктатора» в стране оказался вице-председатель Государственной думы октябрист, член «прогрессивного блока» А. Д. Протопопов.

Назначение Протопопова вначале оживило деятелей «прогрессивного блока». Они даже начали строить планы создания министерства из представителей блока, попутно обсуждая меры подавления революции. В сентябре на одной из частных квартир собралось совещание, на котором присутствовали примерно те самые кандидаты, которых октябристско-кадетская буржуазия прочила еще год назад в состав кабинета «министерства доверия»: Родзянко, Милюков, Гучков, Терещенко, Некрасов, Годнев, Шидловский, В. Н. Львов. Их программа в целом осталась неизменной — тесный контакт царской бюрократии с буржуазными организациями при монархическом строе. «Наше дело,— признала большая часть присутствующих,— добиться передачи власти легальным путем правительству, облеченному общественным доверием. Но, если революция восторжествует, мы не можем не вмешаться в события»¹⁹⁵.

Однако расчеты этой части думской буржуазии оказались также несостоятельными, поскольку планы Протопопова были чисто карьеристскими, соответствовавшими его давнишнему желанию продвижения по служебной лестнице в царском правительстве. И, как только царь наметил его новым управляющим Министерством внутренних дел, он фактически отвернулся от деятелей блока, что, конечно, не могло не озлобить против него лидеров буржуазной оппозиции. Разработанной программы своей министерской деятельности Протопопов также не имел, но это не означало, что у него ее вовсе не

было¹⁹⁶. Были планы, связанные с налаживанием продовольственного дела, но они разбивались то об одну, то о другую буржуазно-помещичью группировку. Так, желая угодить помещикам, Протопопов попытался передать регулирование продовольственного дела в руки земств и при этом установить твердые цены на продовольствие. Решить эти вопросы он предполагал через «Особое совещание» по продовольствию¹⁹⁷. Но земства отказались сотрудничать с Протопоповым: мероприятия, предлагаемые им, могли нанести чувствительный удар землевладельцам, которые богатели во время войны благодаря анархии, позволявшей взвинчивать цены на продукты питания. Боясь стать заклятым врагом крайне правых, к голосу которых прислушивался Николай II, и остаться без должности управляющего Министерством внутренних дел, на которую Протопопов был в это время назначен, он отказался вообще от проявления какой бы то ни было инициативы в продовольственном деле.

«Прогрессивный блок» был крайне разочарован. «Новый министр не виден из-за Штюмерера», — писала газета «Речь»¹⁹⁸. 19 октября Протопопов, как вице-председатель Думы, был приглашен к Родзянко «на беседу». Присутствовали Милюков, Шульгин, Энгельгардт и некоторые другие члены «прогрессивного блока». Здесь они предприняли еще одну, оказавшуюся, впрочем, безнадежной, попытку «договориться» с царским министром и сделать его посредником в борьбе за «министерство доверия». «Мы все ведь монархисты», — сказал Протопопову Милюков от имени присутствующих, доказывая, что ему, Протопопову, как члену Думы, не пристало забывать об интересах «буржуазной общественности». Однако соглашение не состоялось. Честолюбивые планы уже сделали Протопопова к тому времени послушным орудием черносотенной политики и привели в конечном итоге к конфликтам с думской общественностью. После очередного крушения надежд иметь в правительстве «своего человека» деятели «прогрессивного блока» «вспомнили», что есть средство — парламентская борьба¹⁹⁹.

Очередная сессия Думы открылась 1 ноября 1916 г. при большом возбуждении, не имевшем прецедентов за всю историю Государственной думы в России. Буржуазные газеты называли ее даже «антиправительственной». Лидеры «прогрессивного блока» как бы забыв, что любой вызов правительству есть одновременно и шаг в сторону

революции, попустили с трибуны правительство Штюрмера, не способное вести войну и склонявшееся (по слухам) к сепаратному миру. Они обвиняли Штюрмера в шпионаже, требовали отставки его и Протопопова, удаления Распутина. Штюрмер и другие министры вынуждены были покинуть правительственную ложу в Думе.

Кадетам и октябристам вторили «слева» Керенский, а «справа» — монархисты типа Пуришкевича. Милюков, в частности, процитировал место из сообщения «Нойе фрайе прессе», в котором говорилось, что назначение Штюрмера есть победа той «немецкой партии», которую возглавляет императрица. «Что это — глупость или измена?» — спрашивал с трибуны Думы Милюков. Однако за всеми этими громкими фразами о «темных силах», собравшихся вокруг трона, крылось все то же стремление буржуазии к полюбовной сделке с царизмом. «Крики против анархии,— писал В. И. Ленин позднее,— прикрывают лишь корыстные интересы капиталистов, желающих наживаться на войне и на военных займах, желающих восстановить монархию *против* народа»²⁰⁰.

В то время, когда произносились оппозиционные речи в Думе, Родзянко обратился к Николаю II с докладной запиской: «Ваше величество, спасайте себя. Мы накануне огромных событий, которым даже предвидеть конца нельзя... Что же вы хотите — потрясти во время войны страну революцией»²⁰¹.

Милюков писал позднее: «Мы не хотели этой революции, мы особенно не хотели, чтобы она пришла во время войны. И мы отчаянно боролись, чтобы этого не случилось»²⁰². Страх перед революцией мог объединить буржуазию и помещиков по зову любого сильного монарха, готового ее подавить. А пока взоры большинства обращались к Николаю II. Его старались не дать на посмешище, направляли всю ненависть на премьера, Распутина, его окружение, затрагивали царицу, но не царя. О нем ни слова не было сказано даже на скандальной 5-й сессии IV Думы.

Словом, по ту сторону баррикад в борьбе с революцией роли были распределены. Заводчики и фабриканты устраивали локауты, считая их основным средством борьбы с непокорными рабочими. Подсчитано, что только в октябре 1916 г. в Петрограде 12 крупных предприятий Выборгской стороны уволили 41 014 рабочих²⁰³. Прави-

тельство усиливало аппарат подавления. Так, в октябре 1916 г. было издано постановление «Об усилении полиции в 50 губерниях империи», что увеличило штат полиции только в Петрограде почти до 7 тыс. человек, а в ноябре был разослан циркуляр об усилении полиции повсеместно за счет нестроевых солдат. В это время либералы «увещевали царя допустить буржуазию к власти, создать «министерство доверия»²⁰⁴.

Ноябрьская 1916 г. сессия Думы поставила Николая II перед выбором: распустить Думу или немного уступить оппозиции. Царь пожертвовал Штюрмером, видя, что он не пригоден к борьбе с оппозицией и только играет роль «красного флага в этом доме умалишенных», как писала императрица²⁰⁵. Увольнение в отставку Штюрмера было связано и со стремлением Николая II разрядить отношения с союзниками: с 5 по 15 ноября в Шантильи проходила конференция стран — участниц Антанты, и поэтому следовало умерить страсти вокруг слухов о возможном заключении Россией сепаратного мира, что на Западе также связывалось с именем Штюрмера²⁰⁶.

Пост «премьера» занял министр путей сообщения А. Ф. Трепов, младший брат того самого ненавистного народу Д. Ф. Трепова, который прославился в 1905 г. расстрелами рабочих. Впрочем, и этот, третий по счету в 1916 г., председатель Совета министров пробыл у власти невиданно короткий в истории глав правительств срок — 48 дней. А. Ф. Трепов не удовлетворил царя тем, что, несмотря на явное упорство Николая II, не желавшего разбираться в деле бывшего военного министра Сухомлинова, требовал суда над ним. Не нравилось царствующим особам, озлобленным против Думы, что Трепов, желая «смягчить» отношения между Думой и правительством, вел (вопреки их желанию) переговоры с Родзянко. Мало того, в вину А. Ф. Трепову было поставлено и то, что он «проглядел» заговор против Распутина, который был убит в ночь на 17 декабря группой монархистов — Пуришкевичем, кн. Ф. Юсуповым и вел. кн. Дмитрием Павловичем, пытавшимися спасти престиж царствующего дома.

В белоэмигрантской литературе существовала тенденция представлять заговор против Распутина чуть ли не патриотическим подвигом, а ночь убийства 17 декабря — чуть ли не «исторической». Однако это убийство

ничего не меняло в общем ходе политической истории: оно только раскрыло ссору в среде приближенных к царю лиц. Трепов же был заменен князем Н. Д. Голицыным — «министром без программы, без реформ, без доверия, без планов действий», как писала о нем буржуазная газета «Русское слово».

Чувствуя, что почва уходит из-под ног, царизм усилил традиционные методы укрепления своего положения. «Россия любит кнут,— писала царица Николаю II в это время.— Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом — сокруши их всех»²⁰⁷. Уже, но озлобленнее стал круг черносотенцев-монархистов, которые, связывая революционные выступления рабочих с деятельностью Думы, мечтали освободиться «от всяких» банковских, биржевых, предпринимательских и иных «ориентаций», составить «вокруг царя» «совет императорского дома» из всех членов царской фамилии и таким путем возродить «былую силу русской монархии»²⁰⁸. В канун нового года в члены Государственного совета были назначены ряд крайних черносотенцев. Место председателя занял крайний реакционер И. Г. Щегловитов, который сразу же заявил, что Манифест 17 октября 1905 г. «есть потерянная грамота, и нужно вернуться ко времени Михаила Федоровича»²⁰⁹. Это заявление не было случайным. Назначение Щегловитова как нельзя лучше свидетельствует о том, что всем своим политическим курсом самодержавие пыталось вернуться к исходным до революции 1905 г. рубежам. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г. Щегловитов показал, что еще в 1909—1910 гг. Николай II поручил ему прощупать почву о возможности превращения законодательной Думы в законсовещательную. Тот же вопрос царь поставил перед Советом министров в июне 1914 г. В последние же месяцы царствования Николай II подписал приказ о роспуске Думы, чтобы председатель Совета министров в любую минуту мог пустить его в «дело», поставив только число. В то же время черносотенцы сочинили проект выборов в V Государственную думу, назначив в депутаты в подавляющем большинстве представителей дворянства и духовенства²¹⁰. В записке, поданной царю от имени преданных монарху членов Государственного совета (Н. А. Маклакова, А. А. Римского-Корсакова и др.), рекомендовалось ввести в больших городах военное, а если нужно, и осадное положение,

вооружить столичный гарнизон артиллерией и пулеметами, закрыть все органы либеральной печати, милитаризовать оборонные заводы.

Эта записка стала программой действия самой влиятельной фигуры в кабинете Н. Д. Голицына — нового придворного фаворита Протопопова, теперь министра внутренних дел. Программа Протопопова в области внутренней политики сводилась к одному: карать со всей строгостью всякое «проявление неуважения к властям». По приказу Протопопова жандармы и полиция рыскали в поисках арестов революционеров, с ненавистью громили революционные организации. Полиция провела некоторые репрессивные меры в отношении совещаний либералов из союзов городов, военно-промышленных комитетов.

Все это отнюдь не облегчало обострившейся ситуации в «верхах», а, напротив, вызывало опасения даже в среде помещиков, бывших верной опорой самодержавия. На съезде объединенных дворянских обществ они требовали «сильного правительства», могущего предотвратить надвигавшуюся революцию²¹¹, что повергло в уныние самых рьяных защитников абсолютной монархии Николая II. Так, Щегловитов был очень удручен, когда понял, что объединение вокруг Николая II «всех крайних партий» невозможно²¹².

Что же касается другого лагеря, то резкое изменение царем политического курса завело буржуазную оппозицию в тупик. Конец 1916 — начало 1917 г. были потрачены вождями буржуазных либералов на уяснение этой ставшей очевидной истины. Причем как раньше, так и теперь выводы, которые делались различными лидерами оппозиционного лагеря, членами «прогрессивного блока» из одинаковых ситуаций, возникавших в связи с политическим курсом самодержавия, были весьма противоречивыми. И это понятно: «...исторический смысл существования русского либерализма состоял в отстаивании пути приспособления нового к старому, и соответственно сам либерализм имел право на существование лишь до тех пор, пока эта альтернатива еще существовала»²¹³. Политика самодержавия, парализуя это направление действий либеральной оппозиции, наносила еще один удар по самому «прогрессивному блоку».

Извлекая уроки из второго политического кризиса конца 1916 г., небольшая группа буржуазных политиче-

ских деятелей совместно с некоторыми царскими генералами и аристократами (А. И. Гучков, М. И. Терещенко, А. И. Крымов, кн. Д. Л. Вяземский и др.) составили заговор против Николая II. О том, как эта идея возникла, уже подробно рассказывалось в нашей литературе²¹⁴. Всеми участниками заговора двигал прежде всего страх перед революционным взрывом в стране, невозможность помешать «рабочему восстанию». Теперь, в декабре 1916 г., группа заговорщиков оживилась, вдохновленная задачей учинить «моральное насилие» над императором и установить в конечном итоге конституционную монархию. Предполагалось при помощи некоторых гвардейских рот, находящихся в тылу, захватить поезд Николая II, курсировавший по дороге из Ставки в Царское Село, и убедить царя в необходимости передать престол царевичу Алексею с назначением регентом одного из великих князей.

Планы подготовки дворцового переворота известны только из мемуарной литературы. В его обсуждении участвовали в той или иной степени некоторые деятели «прогрессивного блока», за два с небольшим года эволюционизировавшие в своих стремлениях от призывов к единению с царем до необходимости дворцового переворота. Это опять те же лица, кандидатуры которых неоднократно выставлялись для «кабинета доверия», — А. И. Гучков, Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко, А. И. Коновалов, Г. Е. Львов, П. П. Рябушинский, М. М. Федоров, М. В. Челноков, А. И. Шингарев, С. И. Шидловский и др. В планы дворцового переворота были посвящены царские генералы — кроме вышеупомянутого А. И. Крымова, М. В. Алексеев, Н. В. Рузский, А. А. Брусилов, А. И. Деникин. Последний, кстати сказать, ответил заговорщикам категорическим отказом участвовать в дворцовом перевороте. Соучастниками обсуждения планов дворцового переворота были и ближайшие родственники царя — великие князья Николай Николаевич, Кирилл, Борис, Андрей (кстати, первый отверг план заговора). По документам невозможно установить тот факт, что представители союзнических государств (глубоко осведомленные о внутреннем политическом положении в России) знали о планах дворцового переворота и довольно определенно высказывали пожелание о смене правительства, которое отвечало бы интересам как союзнической, так и российской буржуазии, о «смещении „главного

вояки“ Николая Романова и замены его *вояками* более энергичными, свежими, более способными»²¹⁵. Но они явно желали этого.

Однако для практического осуществления дворцового переворота мало что было сделано. Правильно утверждение, что его сторонники больше грозили переворотом, чем готовились к нему.

Единства среди заговорщиков не было. Против планов переворота, когда они стали уже обсуждаться, одним из первых категорически выступил М. В. Родзянко: «Я никогда не пойду на переворот. Я присягал... — заявил он. — Если армия может добиться отречения, пусть она это делает через своих начальников, а я до последней минуты буду действовать убеждением, но не насилем»²¹⁶. Родзянко прочно стоял на «правом» фланге буржуазной оппозиции, он оставался не просто монархистом, а сторонником сохранения в качестве монарха самого Николая Романова. Не только многие октябристы, но и кадеты не поддерживали идею переворота, боясь неосторожными действиями вызвать выступления революционных масс. Следует отметить, что в январе 1917 г. заговорщики стали еще более нерешительными, чем тремя месяцами раньше, когда возникла сама идея заговора. Размах революционного движения в стране, и прежде всего рабочих стачек, явно напугал их. Когда П. Н. Милюков, перестав быть не только лидером «прогрессивного блока», но и министром Временного правительства, эмигрировал за границу, а его партия превратилась в группу антисоветчиков, он точно определил значение предфевральской деятельности заговорщиков, заметив, что «на действительный ход событий все эти приготовления не оказали ни малейшего влияния»²¹⁷.

Пестрый лагерь сторонников конституционной монархии переживал внутренний глубокий кризис. Ему не удавалось убедить «полицейского держиморду» Николая II в необходимости реализовать на деле хотя бы самые минимальные демократические права и политические свободы, чтобы предотвратить революцию и пойти на самые минимальные уступки буржуазии. Отсюда — кризис тактики представителей либеральной оппозиции. Одни из ее числа отказывались вообще чего-либо предпринимать и со страхом ждали революции; другие копшились вокруг военного заговора, а все вместе они не теряли все же надежды договориться с царем, продви-

нуться к власти «путем соглашательства с монархией»²¹⁸.

Конечно, и в данном случае между царизмом и буржуазией было «противоречие не глубокое, временное, вызванное *только* конъюнктурой момента, крутым поворотом событий в империалистской войне», писал Ленин²¹⁹. С позиций же пролетариата, готовившего революцию, имело значение то, что группировки «высших» классов достаточно передрались между собой, достаточно обессилили себя борьбой и, хотели они того или нет, перенесли эту борьбу на общественную арену: сделали ее достоянием широких масс. Объективно оппозиция русской буржуазии невольно сыграла определенную роль в расшатывании самодержавной системы. В момент высшего напряжения революционной ситуации в стране в среде правящих классов образовалась та «трещина», на возможность возникновения которой указывал В. И. Ленин как на благоприятный фактор для перерастания общенационального кризиса в революцию. Самодержавие и помещики не могли сохранить в неизменном виде свое господство, но и буржуазия оказалась неспособной выделить из своей среды силу, которая могла бы изменить положение.

В. И. Ленин предупреждал против смешения контрреволюционного либерализма с контрреволюционным самодержавием. В ходе буржуазно-демократического этапа революции партия большевиков твердо и последовательно проводила ленинскую тактику нейтрализации и изоляции либеральной буржуазии. Ленинская тактическая линия не отвергала, а, наоборот, допускала возможность использования в интересах развития революции тех или иных оппозиционных маневров либеральной буржуазии, ее конфликтов с царизмом, тот факт, что либеральная буржуазия боролась *«за смену одного монарха другим монархом»*²²⁰. По словам В. И. Ленина, на рубеже 1916—1917 гг. в России в единый поток *«слились вместе, и замечательно „дружно“ слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления»*²²¹. С одной стороны, глубокое массовое народное революционное движение во главе с рабочим классом против самодержавия и империалистической войны, против помещиков и буржуазии, определяющее поступательный ход событий; с другой — усилен-

ние стремления контрреволюционной империалистической буржуазии к изменению состава царского правительства, к смене одного монарха другим в целях обеспечения войны до победы.

Спасение страны от полного разорения, от превращения в полуколонию иностранных империалистов зависело от способности «революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов не „упадет“, если его не „уронят“»²²².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 531.

² См.: Там же, т. 27, с. 378.

³ См.: Там же, т. 16, с. 417.

⁴ См.: Там же, т. 17, с. 63, 148—149.

⁵ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969, с. 382—386; Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964, с. 5—7.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 223.

⁷ Там же, т. 12, с. 10.

⁸ Там же, т. 21, с. 58.

⁹ Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России, 1861—1904. М., 1979, с. 105.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 366.

¹¹ Там же, т. 17, с. 346.

¹² Международное рабочее движение: Вopr. истории и теории (далее: Международное рабочее движение). М., 1978, т. 3. Начало революционных битв XX в., с. 22.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 311.

¹⁴ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964, с. 15.

¹⁵ См.: Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1904 гг. Л., 1976; Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России. М., 1979.

¹⁶ Кирьянов Ю. И. Указ. соч., с. 270.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 431.

¹⁸ Там же, т. 15, с. 143.

¹⁹ См.: Там же, т. 6, с. 406.

²⁰ Там же, т. 17, с. 412.

²¹ Там же, т. 31, с. 12.

²² Там же, т. 25, с. 33.

²³ Крупина Т. Д. Монополистический капитал в России и царское самодержавие: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1954, с. 118. Приложение.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 297.

²⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 294—295.

²⁶ Лившин Я. И. Монополии в экономике России. М., 1961, с. 431.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 419.

- ²⁸ Там же, т. 25, с. 71.
- ²⁹ Там же, т. 19, с. 371.
- ³⁰ Исторические записки, 1955, т. 52, с. 182.
- ³¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 379.
- ³² См.: Там же, т. 17, с. 382.
- ³³ Там же, т. 19, с. 215.
- ³⁴ См.: История Коммунистической партии Советского Союза (далее: История КПСС). М., 1966, т. 2, с. 467.
- ³⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 173.
- ³⁶ См.: Там же, т. 9, с. 204.
- ³⁷ Там же, т. 27, с. 27.
- ³⁸ См.: *Бовыкин В. И.* Из истории возникновения первой мировой войны. М., 1961, с. 4—23.
- ³⁹ Там же, с. 53.
- ⁴⁰ Голос Москвы, 1914, 13 июля.
- ⁴¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 16.
- ⁴² См.: *Добровольский С.* Мобилизация русской армии в 1914 году.— В кн.: Военный сборник. Белград, 1921, кн. 1, с. 706.
- ⁴³ Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах). М., 1925, с. 71; ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 20, л. 268.
- ⁴⁴ Там же, с. 236.
- ⁴⁵ Цит. по ст.: *Граев Б. Б.* Милитаризация промышленности и российский пролетариат в годы первой мировой войны.— В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958, с. 420.
- ⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 224, л. 1—4.
- ⁴⁷ *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. М., 1964, т. 3, с. 334.
- ⁴⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 191.
- ⁴⁹ История КПСС, т. 2, с. 486. Несколько иные цифры приведены в специальном исследовании. См.: *Дажина И. М.* Большевистские листовки в России в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1981, с. 29—31.
- ⁵⁰ *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе. М., 1939, с. 347.
- ⁵¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 15.
- ⁵² Там же, т. 26, с. 330.
- ⁵³ История рабочих Ленинграда. Л., 1972, т. 1, с. 462.
- ⁵⁴ История Москвы. М., 1955, т. 5, с. 305.
- ⁵⁵ Международное рабочее движение, т. 3, с. 502.
- ⁵⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 331.
- ⁵⁷ См.: Рабочее движение в годы войны: Материалы по истории рабочего движения в России. М.; Л., 1925, с. 4.
- ⁵⁸ *Кириянов Ю. И.* Рабочие Юга России. М., 1971, с. 221—222; *Тютюкин С. В.* Война, мир, революция: Идеиная борьба в рабочем движении России, 1914—1917 гг. М., 1972, с. 85—86.
- ⁵⁹ Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 — февраль 1917: Сб. док. М., 1965, с. 122. (Далее: Крестьянское движение в России).
- ⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 118, л. 121—167; д. 128, л. 1—311; д. 201, л. 1—405.
- ⁶¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 37.
- ⁶² См.: *Лаврин В. А.* Большевистская партия в начале первой мировой войны (1914—1915 гг.). М., 1972, с. 29—60, 95—105.
- ⁶³ Цит. по кн.: *Иоффе Г. З.* Февральская революция 1917 г. в англо-американской историографии. М., 1970, с. 190.
- ⁶⁴ Социал-демократ, 1914, 19 окт. (1 нояб.).

- ⁶⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 108.
- ⁶⁶ Коллонтай А. М. Из моей жизни и работы: Воспоминания и дневники. М., 1974, с. 181.
- ⁶⁷ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968, т. VI, с. 434—435.
- ⁶⁸ ЦГАОР СССР, ф. 12, оп. 2, д. 307, 1914, л. 328.
- ⁶⁹ Там же, л. 181.
- ⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 333.
- ⁷¹ ЦГАОР СССР, ф. 124, оп. 1, д. 36/1917, л. 21.
- ⁷² Кондрагьев К. Воспоминания о подпольной работе.— Красная летопись, 1923, № 5, с. 236.
- ⁷³ Слово старых большевиков. М., 1968, с. 121.
- ⁷⁴ См.: Хазиахметов Э. Ленин и сосланные большевики Сибири. Новосибирск, 1971, с. 121.
- ⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 172.
- ⁷⁶ Международное рабочее движение, с. 564.
- ⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 77.
- ⁷⁸ См.: История КПСС, т. 2, с. 502—507.
- ⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 164.
- ⁸⁰ См.: Там же, с. 167.
- ⁸¹ Там же, с. 163.
- ⁸² См.: История КПСС, т. 2, с. 503.
- ⁸³ О международной женской социалистической конференции в 1915 г.— Исторический архив, 1960, № 3, с. 120.
- ⁸⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 206—208.
- ⁸⁵ Кирьянов Ю. И. Рабочие Юга России, с. 189—216.
- ⁸⁶ Гопнер С. Большевики Екатеринослава в Февральской революции.— Летопись революции, 1927, № 2, с. 11.
- ⁸⁷ Социал-демократ, 1915, 13 окт. (30 сент.).
- ⁸⁸ Флеер М. Г. Петербургский комитет большевиков в годы войны, 1914—1917. Л., 1927, с. 20—34.
- ⁸⁹ Очерки истории Московской организации КПСС. М., 1979, кн. I. 1883 — ноябрь 1917 гг., с. 348—349.
- ⁹⁰ Лаврычев В. Я. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы первой мировой войны. М., 1957, с. 112—117.
- ⁹¹ Большевики в годы империалистической войны, 1914 — февраль 1917 г.: Сб. док. местных большевистских организаций. Л., 1939, с. 64—65.
- ⁹² История рабочих Ленинграда, с. 493.
- ⁹³ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 331, л. 81.
- ⁹⁴ Рабочее движение в годы войны, с. 6—7; Забастовочная борьба трудящихся, конец XIX в.— 70-е годы XX в.: (Статистика). М., 1980, с. 91, 95.
- ⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 48.
- ⁹⁶ Там же, с. 50.
- ⁹⁷ См.: Там же, с. 49—50.
- ⁹⁸ Темкин Я. Г. Циммервальд — Кинталь. М., 1967, с. 56.
- ⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 79.
- ¹⁰⁰ Цит. по кн.: Квачев Я. Е. В. И. Ленин и заграничные секции большевиков (1914 — февраль 1917 г.). Минск, 1971, с. 69.
- ¹⁰¹ Утро, 1915, 14 авг.
- ¹⁰² Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции: (Исторический очерк). М., 1975, с. 92—95.
- ¹⁰³ ЦГАОР СССР, ф. 102, 1915, д. 167, ч. 46, л. 79.

- ¹⁰⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 84—85.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 84.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 85.
- ¹⁰⁷ Забастовочная борьба трудящихся, с. 64, 73, 91, 100.
- ¹⁰⁸ Там же, с. 91.
- ¹⁰⁹ Кирьянов Ю. И. Рабочие Юга России, с. 243—257.
- ¹¹⁰ Пролетарский голос, 1916, 23 февр.
- ¹¹¹ Цит. по кн.: Темкин Я. Г. Большевики в борьбе за демократический мир (1914—1918 гг.). М., 1957, с. 193.
- ¹¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 193.
- ¹¹³ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина: Тезисы ЦК КПСС.— Коммунист, 1970, № 1, с. 9.
- ¹¹⁴ См.: Алуф И. А. В. И. Ленин и Русское бюро ЦК РСДРП (1914 — февраль 1917 г.).— Вопр. истории КПСС, 1970, № 9, с. 68.
- ¹¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 193.
- ¹¹⁶ Там же, с. 300.
- ¹¹⁷ Там же, с. 302.
- ¹¹⁸ Там же, с. 300—301.
- ¹¹⁹ Тютюкин С. В. Указ. соч., с. 202.
- ¹²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 244.
- ¹²¹ Цит. по кн.: Граве Б. Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.; Л., 1926, с. 193—194.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Лейберов И. П. Стачечная борьба петроградского пролетариата в период первой мировой войны (19 июля 1914 г.— 16 февраля 1917 г.).— В кн.: История рабочего класса Ленинграда. Л., 1963, с. 183.
- ^{124—125} Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны, 1914—1917 гг. Л., 1939, с. 172.
- ¹²⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, д. 27226, л. 1 об.
- ¹²⁷ История КПСС, т. 2, с. 653—654.
- ¹²⁸ История КПСС, 1967, т. 3, кн. 1, с. 20—21; Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов. М., 1979, с. 78.
- ¹²⁹ Лейберов И. П. Штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979, с. 73.
- ¹³⁰ Очерки истории Московской организации КПСС, кн. 1, с. 387; Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции, с. 88.
- ^{130а} Дажина И. М. Указ. соч., с. 162—173.
- ¹³¹ Андронов С. А. Большевистская печать в трех революциях. М., 1978, с. 215—218.
- ¹³² Партия большевиков в Февральской революции 1917 года. М., 1971, с. 76.
- ¹³³ ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1917, д. 5, ч. 46Б, л. 27—27 об; Партия большевиков в Февральской революции 1917 года, с. 65—66; Минц И. И. Революционная борьба пролетариата в 1914—1916 гг.— Вопросы истории, 1959, № 11, с. 63.
- ¹³⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 155, 300.
- ¹³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, 1916, д. 1167, л. 83.
- ¹³⁶ Адресные книги ЦК РСДРП (1912—1917): Док. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— Исторический архив, 1959, № 3, с. 40—41.

- ¹³⁷ См.: Крестьянское движение в России, с. 5—7.
- ¹³⁸ Там же, с. 13.
- ¹³⁹ *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1961, с. 133.
- ¹⁴⁰ Труды ЦСУ. М., 1923, т. 5, вып. 2, с. 5.
- ¹⁴¹ Крестьянское движение в России, с. 17.
- ¹⁴² Там же, с. 122.
- ¹⁴³ Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.). Минск, 1953, т. 3, с. 829.
- ¹⁴⁴ Крестьянское движение в России, с. 226.
- ¹⁴⁵ Цит. по кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней, т. VI, с. 608.
- ^{145a} *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 28.
- ¹⁴⁶ Там же, с. 79.
- ^{146a} Там же, с. 28.
- ¹⁴⁷ См.: Борьба за массы в трех революциях в России. М., 1981, с. 152.
- ^{147a} *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 8.
- ¹⁴⁸ *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. Л., 1972, с. 43.
- ¹⁴⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 15.
- ¹⁵⁰ ЦГВИА, ф. 1346, оп. 2, д. 256, л. 17.
- ¹⁵¹ Цит. по ст.: *Кириянов Ю. И.* Солдатские письма как источник по изучению вопроса о союзе рабочего класса с крестьянством в годы первой мировой войны.— История СССР, 1959, № 2, с. 177.
- ¹⁵² ЦГВИА, ф. 1931/с, оп. 1, д. 19, л. 4.
- ¹⁵³ Там же, ф. 2134, оп. 2, д. 592, л. 262; д. 594, л. 20—21.
- ¹⁵⁴ Там же, ф. 369, оп. 3, д. 2, л. 36—37; ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1915, 4 д., ч. III, л. 80—87.
- ¹⁵⁵ ГИАМО, ф. 2633, оп. 1, д. 3, л. 166.
- ¹⁵⁶ Крестьянское движение в России, с. 27.
- ¹⁵⁷ Буржуазия накануне Февральской революции: Сб. док. М.; Л., 1927, с. 134.
- ¹⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 587, оп. 33, д. 1386, л. 250.
- ¹⁵⁹ Красный архив, 1926, т. 4(17), с. 20.
- ¹⁶⁰ *Кастельская З. Д.* Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане. М., 1972, с. 75.
- ¹⁶¹ Здесь и далее сведения о настроении солдат Юго-Западного фронта даны по кн.: *Кириянов Ю. И.* Солдатские письма как источник..., с. 178—179.
- ¹⁶² Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы, 1903—1917 гг. М., 1974, с. 169; *Голуб П. А.* Большевики и армия в трех революциях. М., 1977, с. 78.
- ¹⁶³ Октябрьская революция в Балтийском флоте.— Красный архив, 1927, т. 25, с. 34—35.
- ¹⁶⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 27.
- ¹⁶⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. IIг., 1915, стб. 18, 23; и др.
- ¹⁶⁶ Цит. по кн.: *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 72.
- ¹⁶⁷ Там же, с. 76.
- ¹⁶⁸ Там же, т. 25, с. 267.
- ¹⁶⁹ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 522, л. 2.
- ¹⁷⁰ Буржуазия накануне Февральской революции, с. 50.

- 171 Миллюков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, т. 2, с. 206; Шульгин В. В. Дни. Л., 1925, с. 85.
- 172 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 26.
- 173 Русские ведомости, 1915, 27 сент.
- 174 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 330.
- 175 Цит. по кн.: Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. М., 1967, с. 123.
- 176 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 196.
- 177 Бубнов А. Д. В царстве Ставки. Нью-Йорк, 1955, с. 296.
- 178 В этих списках в качестве премьер-министров в составе «общественного кабинета» фигурировали А. И. Гучков, М. В. Родзянко, Г. Е. Львов. Были и другие фамилии буржуазных деятелей, которые после Февральской революции вошли в состав Временного правительства: П. Н. Миллюков, А. И. Коновалов и др. См.: ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 2097, л. 1.
- 179 Граве Б. К истории классовой борьбы в России..., с. 279—280.
- 180 Доклады М. В. Родзянко Николаю II.—Ист. записки, т. 15, с. 309—312.
- 181 Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны, 1914—1917. Л., 1967, с. 153—158.
- 182 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 12.
- 183 Покровский М. Н. Предисловие к «Переписке Николая и Александры Романовых». М.; Л., 1927, т. V, с. 9; Семенников В. П. Монархия перед крушением. М.; Л., 1927, с. 3.
- 184 См.: Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 234—238; N. Frankland. Imperial Tragedy: Nicholas II. Last of Tsars. New York, 1961, p. 76.
- 185 ЦГАОР СССР, ф. 713, оп. 1, д. 50, л. 200.
- 186 Переписка Николая и Александры Романовых, т. 5, с. 51.
- 187 ЦГИА СССР, ф. 627, оп. 1, д. 58, л. 282.
- 188 Государственная дума, Четвертого созыва, Сессия четвертая, стб. 1323.
- 189 Лемке М. 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920, с. 790—791.
- 190 Красный архив, 1929, т. 2 (33), с. 155.
- 191 См.: Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 17; Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974, с. 59; Дякин В. С. Указ. соч., с. 286; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1914 гг. Л., 1977, с. 226—227.
- 192 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 191.
- 193 Там же, с. 191.
- 194 Русские ведомости, 1916, 18 авг.
- 195 Цит. по кн.: Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад, с. 149—150.
- 196 Старцев В. И. Указ. соч., с. 202.
- 197 ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 2201, 2204, 2270, 2871, 2873.
- 198 Речь, 1916, 2 окт.
- 199 Красный архив, 1933, т. I (56), с. 91.
- 200 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 25.
- 201 Цит. по кн.: Черменский Е. Д. Февральская буржуазно-демократическая революция. М., 1949, с. 81.
- 202 Там же, с. 77.
- 203 Цит. по кн.: Корелин А. П. Формы и методы борьбы крупного капитала с рабочим движением в России в годы первой мировой войны.—Вестн. МГУ. Сер. IX. История, 1965, № 6, с. 27.
- 204 Собрания узаконений 1916 г., № 37, ст. 2426, с. 3075—3055; ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 448, л. 64—65.

- ²⁰⁵ Переписка Николая и Александры Романовых, т. V, с. 138.
- ²⁰⁶ *Старцев В. И.* Указ. соч., с. 212.
- ²⁰⁷ Переписка Николая и Александры Романовых, т. V, с. 189.
- ²⁰⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1463, оп. 1, д. 220, л. 1—1 об.
- ²⁰⁹ Падение царского режима. М., 1927, т. V, с. 321.
- ²¹⁰ *Иванова Н. А., Пушкарева И. М.* Мемуарные источники по периоду империализма в России в личных фондах ЦГАОР СССР.— *Вопр. архивоведения*, 1964, № 1. (См.: ф. 586, оп. 1, д. 1462).
- ²¹¹ ЦГАОР СССР, ф. Совета объединенного дворянства, д. 34, л. 331.
- ²¹² Падение царского режима. М.; Л., 1924, т. II, с. 354.
- ²¹³ *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975, с. 282.
- ²¹⁴ *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад, с. 158—159; *Старцев В. И.* Указ. соч., с. 205—211; *Слонимский А. Г.* Указ. соч., с. 127—146; и др.
- ²¹⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 16.
- ²¹⁶ *Родзянко М. В.* Крушение империи. М., 1928, с. 212—213.
- ²¹⁷ Последние новости, 1924, 4 окт.
- ²¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 384.
- ²¹⁹ Там же, т. 31, с. 19.
- ²²⁰ Там же, с. 17.
- ²²¹ Там же, с. 16.
- ²²² Там же, т. 26, с. 219.

Глава II

СВЕРЖЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ

ПРЕДВЕСТНИКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАТИСКА

Мир вступил в девятьсот семнадцатый год. В первый день этого нового года почти все российские газеты вышли с политическими, экономическими и военными обзорами. Обозреватели прессы в мрачном свете рисовали завтрашний день страны. «Мы вступаем в новый год под знаком глубокого общественно-политического кризиса», — констатировали положение дел в стране «Биржевые ведомости». «Силы наши ослаблены, благосостояние населения подорвано, многие отрасли промышленности разорены», — вторило им «Новое время».

Приближение революции в России приковывало внимание многих политических деятелей Европы. Оно вызывало беспокойство западноевропейской буржуазии, стремившейся с лихорадочной быстротой нажиться на военных прибылях. Все отчетливее проступало противоречие между целями милитаристской буржуазии и интересами народных масс, несших на себе бремя войны. К началу 1917 г. почти во всех воюющих странах развернулось массовое антивоенное движение, активная деятельность большевиков и революционных социал-демократов других стран способствовала его развитию, перерастанию в борьбу за революционный выход из империалистической войны¹. В. И. Ленин констатировал в январе 1917 г.: «Революционная ситуация в Европе налицо. Налицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс. На усиление *этого* потока должны направить все свои силы революционные социал-демократы»².

Эта мысль неоднократно повторяется в ленинских работах того периода. Еще ранее, в статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», которую В. И. Ленин закончил 1 января 1917 г., он подчеркивал, что революционных социал-демократов не должен обманывать поворот в мировой политике от империалистической войны к империалистическому миру, что он не ис-

ключает революционную ситуацию в Европе и не может оставить «в стороне вопрос о революции», как то думают Каутский, Бурдерон и другие реформисты на Западе и в России³. Ближайшей программой революционных социал-демократов, указывал В. И. Ленин там же, должно быть всестороннее использование революционной ситуации в Европе «для прямой проповеди революции, свержения буржуазных правительств, завоевания власти вооруженным пролетариатом»⁴.

Особенно интенсивно поляризация общества по вопросам войны, мира, революции шла в России, Германии, Австро-Венгрии, причем наибольшего накала она достигла в России. Здесь на повестку дня всплыли, как никогда ранее, нерешенные задачи первой буржуазно-демократической революции в России. Вот почему прочитанный В. И. Лениным 9 января 1917 г. на собрании молодежи в Цюрихском народном доме «Доклад о революции 1905 года» был экскурсом в историю, тесно связанным с насущными проблемами новой революционной ситуации в России. Прежде чем выступить с докладом, В. И. Ленин прочитал его на квартире члена цюрихской секции большевиков М. М. Харитонов⁵. Ленинские публичные выступления всегда были направлены на то, чтобы оказать посильную помощь непосредственным участникам движения в оценке современных явлений с позиций борьбы классов, сознательном выборе средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наиболее прочные результаты. Как всегда, В. И. Ленин обратился к вопросу о том, что нужно знать рабочему классу для решения неотложных задач, и прежде всего для выполнения им своей исторической миссии как гегемона революционного движения. В докладе был дан анализ движущих сил и характера демократической революции в России, раскрыты революционные методы борьбы пролетариата, еще раз подчеркнуто значение новых, внесенных в 1905 г. российским пролетариатом в арсенал международного рабочего движения форм массовой организации. Одно из центральных мест в докладе было отведено революционной стачке, как наиважнейшему средству «раскачивания» масс⁶. Вождь революции видел свою задачу, во-первых, в том, чтобы яснее и четче указать партии на цели революционной агитации в период общенационального кризиса; во-вторых, в том, чтобы привлечь на сторону революционного народа России широкое об-

В. И. ЛЕНИН. Швейцария. Цюрих, 1917 г.

пественное мнение в странах Западной Европы. Он раскрыл на ряде примеров прогрессивное влияние русской революции 1905 г. на страны Запада⁷. В этом проявилась последовательная линия борьбы В. И. Ленина за развитие революционного направления в международном рабочем движении, за интернациональную солидарность трудящихся в борьбе против милитаризма и войн.

В январе и феврале 1917 г. общее число бастовавших в России рабочих достигло, по данным фабричной инспекции, 676 286 человек, превысив средний уровень тех же месяцев предыдущего года в три раза⁸. 85% забастовщиков участвовало в политических стачках — предвестниках революционного натиска. «Идея всеобщей забастовки со дня на день приобретает новых сторонников и становится популярной, как в 1905 году... — сообщала царская охранка. — Рабочие массы пришли к сознанию необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и последующей революции»⁹.

Шаг за шагом, взвешивая необходимость каждого отдельно взятого выступления рабочих, учитывая готовность масс к решительному наступлению, большевики в России закладывали прочные основы победы революции.

За годы войны в стране вырос новый слой зрелых в политическом отношении рабочих, которые неуклонно шли за большевиками, учились у них интернационализму, умению не на словах, а на деле проводить политику бескомпромиссной борьбы против шовинистов, соглашателей и оппортунистов. Опираясь на этот слой рабочих, большевики смогли укрепить свое влияние в массах, усилить свою агитацию за революционные лозунги «Долой царскую монархию!», «Долой войну!».

К 1917 г. слава революционного почина прочно утвердилась за пролетариатом Петрограда. К этому времени отряд промышленных рабочих столицы и ее окрестностей насчитывал 417 тыс. человек*, что составляло примерно

* Общее число рабочих в столице, если учитывать всех занятых не только в промышленности, но и на транспорте, на строительстве, в торговле, а также в мелких мастерских, уже накануне войны превышало более полумиллиона человек: к трудовому населению столицы относилось около 250 тыс. человек прислуги (преимущественно домашней), а также около 200 тыс. «лиц интеллигентных профессий», как называет С. Г. Струмилин представителей интеллигенции (врачи, учителя, адвокаты). Общее число наемных труженников в Петрограде накануне Февральской революции определяется им в 1 млн¹¹.

11,9% всех фабрично-заводских рабочих в стране ¹⁰ (против 9,1% в 1914 г.). Бóльшая часть рабочих Петрограда (примерно $\frac{2}{3}$) переключилась на производство военной продукции. В то же время отрасли, работавшие на нужды населения, находились под угрозой сокращения, а рабочие — массового увольнения.

На предприятиях, работавших на военные нужды, были сосредоточены рабочие высокой квалификации. Устойчивость их контингента в связи с отсрочками по мобилизации в совокупности с высокой концентрацией рабочей силы (10 наиболее крупных предприятий столицы сосредоточили в своих стенах свыше 113 тыс., т. е. $\frac{1}{4}$ всех рабочих столицы) создавала весьма благоприятные условия для расширения революционной пропаганды, организации рабочих на революционные массовые выступления.

За годы войны в Петрограде, как и повсюду в стране, в связи с усиленными миграционными процессами расширился состав промышленного отряда рабочих столицы, усилились связи его как с рабочими других городов страны, так и с деревней, поставлявшей рабочую силу; в составе петроградского пролетариата особенно заметным было увеличение доли представителей нерусских национальностей — поляков, эстонцев, латышей, финнов, литовцев. В результате усилился интернациональный (по составу) характер массового движения.

Несмотря на то что бóльшая часть высококвалифицированных рабочих столицы пользовалась льготами по мобилизации, слой рабочей аристократии был здесь крайне незначительным: сказывались условия военного времени, огромный разрыв в номинальной и реальной оплате труда, влияние революционных традиций. Однако среди рабочих военного производства усилилась мелкобуржуазная прослойка за счет влившихся в их ряды чиновников, детей торговцев, ремесленников, которых также привлекала отсрочка призыва в армию. Рост этой чужеродной прослойки в пролетарской среде имел две стороны. С одной — именно через эту прослойку пролетариат Петрограда становился органически связанным со всей разноликой массой непролетарского населения, что имело значение для расширения политического движения. С другой — представители непролетарских слоев вносили в рабочее движение элементы мелкобуржуазной стихийности и не-

организованности, становились сферой проникновения в среду рабочих меньшевистских, эсеровских и даже в ряде случаев откровенно черносотенных идей.

И тем не менее основная масса довоенных кадров сознательного пролетариата сохранилась, составив к 1917 г. немногим более 50% от общей численности рабочих столицы, т. е. более 200 тыс. человек¹². Представители этого кадрового слоя рабочих преобладали в массовых выступлениях, являясь их застрельщиками.

В условиях нараставшего революционного подъема Русское бюро ЦК предложило в конце декабря 1916 г. Петербургскому комитету и Московскому областному бюро ЦК большевиков обсудить вопрос об организации всеобщей стачки и уличных выступлений против царизма и войны, о вовлечении в революционное движение солдатских масс и подготовке условий для вооруженного восстания¹³. Выполняя это решение, большевистские организации Петрограда приложили немало усилий, чтобы придать широкий размах революционным выступлениям в годовщину 9 января 1917 г. Еще в декабре ЦК РСДРП, призывая петроградский пролетариат к однодневной политической стачке, обсудил возможность перехода к широким революционным действиям, чтобы «движение развернулось вглубь и вширь вплоть до решительного сражения»¹⁴. Ставя уже тогда конкретно вопрос о начале революции, большевики настойчиво повторяли в листовках ближайшую программу: уничтожение монархии, учреждение демократической республики, осуществление всех гражданских свобод.

За несколько дней до 9 января в столице начались собрания и митинги на ряде предприятий Выборгской стороны и Нарвской заставы Московского и Петроградского районов. Раздавались призывы к всеобщей стачке и уличным демонстрациям.

Чтобы расширить агитацию среди рабочих и солдат, большевики, как и в период выборов в рабочие группы ВПК, пытались привлечь к этому делу группу межрайонцев, а также и некоторые другие левые организации эсеров и меньшевиков, причислявшие себя к интернационалистам. Не забывая о возможных оппортунистических колебаниях этих небольших организаций, большевики ориентировались в них на рабочих-эсеров и рабочих-меньшевиков. Последние во многих случаях в отличие от эсеровской интеллигенции, возглавившей эти группы

и склонявшейся к оборончеству, выступали против войны за демократический мир. По подсчетам исследователей, к этому времени в стране насчитывалось до 17 групп эсеров-интернационалистов, которые выпустили более 100 антивоенных листовок, причем некоторые из них были подписаны совместно большевиками и эсерами-интернационалистами. Однако соглашения большевиков с этими левыми интернационалистскими группами на основе практической деятельности не исключали одновременно того, что большевики, строго придерживаясь марксистских принципов, критиковали ошибочные теоретические положения лидеров этих упомянутых выше групп, непоследовательность их действий¹⁵.

Большевики помогали рабочим в выборе наиболее целесообразных форм борьбы, добивались сочетания стачек с уличными демонстрациями, давали четкие и понятные лозунги. Это привлекало к революционному движению не только широкие массы рабочих, но и колеблющиеся непролетарские слои городского населения, усиливало революционные настроения среди солдат запасных воинских частей, соприкасавшихся с революционной улицей.

Помня, что за событиями в Петрограде следит вся Россия, большая группа агентов Русского бюро ЦК РСДРП отбыла в крупные промышленные центры. Целью их поездок была помощь местным нелегальным большевистским организациям в их революционной работе, и в частности в подготовке стачек и демонстраций 9 января 1917 г.

Деятельность революционного подполья по подготовке нового массового выступления не осталась незамеченной царским правительством. 2 января 1917 г. полиция (в пятый раз за последние несколько недель) совершила налет на ЦК РСДРП и арестовала десять его членов, «ликвидировала» ряд большевистских ячеек на предприятиях, захватила нелегальную типографию, которая должна была отпечатать листовки о 9 января. Охранное отделение Департамента полиции разослало в губернские жандармские управления секретный циркуляр, который предписывал во всех городах и рабочих поселках провести повальный обыск у всех «подозрительных» лиц. В результате предпринятых полицией акций поределли большевистские организации в Москве, Харькове, Баку, Туле и других городах. В Нижнем Новгороде рабочие районы были

наводнены войсками. В Ростове-на-Дону полицией был обнаружен гектограф и арестована группа большевиков, которой поручалось распространение листовок с призывами к политической стачке и т. д. Однако сорвать намеченное на 9 января выступление пролетариата полиции не удалось. В Петрограде, а также в Москве, Екатеринославе, Харькове и еще в семи городах большевики издали большими тиражами 24 листовки¹⁶. Они распространялись на фабриках и заводах, в железнодорожных мастерских, легальных обществах. В листовке Московского комитета РСДРП говорилось: «Конец войне и всем насилиям положит только революционное выступление рабочего класса под своим под красным знаменем социализма... Нужно вырвать власть из рук царского правительства и передать ее в руки правительству, созданному революцией...»¹⁷.

Революционный подъем рабочих оказал новое давление на другие революционные подпольные группы — межрайонцев, «инициативную группу» меньшевиков. Они также призвали отметить забастовками и митингами день 9 января, но острые политические проблемы и цели борьбы эти организации обходили в своей агитационной литературе. Группа левых эсеров выпустила прокламацию, но отказалась участвовать в демонстрации, ссылаясь на то, что рабочие не вооружены. Необходимость стачки 9 января в этой обстановке признали даже меньшевики-оборонцы из рабочей группы ЦВПК, но они предложили рабочим ориентироваться на Государственную думу.

Двенадцатая годовщина «кровавого воскресенья» была отмечена массовыми пролетарскими выступлениями в стране. Общая численность бастующих рабочих в январе составила 355 тыс.¹⁸ В общегородской забастовке Петрограда и его окрестностей в этот день участвовало 147 тыс. рабочих со 132 предприятий¹⁹, что еще раз подтвердило роль столицы как руководящего политического центра. Здесь стачка охватила крупнейшие предприятия — Путиловский завод, «Новый Лессер», Невский и Металлический заводы. Впервые за годы войны забастовали Обуховский завод и «Арсенал». В Выборгском и Невском районах стачка стала всеобщей. На многих предприятиях состоялись митинги. В Выборгском районе прошла мощная политическая демонстрация.

В Москве, где численность фабрично-заводского пролетариата достигала 200 тыс. человек, разбросанных по

1064 предприятиям²⁰, в забастовках участвовало около 113 предприятий, в том числе крупнейшие заводы — «Динамо», Бромлея, Михельсона, Листа, «Добровы и Набгольц», фабрика Цинделя. Стачки здесь также сопровождались уличными демонстрациями с красными флагами и революционными песнями. Трехтысячная демонстрация рабочих, к которым присоединились студенты, от Тверского бульвара направилась к центру с лозунгами «Долой войну!», «Да здравствует революция!». Конная полиция с обнаженными пашками с трудом остановила демонстрантов у Неглинного проезда, на Лубянской и Елоховской площадях, Немецкой улице, у Балчуга, на Пресне, у Красных Ворот.

Забастовки 9 января состоялись в Центрально-Промышленном районе, на крупных предприятиях Подмосковья, в Твери, на Юге России (Ростов-на-Дону), на Урале, в Харькове, Донбасе, Прибалтике (Ревель), Закавказье (Баку) и в других местах²¹. Очаги революционного движения соответствовали районам интенсивной деятельности большевистского подполья.

К В. И. Ленину продолжали поступать вести о революционном подъеме масс в России. В очередном зашифрованном письме Русское бюро ЦК сообщало, что революционный ураган может разразиться со дня на день, что работа местных большевистских организаций особенно успешна на Юге страны, в Поволжье, на Урале. Сообщили также об основании Московского областного бюро ЦК²². Московским большевикам удалось возобновить прямую связь с Цюрихом. В. И. Ленин 6 февраля писал И. Ф. Арманд, соблюдая максимум конспирации и тем самым оставаясь крайне сдержанным в изложении конкретной информации о положении в России: «Дорогой друг! Получили мы на днях отрадное письмо из Москвы... Пишут, что настроение масс хорошее... и что наверное будет на нашей улице праздник»²³. (Напомним, что слово «праздник» в зашифрованных письмах того времени означало «революция».)

В те дни, когда писалось это письмо, в России бастовало несколько десятков тысяч рабочих. По имеющимся по 18 губерниям сведениям, число бастующих с 1 по 20 февраля составляло более 200 тыс.; из них более 130 тыс. бастовало в те дни по политическим мотивам²⁴. Любое экономическое и политическое требование упиралось в необходимость борьбы против правительства. «Политиче-

ская борьба с каждым днем обостряется,— сообщало Русское бюро ЦК 11 февраля 1917 г. Центральному комитету РСДРП за границей.— Недовольство бушует по всей стране. Со дня на день может вспыхнуть революционный ураган... Правительство гнет свою „политику“, дезорганизовало всю страну»²⁵.

Политический кризис еще более усугубился с наступлением голода, который стал особенно ощутимым в промышленных центрах. Зима в Центральной России выдалась холодная и затяжная. Около городских лавок в Петрограде, Москве и во многих других городах в длинных «хвостах» стояли продрогшие от холода женщины и дети, ожидая выдачи в магазинах хлеба. В то же время кулаки и торговцы припрятавали продукты, наживались на бедствиях народа, развевалась грандиозная спекуляция необходимыми товарами. В февральские дни в Петрограде при двенадцатидневном запасе муки обнаружился недостаток хлеба: владельцы пекарен начали вывозить муку в уезд, где продавали ее втридорога. Озлобление против правительства усиливалось. Очереди за продовольствием, как отмечало Охранное отделение, были «равноценны по влиянию революционным митингам и десяткам тысяч революционных прокламаций»²⁶.

Для борьбы с развивающимся рабочим движением и предотвращения революции царское правительство в начале 1917 г. повсеместно усилило вооружение полиции. В Петрограде и Москве военные власти передали полиции определенное количество пулеметов, несмотря на то что их не хватало в армии на фронте. Свою деятельность активизировала охранка в других крупных городах (Екатеринослав, Харьков, Киев и др.). В начале февраля 1917 г. Петроград был выделен в особый военный округ, возглавляемый генералом С. С. Хабаловым с подчинением Ставке. Постоянно проходили совещания высших чинов полиции под председательством градоначальника А. П. Балка. Обсуждались вопросы обеспечения «спокойствия» в городе, мобилизации полиции и кавалерийских частей.

Либерально-оппозиционный лагерь переживал полный разброд и шатания. Либеральная буржуазия была напугана возможностью революции, которая отодвинула планы заговорщиков о смещении Николая II. После ряда заявлений царского правительства и самого царя о намерении вести войну до полного разгрома Германии, а так-

же после Петроградской конференции, на которой союзники договорились о совместных военных действиях, либералы опять протягивали руку самодержавию к соглашению. Но царизм полностью игнорировал все попытки либералов к сближению. Напротив, царские власти усилили надзор за деятельностью как отдельных наиболее активных представителей прогрессивного блока, так и вообще буржуазных организаций. Это толкало российскую буржуазию к сближению с союзниками, тем более что для последних не могло оставаться абсолютной тайной усиление в начале 1917 г. дипломатического зондажа России по поводу сепаратного мира с Болгарией и Австро-Венгрией²⁷. Страны Антанты давали царизму понять, что будущие военные поставки России будут выполнены лишь в том случае, если правительство Николая II будет вести себя более лояльно в вопросах внутренней политики (имелось в виду отношение к Государственной думе).

Подталкиваемая союзниками, русская либеральная буржуазия настаивала на быстрейшем возобновлении заседаний Государственной думы, чтобы решить там вопрос о наступлении на фронте. Затянувшаяся отсрочка очередной сессии Государственной думы вызвала протесты буржуазных организаций и групп, земских и городских деятелей. Даже некоторые дворянские организации высказывали недовольство. Представители этих правящих классов считали, что работа Государственной думы может выпустить накопившиеся «революционные пары». Только грозные силы революции заставляли их сделать Государственную думу штабом, где должны быть сосредоточены силы «спасения» страны. Меньшевики-оборонцы, и в первую очередь гвоздевцы, целиком разделяли эту точку зрения, пытались направить определенные слои рабочих на поддержку либеральной буржуазии, и тем вызвали репрессии царских властей. В ночь на 27 января Протопопов распорядился арестовать рабочую группу ЦВПК во главе с Гвоздевым. Поводом послужило развертывание рабочей группой кампании «за демократизацию страны», которую, по мысли организаторов, должна была возглавить думская буржуазия. В этих целях гвоздевцы предлагали рабочим формировать делегации с требованиями направить их к председателю Думы и в думские фракции²⁸. Меньшевики-гвоздевцы планировали организовать рабочую демонстрацию в день открытия очередной сессии

Государственной думы. Они видели свою задачу в том, чтобы оказывать давление на буржуазию и толкать ее к открытым действиям. В этом меньшевики-гвоздевцы были поддержаны главами «левых» думских фракций — Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенским. Некоторые гвоздевцы в своих прожекторских планах шли еще дальше: они предлагали рабочим выдвинуть перед Думой требование об устранении самодержавия и создании Временного революционного правительства, опирающегося на народ. Эта «мирная революция» должна была совершиться, «не нарушая спокойствия жителей, никого не задевая и не обижая, не вызывая полицию на насилие»²⁹.

Однако даже кадеты в Думе не поддерживали рабочую группу³⁰. П. Н. Милюков резко осудил ее сепаратизм и призвал действовать совместно с Думой, которая, по его мнению, одна только может определять лозунги и требования в борьбе с правительством. Он обратился к рабочим с призывом не устраивать демонстраций, причем обращение было опубликовано одновременно с аналогичным по содержанию документом, исходившим от начальника Петроградского военного округа³¹. На этом примере вырисовывалась пропасть, которая отделяла рабочих от буржуазии, связь последней с царизмом.

Большевики выступили решительно против соглашательской политики гвоздевцев. Они напомнили рабочим, что хождения к царским дворцам и к правящим классам дорого стоят легковерным. После 9 января стачечное движение уже не прекращалось, охватывая поочередно крупные предприятия столицы (Петроградский металлический, Сестрорецкий, Обуховский и другие заводы и фабрики), а сама идея демонстрации созрела среди передового пролетариата не под влиянием гвоздевцев, а в атмосфере нарастания революционной ситуации. Она нашла отклик у рабочих Путиловского завода, на фабрике «Скороход» и на других предприятиях. Используя новый взлет пролетарского движения в столице, большевики призывали рабочих ознаменовать политическими митингами и демонстрациями 10 февраля — годовщину суда над депутатами большевистской фракции Государственной думы, арестованными и судимыми за антивоенные выступления. В специально выпущенной по этому поводу листовке ПК РСДРП разоблачал попытку меньшевиков увлечь рабочее движение в русло либеральной политики, вскрывал суть замыслов буржуазной оппозиции, реакционность

ее лозунгов «продолжение войны до победного конца», «усиление общественного значения Государственной думы». Большевики противопоставляли контрреволюционным задачам либералов единственную задачу рабочего класса — свержение самодержавия путем революционного переворота, опирающегося на пролетариат и крестьянскую демократию ³².

На ряде предприятий большевики организовали митинги с обсуждением важности участия рабочих в политических демонстрациях против репрессий царизма под республиканскими лозунгами. Однако большевики учитывали, что силами, которыми располагала партия в настоящий момент, вряд ли возможно поднять рабочих на демонстрацию именно 10 февраля, тем более что этот день падал на субботу масленой недели и многие предприятия копчали работу сразу после обеда. Ориентируясь на сознательность и боевой дух крупных рабочих коллективов, петроградские большевики, верные принятой ранее тактике наращивания темпов борьбы до всеобщей стачки ³³, в листовке «К работницам, рабочим, гражданам, солдатам» и др., выпущенных тиражом в десятки тысяч экземпляров Русским Бюро ЦК РСДРП и ПК призывали рабочих к антивоенному выступлению 14 февраля, но не у стен Думы, а в центре города, на Невском. Это решение поддержала конференция ведущего партийного коллектива столицы — рабочих Выборгского района, она единодушно отвергла хождение к Думе и постановила направить организаторов на предприятия с целью мобилизовать рабочих на митинги и демонстрации в центре города ³⁴.

Полиция, ожидая выступления рабочих, готовилась. Ей были даны инструкции перекрыть казачьими отрядами и конными жандармами Воскресенский проспект, Смоленскую набережную и другие улицы ³⁵.

В этой напряженной обстановке 14 февраля открылась очередная сессия Государственной думы. У ее ворот собралось человек 500 демонстрантов, которые были быстро рассеяны полицией. Однако в рабочих районах построенные еще с утра в колонны пролетарские демонстранты устремились в центр города, обходя полицейские заставы. Рабочие несли лозунги «Хлеба!», «Долой войну!». На Невском, у Казанского собора, состоялся антивоенный митинг. По данным петроградского градоначальства, в этот день бастовала почти пятая часть рабочих

столицы — 84 164 на 52 предприятиях³⁶. Среди них были крупные военные заводы: Обуховский, «Новый Лесснер», «Новый Парвизайнен» и др.

На заседании Думы либералы заняли выжидательную позицию. Председатель социал-демократической фракции меньшевиков Н. С. Чхеидзе призвал к поддержке либеральной буржуазии, к созданию «правительства, облеченного доверием населения и опирающегося на большинство Государственной думы»³⁷. На следующий день, когда стачечная волна немного спала, кадеты устами своего лидера П. Н. Милюкова открыто заявили, что они отказываются от поддержки массовых рабочих выступлений. «Наше слово есть уже наше дело, — говорил Милюков. — Слово и вотум есть пока наше единственное оружие»³⁸. Милюкова сменил на трибуне А. Ф. Керенский. Он уже тогда был хорошо известен как посредник между левыми думскими фракциями и либеральной оппозицией. Его красноречие и политическую ловкость уже оценили деятели прогрессивного блока. Керенский выразил согласие с Милюковым в вопросе о необходимости усилить борьбу за победу в войне, быть готовым к «великим событиям лета», имея в виду наступление на фронте³⁹.

Большевистские организации выпустили одну за другой листовки, в которых призывали к открытой борьбе. В них они разоблачали политику оборонцев — меньшевиков и эсеров, обрекающих рабочий класс на незавидную роль плестись в хвосте либеральной буржуазии, которая недовольна правительством лишь потому, что оно «плохо ведет войну». Большевики объясняли, что царизм и буржуазия — в одинаковой степени враги народных масс. Большевики призывали к свержению царской монархии и учреждению Временного революционного правительства, которое должно провозгласить Россию демократической республикой, ввести 8-часовой рабочий день, передать помещичьи земли крестьянству. Большевики еще раз подчеркивали, что осуществление этой четко поставленной задачи возможно только при гегемонии рабочего класса в тесном союзе его с многомиллионным крестьянством: «Рабочий класс и крестьяне, одетые в серую шинель и синюю блузу, подав друг другу руки, должны повести борьбу со всей царской кликой, чтобы навсегда покончить с давящим Россию позором...»⁴⁰

Политическая атмосфера в столице сгущалась. На предприятиях продолжались митинги с требованиями

возвращения из ссылки большевиков — членов думской фракции. В Думе некоторые ораторы, в том числе из той небольшой группы либералов, которая понимала необходимость поддержки реформизма внутри рабочего движения в общенациональных интересах, учитывая настроение масс, 17 февраля перешли к обсуждению вопроса об аресте членов рабочей группы ЦВПК, причем либерал Коновалов подчеркнул лояльность и умеренность гвоздецев по отношению к правительству, назвал их арест «величайшей из ошибок правительства». На этом заседании Керенский распалился еще более. Тон его речей, наскоки на лидеров буржуазной оппозиции способствовали росту его популярности, на что и были рассчитаны эти выступления. Лидер меньшевистской фракции Чхеидзе обвинил членов Думы в потакании правительству в рабочем вопросе и впервые сказал о возвращении из Сибири рабочих, представителей социал-демократической фракции^{40а}. Испытывая страх перед неотвратимостью революции, думское большинство дрогнуло и проголосовало за приятие запроса правительству об аресте рабочей группы ЦВПК.

А за стенами Таврического дворца полиция уже не в состоянии была справиться с растущим рабочим движением. На территорию Ижорского завода, где уже более недели бастовало 9 тыс. рабочих-судостроителей, были введены войска. «Напряженность настроений, — писал впоследствии большевик-путиловец С. И. Афанасьев, — можно было сравнить с бочкой пороха, где достаточно одной искры, чтобы произошел взрыв»⁴¹. В субботу 17 февраля стихийно вспыхнула забастовка в лафетно-штамповочной мастерской Путиловского завода. Рабочие-путиловцы в категорической форме потребовали повышения расценок на готовые изделия на 50%. К экономическим требованиям собрание рабочих ряда цехов завода добавило и политический протест против недавнего увольнения с предприятия группы рабочих-активистов. Правление завода отказалось удовлетворить какие бы то ни было требования рабочих. Директор же пригрозил расчетом. Забастовка на заводе усилилась, готовая охватить все предприятие. 22 февраля, чтобы сломить сопротивление забастовщиков, администрация закрыла завод, оставив фактически без работы 30 тыс. человек, за которыми стояли голодающие семьи. «Искрой, которая зажгла пожар», назвал В. И. Ленин в 1905 г. стачку

12 тыс. рабочих Путиловского завода, которая находилась у истоков первой русской буржуазно-демократической революции. Знаменательно, что примерно такое же воздействие оказала забастовка путиловцев и накануне второй буржуазно-демократической революции.

Тридцать тысяч путиловцев составляли значительную часть промышленных рабочих столицы. Весть о локауте на Путиловском заводе в тот же день облетела весь Петроград. По предложению большевиков созданный стачечный комитет Путиловского завода обратился за поддержкой к рабочим других предприятий. Возмущение рабочих столицы возрастало в обстановке продовольственного кризиса, когда во многих семьях рабочих не было хлеба. Перебои с продовольствием в столице усилили стихийные возмущения. Толпы народа в рабочих кварталах осаждали продовольственные лавки и склады, у продовольственных магазинов скопились огромные очереди.

Сознательная часть рабочих выступила с политическим протестом. На одном из рабочих собраний на заводе «Феникс», видный руководитель петроградских большевиков, ученик лепинской школы в Лонжюмо — И. Д. Чугурин, выражая настроения передового русского пролетариата, сказал, что народ должен диктовать свою волю, а «воля народа — это прекращение войны и свержение самодержавия!»⁴².

ШТУРМ САМОДЕРЖАВИЯ

Разъясняя главную причину народных бедствий, большевики, связывая воедино лозунг свержения самодержавия с лозунгом прекращения войны, призвали петроградский пролетариат впервые открыто отметить 23 февраля (8 марта) 1917 г. как Международный женский день. Накануне организаторы районных комитетов, агитаторы и пропагандисты, члены большевистских ячеек и кружков были мобилизованы для проведения этого важного политического мероприятия. Вот что писал в своих воспоминаниях член Выборгского районного комитета РСДРП В. И. Каюров: «В ночь на 23 февраля я был командирован в Лесной на собрание женщин; охарактеризовал значение „женского дня“, женского движения вообще; тут пришлось указать на текущий момент»⁴³.

Вскрывая причины поражений на фронтах и разрухи

в стране, роста дороговизны, голода, лишений, большевики убеждали трудящихся в необходимости свержения царизма. Соборания и митинги по поводу «Дня организованных женщин» (как называл Международный день трудящихся женщин «Освободительный листок» Русского бюро ЦК РСДРП) состоялись на многих предприятиях города. Они усилили политический характер движения, в котором нарастала решительность рабочих, проявлялась их инициатива. Рабочие поддерживали большевистских ораторов, говоривших о хлебном кризисе, о бедствиях, принесенных войной. Речи ораторов находили отклик в сознании масс рабочих, поскольку оно было подготовлено растущим недовольством, стихийным протестом против войны и голода. В эти дни к тому же было опубликовано распоряжение властей о запрещении Союзу потребительских обществ отпускать муку и хлеб рабочим кооперативам и столовым, что также вызвало возмущение рабочих семей повсюду в столице.

Никто не предполагал, что именно 23 февраля начнется революция, что накопившаяся ненависть рабочих к самодержавной власти, помноженная на тяготы войны и продовольственный кризис, именно в этот день в феврале 1917 г. выльется в мощный революционный шквал. Большевики настойчиво, методически и упорно вели огромную работу по подготовке революции, осуществляя на практике ленинское указание о том, что если работать последовательно, беззаветно, если эта работа связана с интересами масс, составляющими большинство, то революция приходит.

В стремительном развитии событий 23 февраля проявились и слились в одно целое стихийно нарастающий массовый протест, богатый революционный опыт передовых слоев пролетариата, вся предшествовавшая работа большевиков, которая подготовила массы к восприятию революционных интернациональных лозунгов.

Движение пошло во всех районах страны одним и тем же путем: шумными толпами рабочие покидали цехи и мастерские и после короткого митинга выстраивались в ряды демонстрантов. Высокую политическую сознательность проявили многие женщины-работницы (напомним, что каждое третье место на предприятиях столицы было занято женщиной). Накопленный ими опыт классовой борьбы проявился и в их инициативе и мужестве: разбившись на группы, они пошли на металлические и ма-

пиностроительные заводы, «снимая» мужчин-рабочих на этих предприятиях.

На многих крупных предприятиях столицы под руководством большевиков сразу же были созданы группы, организующие дальнейшие действия забастовщиков. Их роль была гораздо шире обычных стачечных комитетов. Они ставили перед собой цель включить возможно большее число рабочих данного предприятия в политическую стачку, в общую политическую демонстрацию — ведь «снятие» с работы тут же делило участников движения на активных, которые отличались предприимчивостью и инициативой, и сочувствовавших, которые иногда оставались пассивными зрителями происходивших событий.

23 февраля из Выборгского района Петрограда в центр города устремились огромные колонны демонстрантов. Сливаясь в мощные потоки народного движения, они двигались по Сампсониевскому, Безбородкинскому, Нижегородскому проспектам, Сибирской улице в направлении к Невскому проспекту, Адмиралтейству и Казанскому собору.

Революция, которую готовили, за которую боролись и которую ждали, началась. У ее истоков, как и в 1905 г., лежало массовое рабочее движение. Но это была не мирная манифестация к царскому дворцу, а широкая политическая демонстрация, в которой лозунг «Хлеба!» подкреплялся грозными призывами к свержению самодержавия. По сравнению с 1905 г. массовое движение уже в первый день революции отличалось громадным взлетом политической сознательности и энтузиазма масс. Теперь это широкое массовое движение подкреплялось политическими лозунгами, в том числе новым для массовых выступлений рабочих в России требованием предоставления женщинам гражданских свобод. Это усиливало международное значение выступления питерских рабочих. Сила большевиков заключалась в том, что они сумели направить энтузиазм рабочих и работниц Петрограда на осуществление четко поставленной задачи — полного и окончательного изменения существующего строя.

Еще в 1906 г. В. И. Ленин писал, что «единовременность начала борьбы по всей России была бы громадным плюсом»⁴⁴. Это произошло в феврале 1917 г. в масштабах более чем 2,5-миллионного города. Вест о том, что выборжцы направляются на Невский, в течение дня 23 февраля распространилась в других районах столицы.

У Нарвской заставы собрался грандиозный митинг, который закончился призывами «На Невский! Стройся! Мира! Долой войну!». Откуда-то появились красные знамена. Их подхватили женщины. «Наш праздник! Нам и знаменосцами быть! Путиловцы пошли!» — разнеслось по Нарвской заставе ⁴⁵

В стачках 23 февраля участвовало уже 129 388 человек ⁴⁶. Но в основе этих данных также сообщения фабричных инспекторов, которые и в этот день, как и раньше, не имели реального представления о действительном размахе движения, тем более что численность рабочих — участников демонстраций превышала число бастующих рабочих.

В рабочие районы были посланы конные жандармы и казаки, которые получили от Хабалова приказ не допускать демонстрацию на Невский, в центр города. Полиция избивала рабочих нагайками и палками, арестовывала руководителей демонстраций. На Литейном мосту околоточные надзиратели и городовые останавливали трамваи и высаживали рабочих. Часть демонстрантов-выборжцев, пройдя по льду на левый берег Невы, прорвав полицейские заслоны, соединилась с рабочими других районов на Литейном, Загородном и Суворовском проспектах. Между четырьмя и семью часами вечера 23 февраля демонстранты вышли на Невский в районе Садовой, Казанского собора и Знаменской площади. Став здесь хозяевами положения, рабочие не расходились до позднего вечера, и полиция оказалась бессильной разогнать демонстрантов. 23 февраля движение в целом еще не приняло наступательного характера, но на улицах города то там, то здесь происходили стычки с полицией.

Рабочие демонстрации сразу вовлекли в борьбу определенные слои городской демократии — студентов, демократическую интеллигенцию, учащихся. Характер движения выражали одни и те же политические лозунги: «Долой войну! Долой монархию! Да здравствует демократическая республика!», — «Хлеба!», который также приобрел революционное значение, так как был связан с лозунгом свержения самодержавия. Целенаправленный политический характер движения был отмечен всеми, кто был его свидетелем. Так, товарищ прокурора Петроградского окружного суда И. Громов писал, что 23 февраля его поразило то, что у всех демонстрантов в разных районах города были «одинаковые лозунги, начерченные красной

или белой краской на белых или красных полотнищах — лозунги с требованием хлеба, с протестом против войны, с призывом к восстанию против монархии». Они, продолжал далее царский чиновник, «совпадали со словами выпущенной в 1915 г. за границей большевиками брошюры „Война и дороговизна в России“»⁴⁷. Среди участников демонстраций были и беспартийные рабочие, и те, кто числился в меньшевистских и эсеровских организациях. Характерно, что и они подчинились большевистскому руководству, направленному на сплочение масс. Об этом они потом писали сами, указывая, что в сознании революционной массы, «настороженной, дисциплинированной, ощущающей серьезность момента», зрела решимость, вопреки оппортунистическим предложениям, бороться до полной победы, готовность продолжать политическую стачку⁴⁸. А такие оппортунистические предложения исходили от представителей рабочих групп военно-промышленных комитетов, выдвигавших пацифистские лозунги и ориентировавшие рабочих на мирное шествие⁴⁹.

Не уловили «увертюры грандиозных событий» (по их собственному выражению) те политические деятели, которые не были связаны повседневной работой с массами⁵⁰.

Так, меньшевики и эсеры — представители фракций Государственной думы — полностью разделяли настроения думской либеральной буржуазии: когда днем 23 февраля в Таврическом дворце были получены известия о стачках и демонстрациях, они были расценены всеми без исключения депутатами Думы как стихийный бунт на почве нехватки продовольствия. (Кстати, в этом и либеральные деятели, и представители левых фракций Думы недалеко ушли от царских властей.) Стенографический отчет заседания Думы от 23 февраля сохранил речь того самого эсера-трудовика Керенского, который через пять дней будет откровенно претендовать на роль вождя революции. «Ведь масса — стихия, у которой единственным царем является голод, у которой разум заменяется желанием погрызть корку черного хлеба... — с пафосом восклицал Керенский. — Ведь с этой массой, с этой стихией рассуждать уже нельзя, она уже не поддается убеждению и словам»⁵¹. 23 февраля Государственная дума ограничилась заявлением претензий к властям, которые не обеспечили продовольственным снабжением столицу, и предложила в целях прекращения стачек и демонстра-

ций, «нарушающих ритм столичной жизни», уладить дело с рабочими на Путиловском заводе.

Царские власти собирали силы. Градоначальник А. П. Балк приказал разгонять на улицах все группы людей, превышающие 5—6 человек. Генерал С. С. Хабалов обратился к населению с воззванием прекратить беспорядки, при этом нагло заявлял, что хлеба не хватает в городе потому, что люди покупают его впрок. Вышестоящих чиновников он заверил, что меры приняты и на следующий день рабочие прекратят стачку. Однако рядовые агенты Петроградской охранки, шнырявшие в этот день среди рабочих, доносили прямо противоположное. Многие из них предупреждали, что стачка грозит вылиться в восстание. «Мысль о восстании как единственном средстве найти выход из создавшегося продовольственного тупика проникает в массы все глубже»,—сообщал один из филеров охранки. «О восстании „говорят все“ на улицах, в очередях, рабочие, солдаты, матросы, интеллиген-ты»,—доносил другой⁵².

Незаконные штаб-квартиры большевиков, принадлежавшие Бюро ЦК РСДРП, ПК, Выборгскому и другим районным комитетам большевистской партии, становились информационными центрами, куда стекались сведения обо всем, что происходит на фабриках, заводах и улицах города. Среди руководящих членов большевистской партии было немало профессиональных революционеров с большим партийным стажем и опытом работы, участников революции 1905—1907 гг., а также рабочих, прошедших школу ленинской «Правды». Так, из 30 членов Бюро ЦК, ПК и Выборгского района 21 являлся непосредственным участником и руководителем вооруженной борьбы в 1905—1907 гг. в Москве, Сормове, Нижнем Новгороде, Екатеринославе и других городах⁵³. Кроме того, многие другие петроградские большевики имели опыт подпольной работы в Иваново-Вознесенске, Ярославле, Костроме, Мотовилихе, Риге, Чите, Томске. Таким образом, Петроградская организация большевиков концентрировала в себе, по существу, весь предшествовавший всероссийский опыт революционной работы партии.

Исследователи подчеркивают, что вокруг Русского бюро ЦК третьего состава к февралю 1917 г. в столице сложился большой актив подпольщиков. Прямо и непосредственно с ним были связаны А. И. Ульянова-Елизарова, Д. А. и М. Г. Павловы (на их квартире происхо-

Дом в Петрограде на Сердобольской ул., 35, где размещалось Русское бюро ЦК РСДРП в конце 1916 — начале 1917 г.

дили заседания Бюро ЦК), Г. Б. Красин, Е. Д. Стасова, Н. И. Подвойский, Н. Г. Полетаев и др. ПК РСДРП возглавили А. К. Скороходов, И. Д. Чугурин, П. И. Гапшин, К. И. Шутко, Н. Г. Толмачев. В то время в столице широко практиковался метод взаимной кооптации членов в параллельные руководящие органы. Так, например, И. Д. Чугурин, являясь секретарем Выборгского районного комитета, входил одновременно в состав ПК⁵⁴, в то же время член ПК А. К. Скороходов таким же образом осуществлял связь между ПК и Нарвским и Московским районными комитетами, член ПК А. Н. Винокуров — с Невским районом и т. д.⁵⁵

Такие руководящие органы партии, как Бюро ЦК, ПК, Выборгский районный комитет, были в основном укомплектованы пролетарскими по происхождению кадрами, связанными в разные годы с предприятиями Выборгской стороны. Здесь на фабриках и заводах в разное время работали такие большевики, как П. А. Залуцкий,

И. Ф. Агаджанова, И. Д. Чугурин, В. В. Шмидт, Н. Ф. Свешников, В. Н. Каюров и многие другие. Это помогало руководящим большевистским организациям распространить идеи партии среди десятков тысяч рабочих, подчинить их одной воле, одному желанию и энергии, увлечь за собой, зажечь огнем революционного энтузиазма. Революционный авангард жил одной жизнью с рабочей массой, «учитывая» перемену настроения в ней, используя ее «не для беспринципного подлаживания под данное настроение», как писал В. И. Ленин позднее, «а для принципиальной борьбы за полный разрыв с социал-шовинизмом»^{56—57}. В начале Февральской революции это нашло конкретное выражение в том, что большевики выдвинули лозунги, которые служили сплочению рабочих и крестьян в общем революционном действии.

Вечером 23 февраля по заданию Бюро ЦК И. Д. Чугурин и А. К. Скороходов оповестили по возможности всех членов ПК и Выборгского районного комитета о собрании, на котором предполагалось подвести итоги дня. Местом собрания стала небольшая квартира рабочего И. И. Александрова в Головинском переулке (район Новой Деревни) Выборгской стороны. На собрание сумели прийти примерно 40 человек: от Бюро ЦК — П. А. Залуцкий, от ПК и Выборгского и Петроградского районных комитетов — А. К. Скороходов, К. И. Шутко, В. Н. Каюров, И. Д. Чугурин, П. А. Алексеев, Н. Ф. Свешников, Н. Ф. Агаджанова, А. П. Ефимов, С. С. Лобов, В. Н. Нарчук, а также некоторые представители предприятий Выборгского района. Собрание приняло решение не ограничивать развития стачек, по мере возможности добывать оружие, усиливать агитацию среди солдат Петроградского гарнизона. Учитывая то обстоятельство, что среди масс не было единомыслия в отношении к войне, большевики решили⁵⁸ на следующий день, т. е. 24 февраля, провести на Невском антивоенную демонстрацию и митинг у Казанского собора с разъяснением большевистских лозунгов о войне и мире. Большевики сочли момент более чем подходящим для начала решительного штурма самодержавия⁵⁹.

Русское бюро ЦК РСДРП в обстановке общенационального кризиса допускало возможность революционного урагана даже от незначительного толчка^{59—60}. До 23 февраля большевики стремились сдержать отдельные

стихийные и неорганизованные выступления рабочих, чтобы сохранить революционную силу масс для решительного выступления. Но теперь, когда стало ясно, что революционные пары с силой открывают сдерживаемый клапан, Бюро ЦК дало директиву «развязывать движение, не ограничивать его каким-либо сроком, вступать в вооруженные схватки с полицией и верными царю войсками»⁶¹.

Царское правительство в лице его представителей А. Д. Протопопова, С. С. Хабалова и других царских чиновников, на которых лежала главная ответственность перед царствующими особами в обеспечении «спокойствия», не поняло вначале всей опасности пачавшихся 23 февраля народных демонстраций в столице, расценив их как «происшествия на продовольственной почве». В их представлении революция была отодвинута на определенный срок после открытия Государственной думы и ареста членов рабочей группы ЦВПК, которых царские власти считали «главарями» и «зачинщиками» революционного движения, способными при содействии думской буржуазии совершить «государственный переворот»⁶². В Государственной думе Протопопов и царствующие особы видели рассадник революционных настроений.

Стремясь стабилизировать положение в столице и Думе, а также умерить страсти думских деятелей, Николай II через неделю после открытия Думы, 21 февраля, вызвал некоторых из министров во главе с Голицыным якобы для обсуждения вопроса об ответственном министерстве. Слух об этом быстро распространился среди думцев. Однако радость их была преждевременной. Вечером того же дня Голицына вновь потребовали ко дворцу, где царь сообщил ему, что уезжает в Ставку. «Как же, ваше величество,—пзумился Голицын,—ответственное министерство? Ведь Вы хотели завтра быть в Думе?» — «Да...—ответил Николай,—но я изменил свое решение... Я сегодня же вечером еду в Ставку»⁶³. 23 февраля царь пишет из Могилева Александре Федоровне, прочно ощущая себя властелином положения: «Мой мозг отдыхает здесь — ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания. Я считаю, что это мне полезно»⁶⁴. Этот факт как нельзя лучше подтверждает, что никаких колебаний у царя «в сторону требований либеральной буржуазии»⁶⁵ и в помине не было: тактика в отношении либералов («помазать по губам» обещаниями) при общем

реакционном курсе правительства оставалась без изменений. Однако царь, как и его приближенные, явно недооценивал решающей силы народного движения, возможностей его роста в массовых масштабах независимо от Думы. Вот почему, когда двумя днями позднее Николай II получил паническую телеграмму о том же от Родзянко, он сказал министру двора Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать»⁶⁶. Телеграммы царю из Петрограда о стачках и демонстрациях 23 февраля были оценены им (под воздействием информации, исходившей от Протопопова и других чиновников) как бунт народа из-за недостатка хлеба, который легко можно ликвидировать. Отсюда — кажущаяся странность в поведении царя, который вначале не придавал значения другим сообщениям из Петрограда о срочной необходимости принятия «чрезвычайных мер».

Но в том-то и дело, что продовольственные волнения в столице 23 и 24 февраля, хотя и послужили в ряде ее районов поводом для революционных выступлений рабочих и работниц отдельных предприятий, сразу же потонули в мощном боевом политическом настроении пролетарских масс.

Утро 24 февраля началось на заводах и фабриках столицы с летучих собраний и митингов в цехах и во дворах предприятий, — собраний, имеющих политический характер. После них, как бы сговорившись, вновь тысячи рабочих пошли не к станкам, а за ворота предприятий. Демонстрации стали еще более многочисленными, чем накануне. 24 февраля к работе не приступило 214 111, т. е. уже больше половины всех фабрично-заводских рабочих столицы.

Еще ранее В. И. Ленин, предвидя размах массового движения в России, подчеркивал, что главная сила — в организованности рабочих крупных заводов и фабрик, поскольку именно они включают в себя не только преобладающую по численности, но и еще более преобладающую по влиянию, развитию и способности к борьбе часть рабочего класса. Каждое крупное предприятие, по мысли В. И. Ленина, должно было стать крепостью большевиков. И вот теперь ударные группы революции организованно сформировались именно вокруг заводских и фабричных коллективов. Бастионами революции стали: почти 30-тысячный Путиловский завод, 20-тысячный Трубочный,

более чем 10-тысячные Обуховский, Патронный и другие заводы металлообрабатывающей, машиностроительной, судостроительной, электротехнической промышленности. Большевики сумели сплотить «широкие слои рабочих вокруг кружков, ячеек и комитетов партии. Знаменательно, что именно в крупных заводских и фабричных коллективах прежде всего сохранились традиции первой русской революции. Так, в дни Февральской революции на митинге во дворе Металлического завода перед тысячной толпой рабочих вдруг всплыло знамя 1905 года.

24 февраля демонстрации рабочих из разных районов города снова направлялись на Невский, и в этом также проявилось организующее начало движения. Впереди по организованности шел Выборгский район. Здесь революционное шествие рабочих, как и накануне, начал пролетариат заводов «Лесснер», «Эриксон», Бараповского. Недалеко от этих предприятий находился главный из руководящих центров революции — Русское бюро ЦК РСДРП. Отсюда путь демонстрантов шел к центру города по Большому Сампсониевскому проспекту. По мере движения их число увеличилось: присоединились рабочие заводов «Парвиаийнен», «Арсенал», Нобеля; в районе Троицкого моста выборжцы сомкнулись с демонстрациями Петроградской стороны (ядро которых составляли рабочие заводов «Вулкан», «Дюфлон»). Слившись в один могучий поток, эта демонстрация через Садовую в районе Казанского собора и Городской думы вышла на Невский проспект. Позднее сюда же влились рабочие Василеостровского и Нарвского районов — заводов «Сименс и Гальске», «Симменс—Шуккерт», Кабельного, Путиловского, «Треугольник», «Франко-Русского», фабрики «Лаферм» и многих других предприятий.

Столь же мощными были слившиеся в тот день воедино на Невском проспекте людские потоки, которые возглавляли рабочие других районов столицы — Московского, Невского, Рождественского, Охтенского, 1-го и 2-го Городских. Местом сбора демонстрантов стала Знаменская площадь у Николаевского вокзала.

Полиция попыталась было воспрепятствовать движению, разогнать отдельные группы демонстрантов. Заградительные отряды полиции были расставлены на подступах к Невскому — на Троицком, Дворцовом мостах, у Нарвских ворот, в районе Знаменской площади, на углу Литейного проспекта, у Фонтанки. Но они были сметены

огромными массами народа. Схватки с полицейскими и городскими свидетельствовали о боевом настроении рабочих. Как и накануне, столкновение демонстрантов с полицией произошло у Литейного моста. Действующие заодно с городскими группы казаков и солдаты некоторых учебных команд, пытаясь остановить шествие, выставили конные наряды, но это не помогло. Примерно 40 000 демонстрантов пошли во всю ширину моста, навстречу коннополицейской страже, прорвали цепь конницы, после чего значительная часть этого людского потока оказалась на Литейном проспекте. Остальная же, вернувшись назад, перешла Неву по льду и также устремила к центру города. Над демонстрантами реяли красные флаги, они шли с пением «Марсельезы» и других революционных песен. В ряде мест при встрече рабочих с казаками и солдатами начиналось братание. То там, то здесь можно было наблюдать, как женщины-работницы агитировали казаков: «У вас тоже есть матери, жены, сестры, дети. Мы требуем хлеба и прекращения войны!»⁶⁷.

Невский был заполнен революционным пародом, а на подходе к нему проложены главные маршруты движения демонстрантов из рабочих кварталов по Петергофскому, Петроградскому, Литейному и другим проспектам. С каждым часом народу в центре города становилось все больше, революция была не в силах победить, хотя и царские власти были не в силах остановить ее развитие.

Политическая демонстрация в Петрограде в феврале 1917 г. стала не только главной формой движения, но и доказательством мощи народной революции, ее силы и неустрашимости. Политическая цель — свержение монархии — постепенно осознавалась сотнями тысяч жителей столицы. Центрами, сконцентрировавшими ударную силу революции, стали митинги, бушевавшие в четверти часа ходьбы от Зимнего дворца и других высших государственных учреждений царского правительства. Так, на второй день революции рабочими Петрограда уже были завоеваны позиции для решающего штурма самодержавия и его главных твердынь — центральных правительственных учреждений.

Важным моментом в развитии революции было то, что с первых дней рабочим демонстрациям постоянно сопутствовали, нарастая в численном отношении, частные случаи неповиновения солдат и казаков Петроградского гарнизона своим командирам. Слух о каждом слу-

чае такого неповиновения быстро становился достоянием широких масс, проникая в казармы воинских частей, возбуждая солдат к активным действиям под теми же революционными лозунгами.

Среди тех, кто находился в массе народного, пока в основе своей пролетарского движения, были и вожди оборонческих мелкобуржуазных партий и групп. Их беспокоила антивоенная направленность движения, могущая, по их мнению, отпугнуть буржуазию Думы. Лозунг «Долой войну!», по воспоминаниям В. Каюрова, «определенно не встречал сочувствия вождей меньшевиков и эсеров»⁶⁸. 24 февраля небольшие группы рабочих, возглавляемые оборонцами, откололись от основной массы революционного народа и пошли к Таврическому дворцу. Делегатов от них приняли растерянные лидеры социал-демократической (меньшевистской) и трудовой фракций Думы, но они не смогли предложить никакой программы действий и, ограничившись туманными речами, призвали к спокойствию и мирному шествию⁶⁹.

Иной была политическая линия большевиков. В тот же день бюро ЦК РСДРП подготовило листовку, в которой разоблачалась заинтересованность царизма, помещиков и буржуазии в империалистической войне, отмечалось, что в борьбе за мир и свободу рабочих России поддерживает пролетариат воюющих стран — Германии, Австрии, Болгарии. Листовка заканчивалась в том числе лозунгами «Долой войну!», «Да здравствует братство рабочих всего мира!»⁷⁰. 24 февраля руководящие большевистские центры приняли решение, обязательное для всех членов партии. В нем разъяснялось, что, расширяя и углубляя движение под лозунгом создания революционной демократической республики, необходимо бороться за перерастание стачек в столице во всеобщую. Было решено послать представителей в Москву, а также в близлежащие промышленные центры, чтобы проинформировать там рабочих о событиях в Петрограде. Отмечалось также, что информация из других районов о развитии революционных действий недостаточна и что настоятельно требуется руководящая директива Бюро ЦК. Было предложено подготовить манифест с обращением к пролетариату, а ПК — выпустить листовку с призывом ко всеобщей забастовке⁷¹. Особое внимание большевистские руководящие центры обратили на необходимость привлечения солдат на сторону революции.

Подводя итоги дня вечером 24 февраля, градоначальник А. П. Балк доложил Хабалову, что полиция не в силах подавить революционный мятеж. Срочно было собрано экстренное совещание городских властей, полицейских и жандармских начальников для выработки решительных мер. Для пресечения демонстраций на следующий день были вызваны команды гвардейских полков, которые перекрыли важнейшие городские магистрали. С помощью войск была усилена охрана также и вокзалов, мостов, некоторых государственных учреждений, городского транспорта. Большие воинские и казачьи патрули высланы на промышленные предприятия. Одновременно в фабричные и заводские лавки крупных предприятий Петрограда было направлено около 3000 пудов хлеба. Из пригородов Хабалов вызвал в столицу полк кавалерии и сотню казаков. Министр внутренних дел Протопопов объехал всех начальников воинских частей, проверяя степень готовности на случай введения военного положения. По приказу Хабалова начались повальные обыски и аресты.

Но прекратить революцию таким способом — это означало посадить за решетку сотни тысяч рабочих. Утром 25 февраля рабочие вновь вышли на демонстрацию с красными флагами и революционными песнями. Численность некоторых демонстраций достигала 8—9 тыс. человек. Столь же многочисленными в этот день были митинги рабочих⁷². К местам народного шествия Хабалов стягивал значительные силы казаков, конной и пешей полиции. Они врезались в колонны на путях следования демонстраций, грозя смять людей. На головы рабочих сыпались удары нагаек и прикладов. В пареде зрело желание дать тут же отпор полиции и жандармам. Но сила организованности победила: демонстранты во главе с авангардом рабочих столицы сначала целеустремленно пошли на митинги в центр города, избегая отдельных столкновений с полицией, не поддаваясь провокациям с ее стороны. Массовое разоружение городских и полиции началось по единому призыву позднее. Этот призыв зародился где-то в среде демонстрантов и целиком отвечал настроениям масс. К концу дня полиция вынуждена была бежать с Выборгской стороны⁷³.

Действия рабочих повсюду развивались как бы по одному плану: митинг на территории или у ворот завода, фабрики, в мастерских, во дворе или в аудитории высше-

го учебного заведения, а затем — шествие к центру города, которое заканчивалось на одной из центральных площадей новым, еще более грандиозным митингом слившихся воедино людских потоков. И, наконец, столь же организованное возвращение в свой район с наступлением темноты.

25 февраля стачка в Петрограде переросла во всеобщую. Закрылись магазины, прекратились занятия в гимназиях и высших учебных заведениях, остановилось движение городского транспорта, оборвалась телефонная связь, прекратилась подача электроэнергии. Бастовало более 305 тыс. рабочих.

Стачка охватила также студентов Петроградского университета, Горного института, слушательниц Бестужевских курсов⁷⁴, служащих государственных учреждений, демократическую интеллигенцию. Студенты, врачи, учителя вливались в рабочие демонстрации, принимали участие в организации митингов. «Десятки тысяч граждан и гражданок стекаются к полудню к Казанскому собору и примыкающим к нему улицам» — так описывала спустя десять дней всеобщую стачку в столице газета «Правда». «Делаются попытки устраивать митинги и демонстрации, происходит ряд столкновений с полицией. Толпа постепенно растет. Среди нее много солидных, взрослых рабочих, которые идут сомкнутыми рядами с красными знаменами по Невскому проспекту и Знаменской площади. Она достигает десятков тысяч»⁷⁵.

Большую активность в эти дни проявляли студенты. Огромная демонстрация студентов (около 2,5 тыс.) вышла утром 25 февраля на Университетскую набережную и двинулась к Дворцовому мосту. Кафедры высших учебных заведений превращались в трибуны общенародных собраний и митингов. Здесь студенты собирались вместе с рабочими и трудовой интеллигенцией. В записке Департамента полиции отмечалось: «В среде учащихся высших учебных заведений наблюдается полное сочувствие движению: в стенах заведений происходят сходки, руководимые ораторами. Учащиеся принимают участие в беспорядках на улицах»⁷⁶. Студенты становились «связующими звеньями» между рабочими и другими слоями демократической интеллигенции (преподавательским составом учебных заведений, врачами, учителями, демократическими служащими). Они являлись инициаторами создания дружин «красного креста», которые оказывали

помощь раненым в схватках с полицией и т. д. С каждым часом в движение включались все новые и новые слои служащих государственных учреждений, в результате чего ослаблялась или прекращалась совсем работа государственных учреждений. По подсчетам исследователей, с 23 по 26 февраля 1917 г. в Петрограде произошло 95 групповых схваток народа с полицией. Среди более 700 убитых, раненых, арестованных, были не только рабочие, но и студенты, представители других непролетарских демократических слоев города ⁷⁷.

Если в 1905 г. значительная часть демократии не выдвигала лозунгов свержения самодержавия, то сейчас «мысли о свержении самодержавия», по словам участников массового движения в столице, разделялись массами «как само собой разумеющееся обстоятельство» ⁷⁸. На фоне этого особенно видна слабая связь с рабочим движением, политическая узость «межрайонки», которая 24 февраля призывала рабочих ограничиться трехдневной стачкой, удовлетворением требований на Путиловском заводе, прекращением там локаута. Сами руководители этой организации впоследствии отмечали, что в решающие дни революции в ее призывах «содержалась неуверенность в том, что настоящий бой есть революция» ⁷⁹.

В конечном итоге такие призывы и лозунги в тех условиях революционного подъема не могли оказать существенного влияния на развитие движения, направленного на свержение самодержавия, но они имели место. Не бездействовали и меньшевики — члены рабочей группы ЦВПК, работники кооперативов, за которыми шли лидеры кооперативного движения. Они пытались ввести движение в русло поддержки Государственной думы, в то время как большая часть депутатов Думы была враждебна революции. Некоторые агитаторы внушали рабочим, что забастовка им «не выгодна» ⁸⁰. 25 февраля вместо призывов к развитию борьбы до победы над самодержавием меньшевики предложили ограничить стачку 1 марта, внушали рабочим оборонческие настроения ⁸¹. Специально проведенный анализ процесса включения в забастовку рабочих значительного числа предприятий Петрограда (218 из 436 забастовавших к 26 февраля) показал, что если инициаторами борьбы против царизма были заводы, где преобладающим влиянием пользовались большевистские организации, сумевшие увлечь за собой большие коллективы рабочих, то, напротив, на

предприятиях, где сильны были позиции меньшевиков и эсеров, связанных с рабочей группой ЦВПК, или где вообще политическая работа отсутствовала, рабочие присоединились к забастовке после колебаний и сомнений, а в ряде случаев были попросту «сняты» рабочими предприятиями, шедших в авангарде борьбы⁸².

Не без воздействия оборонческой, соглашательской агитации в этот период стало проявляться (и стало заметным участникам революции) сложное отношение к лозунгу «Долой войну!». Источники указывают, что на митингах «произносились речи и за, и против войны»⁸³. Чем шире становилось движение непролетарских слоев, тем все заметнее «изменялись акценты» в отношении к этому лозунгу. На митингах выступали ораторы различных политических направлений, наряду с революционными большевистскими лозунгами раздавались и призывы к войне до победного конца, навеянные действовавшей через оборонцев буржуазией. Это было опасное влияние на настроение масс. К счастью, выступления пробуржуазных элементов не повлияли в те дни на развитие революции. Ее авангард, главным образом рабочие-металлисты, отличался исключительной сплоченностью и последовательно шел за большевистскими лозунгами. Эту роль рабочих металлообрабатывающих и машиностроительных заводов Петрограда в феврале 1917 г. отмечали и жандармские донесения, которые подчеркивали, что многие предприятия этой отрасли промышленности играли «роль грандиозных клубов, где опытные ораторы электризуют толпу, координируют действия отдельных заводов и дают всем выступлениям согласованность и организацию»⁸⁴. Действиями этого передового слоя рабочих, пропикнутого «революционностью и антишовинизмом»⁸⁵, определялся весь дальнейший ход событий, способность масс довести до конца штурм самодержавия.

25 февраля большевистскими руководящими организациями для координации рабочих выступлений в различных районах была выделена специальная группа. В нее вошли И. Д. Чугурин (Выборгский район), А. К. Скороходов (Петроградский), С. И. Афанасьев (Нарвский и Московский), Д. А. Павлов (Василеостровский). О большой практической работе ПК можно судить по донесению, спешно составленному провокатором Я. Озолем, затесавшимся по заданию охраны в ряды Петроградской организации большевиков. Донесение гла-

сило, что организация большевиков успешно продвигается в деле создания координирующего центра движения, который предполагается преобразовать в Совет рабочих депутатов по типу функционировавшего в 1905 г., планировавшегося «руководящим центром большевиков»: строительство баррикад, захват электрических и телеграфных станций и т. д.⁸⁶

В тот же день на совместном заседании Бюро ЦК и ПК на Выборгской стороне в доме на Сердобольской были подняты важные вопросы, связанные с координацией деятельности большевиков Петрограда и местных периферийных большевистских организаций. Был выдвинут лозунг всероссийской всеобщей стачки, и только свержение в столице самодержавия через два дня опередило претворение в жизнь этого решения. На заседании были еще раз коллегиально обсуждены лозунги дня, которые большевики предлагали массам, стремясь охватить их своим идейно-организационным влиянием. В основу новой боевой листовки был взят проект, присланный из Москвы М. С. Ольминским. Свержение самодержавия, подчеркивалось в листовке, — это задача не только общероссийская, но и интернациональная. «Поднимайтесь все, — говорилось в листовке. — Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Долой войну! Да здравствует братство рабочих всего мира! Да здравствует социалистический Интернационал!»⁸⁷ Интернационализм являлся главным условием большевиков-ленинцев в создании единого революционного фронта левых сил в обстановке приближения решающего штурма самодержавия.

26 февраля большевики согласились на совместное заседание с левыми эсерами и межрайонцами в целях проведения общей тактики и объединения интернационалистских сил революции. Резолюция этого собрания содержала перечень подготовительных мер, необходимых для перерастания стачки в вооруженное восстание⁸⁸. Резолюция этого «левого блока» сил имела значение еще и потому, что в решающие часы революции оборонческие элементы стали поговаривать «о необходимости свергнуть движение и, во избежание возможного его разгрома, отступить»⁸⁹.

Большевистские организации, напротив, помимо организации координирующих действий в столице, приложи-

ли немало усилий для информации о событиях в Петрограде не только Московского областного бюро ЦК, но и большевиков в Нижнем Новгороде, Риге, Ревеле, Гельсингфорсе, Выборге. Известно, что ПК РСДРП проявил инициативу и послал письмо в Харьковскую большевистскую организацию вместе с текстом листовки, выпущенной 25 февраля⁹⁰.

Полмиллиона жителей города вышли на улицы, но это почти никак не отразилось на ходе заседаний Государственной думы в Таврическом дворце. Одно за другим сменялись в течение четырех дней революции выступления ораторов в Думе. Некоторые из них касались продовольственного вопроса. С каждым днем эти речи становились все более вялыми и монотонными. Кадеты и другие представители либеральной буржуазии, на которых уповали меньшевики как на руководителей масс, не хотели даже слышать шума уличных демонстраций. Только немногие думцы (например, Ф. И. Родичев) не прочь еще были использовать то, что происходило на улицах, чтобы заработать политический капитал и нажать на правительство в требовании ответственного министерства⁹¹. И напрасно Чхеидзе 24 февраля увещевал членов „прогрессивного блока“, что «улица уже заговорила, и с этой улицей теперь нельзя не считаться»⁹². Его не хотели слушать. 25 февраля заседание Думы было последним официальным и самым кратким в истории Думы. На нем министр земледелия А. А. Риттих сообщил, что правительство передает продовольственное дело городскому самоуправлению столицы.

Не только эти заседания оказались за кулисами политической борьбы. В сущности, игра царского правительства была уже проиграна. Генералы и сановники находились в состоянии растерянности. Пройдет несколько лет, и, будучи в эмиграции, те, что остались в живых, будут упрекать друг друга в том, что недооценили ситуацию, позволили революции развиваться. Но на самом деле они ничего уже тогда не могли сделать. В те дни тех из них, кто был непосредственным свидетелем массового движения в столице, обуял страх⁹³. Однако, оберегая честь мундира и не веря еще в конец царской власти, находившиеся в столице царские генералы и министры по-прежнему успокаивали Николая II утешительными телеграммами, заверяя, что движение носит неорганизо-

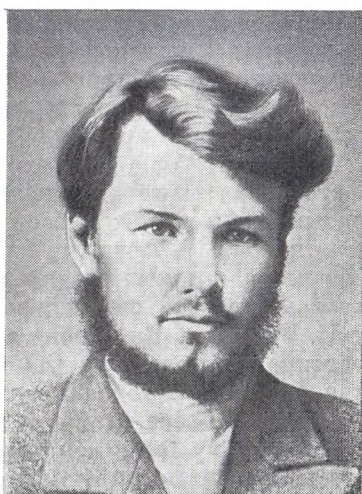
И. Д. ЧУГУРНИ

А. К. СКОРОХОВ

К. И. ШУТКО

А. И. ПАДЕРИН

Большевики — активные участники Февральской революции

ванный характер и что к прекращению беспорядков принимаются срочные меры ⁹⁴.

Между тем в Могилеве, в Ставке, куда шли эти сообщения, уже было тревожно. Появилась масса «секретных» сведений и слухов. Почти одновременно 25 февраля Николай II получил две телеграммы: от императрицы, которая выражала крайнюю тревогу и требовала принятия срочных мер ⁹⁵, и от Хабалова, который также не скрывал серьезность положения в Петрограде. Тут же Николай II продиктовал ответ Хабалову в форме приказа: «Повелеваю завтра же прекратить беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией» ⁹⁶.

По повелению царя Хабалов вынес приказ всем начальникам полицейских участков безоговорочно применять против демонстрантов огнестрельное оружие. «Когда на флагах надпись: „Долой самодержавие!“ — никакой хлеб не успокоит» ⁹⁷, — заявил он на совещании командиров воинских соединений. Не надеясь, что 80 тыс. военно-полицейских патрулей и казаков справятся с революционным народом, командующий Петроградским военным округом объявил состояние мобилизационной готовности по войскам Петроградского гарнизона, вызвал воинские подразделения из пригородов столицы — Царского Села, Красного Села, Павловска, так как части, расположенные в самой столице, внушали Хабалову серьезные опасения.

В ночь с 25 на 26 февраля по приказу Хабалова и Протопопова в городе начались массовые аресты. «За подстрекательство к забастовкам и уличным беспорядкам» к ночи 27 февраля было арестовано около 170 активных участников революционного движения. Полиции удалось схватить работников Русского бюро ЦК РСДРП А. И. Ульянову-Елизарову и Е. Д. Стасову. На частной квартире по Большому Сампсониевскому проспекту царские власти арестовали членов ПК А. К. Скороходова, А. Н. Винокурова, Э. К. Эйзенштейна и др. ⁹⁸ В тот же день в тюрьму были заключены десятки рабочих-активистов и студентов, которые проявили себя на митингах и демонстрациях в первые дни революции. Однако и это не могло остановить развитие революции. У царских властей оставалась лишь одна смутная надежда на воинские подразделения.

Петроградский гарнизон был, как уже говорилось, многочисленным. В него входило 55 рот пехоты, 24 ка-

зачьи сотни. Однако это была уже не безропотная солдатская масса, беспрекословно исполнявшая приказы начальства. В гарнизоне находилось немало новобранцев из кадровых рабочих, мобилизованных за революционные выступления, а также солдат-фронтовиков, оправившихся после ранения. О революционных настроениях в частях гарнизона свидетельствовал ряд характерных фактов: проявление сочувствия к забастовавшим рабочим, нежелание стрелять в народ. 25 февраля на Садовой улице солдаты вместо выполнения приказа не пропускать демонстрантов отомкнули штыки и смешались с народом. Посланные раньше войсковых частей на подавление беспорядков казаки 1-го Донского полка вели себя спокойно, шутили с демонстрантами. В ответ на приказы сотников они проявляли полную бездеятельность. Раздавались и такие возгласы: «Сейчас не 1905 год... Против своих, против парода не пойдем!»⁹⁹. Вокруг казарм, около часовых и патрулей появлялись направленные сюда по заданию большевистских организаций группы рабочих и работниц, которые завязывали разговоры с солдатами. ПК распространил листовку «Братья солдаты», в которой был призыв к союзу рабочего класса и революционной армии, призыв «положить конец братоубийственной бессмысленной бойне»¹⁰⁰.

Аресты по приказам Хабалова и Протопопова нанесли серьезный удар большевистским партийным организациям: в решающий момент развития революции из рядов авангарда были вырваны десятки бойцов. Руководящим организациям пришлось перестраивать свою работу. По решению Бюро ЦК выполнение функций ПК, который понес наибольший урон в руководстве, решение практических задач в борьбе за перерастание уличных демонстраций в вооруженное восстание временно взял на себя Выборгский районный комитет партии большевиков¹⁰¹.

К 12 часам дня 26 февраля, как и в предыдущие дни, из пролетарских районов столицы в центр опять устремились многочисленные демонстрации. Этот день особенно сохранился в памяти у рабочего И. Г. Гаврилова, одного из членов Выборгского районного комитета. «Огненная бушующая масса,— писал он,— выдвигала все новых и новых бесстрашных бойцов, закаленных десятилетиями борьбы. Росли целые легионы готовых отдать свою жизнь за великое дело освобождения. Горели сердца восставших

одним желанием — победить или умереть под красным знаменем разгорающегося пожара революции»¹⁰².

Революция вплотную подошла к решающим боям. С 6 часов утра 26 февраля крупные наряды полиции и городских, казачьи части, учебные команды гвардейских полков заняли боевую диспозицию и были приготовлены к бою. В центре города, у мостов, на перекрестках улиц было сконцентрировано не менее 10 тыс. солдат правительственных войск и городских, переодетых в солдатские шинели. Некоторые из этих команд получили пулеметы. В 2—3 часа дня Невский проспект огласился грохотом винтовочных выстрелов. В безоружных людей стреляли у Казанского собора, у Гостиного Двора, на пересечении Невского с Садовой, у Владимирского проспекта, на Знаменской, на Лиговке. Против демонстрантов применялись штыковая атака, пехотные заслоны, кавалерийские атаки конников с обнаженными шашками и пиками. Рабочие понесли большие потери: 170—200 человек убитыми и ранеными. «Кровавым днем революции» назвали 26 февраля ее участники¹⁰³. На улицах города появились добровольные дружины рабочих, студентов, гимназистов, курсисток, которые выполняли роль санитаров-добровольцев.

В ответ на действия полиции и войск сплотились отряды рабочих. Ими непосредственно руководили большевики И. Д. Чугурип, М. Я. Лацис, М. И. Калинин, Д. А. Павлов, В. Н. Каюров, Н. Ф. Свешников, К. Е. Ворошилов, И. В. Огородников, Н. И. Подвойский, И. Е. Егоров и многие другие. Установлено, что значительный процент среди петроградских рабочих, принимавших самое активное участие в организации революционных — действий — схваток с полицией, войсками, составляли передовые рабочие, годами воспитанные большевистской партией на революционных традициях. Этот-то слой и был связан с большевистскими организациями, способствовал распространению в широких массах лозунгов партии большевиков¹⁰⁴. Оружия пока не хватало. Немногочисленными были рабочие дружины в революционном подполье, но они готовы были к бою. Днем 26 февраля все чаще раздавались одиночные выстрелы из винтовок и револьверов. На помощь петроградским рабочим шел пролетариат пригородных заводов — Ижорского в Колпине и Оружейного в Сестрорецке. Эшелон с рабочими прибыл на Николаевский вокзал и двинулся в центр города, были

запружены все улицы, связанные с Певским. Перестрелять эти толпы было невозможно. Испуганный председатель Государственной думы М. В. Родзянко, опасаясь, что «крайние меры» вызовут ответную реакцию озлобленного народа, позвонил Хабалову, чтобы он отдал войскам приказ прекратить стрельбу.

Опасения Родзянко были ненапрасными. Массовые расстрелы вызвали протесты не только у рабочих, но и у солдат. По мере того как росли симпатии солдатских масс к восставшим рабочим, усиливалась их ненависть к командирам, заставлявшим стрелять в народ. Начались ропот и возмущения в казармах. Еще в середине февраля был издан приказ по особому военному округу, запрещающий солдатам столичного гарнизона, кроме учебных команд, выходить из казарм. Он был связан с растущим революционным движением в столице, и теперь Хабалов не торопился его отменять.

Если в учебных командах солдаты были темные и забитые муштрой, то этого нельзя было сказать о других частях Петроградского гарнизона, где сознательность солдат была много выше, тем более там, где рабочие составляли значительный процент мобилизованных, например в 6-м запасном саперном батальоне¹⁰⁵. Когда в казармы стали проникать слухи, что в городе начались рабочие стачки и демонстрации, солдаты не остались к ним равнодушными. Да и пути рабочих демонстраций лежали через места расположения воинских частей. На Садовой — по пути следования рабочих Выборгского района и Петроградской стороны — были расположены Павловский резервный и Преображенский полки. Другие рабочие демонстрации шли мимо казарм Волынского, Измайловского, Петроградского резервного, Гренадерского полков, Автобронедивизиона, 6-го саперного батальона.

Как ни сложно было попасть в казармы, большевики уже в первые дни революции сумели провести пропаганду среди некоторых воинских частей, убедив их выступить в поддержку рабочих. Известно, что 26 февраля в казармах многих воинских частей солдаты «обсуждали вопрос о присоединении к рабочим»¹⁰⁶. События дня 26 февраля оказали на солдат решающее воздействие. Когда слухи о массовом расстреле рабочих дошли до солдат, возмущение началось прежде всего в полках, часть солдат которых накануне, 25 февраля, использовалась для разгона демонстраций. Первыми открыто вос-

стали 1500 солдат 4-й роты запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка, где было много фронтовиков. Этому предшествовала усиленная агитация в полку рабочих завода «Старый Леснер» во главе с большевиками Н. Ф. Свешниковым, А. С. Куклиным и др. Днем 26 февраля большевикам удалось собрать небольшой митинг у казарм Павловского полка. Через казарменные ворота рабочие призывали павловцев перейти на сторону революции. В это время пришло известие о расстрелах демонстрантов на Невском. Солдаты, дежурившие в казармах 4-й роты, потребовали у ротного командира возвращения своих однополчан в казармы. Тот отказал. Тогда солдаты ворвались в цейхгауз, захватили 30 винтовок и отправились на Невский, чтобы возвратить своих однополчан в казармы. На набережной Екатерининского канала им навстречу были высланы городовые и солдаты-преображенцы. В районе Марсова поля 4-я рота открыла огонь по городовым. Преображенцы отказались стрелять в своих. Поздно вечером с большим трудом рота была водворена в казармы. 19 солдат тут же были арестованы и посажены в казематы Трубецкого рavelина Петропавловской крепости. Им грозил военно-полевой суд.

Выстрелы павловцев возвестили начало перехода войск в столице на сторону восставших. Боевое революционное настроение, возникшее под влиянием общей обстановки и агитации, приобрело относительную самостоятельность как движущий фактор, мобилизующий и сплачивающий солдатские массы. Колоссальные сдвиги в их политическом сознании произошли буквально за несколько часов. Более грамотные и разбирающиеся в политике солдаты продолжали разъяснять суть происходивших событий. Желание «единения» с рабочими возникало повсюду. Рота за ротой переходила на сторону революции.

Сочувствие рабочим перерастало у солдат во всеобщее возмущение не только против командиров, но и против царских властей, оставался всего один шаг в присоединении солдат к революционному народу. И этот шаг подавляющее число солдат Петроградского гарнизона сделали в последующие два дня.

К вечеру 26 февраля в городе возникли баррикады. Они воздвигались из извозничьих саней, колясок, пустых бочек, ящиков, бревен, телеграфных столбов и фонарей. В некоторых районах в качестве баррикадного заграждения против разъездов кавалерии и пехотных нарядов

использовались перевернутые вагоны трамваев и кошки. Баррикады заграждали карателям путь из центра города в Выборгский, Петроградский районы, к Невской заставе.

С наступлением темноты, когда центр города опустел и рабочие возвратились в свои районы, в одной из чайных на Выборгской стороне собралась группа рабочих. «Это, товарищи, только начало! — сказал один из них. — Посмотрим, что завтра будет! Сегодня разогнали... Убили, может, сто или двести человек, а нас тысячи! Многие тысячи! Мосты отрезали? А нам мосты не нужны! Мы по льду проберемся! И из Сестрорецка рабочие придут, слышь, уже забастовали. И со всей Руси пойдут рабочие на Петроград! Довольно! Что же это? Нешто тремя залпами нас разгонишь? У них сила, и у нас тоже сила! Завтра так не пойдем. С оружием пойдем!»¹⁰⁷

Поздно вечером в районе ст. Удельная Финляндской железной дороги собрался руководящий центр: члены Бюро ЦК, Выборгского районного комитета, уцелевшие от арестов члены ПК, представители ряда крупных предприятий Васильевского острова и Петроградской стороны. Большевики твердо держали взятый курс на победу восстания. Собрание большевиков одобрило план последующих действий: укрепление боевых рабочих дружин путем приобретения оружия в боях с царскими войсками, захват складов с оружием, расширение агитации среди солдат, братание и т. д. Собрание наметило срочно выпустить манифест от имени ЦК РСДРП. Присутствовавшие на собрании делегаты от бронедивизиона во главе с большевиком Г. В. Елиным обещали поддержку восставшим.

В работах, которые специально освещают участие солдатских масс в восстании в Петрограде, подчеркивается большое значение перехода моторизованного бронедивизиона — одной из самых мощных воинских частей — на сторону революции. Этот факт позволял большевикам надеяться, что и другие воинские подразделения последуют его примеру. Солдатско-крестьянская масса представляла огромную и притом решающую силу в политической борьбе. Перейдет ли она на сторону рабочих — от этого, как и в 1905 г., зависел исход революции. В общей массе военного гарнизона численность солдат-рабочих, как и повсюду, увеличилась во время войны. И армия отнюдь не была сплошь крестьянской, как ранее¹⁰⁸. В некоторых армейских полках Петроградского гарнизона солдат-рабочих насчитывалось чуть ли не более 50%.

Частные случаи братания солдат с рабочими, восстание 4-й роты Павловского полка, переход бронедивизиона, конечно, обнадёживали. Но решающие события были впереди. Дальнейшее развитие революции было связано с восстанием учебной команды Волынского полка утром 27 февраля. Еще почью солдаты этой команды гневно осудили действия капитана Лашкевича, командовавшего расстрелом рабочих на Знаменской площади днем 26 февраля. Когда утром на следующий день Лашкевич попытался огласить выстроившейся команде приказ, суть которого сводилась к тому, чтобы «патронов не жалеть», ему не дали договорить. Со всех сторон раздались крики: «Не пойдем больше бить людей, довольно крови!». По другим источникам, от имени восставших выступил с этим призывом унтер-офицер Кирпичников, которого поддерживали солдаты. Не задумываясь о переговорах с командованием, как это часто бывало в 1905 г., солдаты учебной команды направились в другие подразделения Волынского полка, и через несколько часов полк восстал в полном составе ¹⁰⁹.

В это время в квартире В. Н. Каюрова, куда еще на рассвете стали собираться представители от заводов и фабрик, собралось человек сорок, ПК представлял К. И. Шутко. Собравшиеся получили листовки для распространения. Это было обращение ко всем рабочим столицы за подписью Выборгского районного комитета, которое было экстренно подготовлено членами Русского бюро ЦК РСДРП. Листовка призывала рабочих продолжать всеобщую стачку, а солдат — повернуть оружие против монархии. Она заканчивалась лозунгами: «Долой царскую монархию!», «Да здравствует народная республика!», «Всю помещичью землю — народу!», «8-часовой рабочий день — рабочему люду!», «Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!», «Да здравствует Временное Революционное Правительство!», «Долой войну!» ¹¹⁰. На совещании были определены решающие участки борьбы, оговорен план действий, даны инструкции. По-прежнему остро стоял вопрос о связи с восставшими других районов. Это было тем более важно, что на 27 февраля Выборгский комитет, действующий на правах исполнительного органа руководящего центра петроградских большевиков, поставил задачу захватить, помимо мостов и вокзалов, ряд государственных учреждений и тюрем ¹¹¹.

Баррикады на Литейном проспекте в Петрограде. Февраль 1917 г.

Раннее утро 27 февраля началось с массового вооружения рабочих во всех районах столицы и создания боевых отрядов, тут же приступивших к захвату стратегических объектов в городе. С помощью первых групп восставших солдат рабочие после недолгого боя захватили склады боеприпасов в Главном арсенале и Главное артиллерийское управление на Литейном проспекте. Здесь было разобрано около 40 тыс. винтовок и 30 тыс. револьверов. В районе Лесного оружие распределялось между рабочими всех пролетарских районов. Оно выдавалось с Охтенских пороховых складов, со складов Завода точных механических изделий. Большие партии боеприпасов с Патронного завода были переброшены на автомобилях в другие районы города.

В нарастании восстания в Петрограде в феврале 1917 г. проявились важнейшие черты гегемонии пролетариата — сила заразительного примера революционных действий и революционная агитация рабочих. Огромное значение имел возросший уровень политического сознания масс со времени первой русской революции: если рабочие в феврале 1917 г. были готовы одержать победу в революции, то солдаты в массе своей были готовы по-

следовать за ними на штурм царской власти. В солдатскую среду был привнесен пролетарский метод «снятия» — солдаты восставших полков становились активной силой революции, с помощью рабочих они добивались, чтобы к борьбе присоединялись солдаты еще не восставших полков. Так, например, были «сняты» Литовский и Преображенский полки, революционными группами солдат и рабочих были сагитированы Московский, Измайловский, Гренадерский полки и т. д. В. И. Ленин подчеркивал, что в феврале 1917 г. именно пролетариат «указал» народу, какими «конкретными мерами двигать революцию вперед»¹¹². Пример рабочих действовал на солдат «заражающим» образом именно потому, что революционные лозунги тех дней уже соответствовали их убеждениям. Это была еще одна отличительная черта массового движения февраля 1917 г., непохожая на периоды более ранних этапов пролетарской борьбы в России.

Само «снятие» в форме цепной реакции солдат воинских частей было подготовлено революционной агитацией. Это подтверждали как сами участники движения, так и сторонние «наблюдатели». На Бассейной улице, рассказывает один из очевидцев, «стояла рота преображенцев с пулеметом, посланных на усмирение. Народ обступил солдат. Из разговоров, из тона голоса, по лицам солдат можно было видеть, что никого они усмирять не будут»¹¹³. За этим стояла революционная агитация.

Неоднородность солдатских масс проявлялась в различной степени выражения их отношения к восставшим рабочим. Часть солдат с оружием в руках поддерживала рабочих, составив одно целое с их боевыми отрядами; другие высказывали лишь сочувствие; третьи сохраняли «благожелательный» пейтралитет, «не репшались выступить... ожидали»¹¹⁴. Солдаты Финляндского полка, например, присоединились к восставшим только тогда, когда к казармам подошла толпа рабочих с криками: «Выходи, товарищи!». Только тогда финляндцы сняли часовых, разобрали оружие и вышли на улицу. С помощью рабочих вслед за финляндцами были «сняты» солдаты 180-го пехотного полка, 2-го Балтийского флотского экипажа. Семеновцы с утра 27 февраля «были готовы к выступлению на стороне восставшего народа», но выступили только вечером, когда к их казармам подошли организованные группы рабочих и солдат других полков¹¹⁵.

В «снятии» полков рабочими активно участвовали большевики А. П. Тайми, Ф. З. Евсеев, Н. А. Милютин, Н. И. Подвойский, С. И. Петриковский, Н. Г. Толмачев, А. К. Скороходов, Ф. А. Лемешев и др. Им помогали солдаты и младшие офицеры, которые выдвинулись в те дни в настоящих революционных командиров,— Г. В. Елин, А. С. Енукидзе, А. Н. Падерин, А. Д. Садовский, С. А. Черепанов, П. В. Дашкевич и многие другие. С помощью группы рабочих текстильной фабрики большевикам и революционным солдатам удалось присоединить к революции даже верный царю полк гренадеров. Правда, убеждение не везде и не всегда помогало. Иногда было необходимо на первых порах оказать и прямое давление со стороны вожаков. «Помню,— рассказывал большевик А. Кондратьев,— пробравшись в помещение казарм первой роты (Московского полка.— *И. П.*), мне приходится уговаривать вооруженную солдатскую массу стать на сторону восставшего народа. Сгруппировавшись в одном углу, солдаты молча слушали мои увещевания, не подавая ни малейшего вида о своем сочувствии» ¹¹⁶. В то же время у ворот казармы большая толпа рабочих и солдат других полков кричала: «Братья-солдаты, идите к нам! В городе все полки восстали, идут с народом. Не будьте предателями народа! Товарищи солдаты! Выходите, присоединяйтесь к народу! Долой войну!» ¹¹⁷. Толпа сломала забор и двинулась в казармы. Рабочие и солдаты смешались, осадили цейхгауз, сломали замки и разобрали оружие, которое тут же было роздано и рабочим.

В ходе революционной агитации за солдатские массы возникали и столкновения. Определенная часть солдат, подчиняясь своим командирам, давала этой агитации отпор. Так произошло при «снятии» батальона самокатчиков. В составе батальона было много сынков зажиточных непролетарских слоев города, освобожденных от отправки на фронт. По призыву командования самокатчики вырыли на казарменном дворе окопы и построили заграждения. Когда революционная группа рабочих и солдат приблизилась к казармам, из ее окон был открыт пулеметный огонь. Только на следующий день в вооруженном бою рабочим удалось сломить сопротивление контрреволюционной группы батальона, после чего большая часть солдат этого подразделения присоединилась к революции ¹¹⁸.

В итоге большинство солдат признали руководящую роль революционных рабочих. Сдвиги в настроении солдат Петроградского гарнизона отмечал уже в те дни очевидец петроградских событий, известный экономист М. Туган-Барановский. Он писал в статье «Смысл русской революции», что переход солдат на сторону революционного народа произошел потому, что солдаты в массе своей почувствовали «свою кровную связь с рабочим классом»¹¹⁹. Известно, что с 26 февраля по 1 марта на сторону восставшего народа только в Петрограде перешло¹²⁰:

26 февраля, день	600	человек
27 » утро	10 200	»
день	25 700	»
вечер	66 700	»
28 » утро	72 700	»
день	112 000	»
вечер	127 000	»
1 марта, утро	144 700	»
» день	170 000	»

В борьбу включились и военные части, которые находились в пригородах Петрограда. Из Красного Села в Петроград на помощь рабочим устремились 11-я и 12-я отдельные тяжелые батареи. Когда в казармах 1-го пулеметного полка, расположенного в Ораниенбауме, появились путиловские рабочие с призывом «Пулеметчики, на помощь петроградским рабочим!», часть солдат этого полка прорвалась к станции сквозь заградительный огонь офицеров. В подавляющем составе полк во главе с большевиком С. И. Петриковским прибыл в Петроград, где помог царским рабочим очистить район от контрреволюционных сил.

Толпы демонстрантов буквально вбирали в себя группы восставших солдат, которые, соединившись с рабочими, помогали им вооружаться, выдавая оружие прямо из цейхгаузов казарм. В итоге, например, в самокатном батальоне было взято 2050 винтовок, в Преображенском полку — 500 винтовок и 5 пулеметов, в Запасном бронедивизионе «исчезло» 97 пулеметов и 834 револьвера. В частях 15-й бригады ополчения было взято 1478 берданок. В руки восставших попало более 2 тыс. снарядов и около 2 тыс. патронов¹²¹. К восставшим перешло и несколько полевых орудий, два из которых были установлены на баррикадах на Лиговском проспекте. Многие

солдаты передавали свое оружие лично. Соединившись с солдатами, рабочие стихийно создавали новые вооруженные отряды бойцов. Обращаясь к солдатам, они «просили командовать и указывать, что делать»¹²². В свою очередь, передовая часть солдат Петроградского гарнизона тогда уже поняла, что она является авангардом по отношению к тем, кто находился в действующей армии, на фронте. 27 февраля на улицах взвился лозунг «Привет товарищам по окопам!».

Братский союз рабочих столицы и солдат Петроградского гарнизона знаменовал новый важный этап в формировании рабоче-крестьянских боевых сил демократической революции в России и решил ее исход. Используя богатый политический и боевой революционный опыт 1905 г., большевики сумели дисциплинировать массы. Организация сил революции была направлена большевиками на создание мелких подвижных отрядов (троек, пятерок, десятков), оснащенных оружием*. Небольшие боевые отряды, ясно сознавая цель восстания — свержение монархии, смело вступали в открытый бой с царскими властями, проявляя чудеса революционной храбрости и героизма. Одним из таких отрядов руководил большевик М. И. Калинин. Его боевая группа еще утром 27 февраля захватила один из важнейших стратегических объектов города — Финляндский вокзал — и разоружила охрану. В боевой отряд, действовавший на Финляндском вокзале, вошло немало рабочих-железнодорожников, с помощью которых движение поездов по Финляндской ж. д. было остановлено более чем за сто километров от столицы и таким образом предотвращена возможность переброски контрреволюционных войск в Петроград.

Действия боевой группы Финляндского вокзала вскоре перекинулись на Выборгский район. Прежде всего революционерами была захвачена находившаяся рядом с вокзалом тюрьма «Кресты», где содержалось много полити-

* Имеется в виду опыт Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. Например, в Москве большевики рекомендовали рабочим действовать подвижными отрядами численностью в 3—5 человек, способными «быстро нападать на правительственные войска и столь же быстро исчезать». «Полиция и войска,— говорилось в инструкции Боевой организации МК РСДРП,— будут бессильны, если вся Москва покроется этими маленькими неуловимыми отрядами». Это была тактика партизанской войны в условиях большого города, пришедшая на смену изжившей себя баррикадной тактике, применявшейся ранее в буржуазных революциях на Западе¹²³.

ческих заключенных; затем та же боевая группа блокировала мосты через Неву. Много раз цитировались строки из воспоминаний М. И. Калинина о том, как революционное возбуждение масс под руководством большевиков вырастало в революционное целенаправленное действие. И не перестаешь удивляться точности, с какой передан в этих воспоминаниях переход толпы от стихийных к организованным действиям. «Вокзальная охрана,— писал М. И. Калинин,— была разоружена в одно мгновение. Но толпа еще в нерешительности. Что же делать дальше? И солдаты кричат: „Где вожаки? Ведите нас!“. Я сам в нерешительности, я еще не знаю, куда может направиться эта сила и что сейчас вот здесь, поблизости, можно сделать. Для меня несомненно одно: надо сейчас же, не медля ни минуты, толкнуть на борьбу, ибо вся масса по существу переживает такое же состояние и ждет действия. Я поднялся на площадку вокзала и крикнул: «Если хотите иметь вождей, то вон рядом „Кресты“. Вождей надо сначала освободить!». В один миг мысль подхвачена, расширена. Кто-то кричит: „Сначала освободим из военной тюрьмы!“. Отделяются отряды, появляются руководители. Мысль претворяется в действие: одни отправляются к военной тюрьме, другие — к „Крестам“»¹²⁴.

Сбылось то, о чем писал В. И. Ленин в 1905 г. в статье «Задачи отрядов революционной армии». Боевые отряды в дни восстания в Петрограде, добыв оружие, вели самостоятельные военные действия, руководили неорганизованными массами народа во время уличных сражений. С этих боевых отрядов февраля 1917 г., вобравших в себя рабочих, революционных солдат и передовых представителей городской демократии, началась история Петроградской рабочей милиции и Красной гвардии, созданной вскоре для вооруженной борьбы с контрреволюцией¹²⁵.

27 февраля революция укрепилась в рабочих районах. К полудню на Выборгской стороне появились рабочие патрули, следившие за общим порядком. С их помощью был прекращен стихийный погром продовольственных лавок, повсюду устанавливался революционный порядок. Еще шли бои за некоторые правительственные учреждения в этой части города, а уже большие колонны выборжцев двинулись в центр города, объединившись с восставшими солдатами Павловского резервного и Преображенского полков. Во второй половине дня 27 февраля весь

*Восставшие части Петроградского гарнизона на улицах города.
Февраль 1917 г.*

Петроград был охвачен пламенем вооруженного восстания. Во всеобщей политической стачке участвовали почти все (98%) рабочие заводов и фабрик столицы и ее окрестностей¹²⁶. Рабочие овладели полностью Нарвским районом. В полдень многочисленная группа путиловцев проникла на территорию резиновой мануфактуры «Треугольник», которая еще не включилась в борьбу. Основную массу рабочих ($\frac{2}{3}$ из более чем 15 тыс. человек) составляли здесь политически неопытные женщины-работницы. В мастерских мануфактуры работало до 3 тыс. рабочих-литовцев, вести агитацию среди которых в определенной степени мешал языковой барьер. Следует отметить также организационную слабость здесь большевистской ячейки: двум десяткам большевиков на «Треугольнике» противостояла эсеровская организация, в которую было записано несколько тысяч членов; кроме того, 150 рабочих были меньшевиками¹²⁷. Все это не могло не сказаться на медленной раскатке рабочих, присоединении их ко всеобщей стачке. Однако на пятый день революции призыв путиловцев сделал свое дело — весь коллектив мануфактуры забастовал, часть рабочих вышла на улицу и, построившись в колонну вместе с рабочими с соседнего химического завода, во главе с путиловцами устреми-

лась в центр города, уничтожая полицейские засады в районе Нарвских ворот. Положение восставших рабочих в этом районе столицы укрепилось с переходом на сторону революции солдат Семеновского, Измайловского и Петроградского гвардейских полков.

На Васильевском острове, как и раньше, в первых рядах восставших шли рабочие заводов «Сименс—Гальске», Балтийского судостроительного. Рабочие дружины, в которые влились студенты Петроградского университета, в этом районе разгромили полицейский участок на 5-й линии, в результате чего было захвачено много оружия и созданы специальные отряды для пропуска рабочих демонстраций в центр города через Биржевой, Тучков, Дворцовый и Николаевский мосты.

Столь же успешными были действия рабочих в Петроградском районе, где были созданы боевые отряды при участии солдат запасного бронедивизиона и лейб-гвардии Гренадерского полка. К вечеру 27 февраля вся Петроградская сторона, за исключением Петропавловской крепости, примкнула к революционному пароду.

В отличие от Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г. в Петрограде в дни Февральской революции баррикады были лишь временными, оборонительными сооружениями в местах наиболее ожесточенных боев с полицией и городовыми. Рабочие Петрограда извлекли из уроков 1905 г. вывод о необходимости «отчаянно-смелого, бесповоротно-решительного наступления»¹²⁸. Одну за другой сдавали царские власти свои позиции. Сильное сопротивление они оказали при захвате Петроградского охранного отделения на Мытчинской набережной, Департамента полиции на Фонтанке, а также Николаевского вокзала. В упорных боях восставшими была занята тюрьма предварительного заключения, где содержались политические узники. Полицейские и охранники спешно уничтожали следы своей деятельности: груды выброшенных из полицейских участков документов горели в огромных кострах на углу Казанской и Тихвинской улиц, на Загородном проспекте. Отовсюду виднелось огромное зарево на месте «Литовского замка» — еще одной политической тюрьмы, которую подожгли восставшие и освобожденные ими заключенные. Столбы дыма и огня, поднимавшиеся над тюремными зданиями, символизировали крушение твердынь царизма.

Здание тюрьмы «Литовский замок», сожженное в дни Февральской революции. Петроград, 1917 г.

Находившиеся в Мариинском дворце министры царского правительства, ожидая распоряжений от императора и Ставки, долго не расходились в этот день. Уже часов в одиннадцать они услышали приближение восставших, выстрелы. Кто-то бросил камень в окно... Тревожно ждали нападения, погасили огни. Однако вооруженный отряд прошел мимо. «После появления света я, к своему удивлению, оказался под столом»¹²⁹, — рассказывал впоследствии один из министров. Вооруженная защита, затребованная из Штаба военного округа для охраны Мариинского дворца, не прибыла.

Главные контрреволюционные силы сосредоточились в здании Адмиралтейства, откуда еще осуществлялась связь со Ставкой. Еще днем Хабалов попытался пустить в ход артиллерию. Пушки были подвезены в район Литейного и Суворовского проспектов. Туда же Хабалов направил отряд под командованием боевого полковника А. С. Кутепова из 1000 человек и 12 пулеметов. Каратели расстреливали толпы и одиночек, вели огонь по автомобилям, наполненным восставшими. Но чаша весов перевернулась в сторону революции. Среди солдат Кутепова началось бро-

жение. Они буквально растворились в заполненных восставшим народом улицах. Вечером в здании Адмиралтейства, куда перебрався штаб округа, в распоряжении Хабалова осталось лишь пять стрелковых рот (600 человек), 12 орудий и 40 пулеметов. Не надеясь более на Хабалова, царские сановники бежали из Мариинского дворца с черного хода.

В ночь на 28 февраля заявили об отставке и члены Государственного совета. Они послали царю в Ставку телеграмму следующего содержания: «Правительство, никогда не пользовавшееся доверием в России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозным положением... Мы считаем последним и единственным средством решительное изменение вашим императорским величеством направления внутренней политики... немедленный созыв законодательных палат, отставку нынешнего Совета министров... Дальнейшие отсрочки и колебания грозят неисчислимыми бедами»¹³⁰.

Телеграмма членов Государственного совета легла на стол Николая II рядом с тревожным сообщением Хабалова, просящего срочно прислать в столицу надежные части с фронта, а также с телеграммой от царицы следующего содержания: «Революция приняла ужасающие размеры... Известия хуже, чем когда бы то ни было»¹³¹. Это побудило царя распорядиться о карательной экспедиции. Выбор возглавить ее пал на генерала Н. И. Иванова, ярого монархиста, известного как палача кронштадтских матросов, сурово расправившегося с ними во время восстания 1905 г. В состав карательной экспедиции из четырех полков входил батальон георгиевских кавалеров. Каратели были оснащены пулеметами и артиллерией¹³².

Хабалов возлагал на экспедицию генерала Иванова большие надежды. Днем 27 февраля он попытался было ввести в столице военное положение, но даже напечатать приказ об этом было негде: типография градоначальства была захвачена восставшими. С трудом удалось набрать несколько листов и отпечатать их в другой типографии, а затем расклеить в районе Невского. Однако вскоре эти листки были сорваны и растоптаны народом.

В ночь на 28 февраля 1917 г. Петроград представлял собой огромный военный лагерь. Солдаты не ушли в казармы. В различных районах города прямо на улицах горели костры, у которых можно было получить пищу и обогреться. Число участников революции все увеличива-

лось. Тысячи добровольцев — студенты, представители Красного Креста, женщины-работницы, обслуживающий персонал рабочих столовых и чайных, учащаяся молодежь гимназий — приняли участие в организации временного ночлега для революционных солдат и рабочих. На дверях многих домов, особенно в рабочих районах, появились записки, предлагавшие солдатам и членам боевых дружин пищу и ночлег. Правление Выборгского потребительского общества вынесло решение: «Выдать весь продовольственный запас кооператива для революционных солдат»¹³³.

28 февраля царские войска в столице сдавали свои последние позиции. На улицах была слышна перестрелка. Утром флаг революции был поднят на крейсере «Аврора». В первой половине дня восстали солдаты гарнизона «русской Бастилии» — Петропавловской крепости. Они освободили из казематов арестованных два дня назад солдат Павловского полка и вместе с ними открыли ворота крепости, впустив в нее рабочую демонстрацию. Все тюремные казематы были открыты, заключенные выпущены на свободу.

Тогда же, днем 28 февраля, когда победа революции была уже бесспорной, вдруг началась беспорядочная пулеметная стрельба с башни Николаевского вокзала, с церкви Спасопретображения, собора св. Пантелеймона, крыш и верхних этажей других зданий. Стреляли полицейские, преисполненные ненависти офицеры и под их командой — некоторые солдаты-пулеметчики из противовоздушной охраны, юнкера. «В тот день на Обводном канале мы брали приступом колокольню церкви святого Мирония, откуда строчил пулемет, гремели винтовочные и револьверные выстрелы,— пишет один из участников революции, И. В. Попов.— Из-за кирпичной церковной ограды тоже стреляли. Среди нас уже были убитые и раненые. Покончив с засевшими за оградой офицерами и полицейскими, мы ворвались на церковный двор, сгруппировались ближе к церкви в недоступном обстрелу пространстве. С гвардейцем, который выступал на митинге в Московском полку, и с двумя рабочими я поднялся на колокольню. Находившихся там полицейских удалось сразу ликвидировать. Мы разобрали по карманам патроны, прихватили винтовки, пулемет и пошли вниз. У церкви шумела большая толпа: солдаты, мастеровые, женщины... Начался митинг победивших рабочих и солдат»¹³⁴.

Вскоре все огневые точки в городе — агония контрреволюционных сил, защищавших самодержавие, — были ликвидированы. Миссия генерала Иванова, рвавшегося в этот день к столице, также не увенчалась успехом. Из двух пехотных и двух кавалерийских полков и артиллерии, посланных Ставкой на революционный Петроград, только одному полку (с Северного фронта) удалось достичь ст. Александровской Варшавской железной дороги. Другие воинские соединения, направляемые с фронта, выходили из повиновения. Прибыв с Северного фронта на ст. Луга, солдаты одной из частей сдали свои винтовки революционному комитету, объявив, что «против своих драться не будут». Днем 28 февраля прибывший в Царское Село воинский поезд генерала Иванова окружили революционные солдаты и начали агитацию среди георгиевских кавалеров. Иванов спешно увел свой состав на ст. Вырица. Когда он попытался затем выехать на ст. Александровскую, революционные железнодорожники загнали поезд в тупик, а потом отправили назад, в Вырицу, откуда Иванов с трудом вернулся в Ставку.

Поняв, что дальнейшие усилия по организации сопротивления бесполезны, генерал Хабалов бежал из Адмиралтейства. Несколько позднее его арестовали и препроводили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Многие представители бывшей царской бюрократии сдавались сами и, боясь самосуда народа, требовали помещения их в тюрьму. Двери мрачных казематов, где прежде томились лучшие представители не одного поколения борцов против царизма, закрылись теперь за ненавистными народу царскими генералами, министрами и сановниками: Горемыкиным, Протопоповым, Штюмером, Щегловым и многими другими.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДВОЕВЛАСТИЯ

Боевой союз питерских рабочих и солдат решил победоносный исход вооруженного восстания в Петрограде. Рабочие и солдаты понесли в последних боях с самодержавием и самые большие потери: на их долю приходится до 80% всех людских жертв в дни восстания в столице. По официальным сведениям, число убитых, раненых, обмороженных в те дни на улицах Петрограда составило до 1740 человек. Однако это далеко не все, кто поплатился

жизнью в борьбе за свободу. Среди погибших было немало и членов большевистских организаций.

Завоевав кровью свободу, революционный народ приступил к организации новой власти. На это направляли восставших большевики. Повсюду в столице в ходе сражений возникали районные революционные комитеты. Еще в первой половине дня 27 февраля среди восставших появились гектографированные экземпляры манифеста ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России». К вечеру того же дня специально созданной издательской группой большевиков (Чугурин, Свешников, Павлов и др.) удалось найти типографию и отпечатать манифест в виде листовки тиражом 100 тыс. экз.¹³⁵ Она была расклеена на зданиях в местах наибольшего скопления людей. Часть тиража манифеста была послана в другие города.

Утром 28 февраля весь Петроград прочел заявление большевиков: «Твердыни русского царизма пали. Столица в руках восставшего народа!». Призывы манифеста были обращены прежде всего к рабочему классу страны: «По всей России поднимается красное знамя восстания! По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу!»¹³⁶. «Задача рабочего класса и революционной армии,— указывалось далее в манифесте,— создать Временное революционное правительство, которое должно встать во главе нового возрождающегося республиканского строя. Временное революционное правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу, введение 8-часового дня и созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, без различия пола, национальности и вероисповедания, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов». Манифест ЦК РСДРП указывал на необходимость «войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана поработленным народам»¹³⁷. Только большевики в момент Февральского вооруженного восстания 1917 г. имели такую четкую революционную программу, в то время как у межрайонцев, меньшевиков, левых эсеров, участвовавших в

МАНИФЕСТЪ

Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи

Ко всѣмъ гражданамъ Россіи.

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Граждане! Тверямки русскаго царизма пали. Благородство царской шапки, построенное на костяхъ народа, рухнуло. Сломана въ рукахъ воставшаго народа. Часті революціонныхъ войскъ сплели на сползну возставшихъ. Революціонный пролетаріатъ и революціонная армія дожили сплести сползну отъ окончательной гибели и краха, который пригрозилъ царскому правительству.

Гражданамъ условіямъ, кровью в Англии русскій народъ сплелъ съ себя вѣчное рабство.

Задача рабочаго класса и революціонной арміи создать **Временное Революціонное Правительство**, которое должно встать во главѣ новаго нарождающагося **республиканскаго** строя.

Бреженіе революціонное правительство должно взять на себя сознаніе временныхъ законовъ, защищающихъ **всѣ права и волю народа, конституціонныя демократическія, земледѣльческія, фабричныя и удѣльныхъ земель в передать ихъ народу, введеніе 8-ми часового дня и созывъ учредительнаго собранія** на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ.

Временное революціонное правительство должно взять на себя задачу немедленнаго обезпеченія провозглашеннаго месенія и арміи, а для этого должны быть конфискованы всѣ палатки, запасы, заготовленіе продовольствія, правительствѣ и городскихъ самоуправленіяхъ.

Гидра реакціи можетъ еще поднять свою голову. Задача народа и его революціоннаго правительства подвинуть всѣхъ противонародныхъ контр-революціонныхъ заисковъ.

Немедленная и неотложная задача временнаго ре-

волюціоннаго правительства войти въ сношенія съ пролетаріатомъ восточныхъ странъ для революціонной борьбы, бороться съ сплести противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кайкъ и для немедленнаго прекращенія кровавой челоушеской войны, которая нависла надъ поработительныхъ народами.

Рабочіе фабрикъ и заводовъ, а также мелкостроительная всякая должна немедленно избрать своихъ представителей до временное революціонное правительство, которое должно быть создано подъ охраной воставшаго революціоннаго народа и арміи.

Граждане, солдаты, женя и кайскіи! Все на борьбу! Въ открытую борьбу съ царской властью и съ приспешниками!

По всей Россіи поднимается красное знамя воставша! По всей Россіи берется въ свои руки право свободы, свергаютъ царскихъ хохолковъ, званіе солдаты на борьбу.

По всей Россіи по городамъ и селамъ создавайте правительствѣ революціоннаго народа.

Граждане! Братскіи, дружескіи усиліи воставшихъ и закрывали нарождающаго новыя строй свободы на развалахъ самодержавія!

Впередъ! Возвратъ «Иты» Демократичная борьба! Подъ красное знамя революціи!

Да зареветъ демократическая республика! Да зареветъ революціонный рабочий классъ!

Да зареветъ революціонный народъ и воставшая армія!

Центральный Комитетъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.

Манифест ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России»

уличныхъ выступленіяхъ, не было даже сколько-нибудь яснаго представленія о планахъ на будущее, о возможныхъ социальныхъ преобразованіяхъ. Например, в одно время с большевистскимъ манифестомъ была выпущена прокламация меньшевистскаго ОК, в которой лишь очень туманно обозначалась задача Временнаго правительства создать «условія для организации новой свободной Россіи»¹³⁸.

Находясь в Цюрихѣ, В. И. Ленин, естественно, не сразу узналъ о насыщенныхъ событіями 23 февраля — 1 марта в Петроградѣ, о революціи в Россіи. В десятыхъ числахъ февраля и в дни начала революціи он, какъ обычно, былъ занятъ редактированіемъ статей для социал-демократическихъ изданій (в томъ числѣ, напримеръ, статей С. Н. Равичъ, посвященныхъ Женскому дню), а также организационными делами, связанными с распространеніемъ большевистскихъ изданій в Россіи, подготовкой реферата о Парижской коммунѣ¹³⁹. Материалы «Биографической хроники» свидѣтельствуютъ о томъ, что В. И. Ленин тяготился отсутствіемъ непосредственнаго общенія с массами. 23 февраля онъ пишетъ И. Ф. Арманд, находившейся в Кларанѣ (Швейцарія): «Завидую Вамъ и Григорію (Г. Е. Зиновьевъ.—И. П.) потому, что Вы оба можете

выступать с открытыми рефератами... имеешь перед собою *свежих* людей, рабочих... Выступая с открытым рефератом, говоришь к *массе*, вступаешь в *непосредственное* общение с ней, видишь ее, знакомишься с ней, *влияешь по-своему*»¹⁴⁰. 1 марта В. И. Ленин получил от А. М. Коллонтай из Христиании (Норвегия) два письма. В одном из них — новое сообщение, что «буржуазные шведские газеты пишут о возможности в ближайшее время «переворота» в России»¹⁴¹.

Когда 2 марта В. И. Ленин узнает о революции в России, вечером того же дня он сообщает И. Ф. Арманд: «Мы сегодня в Цюрихе в агитации: от 15.III (2 марта по ст. ст.— *И. П.*) есть телеграмма... что в России 14.III (1 марта по ст. ст.— *И. П.*) *победила* революция в Питере... Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно»¹⁴². А через несколько дней, когда ему стало известно содержание манифеста «Ко всем гражданам России», он дает, во-первых, очень высокую оценку тактики Русского бюро ЦК РСДРП как единственной в той напряженной обстановке революционной, социалистической тактики. Во-вторых, В. И. Ленин особо подчеркивает сформулированное в нем важное положение тактики большевиков в борьбе за демократический мир, а именно, что переговоры «о немедленном мире должны вестись *не* с буржуазными правительствами, а с *пролетариями* всех воюющих стран»¹⁴³.

Организованность передовых рабочих Петрограда, сумевших не только обеспечить победу революции, но и закрепить ее результаты, отчетливо проявлялась и далее. Показателем политической зрелости рабочих столицы был сам факт возникновения Совета рабочих депутатов, идея создания которого появилась у рабочих на основе революционного опыта первой русской революции. «...В феврале 1917 года,— указывал В. И. Ленин позднее,— массы создали Советы, раньше даже, чем какая бы то ни была партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им,— вот кто создал эту форму пролетарской власти»¹⁴⁴. Большевики поддерживали это стремление масс и развивали его дальше. Революционная инициатива и творчество еще со времени первой русской революции стали отличительной чертой народного движения в России. Охватившая широкие массы столицы инициатива создания народных органов власти явилась про-

явлением роста гегемонии российского пролетариата в революционно-освободительном движении. Советы выражали волю пролетариата к сплочению всей революционной демократии.

По воспоминаниям большевиков Лемешева, Свешникова, Евсеева и многих других участников революции, уже 24 февраля лозунг создания Советов был выдвинут рабочими предприятий на выборах в стачечные комитеты. Затем его подхватили некоторые легальные рабочие организации, в том числе кооперативы¹⁴⁵. Призыв к организации Советов был одним из лозунгов рабочих демонстраций, стекавшихся в центр города¹⁴⁶. Создание Совета рабочих депутатов предусматривалось в плане организации восстания, который вырабатывался на заседании городской организации петроградских большевиков совместно с представителями Бюро ЦК¹⁴⁷.

В ходе восстания большевики поставили перед собой задачу объединить под лозунгом Совета рабочих депутатов весь фронт революционной борьбы. Итог революции большевики видели в установлении демократической республики и создании Временного революционного правительства, созданного Советом. В листовке, выпущенной большевиками Выборгского районного комитета и подписанной «Организующийся Совет рабочих депутатов», говорилось: «Настал час освобождения порабощенного народа... Мы должны завершить начатое дело. Петербургские рабочие, продолжайте и распространяйте всеобщую забастовку, демонстрации, братание с солдатами и казаками, готовьтесь к вооруженной борьбе! Для победы нам нужна организованность, нам нужен руководящий центр движения! Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты. Их представители составят Совет рабочих депутатов, который возьмет на себя организующую роль в движении, который создаст Временное революционное правительство. Долой войну! Долой царскую монархию!»¹⁴⁸.

Создание Совета рабочих депутатов поддерживали и оборонцы — меньшевики и эсеры. Их лидеры, находившиеся в профессиональных кооперативных организациях, в думской фракции, в рабочей группе ЦВПК, в Петроградском союзе потребительских обществ, также проявляли активность в этом деле. Однако меньшевики и эсеры обходили главный вопрос революции — вопрос о полной ликвидации старой политической надстройки и о создании

революционной рабоче-крестьянской власти. Тактика меньшевиков-оборонцев в отношении Советов соответствовала их главной стратегической задаче в демократической революции, а именно передачи государственной власти в руки буржуазии. В Советах меньшевики видели организации, лишь временно обособленные от буржуазии, но создаваемые в целях упрочения буржуазно-парламентского строя. 25 февраля в помещении Петроградского союза потребительских обществ меньшевики-оборонцы сумели организовать собрание 35 представителей различных предприятий. Оно предложило сделать центром Совета рабочих депутатов Петроградский союз рабочих кооперативов и решить политическую проблему власти в случае победы революции в пользу буржуазии¹⁴⁹. Подтверждение той же линии меньшевиков-соглашателей в отношении Советов можно найти и в заявлении их лидеров вскоре после свержения царизма в одной из статей газеты «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов». В ней меньшевики заявили: «Когда пало самодержавие и вместе с ним весь бюрократический порядок, мы построили Советы депутатов как временные бараки, в которых могла найти приют вся демократия»¹⁵⁰. Таким образом меньшевики-соглашатели «пристроились» в число организаторов Советов, стремясь парализовать революционную инициативу, революционное творчество рабочих.

Руководящий центр большевиков объявил о создании Совета рабочих депутатов в Выборгском районе. Листовка Выборгского районного комитета от 27 февраля ставила знак равенства между Временным революционным правительством и Советом депутатов, предлагая приступить к оформлению органа народной революционной власти в Выборгском районе: «Революция началась... Создайте сегодня же Временное революционное правительство... Выбирайте депутатов... Пусть под защитой войска создается Совет депутатов... Пусть Финляндский вокзал будет центром, куда соберется революционный штаб»¹⁵¹. Однако превратить Финляндский вокзал в центр революции можно было лишь в масштабах Выборгского района. Для общегородского центра восстания расположение Финляндского вокзала было неудобным. Настойчивостью в этом деле большевики могли только раздробить силы или самоизолироваться от движения в целом¹⁵².

Идея создания общегородского Совета овладела широкими массами, когда революция вступила в решающую

стадию, когда всеобщая политическая стачка уже переросла во всенародное вооруженное восстание против самодержавия, когда к восставшему пролетариату присоединилась солдатско-крестьянская масса, снизившая общий уровень организованности восстания и увлекшая народную лавину к Таврическому дворцу. Как уже справедливо отмечали исследователи¹⁵³, расширение социальной базы движения за счет более отсталых слоев народа, и прежде всего солдатско-крестьянской массы, послужило предпосылкой известного сдвига в настроении восставшего народа. Десятками тысяч солдат был подхвачен лозунг «К Думе!»: нарушавшие присягу солдаты, а также вовлеченные в революцию мелкобуржуазные слои «законопослушного» населения Петрограда авторитетом Думы стремились как-то узаконить и оправдать свой революционный порыв. В то время, когда в рабочих районах и в центре города еще шли бои с полицией и городскими, двор Таврического дворца наполнился группами солдат Волынского, Преображенского, Литовского полков, среди которых были и рабочие. Сюда устремились и другие воинские части, восставшие *после полудня* 27 февраля. Один из солдат Гренадерского полка впоследствии рассказывал, что примерно в это время к воротам казарм Гренадерского полка подошло человек сто рабочих и «толпа все росла и все продолжала убеждать гренадеров присоединиться к народу и выйти со двора казарм... Часть гренадеров двинулась за ней, некоторые перескочили через забор, другие остановились и не решались открыто выступить за свободу. Толпа снова вернулась, и на этот раз гренадеры бросились к своему полковому цейхгаузу и с криком «ура» в одно мгновение с треском выломали дверь и начали вооружаться кто чем мог. Затем направились к Офицерскому собранию, но не нашли там ни одного офицера. Тогда гренадеры вместе с рабочими, в сопровождении бронированного автомобиля, который прибыл перед выступлением из казарм, под оркестр музыки полным шагом двинулись к Таврическому дворцу»¹⁵⁴.

Вообще после полудня 27 февраля, когда к рабочим присоединилось подавляющее число солдат Петроградского гарнизона и революционная армия продолжала усиленно пополняться за счет солдат воинских частей, находившихся в окрестностях столицы, а также средних городских слоев, психология восставших стала меняться в определенном отношении: среди них усилились мелкобур-

Демонстрация женщин на улицах Петрограда

жуазные представления о политических силах революции, о роли в ней Государственной думы. Слабо разбирающиеся в политике вовлеченные в борьбу новые социальные слои видели в Думе революционное учреждение, идущее «против» царя. Формированию этого представления о Государственной думе не могли не способствовать публиковавшиеся в последние месяцы в газетах отчеты о сессиях Думы, с трибуны которой критиковались царские министры. К тому же среди восставших распространился слух, что царь распустил Думу, а она якобы не подчинилась его приказу и встала на сторону революции. Для солдат нарушение воинской присяги было также сложным психологическим процессом: они в массе своей предпочитали быстрее санкционировать свои революционные действия, а Дума для них была уже «существующим» учреждением, которая в их представлении могла одобрить их поступок. В этом отношении солдат поддерживало большинство младшего офицерского состава, также вовлеченного в революцию, склонного переоценивать роль Думы в политической борьбе (например, унтер-офицер учебной команды Волынского батальона Т. И. Кирпичников). Были и другие сопутствующие моменты в развитии движения масс,

которые объясняют «тягу» к Государственной думе, начавшееся 27 февраля стечение к ней народа, например «топографический фактор», т. е. то, что казармы Волынского, Литовского, Преображенского и других полков окружали Думу кольцом. В той обстановке в пользу Думы стала играть и агитация лидеров мелкобуржуазных организаций, поддерживающих ее как политическое учреждение, способное возглавить революцию.

Боевые отряды питерских рабочих, которые возглавлялись большевиками, не поддались на призывы поддержать буржуазию в Думе, но и многие из них также устремились к Таврическому дворцу, где сосредоточивались массы. Общее настроение увлекло и революционеров, выпущенных в эти часы 27 февраля из тюрем. Так, например, член ПК большевик В. В. Шмидт 27 февраля около часу дня был выпущен из «Крестов». Выйдя из тюрьмы, он увидел, что тут же, на набережной, формируются боевые отряды и рабочим раздается оружие. Шмидт взял ружье и «со всей толпой отправился к зданию Государственной думы»¹⁵⁵.

Народ не сразу занял помещения Таврического дворца: митинги шли сначала во дворе. Сюда демонстранты внесли лозунги «Долой самодержавие!», «Да здравствует Временное революционное правительство, демократическая республика!».

Члены Государственной думы, деятели «прогрессивного блока» искали выход из создавшегося положения. В правой части дворца неофициально собрался Совет старейшин. В левой, в комнате Бюджетной комиссии, — социал-демократическая (меньшевистская) и трудовая фракции Государственной думы. Слух о том, что Дума распущена, был верен. Еще 26 февраля, ровно за сутки до того, как царское правительство покинуло Мариинский дворец, Голицын ввел в действие оставшийся у него и подписанный царем приказ о роспуске Думы. Он зачитал его в присутствии генерала Хабалова и некоторых членов правительства, а затем доставил прямо на квартиру Родзянки¹⁵⁶. Думские деятели были в смятении. И теперь, 27 февраля, они предпочитали бы увидеть около Думы не революционных рабочих и солдат, а солдат экспедиции генерала Иванова. Но положение было безвыходным, и буржуазия приняла решение о создании из представителей всех думских фракций Временного коми-

тета Государственной думы. И теперь наиболее активные члены бюро «прогрессивного блока», которые вошли во Временный комитет, решили прежде всего начать переговоры с царем.

Одновременно с этим в Думе в три часа дня группа политических деятелей — представителей левых (меньшевистской социал-демократической и трудовой) фракций в Думе, рабочей группы ЦВПК и некоторые внефракционные участники движения — образовали Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Главными инициаторами создания этого комитета были меньшевики во главе с Н. С. Чхеидзе; они преследовали ту же совершенно определенную цель: помочь в недалеком будущем думской буржуазии утвердиться во власти. Претендуя на роль верховного органа временной власти победившего народа, вновь испеченный Исполнительный комитет Совета выработал первую поруку представительства по выборам в Совет: по одному депутату на каждую тысячу рабочих от крупных предприятий, имевших несколько тысяч рабочих, и по одному депутату от предприятий, насчитывавших менее тысячи рабочих, а также по одному депутату на каждую роту солдат. Такой порядок выборов волей-неволей давал огромный перевес в Совете представителям от небольших предприятий и солдатским депутатам. Всем избранным депутатам предлагалось срочно явиться (буквально через четыре часа), т. е. к 7 часам вечера в Таврический дворец. Воззвание о выборах в Совет, сочиненное Временным исполнительным комитетом, за столь короткий срок могло просто не дойти до удаленных от Таврического дворца рабочих предприятий Выборгской стороны и других рабочих районов, находившихся на окраинах столицы. Составляя воззвание, Временный комитет Совета в основном ориентировался на рабочих, входивших в Союз потребительских обществ, среди которых меньшевистское влияние было довольно значительным.

К вечеру 27 февраля слух о «революционности» Государственной думы укрепился в широких массах. Этому способствовала также деятельность возникшего Комитета петроградских журналистов, состоявшего из парламентских репортеров, который уже вечером выпустил и распространил полумиллионным тиражом новую газету «Известия революционной недели». В пей наряду с информацией о важнейших революционных эпизодах на улицах

города был напечатан указ Николая II о роспуске Думы, объявленной «вне закона», и тут же — решение Совета старейшин «не подчиняться» царскому указу. Сообщалось, что около часа дня делегацию от ряда воинских полков принял председатель Государственной думы М. В. Родзянко, который заявил, что «основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой»^{157—158}. Комитетом петроградских журналистов сообщалось и то, что заводчик Путилов якобы пожертвовал 500 тыс. руб. в пользу политзаключенных, а фабрикант Коновалов был назван «революционером», поскольку он-де «подвергался слежке царской охранки». Все это сбивало с толку неустойчивые умы, заставляло верить в так называемую думскую общественность как общественность революционную. Создаваемая Государственной думой популярность мешала раскрытию ее контрреволюционности, разоблачению предательской политики либеральной буржуазии.

Когда руководящим большевистским организациям стало известно, что в Таврическом дворце создан Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, который объявил о выборах в Совет, они поспешили туда. Впоследствии Шляпников самокритично признавал, что, к сожалению, Бюро РСДРП упустило дело с организацией общегородского Совета, объясняя это тем, что 27 февраля все было приковано к уличной, грандиозно развертывавшейся борьбе.

В Таврическом дворце члены Бюро РСДРП застали такую картину: правительственная охрана дворца была ликвидирована, ее заменили вооруженные солдаты Преображенского полка, которые стали хозяевами во всем этом здании. В нижних помещениях дворца восставшие складывали оружие и продовольствие. Екатерининский зал напоминал огромный бивуак, где прямо на полу расположились сотни вооруженных рабочих и солдат.

В комнате Бюджетной комиссии находились представители Временного исполнительного комитета Совета, но там почти не было рабочих. Большевики потребовали подождать с началом выборов в Совет.

Делегаты собирались медленно. К 9 часам вечера подошли далеко не все представители крупных рабочих коллективов и даже некоторых районов. Можно сказать, что первое организационное собрание Петроградского Совета открылось при случайном составе. Лишь поздно ве-

чером в комнату Бюджетной комиссии (к великому ужасу членов Временного комитета Думы) набилось человек 125—150 депутатов и около 100 гостей с совещательными голосами¹⁵⁹. Депутаты выделялись повязанной на левом рукаве широкой красной лентой. Наибольшую активность в организации этого первого собрания Совета проявлял внефракционный социал-демократ, известный адвокат Н. Д. Соколов.

Воспоминания участников революции позволяют представить себе, что первое заседание Совета проходило весьма сумбурно, при всеобщем возбуждении. Меньшевики и Керенский пытались протащить своих представителей, воспользовавшись общей неразберихой. Вопросы поднимались вне всякого плана и оставались нерешенными. Без всякого обсуждения, по предложенному списку председателем Совета был избран Н. С. Чхеидзе, его заместителями — М. И. Скобелев и А. Ф. Керенский. Кроме этих лиц, в первый Исполком Совета вошло еще 12 человек, в том числе большевики А. Г. Шляпников, П. А. Залуцкий. Наиболее крупное представительство было у меньшевиков.

Не успели закончиться выборы, как камнем преткновения в первом же составе Совета стал вопрос о возможности его совместной работы с Временным комитетом Государственной думы. Большевики в категорической форме требовали от Чхеидзе и Керенского прекратить всякие переговоры с думской буржуазией, однако при том руководстве и составе Совета возобладала соглашательская точка зрения и эти переговоры начались.

Между тем волей восставших рабочих и солдат Петроградский Совет становился «действительно народным представительством»¹⁶⁰. Его первые постановления выражали инициативу рабочих и солдат в создании новой власти. В этом чувствовалось влияние большевиков. Представительство большевиков в Совете, и прежде всего в его Исполкоме, явно не отвечало вкладу большевиков в революционное движение в феврале 1917 г. и степени их влияния среди передового пролетариата. Однако это обстоятельство не подрывало решимости большевиков воздействовать на политику первого Исполкома Совета. Большевики развили энергичную деятельность, которая встречала немало препятствий со стороны соглашателей, иногда просто вынужденных участвовать в революционных мероприятиях, чтобы не потерять доверия масс, хотя

эти действия и шли вразрез со стремлениями соглашателей не ущемлять буржуазных прерогатив.

Совет утвердил Военную комиссию для налаживания в городе революционного порядка. Вокруг этой комиссии складывались добровольные отряды рабочих, солдат и студентов, готовых действовать решительно и энергично. От имени Совета Военная комиссия взяла под охрану Таврический дворец, под контроль — все свезенное туда оружие. Она организовала вооруженные отряды для установления революционного порядка на вокзалах, почте и телеграфе. Однако то, что Военная комиссия разместилась в комнате товарища председателя Государственной думы, а из его стола были взяты бланки с грифом, на которых печатались предписания Военной комиссии, складывалось мнение (чего и добивались соглашатели!), что отряды вооруженных рабочих и солдат выполняют распоряжения не Совета рабочих депутатов, а Государственной думы¹⁶¹. Это также усиливало дезинформацию о роли думской буржуазии в революции.

На расширенном заседании Исполкома было принято решение об учреждении рабочей милиции. Ее отряды возникли по инициативе самих рабочих, в первых рядах которых шли большевики. Меньшевики же из Исполкома Совета отрицательно отнеслись к этим боевым рабочим отрядам и, по существу, их игнорировали¹⁶².

Еще до первых официальных выборов в Совет Временным исполнительным комитетом была создана Продовольственная комиссия. Совет закрепил эту инициативу рабочих и принял ряд важных решений по продовольственному вопросу. Он постановил секвестровать имеющиеся на всех складах запасы муки, снабдить ею хлебопекарни, организованные в городе пункты питания народа в столовых, бывших ресторанах, различных учреждениях, в том числе и в самом Таврическом дворце¹⁶³.

На первом же заседании Совет рабочих депутатов запретил выпуск монархических газет и вынес решение о создании органа революционной печати. Инициативная группа рабочей печати, в которую вошел и большевик В. Д. Бонч-Бруевич, сумела уже 28 февраля организовать выход первого номера газеты «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов». Публикация в виде Приложения № 1 к этому номеру манифеста Бюро ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России», блестяще осуществленная большевиками, вызвала возмущение меньшевиков¹⁶⁴.

Борьба между большевиками и меньшевиками развернулась по вопросу формирования районного аппарата управления в столице. В то время как интересам трудящихся в большей степени соответствовало построение местного аппарата самоуправления на основе реализации большевистского лозунга революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян, мелкобуржуазные лидеры отказались пойти по этому пути ¹⁶⁵.

Большевики настаивали, чтобы Совет рабочих депутатов оставался органом революционной власти, независимым от буржуазии. Представители Бюро ЦК РСДРП предложили ввести в Исполком Совета по равному числу членов от всех социалистических партий — большевиков, меньшевиков, эсеров, а также по одному представителю от их национальных организаций. На основании принятого решения в Исполком на следующий день были введены от большевиков В. М. Молотов и К. И. Шутко, от латышских социал-демократов — П. И. Стучка, от польских — М. Ю. Козловский. А. Г. Шляпников, П. А. Залуцкий, Н. И. Подвойский обратились к находящимся в Екатерининском зале рабочим и солдатам с речами, в которых содержался призыв возвратиться на свои предприятия и в воинские части и принять участие в последующих выборах в Совет. П. А. Залуцкий возглавил работу по созданию солдатской секции в Совете. При участии А. Д. Садовского, А. Н. Падерина и других большевиков, представляющих передовую часть рабочих и солдат, в Таврическом дворце была развернута агитация за издание официального приказа об изменении условий солдатской службы.

Первое пленарное собрание Петроградского Совета открылось 28 февраля в 12 часов дня в обстановке, когда в городе шла борьба за ликвидацию последних очагов сопротивления царских войск и полиции. Многие депутаты пришли сразу после боя. В комнате Бюджетной комиссии убрали стулья. Сгрудившись вокруг ораторов, стояли вплотную друг к другу рабочие в ватниках и поддевах, солдаты в шинелях, а депутаты все прибывали. Собрание открылось в обстановке огромного подъема, который не в состоянии передать единственный документ, дошедший до нас, — поспешная протокольная запись. Плохо отточенный химический карандаш оставил для истории лишь отдельные фразы ¹⁶⁶. Но и по этой записи видно, как разгорались политические страсти.

Столкновение в Совете большевиков с эсеро-меньшевистским блоком произошло сразу же, при обсуждении повестки дня собрания. По требованию рабочих, которых поддерживали большевики, в повестку дня на утверждение пленума Петроградского Совета был поставлен вопрос о повсеместных выборах в рабочую милицию. Эсеро-меньшевистское большинство, не имея своей программы вооружения масс, попыталось задержать организационные мероприятия по созданию милиции, ссылаясь на недостаток оружия. Эсеро-меньшевистский исполком (от его имени говорили Чхеидзе, Скобелев и другие соглашатели) предлагал «возложить полномочия по охране революционных завоеваний народа» только на Военную комиссию Совета. Эти предложения абсолютно не отвечали делу революции и настроениям масс. В тот момент, когда на Совете обсуждался вопрос о рабочей милиции, в некоторых районах и подрайонах города уже образовались не только отряды, но и «комиссариаты» рабочей милиции, что также было проявлением ведущей роли передового пролетариата в революции. Военная же комиссия Совета за время с момента ее образования фактически слилась с Военной комиссией Временного буржуазного комитета. Вот почему рабочие депутаты, которых объединяли большевики, были так настойчивы в вопросе о создании рабочей милиции, и они одержали победу. В результате пленум Петроградского Совета утвердил решение о ее создании и о порядке выборов: 100 человек на каждую тысячу рабочих. Были намечены и сборные пункты, где по воле рабочих продолжалось формирование «комиссариатов» рабочей милиции. Таким образом, пролетарская милиция сделалась вооруженной опорой Петроградского Совета, в результате чего действительная власть в городе стала принадлежать революционному народу¹⁶⁷.

По-большевистски на том же пленуме начал решаться и вопрос о подчинении всех государственных финансовых средств революционной власти, для чего в Государственном банке, Казначействе, Монетном дворе было предложено организовать дежурство революционных караулов. Однако Ю. М. Стеклов, которому Исполком поручил сделать доклад по этому вопросу, поддавшись соглашательским настроениям, отверг самостоятельные действия Совета в приобретении финансовых средств и предложил передать дело финансирования «более опытному в таких делах» Временному думскому комитету. За Советом со-

храпилось лишь право проверки расходования финансовых средств и их контроля. Комитет обязан был финансировать и Петроградский Совет. Однако, получив широкие права на расходование финансов, буржуазия отказалась участвовать в выделении денежных средств Совету. И потому Совет стал существовать на добровольные взносы и пожертвования, вносимые различными организациями и лицами в его пользу. Доверчивость неискушенных в политике рабочих и солдат мешала Совету разобраться в контрреволюционных шагах Временного комитета Государственной думы.

Между тем Временный комитет только и ждал момента, чтобы перейти в наступление, перекрыть шлюзы революционного движения. Еще в ночь на 28 февраля, пока члены Исполкома Совета Чхеидзе и Керенский вели интриги с лидерами «прогрессивного блока», во дворе Таврического дворца и на улицах города был расклеен приказ, подписанный Родзянко, с требованием к солдатам вернуться в казармы и сдать там оружие. Это было выступление против революции, особенно если иметь в виду, что думские деятели ожидали прибытия карательной экспедиции Иванова. Приказ Родзянко вверг в растерянность эсеро-меньшевистских лидеров Совета, которые не знали, что ответить революционным рабочим, требовавшим арестовать Родзянко.

Большевики акцентировали внимание депутатов Совета на приказе Родзянко. В. М. Молотов брал дважды слово по этому вопросу на заседании Совета. Он говорил о необходимости укрепления союза рабочего класса с революционной армией, призывал к установлению демократической республики и созданию революционного правительства, которое могло бы удовлетворить требования рабочих и крестьян. В. М. Молотов подчеркнул, что думская буржуазия никогда не пойдет на конфискацию (в протоколе сказано «отнятие») помещичьих и прочих земель.

Взяв слово после выступления Молотова, Чхеидзе и Керенский стали доказывать, что действия Родзянко являются его личной инициативой, которую думская буржуазия не разделяет.

В организацию обсуждения приказа Родзянко большевиками были втянуты представители воинских частей — делегаты Волынского, Павловского, Литовского, Финляндского и других полков. Яркой и эмоциональной была речь солдата запасного батальона Семеновского полка: «Мы

все до единого постановили присоединиться к народу против проклятого самодержавия, и мы клянемся все служить народному делу до последней капли крови!»¹⁶⁸

Пленум Совета рабочих депутатов 28 февраля проложил путь к созданию объединенного Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1 марта часть восставших солдат и матросов, поддержанная большинством рабочих депутатов, избрала своих представителей в Совет и Исполнительный комитет, в том числе большевиков А. Н. Падерина (Преображенский полк), и Вакуленко (Егерский полк). В этот же день на своем третьем пленарном заседании Совет рабочих депутатов преобразовался в Совет рабочих и солдатских депутатов. Его создание было закономерным результатом вооруженного восстания, важной победой большевиков в борьбе за диктатуру рабочего класса и революционного крестьянства.

Когда вчитываешься в пожелтевшие страницы газет и документов более чем шестидесятилетней давности, в воспоминания участников собраний и митингов того времени, проникаешься настроением восставшего народа, то становится ясным, насколько полно его надежды отражали программные документы большевистской партии о войне.

Екатерининский зал Таврического дворца... Трудно пройти сквозь толпу народа. Непрерывные митинги... Трибуной служат ящики из-под привезенного продовольствия. «Слева, жестко очерясь небритой щетиной, визгливо скрипел, как гвоздь по железу, Чхеидзе: „Революционная демократия... не допустит... задачи буржуазной революции... порядок...“. Справа бухало над толпой: „Православные воины! Не позволим исконному врагу... проклятому немцу... погубить нашу матушку-Русь!“ А насупившаяся масса солдат, матросов и рабочих глядела на них исподлобья, тяжело опершись на винтовки... и злое ще молчала. „Ты нам вот что лучше расскажи!“ — вдруг вскочил посредине на какие-то ящики бойкий солдатик. Поддерживаемый десятками рук, он звонкоголосо, как медный колокольчик, зазвенел о земле, о помещиках... Он кричал о том, что ни турецких, ни немецких, ни поляцких земель им, крестьянам, не надобно, что в России про всех всего хватит, ежели б только своя власть... Зал то и дело взрывался бешеными восторгами»¹⁶⁹.

На авансцене истории — революционный народ. Не имея еще достаточного опыта создания своего правительства, он знает одно: новая власть, завоеванная рево-

лющей, должна установить демократическую республику, должна обеспечить демократические свободы, дать измученным народам долгожданный демократический мир. И Петроградский Совет вполне мог пойти по пути осуществления этой программы. Но ему мешала соглашательская политика меньшевиков и эсеров, которые, прикрываясь революционной фразой, в обстановке всеобщего возбуждения и слепого доверия масс все теснее связывали свою политическую судьбу с контрреволюционным российским либерализмом.

Молниеносное развитие и победа вооруженного восстания толкнули думских либералов, членов «прогрессивного блока», к великому их ужасу, на самостоятельное решение, независимое от царя, правительства и Ставки. Все они понимали, что «государственная машина сошла с рельсов», как подчеркивал Родзянко, что свершилось то, о чем они царя «предупреждали, грозное и гибельное, чему в царском дворце не хотели верить»¹⁷⁰.

После принятого Советом старейшин решения о создании Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко, Н. В. Некрасов (как товарищ председателя Думы) и еще несколько депутатов Думы отправились на квартиру к брату царя — вел. кн. Михаилу Александровичу, где условились встретиться с бывшим царским премьером Н. Д. Голицыным. Цель совещания была одна — всеми способами не допустить уничтожения монархии, сохранить ее в любом, пусть «конституционном», виде, а главное — получить только из рук царя «ответственное министерство». Родзянко обратился с просьбой к вел. кн. Михаилу принять на себя «диктатуру над городом Петроградом»¹⁷¹. Великий князь не без колебаний дал согласие. Тогда Родзянко послал телеграмму в Ставку, чтобы царь одобрил формирование нового кабинета и немедленный созыв Думы. Но из Ставки ему сообщили, что перемены в личном составе правительства в данных обстоятельствах недопустимы. «Услуги» вел. кн. Михаила Александровича приняты не были.

Временный комитет убедился, что он должен, хотя бы для видимости, «признать революцию» и постараться использовать ее в своих целях, если не хочет погибнуть вместе с романовской монархией. «Я не желаю бунтоваться,— твердил Родзянко.— Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сдела-

лась, то именно потому, что нас не слушались. Но я не революционер»¹⁷². Уже пришла новая депеша от Голицына о том, что он «подал в отставку», как и все члены правительства; уже стало известно, что министры просто разбежались¹⁷³, но члены «прогрессивного блока» все еще медлили действовать самостоятельно.

Вдруг в Полуциркульном зале появились Чхеидзе и Керенский. Они сообщили, что внизу Екатерининский зал наполняется народом, торопили с принятием решения. Слышалось бряцание ружей. Боясь, что Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов официально провозгласит власть и сформирует свое республиканское правительство, деятели «прогрессивного блока» поспешили опередить события. По воспоминаниям полковника Генерального штаба Б. Н. Энгельгардта, Родзянко, пренебрежительно морщась, после некоторого колебания вдруг с размаху грузно ударил ладонью по столу. «...Хорошо, господа,— громким голосом произнес он. Все замолкли.— Хорошо, я решил, я беру власть в свои руки. Но отселе прошу всех беспрекословно мне подчиняться...» «Александр Федорович! — добавил он, обращаясь к Керенскому.— Это особенно к Вам относится». Керенский встал. «Я готов действовать в полном согласии с Временным комитетом Государственной думы»,— сказал он¹⁷⁴. То, что стояло за этим решением бывшего председателя Думы, мы узнаем из других мемуаров — монархиста В. В. Шульгина. Успокаивая М. В. Родзянко, который вдруг сник после этой своей речи, Шульгин заметил: «Берите, Михаил Владимирович. Никакого в этом нет бунта... Может быть два выхода: все обойдется: Государь назначит новое правительство — мы ему и сдадим власть. А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах»¹⁷⁵.

В работах В. И. Ленина дана всесторонняя характеристика поведения либеральной буржуазии в ходе революции. Он отметил, что буржуазия выступала против революции, принимала все меры к спасению монархии, всячески стремилась остановить рост революционного движения, на заключительном этапе революции опасалась только одного — погибнуть вместе с царизмом. Ленин писал: «27 февраля все классы оказались вместе против монархии»¹⁷⁶. Словом «оказались» Ленин подчеркнул случайность факта, происшедшего вне главных закономерностей процесса, и этот факт не означал, что придет-

шая обманом к власти буржуазия стала революционной. Вождь революции подчеркивал, что большевики никогда не обольщались на этот счет. «Только пролетариат и крестьянство,— писал он позднее — могут свергнуть монархию — таково было основное, по тогдашнему времени, определение нашей классовой политики. И это определение было верно. Февраль и март 1917 года лишний раз подтвердили это»¹⁷⁷. Ленин категорически выступал против такого понимания «единодушности» Февральской революции, которое имело цель затушевать глубокие классовые противоречия, прежде всего антагонизм между буржуазией и пролетариатом.

Словом, буржуазия Государственной думы решилась на условное принятие революции, надеясь взятием власти в свои руки свести на нет все ее завоевания. На это указывают и официальные документы, и мемуары.

В ночь с 27 на 28 февраля за подписью Родзянко была составлена телеграмма к населению страны следующего содержания: «Временный комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием»¹⁷⁸. Одновременно Временный комитет обратился с воззванием к жителям Петрограда, требуя соблюдения порядка в городе, а главное, предостерегая от посягательств «на жизнь и здоровье, а равным образом имущество частных лиц». Жизнь и судьбы рабочих и солдат буржуазия интересовала мало.

Ввиду отставки царского правительства Временный комитет Государственной думы назначил на все посты в министерствах «комиссаров». Комиссар Министерства путей сообщения А. А. Бубликов распорядился разослать по железнодорожному телеграфу воззвание Родзянко к населению страны. Известив о решении взять в свои руки власть для «восстановления государственного и общественного порядка», Временный комитет по-прежнему не оставлял надежды на карательную экспедицию генерала Н. И. Иванова. Спустя несколько месяцев после революции один из членов объединенной Военной комиссии Вре-

менного комитета Думы и Совета рабочих депутатов — С. Д. Мстиславский приоткрыл завесу закулисных переговоров между полковником Энгельгардтом (тоже членом этой комиссии) и начальником карательного экспедиционного корпуса. Мстиславский рассказывал, что на встречу с георгиевскими кавалерами Иванова Энгельгардтом был послан полковник Тилли. На недоуменный тогда вопрос некоторых членов Военной комиссии, зачем это делать, Энгельгардт объяснил, что стремится использовать армейские части Иванова для наведения революционного «порядка в столице». Однако, вступая в переговоры с Ивановым, Энгельгардт имел в виду другое. Позже он отметит в своих мемуарах, что надеялся на генерала Иванова потому, что тот «мог помочь удержать революцию»¹⁷⁹ (т. е., иными словами, задушить ее!).

Временный комитет Государственной думы был горячо поддержан всей империалистической буржуазией — ее финансовыми кругами, Советом съездов представителей промышленности и торговли, Земским и Городским союзами, Петроградской городской думой и другими буржуазными организациями. Даже представители дворянства и бывшие царские чиновники поздравили Родзянко с приходом к власти¹⁸⁰.

Однако эти поздравления были преждевременны: кандидатура Родзянко как главы будущего правительства, особенно после его конфликта с Советом на почве попытки водворения солдат в казармы, отпадала. Обнадеживающей оставалась лишь в связи с поведением руководителей левых думских фракций сама возможность сформировать официальное правительство из числа бывших деятелей «прогрессивного блока».

1 и 2 марта были наполнены событиями, которые подвели итоги революции в Петрограде и определили на несколько месяцев вперед судьбу России.

В эти дни все силы Временного комитета Государственной думы были направлены на спешное формирование «официального» правительства. Примерные кандидаты на министерские посты были уже давно намечены на заседаниях кадетского ЦК, бюро «прогрессивного блока», в их проектах создания «министерства доверия» (опо же «министерство национальной обороны» и «ответственное министерство»). Теперь буржуазии оставалось, что называется, «обкатать» некоторые кандидатуры.

Во второй половине дня 1 марта персональный состав первого буржуазного в России правительства был согласован на расширенном заседании Временного комитета Государственной думы. Тогда же был составлен и список министров с распределением между ними портфелей¹⁸¹. В этот список вошли в подавляющем большинстве представители буржуазного класса, имевшего в своих руках силу, богатства и знания,— класса, который почти стоял у власти. «За время после 1905 года,— отмечал Ленин,— и особенно в течение войны класс капиталистов и примыкающих к ним помещиков России сделал больше всего успехов в деле своей организации»¹⁸². За списком назначаемых министров стояли монополистические круги буржуазии. Да и некоторые из кандидатов в состав Временного правительства были не только видными буржуазными общественными деятелями, но и дельцами, членами Советов съездов промышленности и торговли, воротилами делового мира¹⁸³. За годы первой мировой войны капиталисты еще более укрепили свои экономические позиции, о чем можно судить по деятельности буржуазных организаций, примыкавших к структуре учреждений царской России: Главный комитет по снабжению армии (Земгор) со связанными с ним Главным комитетом Всероссийского земского союза и Всероссийским союзом городов, а также Центральный военно-промышленный комитет. Роль буржуазии в экономике страны усилили «особые совещания», которые стояли на пути сращивания и слияния капиталистических монополий с государственным аппаратом. Нельзя сбрасывать со счетов и тот важный факт, что за русскими капиталистами стоял англо-французский и американский империализм, пришедший им на помощь не только политическим опытом, но и большим денежным займом¹⁸⁴.

Первым по списку в составе буржуазного правительства шел кн. Г. Е. Львов, который возглавлял Земгор. По хлесткому замечанию одного из своих коллег, он «непререкаемо въехал в ... списке на пьедестал премьера»¹⁸⁵. Далее стояли следующие кандидатуры: П. Н. Миллюков (портфель министра иностранных дел), А. И. Гучков (военный министр), А. И. Коновалов (министр торговли и промышленности), А. И. Шингарев (министр земледелия), Н. В. Некрасов (министр путей сообщения), В. Н. Львов (обер-прокурор Синода). Все эти кандидатуры, кроме М. И. Терещенко (богатого помещика-сахаро-

заводчика, которому предназначался портфель министра финансов), а также А. Ф. Керенского (министр юстиции) и Н. С. Чхеидзе (министр труда), были и ранее известны по спискам «прогрессивного блока». Последние же две персоны попали в число кандидатов в члены правительства лишь потому, что буржуазия в силу сложившейся ситуации должна была считаться с Советом рабочих депутатов, за спиной которого стояли революционные массы. Известно, что в тот момент, когда во Временном комитете обсуждался состав правительства, во двор Таврического дворца вошли новые воинские части, примкнувшие к революции, в том числе те, которые были в свое время введены царским правительством в Петроград как ударная сила для ее подавления.

Лидеры буржуазии по-прежнему с тревогой наблюдали за развитием событий в другом крыле Таврического дворца, где 1 марта с 11 часов утра шло заседание Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В первые часы этого заседания в центре обсуждения были вопросы об отношении солдат к офицерам, об оружии, которое находилось в руках народа, о пределах компетенции Военной комиссии. Реальные силы и поддержка масс были у Совета. Логика развития событий подсказывала, что и «официальное правительство» должно быть сформировано из представителей рабочих и солдат. Но, когда дело подошло вплотную к обсуждению вопроса о необходимости оформления власти в меньшевистско-эсеровском Исполкоме Совета, все в конечном счете свелось к обсуждению условий, на которых могло быть создано буржуазное правительство.

Протокол заседания Исполкома от 1 марта 1917 г. не сохранился; вероятнее всего, он не велся. Реконструировать ход событий возможно лишь на основании мемуарных источников, черновой записи доклада Ю. М. Стеклова на пленуме Совета, который состоялся позднее, а также отчета о нем, опубликованного в газете «Известия»¹⁸⁶. Из всех источников явствует одно: у меньшевистско-эсеровского руководства Исполкомом Совета не было ни тени сомнения в необходимости передачи власти буржуазии.

Представители большевиков на этом заседании Исполкома Совета единодушно выступили с категорическим протестом против этой идеи, что вызвало бурное, затянувшееся обсуждение. Большевики (к ним присоеди-

лись вновь избранные в Исполком от солдатской части Совета А. П. Падерин, А. Д. Садовский, межрайонец К. К. Юренев, левый эсер П. А. Александрович) поставили вопрос о формировании революционного правительства силами демократии. Однако большинством голосов (13 против 8) Исполком Совета постановил принять инициативу буржуазии по оформлению кабинета министров. Правда, по ходу обсуждения было отвергнуто и создание коалиционного кабинета, т. е. участие в буржуазном правительстве А. Ф. Керенского и Н. С. Чхеидзе.

Большую часть времени заняло обсуждение условий, на которых должна была организоваться и действовать новая власть. Они были сформулированы в виде «требований Совета к буржуазному правительству». Это полная амнистия по политическим делам; политическая свобода во всех формах; «устройство» армии на началах самоуправления, в том числе выборность командного состава; организация народной милиции с подчинением ее местным самоуправлениям, которые избираются на демократических основах; отмена всех сословных, национальных и религиозных ограничений; неразоружение и невывод из столицы солдат Петроградского гарнизона; введение демократической республики; созыв Учредительного собрания. Требования же большевиков о постановке аграрного и рабочего вопросов меньшевистско-эсеровским Исполкомом были признаны нежелательными, потому что якобы они могли «испугать буржуазию», оттолкнуть ее от желания взять власть. По тем же причинам Исполком не включил в перечень «условий» и пункт, касающийся окончания войны.

В результате острых дискуссий была отвергнута прямая поддержка Советом буржуазного правительства и принята компромиссная, довольно обтекаемая формулировка о «поддержке Временного правительства постольку, поскольку оно идет по линии намеченных задач»^{187—188}.

Выработанная Исполкомом Совета программа формирования правительства была тогда же поздно вечером оглашена на расширенном собрании Исполкома Совета¹⁸⁹. О нем также сохранилось немного сведений. Известно только, что докладчиком от Исполкома был Ю. М. Стеклов, который выступал перед полупустой аудиторией: время было позднее и значительная часть депутатов разошлась по домам. Прений по докладу не было, поэтому собрание ограничилось простым утвержде-

Приказъ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградскаго Округа всѣмъ солдатамъ гвардіи, арміи, артиллеріи и флота для немедленнаго и точнаго исполненія, а рабочимъ Петрограда для свѣдѣнія.

Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ постановилъ:

1) Во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, пѣхотахъ, батареяхъ, эскадронахъ и отдѣльныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военнаго флота немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей.

2) Во всѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя еще не выбрали своихъ представителей въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, избрать по одному представителю отъ роты, которымъ и явиться съ письменными удостовѣреніями въ зданіе Государственной Думы къ 10 часамъ утра, 2-го сего марта.

3) Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ воинская часть подчиняется Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ.

4) Приказы военной комиссіи Государственной Думы слѣдуетъ исполнять только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта Рабочихъ и Солдат. Депутатовъ.

5) Всякаго рода оружіе, какъ то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ ротныхъ и батальонныхъ комитетовъ и ни въ коемъ случаѣ не выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованіямъ.

6) Въ строю и при отправленіи служебныхъ обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но внѣ службы и строя, въ своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни въ чемъ не могутъ быть умалены въ тѣхъ правахъ, коими пользуются всѣ граждане.

Въ частности, вставаніе во фронтъ и обязательное отданіе чести внѣ службы отмѣняется.

7) Равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ: ваше превосходительство, благородіе и т. п., и замѣняется обращеніемъ: господинъ генералъ, господинъ полковникъ и т. д.

Грубое обращеніе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ и, въ частности, обращеніе къ нимъ на «ты», воспрещается и о всякомъ нарушеніи сего, равно какъ и о всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ.

Настоящій приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, экипажахъ, батареяхъ и прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ командахъ.

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

нием решения Исполкома. Для ведения переговоров с думским Комитетом тогда же была выделена делегация. В ее состав вошли: Н. С. Чхеидзе, Н. Д. Соколов, Ю. М. Стеклов, Н. Н. Суханов, которые тут же приступили к своим обязанностям. Эти переговоры продолжались с часа ночи до 6 часов утра 2 марта. Камнем преткновения явился вопрос о будущей форме государственной власти. Несмотря на первоначальные возражения, делегация уступила и дала согласие на то, что до Учредительного собрания Россия формально остается монархией. Это была неслыханная уступка буржуазии.

Однако в разгар переговоров в Таврическом дворце произошли новые события. Примерно в 4 часа утра в комнату, где происходили переговоры, вошел Н. Д. Соколов, который представил Временному комитету Думы Приказ № 1 Петроградского Совета по войскам гарнизона. Этот приказ только что вступил в силу после утверждения на объединенном заседании рабочей и солдатской секции Петроградского Совета. Возникший по инициативе и при участии солдатских депутатов, Приказ № 1 касался демократизации армии. Он узаконивал самочинно возникшие армейские комитеты (или Советы) в армии, устанавливал подчиненность политических выступлений солдат Советам и выборным революционным солдатским комитетам. Ударом для буржуазии было то, что под контроль ротных и батальонных комитетов ставилось оружие. Приказ № 1 наделял солдат гражданскими правами и ставил их в равное положение с офицерами. Согласно этому приказу, гарнизон подчинялся теперь Петроградскому Совету. Это лишало контрреволюцию возможности использовать армию в своих интересах. И последнее: все распоряжения Военной комиссии Думы предписывалось выполнять лишь в том случае, если они не противоречат приказам и постановлениям Совета¹⁹⁰.

Приказ № 1 буквально ошарашил членов Временного комитета. Вслед за этим сообщением последовало и другое, еще менее для них утешительное: только что вернувшийся из Главного штаба с телеграфной лентой разговора со Ставкой Родзянко сообщил о полном провале карательной экспедиции. Выход у буржуазии оставался один — искать спасения в борьбе за форму правления, т. е. за утверждение конституционной монархии, через которую, как полагали Родзянко, Милюков, Гучков и другие члены думского Комитета, возможно было установить

в стране абсолютную власть буржуазии. Вот почему Временный комитет решил взять в свои руки процедуру самого отречения от власти Николая II и тем самым обеспечить возможность сохранения конституционной монархии и легитимность преемственности создаваемого правительства, которому была классово чуждой какая бы то ни было связь и зависимость от «советчиков». К Николаю II потянулись невидимые революционным рабочим и солдатам связи думской буржуазии, на которую пал лишь красноватый отблеск революции.

По поручению Временного комитета А. И. Гучков и В. В. Шульгин 2 марта в 3 часа дня выехали экстренным поездом в Псков, в штаб Северного фронта, на аудиенцию к императору, где он оказался после неудавшейся попытки проехать в Царское Село. Нет необходимости описывать детали этой поездки, которая освещается во всех подробностях в трудах по истории Февральской революции¹⁹¹. Важнее сопоставить то, что происходило в это время в Петрограде, Пскове и Могилеве.

Утром 2 марта Родзянко вынужден был возобновить переговоры с Исполкомом Совета, представители которого заявили, что они не возражают против начала работы Временного правительства, но должны дать отчет о состоявшихся ночью переговорах пленуму Совета. Не дожидаясь результатов обсуждения на пленуме, Временный комитет поспешил объявить громогласно на всю страну, что «войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войске, а также находящихся в Петрограде лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть»¹⁹². Вслед за этим им был передан по телеграфу список новых министров. Он немного отличался как от составленного ранее, так и от включенного позднее — 3 марта — в декларацию Временного правительства. Тем не менее именно документ от 2 марта 1917 г. знаменовал собой формальное рождение Временного буржуазного правительства. Боясь упустить важные каналы власти, пока Петроградский Совет «утверждает» правительство, Временный комитет через своих «комиссаров» провел совещание представителей банков, призывая их оказать доверие «новому правительству»¹⁹³.

В те же часы 2 марта 1917 г. пленум Совета заслушал доклад Ю. М. Стеклова об образовании Временного правительства и об отношении к этому факту Исполкома

Совета. Из доклада выходило, что Исполком одержал победу над буржуазией. Стеклов сообщил, что составлен список членов нового правительства и что Исполком Совета не дал санкции на вхождение в правительство Чхеидзе и Керенского. Однако Керенский тут же внес «поправку». В речи, преисполненной патетики и пафоса, он заявил, что в интересах революции он уже занял пост министра юстиции в новом правительстве. Керенский долго разглагольствовал о верности народу, требуя «доверия» Совета к его поступку. Все это было в новинку для собравшихся в зале простых солдат и рабочих — депутатов Совета. Находясь в состоянии аффекта, Керенский сумел так воздействовать на присутствующих, что группа депутатов подхватила его и на руках внесла в кабинет, где расположился Временный комитет. Через некоторое время из этой же комнаты вышел Милюков и направился в Екатерининский зал дворца. Там он огласил список министров.

Кн. Львов как представитель «цензовой общественности» был категорически отвергнут народом. Гул неодобрения вызвали и другие кандидатуры министров. Но когда Милюков заявил, что власть должна перейти к регенту наследника Алексея вел. кн. Михаилу Александровичу, раздались такие негодующие крики: «Это старая династия», «Долой династию!», «Да здравствует республика!»¹⁹⁴, что Милюкову пришлось покинуть зал Таврического дворца.

Выступление Милюкова накалило обстановку. Член Военной комиссии Туган-Барановский рассказывал впоследствии, что в Таврическом дворце появились плакаты с лозунгом «Долой Романовых!»¹⁹⁵. Из Таврического дворца возмущение перекинулось на улицы, начались митинги протеста на заводах и в воинских частях. Газета «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» в номере от 2 марта 1917 г. заявляла, что «династия Романовых ныне свержена, к ней возврата быть не должно». Новое общее собрание Совета, на котором большевики выступили против сдачи власти Временному правительству, предложило образовать специальный «Наблюдательный комитет» за действиями Временного правительства.

Поздно вечером 2 марта делегация Исполкома Совета и новые министры Временного правительства приняли окончательный текст совместной декларации. В ней, в ча-

стности, говорилось: «1. Временное правительство оговаривает, что все намеченные мероприятия будут проводиться, несмотря на военное положение. 2. Манифест Временного правительства должен быть одновременно за подписью М. Родзянко и Временного правительства. 3. Включить в программу Временного правительства пункт о предоставлении всем национальностям прав национального и культурного самоопределения. 4. Образовать наблюдательный комитет за действиями Временного правительства из состава Совета солдатских и рабочих представителей»¹⁹⁶. Последний пункт был, по существу, уже выражением недоверия к новому буржуазному правительству.

В. И. Ленин, узнав из газет о содержании декларации, усмотрел в создании «наблюдательного комитета» стремление вооруженного народа сохранить реальные гарантии для проведения в жизнь своей программы. Он писал: «Вот это дело! Вот это достойно рабочих, проливавших свою кровь за свободу, за мир, за хлеб для народа! Вот это — *реальный шаг* по пути *реальных гарантий* и против царизма, и против монархии, и против монархистов Гучкова—Львова с К^о!»¹⁹⁷. Ленин отметил, что в тех условиях, которые сложились после событий начала марта, русский пролетариат, повторяя ошибки французского пролетариата (Ленин имел в виду соглашение последнего в 1848 г. со своей буржуазией), все же ушел вперед, поскольку он создал «комитет надзора». Возможность же осуществления надзора и превращения Петроградского Совета в могущественного контролера Ленин видел в вооружении пролетариата, в том, чтобы Совет не удовлетворялся «декламациями, посулами и прочей мишурой», а искал «опоры *только* там, где она есть, в вооруженных народных массах, организуемых и руководимых пролетариатом, сознательными рабочими»¹⁹⁸. Если же это не состоится, то Ленин предвидел возможность превращения «наблюдательного комитета» из революционного в учреждение «чисто парламентского типа», в комиссию, которая будет лишь «задавать вопросы» Временному правительству и получать от него ответы. «Тогда,— подчеркивал Ленин,— это все же останется игрушкой, тогда это — ничто»¹⁹⁹.

В то время как, вопреки намерениям меньшевиков и эсеров, ставших на деле пособниками буржуазии, Петроградский Совет все же превращался волей народа в дей-

ственный революционно-демократический орган власти, вдали от столицы, в Пскове, происходили события иного рода. Значение их было бы ничтожным, если бы они не были связаны с тайными намерениями либеральной буржуазии, формирующей Временное правительство. Еще вечером 1 марта, когда буржуазии стало ясно, что карательная экспедиция генерала Иванова провалилась, Родзянко от имени Временного комитета послал телеграмму в Ставку и в штаб Северного фронта Рузскому, где находился царь. Родзянко предупреждал, что если не последует отречения Николая II, то власть ускользнет из рук Думы. Поступившие в Ставку сведения из Петрограда, Москвы, Кронштадта о том, что революция разрастается, еще раньше заставили начальника штаба верховного главнокомандующего генерала Алексеева прийти к выводу, что необходимо ускорить дарование «ответственного министерства» во главе с председателем Думы Родзянко, о чем Ставка и составила свой проект манифеста. Командующий Северным фронтом генерал Рузский доложил о сложившейся обстановке Николаю II уже вечером 1 марта, и Николай II подписал составленный Ставкой манифест о создании «ответственного министерства».

Но когда Рузский ночью 1 марта сообщил об этом Родзянко по прямому проводу, то Родзянко повторил, что ни царь, ни командование фронтов не имеют представления о происходящих в Петрограде событиях, что «настала одна из страшнейших революций»²⁰⁰, что теперь уже никакое создание «ответственного министерства» не успокоит народ и что единственным выходом из создавшегося положения является отречение Николая II в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. В заключение Родзянко сказал, что он сам «висит на волоске» и вынужден назначить Временное правительство, а то «как бы не было еще хуже»²⁰¹. Тогда же Рузский сообщил о разговоре с Родзянко генералу Алексееву в Ставку. Алексей приказал немедленно уведомить обо всем царя. Утром 2 марта царь принял Рузского, который с прискорбием доложил о безвыходности положения и о необходимости отречения. Тут же царь приказал составить проект манифеста о своем отречении в пользу сына и о назначении регентом вел. кн. Михаила Александровича. Однако телеграмма в Ставку об отречении в пользу наследника отправлена не была, поскольку в Псков поступило сообщение, что к царю выехали представители Временного ко-

Карикатура В. Дени «Те, кто управляет Россией»

митета Думы Гучков и Шульгин. Они действительно прибыли в Псков и подтвердили царю, что ни у старого правительства, ни у Временного комитета нет ни одной воинской части, на которую можно было бы рассчитывать. И вот в ночь со 2 на 3 марта в вагоне-кабинете царского поезда произошла сцена отречения Николая II. В присутствии министра двора Фредерикса, генералов Рузского и Данилова царь подал Гучкову четвертушки бумаги, какие употреблялись для типографских бланков,— два экземпляра нового варианта манифеста об отречении.

Лживостью и лицемерием веяло от последнего царского документа, представлявшего царя незадачливым актером, якобы скорбящим о судьбах России. Ложными были даже дата и время подписания манифеста: «2-го марта

15 час. 10 мин.» (она была оставлена от прежнего варианта). Подписан манифест был карандашом. Впоследствии даже один из бывших членов Московской городской думы — Вишняков записал в своем дневнике: «И этот жалкий призрак царя даже акта своего отречения не сумел по-человечески подписать чернилами, а просто карандашом, как иные пишут записку или список грязного белья. Какие презренные люди! И они управляли судьбами великой империи, великого народа в течение долгих, долгих лет»²⁰².

Одна из строчек этого манифеста («признали мы за благо отречься от престола государства Российского») дала в свое время повод известному русскому карикатуристу В. Дени изобразить Николая II произносящим эту фразу у трона под угрозой штыков революционного народа. На другой его карикатуре мы видим перечеркнутых рукой истории тех, кто правил Россией накануне свержения самодержавия.

В новом варианте манифеста царь отрекался от престола в пользу своего брата Михаила Александровича. Одновременно с манифестом об отречении, абсолютно ненужным народу, царь подписал желательный для буржуазии указ о создании нового правительства во главе с кн. Г. Е. Львовым, а также о назначении верховным главнокомандующим вел. кн. Николая Николаевича. Однако само «переотречение» Николая II имело скрытый смысл. «Думская оппозиция и генералы Ставки уверяли, что с его уходом от власти „беспорядки“ и „анархия“ сразу же прекратятся и жизнь быстро войдет в нормальную колею. Если бы это действительно произошло, весь вопрос с псковским переотречением мог быть пересмотрен: его тогда нетрудно было бы представить, во-первых, как вынужденное, совершенное под давлением и, во-вторых (самое главное), как незаконное с точки зрения государственно-юридических норм»²⁰³. Это подтверждалось многими высказываниями современников (Милюков, Бубликов и др.)²⁰⁴.

С текстом одного из экземпляров царского манифеста Гучков и Шульгин утром 3 марта возвратились в Петроград. Прямо с поезда, прибывшего на Варшавский вокзал, Гучков и Шульгин заявили на собрание рабочих в железнодорожных мастерских. Уже при входе они сообщили, что привезли манифест об отречении Николая II в пользу вел. кн. Михаила и призвали рабочих сплотиться

«вокруг нового императора». Весть об этом быстро облетела собрание. Как только Гучков и Шульгин переступили порог огромного зала ремонтных мастерских, где собрались рабочие, председатель собрания обратился к рабочим. «Вот, к примеру,— заявил председатель, указывая на Гучкова и Шульгина,— они образовали правительство... Кто же такие в этом правительстве? Вы думаете, товарищи, что от народа кто-нибудь? Так сказать, от того народа, кто свободу добыл? Как бы не так! Вот, читайте (председатель взял в руки список министров.— *И. П.*). Князь Львов... князь... Так вот для чего мы, товарищи, революцию делали! Теперь министр финансов будет у нас господин Терещенко... Сахарных заводов штук десять. Земли десятин тысяч сто... Да деньжонок миллионов тридцать наберется». В зале начал нарастать гул протеста. Другой оратор из рабочих продолжал: «Вот они приехали... привезли (манифест.— *И. П.*)! Кто их знает, что они привезли! Может быть, такое, что совсем для революционной демократии не подходящее. Кто их просил? А от кого они поехали? От народа? От Совета солдатских и рабочих депутатов? Нет! От Государственной думы! А кто такая Государственная дума? Помещики!»²⁰⁵.

Рабочие потребовали немедленного ареста царя, провозглашения республики; их гнев пал на думских «парламентаров», раздались голоса обыскать их и изъять манифест. Поняв, что дело может принять плохой оборот, Шульгин, у которого находился акт об отречении, сумел передать его встречавшему думцев на вокзале комиссару путей сообщения Бубликову. Последнему удалось уйти незамеченным и спрятать этот документ среди запыленных газет в шкафу своего служебного кабинета. Там он и затерялся, вероятно при уборке помещения. Второй экземпляр царского манифеста об отречении остался в штабе командующего Северным фронтом, впоследствии он попал в Псковский государственный архив²⁰⁶.

Днем 3 марта на квартире кн. Путятина испуганный событиями последних дней вел. кн. Михаил в присутствии членов Думского комитета и Временного правительства отказался от притязаний на престол. На этом собрании только Милюков упорно настаивал на необходимости воцарения Михаила, остальные собравшиеся его мнения не разделяли. Родзянко прямо сказал, что в противном случае он не ручается «за жизнь его высочества». Но и

тогда вопрос о форме правления не был спят буржуазией, он был только отложен до Учредительного собрания²⁰⁷.

В тот же день в газетах было опубликовано сообщение о том, что Николай II отрекся от престола в пользу вел. кн. Михаила, а Михаил «отрекся от престола в пользу народа». В. И. Ленин комментировал так этот факт: монархия была бы уже восстановлена, но «союзник Гучковых-Милюковых, Михаил Романов, догадался, что при таком положении дела благоразумнее отказаться, пока его не выберет на трон Учредительное собрание»²⁰⁸. Совет рабочих и солдатских депутатов в Петрограде принял решение арестовать семью Николая Романова, а самого бывшего царя заключить в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Однако вновь созданное Временное правительство обошло молчанием это решение.

Вечером 3 марта правительство собралось в Таврическом дворце. Состав правительства несколько отличался от тех списков, которые обсуждались ранее. Так, в новый список вошли А. А. Мануйлов (министр просвещения), И. В. Годнев (государственный секретарь), Ф. И. Родичев (комиссар Финляндии), В. Д. Набоков (управляющий делами). В целом Временное правительство по партийной принадлежности составили: кадеты (и близкие к ним) Г. Е. Львов, П. Н. Милюков, Н. В. Некрасов, А. А. Мануйлов, А. И. Шингарев, Ф. И. Родичев, В. Д. Набоков, октябристы А. И. Гучков, И. В. Годнев; прогрессист А. И. Коновалов; представитель Центра В. Н. Львов; не принадлежавший ни к какой буржуазной партии капиталист М. И. Терещенко; трудовик А. Ф. Керенский. Кадеты явились в правительстве правящей партией²⁰⁹.

Известие о сформировании Временного буржуазного правительства вызвало протест передовой части петроградского пролетариата. 3 марта рабочие предприятий Выборгского района на митинге в «Сампсониевском братстве», проходившем под председательством члена ПК Н. Г. Толмачева, приняли резолюцию, в которой призвали Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов объявить себя Временным революционным правительством. Недоверие новому Временному правительству высказали и рабочие железнодорожных мастерских Николаевской ж. д. на митинге, состоявшемся в тот же день. Раздавались даже призывы к немедленному вооруженному восстанию. Но это была «левая» фраза. В. И. Ленин подчеркивал, что самый революционный авангард, самая

закаленная рабочая партия — это только малая часть огромного народного моря: «Самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в момент особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, десятки миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов» ²¹⁰. В этом крылась и причина того, почему в результате победоносного революционного восстания в феврале 1917 г. государственная власть в России попала в руки буржуазного правительства. Объяснение этому факту, который был в определенном отношении также и следствием засилья меньшевиков и эсеров в Исполкоме Совета, надо искать в своего рода «издержках» массового революционного движения, охватившего мелкобуржуазную крестьянскую страну, какой была Россия.

Февральская революция, как и все великие политические перевороты, решилась энтузиазмом передовых отрядов, за которыми стихийно, полусознательно шла масса мелкобуржуазного населения. В самый разгар восстания в Петрограде, когда начал формироваться Совет и когда буржуазия объявила о созданном Думой правительстве, в движении участвовало в той или иной степени уже примерно около миллиона рабочих и солдат столицы (если считать не только фабрично-заводских рабочих, но и рабочих, занятых в других отраслях городского хозяйства, солдат воинских подразделений и частей, расположенных как в самом Петрограде, так и в его окрестностях ²¹¹; к этому следует добавить и непролетарскую демократию, которая также не могла остаться в стороне от революционных событий. Слой передового пролетариата, из которого формировалась ударная сила революции, образовывался преимущественно из кадровых фабрично-заводских рабочих, которых, как уже говорилось выше, в двухмиллионной столице насчитывалось примерно 200 тыс. Это был воспитанный и спаянный партией большевиков передовой отряд революции, значение которого в движении было много больше его удельного веса в массе составшего народа.

То, что пролетарскому авангарду удалось увлечь мелкобуржуазные массы на штурм самодержавия, изменить сам характер стихийности, свидетельствовало о его силе. Но этот в целом прогрессивный процесс имел вместе с тем и некоторые побочные продукты негативного характера. Рост движения вширь, главным образом за счет

солдатских масс, сопровождался рождением в нем на почве мелкобуржуазной революционности наивных, а то и ошибочных представлений и взглядов, в частности на характер и природу Временного буржуазного комитета, а затем Временного правительства. В. И. Ленин, подводя в апреле 1917 г. итог социальным процессам, происходившим в России, так объясняет это: «...гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»²¹². Это было временное явление, и в нем не было ничего неожиданного. Точно такой возможный исход буржуазно-демократической революции В. И. Ленин предвидел еще в 1906 г. Он писал тогда, «что пролетариат будет самым верным бойцом, этого по отношению к русским рабочим не требуется даже доказывать, после октября и декабря (1905 г.— *И. П.*). Мелкая же буржуазия есть именно та переменная величина, которая определит исход»²¹³.

Настроения (в данном случае доверчивость к буржуазии) мелкобуржуазной демократии, а также отсталой в политическом отношении части рабочих выражали меньшевики и эсеры.

В литературе была уже сделана в целом удачная попытка показать конкретно, в каких формах выразилось воздействие мелкобуржуазных масс на выборы в Петроградский Совет рабочих депутатов, представить цепь взаимопереплетающихся фактов, связанных с этим явлением²¹⁴. Например, проведение первых выборов (27 февраля) без учета партийной принадлежности избирателей (по персональному принципу) оказывалось в силу ряда моментов более выгодным меньшевикам и эсерам. Занимая арьергардные позиции в борьбе против царизма, их организации находились в более благоприятных условиях. У меньшевиков и эсеров имелись легальные центры — трибуна Государственной думы, военно-промышленные комитеты. В легальных кооперативах и других организациях их деятельность также была более свободной: к оборонцам-меньшевикам и эсерам в общем-то терпимо относились полиция и администрация предприятий. В то же время многие видные работники большевистской партии находились в эмиграции, в ссылке, часто арестовывались за подпольную революционную деятельность. Большевики-профессионалы, как правило,

не работали подолгу на одном месте: после каждого рабочего выступления (стачка, демонстрация) их арестовывали или в лучшем случае увольняли.

Временное засилье меньшевиков и эсеров в Петроградском Совете (не случайно В. И. Ленин пишет о мелкобуржуазной «волне») объясняется не столько численностью их фракций, сколько бездумной поддержкой их лидеров слабо разбирающимися в политике беспартийными депутатами, в подавляющем большинстве солдатами, уровень политического сознания которых был ниже, чем у рабочих. Депутаты в Совете не могли сразу разглядеть сущность меньшевиков и эсеров, выдававших себя за «друзей народа». Поверив в возможность достижения мира, демократических свобод и получения земли от буржуазного правительства, многие беспартийные депутаты начали свое участие в политической жизни с поддержки предложений меньшевиков и эсеров. Доверчивое отношение к капиталистам, пояснял далее В. И. Ленин, характеризовало политику масс в России того времени, составляя основу «соглашения» «между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов»²¹⁵.

В ряду причин, по которым революция, совершенная помимо буржуазии, передала ей власть, следует отметить и то, что этот класс перед Февралем «почти стоял» у власти: капитализм уже давно был господствующим укладом в экономике страны. За время после 1905 г., и особенно в течение войны, «класс капиталистов и примыкающих к ним помещиков в России сделал больше всего успехов в деле своей организации»²¹⁶, что также способствовало захвату им власти.

Но Февральская революция пошла дальше западноевропейских буржуазных революций, которые остановились на том, что «выходили» буржуазные правительства. «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства *уже осуществилась... ибо эта „формула“ предвидит лишь соотношение классов, а не конкретное политическое учреждение, реализующее это соотношение, это сотрудничество*»²¹⁷ — так определял В. И. Ленин величайшее завоевание рабочего класса в Февральской революции, роль пролетариата как гегемона движения.

Возникновение «неофициального правительства» — Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде — явилось одним из ярких доказательств неуклонного воз-

растания ведущей роли рабочего класса в демократической революции. И никакая мелкобуржуазная стихия не могла заставить передовой, воспитанный партией большевиков авангард рабочего класса удовлетвориться положением дел в стране, буржуазным правительством, отказать от последовательного проведения в жизнь завоеваний революции, от борьбы с капиталистами. Среди рабочих и солдат Петрограда проявилось в дни революции и недоверие к отдельным распоряжениям Временного правительства (например, к проискам его отправить царскую семью в Англию). Трудно было разобраться в политической обстановке тех дней, но часть рабочих Петрограда уже тогда понимала, что меньшевики и эсеры в Совете «гнут не туда». В самые первые дни революции на некоторых предприятиях, от которых в Совет попали меньшевики, эсеры, беспартийные деятели, были случаи отозвания этих депутатов и посылки в Совет новых. В числе последних иногда оказывались большевики²¹⁸. Это был важный момент политической борьбы. Во главе с партией большевиков передовой пролетариат России, возглавив борьбу непролетарских трудящихся масс на заключительном этапе демократической революции, обеспечивал начало развития движения масс к революции социалистической. Возникновение Петроградского Совета, выразившего волю народа, подтвердило то, что грядущая социалистическая революция имеет глубокую основу.

СТРАНА ПОДДЕРЖИВАЕТ ВОССТАНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ

Победа революции в Петрограде имела огромное политическое значение. Но ее нельзя было считать законченной, так как все зависело от того, поддержат ли массы по всей стране почип рабочих столицы (история знала примеры, когда революция, начавшись в центре, гибла без поддержки периферии). В. И. Ленин писал: «Столицы или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры (у нас в России эти понятия совпадали, но они не всегда совпадают) в значительной степени решают политическую судьбу народа,— разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными, деревенскими силами, хотя бы это была не немедленная поддержка»²¹⁹. В России же в течение первых недель после восстания в Петрограде страна поддержала столицу.

Когда 28 февраля по железнодорожному телеграфу было передано сообщение, что старое правительство низ-

ложено и власть в Петрограде перешла к Государственной думе, губернские, уездные, волостные начальники пришли в полную растерянность. Вначале, особенно в районах, удаленных от центров, старая царская власть попыталась задержать и скрыть от народа это ужаснувшее их известие. Например, на Украине редактор харьковской газеты «Южный край» был даже оштрафован местными властями за публикацию телеграммы о свержении царя и создании Временного комитета Государственной думы²²⁰. Генерал-губернатор Восточной Сибири барон фон Пильц установил строжайший надзор за типографиями и категорически запретил печатать какие бы то ни было подробности, «касающиеся чрезвычайных событий в Петрограде», а главное, устраивать «всякие народные общественные и частные собрания» с обсуждением этих событий²²¹. Командующий флотом на Черном море адмирал А. Колчак в приказе от 2 марта 1917 г. также дезинформировал матросов и солдат о том, что произошло в столице, и призвал к сохранению «спокойствия»²²².

Но правду скрыть было невозможно. У редакций местных газет собирались толпы людей, которые расхватывали еще пахнувшие краской типографские оттиски, желая знать подробности. По многим каналам, среди которых главную роль играли нелегальные и легальные связи революционных организаций, весть о свержении царизма катилась по стране, заставляя массы задуматься над политическими проблемами, побуждая к действию.

К 1917 г. в России не осталось ни одной губернии или области, кроме, может быть, самых глухих окраин, где за последние два десятилетия не происходили бы антиправительственные выступления. Шквал первой русской революции пошатнул царский трон, и теперь, в марте 1917 г., ни для кого не явилось неожиданностью, что рабочие Петрограда в союзе с солдатскими массами разрушили его до основания.

Революционную славу Петрограда на протяжении всего освободительного движения в стране делила Москва — крупный промышленный и политический центр, вторая столица Российского государства. «Всякий сознательный рабочий понимает, — писал В. И. Ленин еще раньше, — что Петербург без Москвы — все равно, что одна рука без другой»²²³. 23 февраля 1917 г. рабочие Москвы отметили Международный женский день. Обстановка была чрез-

вычайно напряженная, на собраниях в открытую обсуждались проблемы войны и внутреннего положения в стране. В листовке, которая в тот день распространялась от имени Московского комитета партии, большевики писали: «Довольно молчать, нельзя больше терпеть... Товарищи работники, помогайте рабочему делу, организуйтесь в рядах своей партии, несите всюду наш призыв. 23 февраля — ваш день, товарищи работники... Уж близок час борьбы за мир и свободу. И когда наступит этот час, вы, товарищи работники, примете участие в борьбе под красным знаменем социализма. Долой войну! Долой царское правительство! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует Международный союз рабочих!»²²⁴.

В Москве, в этом крупном торгово-промышленном центре, насчитывалось более 200 тыс. промышленных рабочих. Так же как и в Петрограде, здесь находились многие крупные запасные воинские подразделения. Московские большевистские организации к 1917 г. насчитывали в своих рядах более 600 человек²²⁵. В начале революции в состав руководящих органов большевистской партии в Москве входили видные профессиональные революционеры. Многие из них были участниками революции 1905—1907 гг. — Р. С. Землячка, В. П. Ногин, В. Н. Яковлева, В. А. Обух, М. С. Ольминский, С. Н. Смидович, П. Г. Смидович, И. И. Скворцов-Степанов и др. В городе существовало шесть районных большевистских организаций. Связь с рабочими осуществлялась через партийные ячейки ряда предприятий. Партийные группы большевиков существовали и во многих учебных заведениях.

Массовые демонстрации в Петрограде «на почве недостатка хлеба» (как информировал о том Хабалов царские власти в Москве) заставили московскую полицию направить усилия на то, чтобы удержать рабочих от выступлений. Был принят ряд мер к обеспечению населения продовольствием²²⁶. На все известия из Петрограда была наложена строгая цензура. Но все эти усилия были напрасными. 27 февраля Москва буквально наполнилась слухами о революции в столице. Курьеры революционного подполья, прибывшие из Петрограда, сообщили московским большевикам о решении петроградских организаций бороться за перерастание всеобщей стачки в восстание²²⁷. В этот день, когда царские власти в столице сдавали свои последние рубежи, в Москве начались со-

брация и митинги на заводах и фабриках. Большевистские ячейки предприятий Рогожско-Симоновского района, Пресни, мастерских Московско-Казанской ж. д. первыми предложили вывести пролетариат на улицы.

В разных частях города состоялись собрания большевиков-активистов: в помещении Черкизовского театра (Лефортово), в помещении больничной кассы Военно-промышленного завода, на Покровке в помещении Московского союза потребительских обществ, в доме Лобачева на Воскресенской площади. Вечером на одной из частных квартир собрался восстановленный только что Московский комитет РСДРП. Большевики обратились к рабочим с воззванием: «Товарищи! В Петербурге революция. Солдаты присоединились к рабочим... Восстание победоносно растет... Российский пролетариат должен поддерживать Петербургское восстание! Иначе потоки пролитой там народной крови останутся бесплодными. Товарищи! Бросайте работу! Солдаты! Помните, что сейчас решается судьба народа! Все на улицу! Все под красные знамена революции! Выбирайте в Совет рабочих депутатов! Сплачивайтесь в одну революционную силу! Наша задача — создать временное революционное правительство для созыва Учредительного собрания. Да здравствует революция! Да здравствует Демократическая Республика! Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия! Долой войну!»²²⁸. Под этим воззванием поставила свою подпись и Московская группа социалистов-революционеров²²⁹. Однако, призывая к созданию Советов, эсеры в отличие от большевиков держали курс на то, чтобы будущее правительство было сформировано совместно с буржуазией.

Вечером 27 февраля в помещении Московской городской думы был создан Временный революционный комитет рабочих и других демократических организаций. В него вошло Бюро социалистических партий, объединившее представителей большевиков, меньшевиков и эсеров и направлявшее деятельность комитета. 28 февраля, когда всеобщая забастовка охватила предприятия Москвы, Временный комитет объявил себя «организатором движения за освобождение России для передачи власти народу»²³⁰ и выдвинул призыв к созданию Совета. Многолюдные демонстрации потянулись к зданию Городской думы. Они шли из рабочих районов к Воскресенской и Красной площадям. Недалеко от Красной пло-

Выступление большевика В. П. Ногина на митинге у здания Городской думы в Москве. 23 февраля 1917 г.

щади со стороны Замоскворечья городские открыли по демонстрантам огонь. Рабочие бросились в переулки и подъезды домов. Вскоре к той же засаде городских, за спиной которых стреляли солдаты, подошли рабочие завода «Гужон». Один из них, Илларион Астахов, подошел к приставу и сказал: «Дай нам дорогу!». Но пристав в упор застрелил Астахова. Среди солдат, стоявших в заслоне, прошел гул негодования. Рабочие, чувствуя с их стороны поддержку, набросились на городских и, смяв их, расчистили дорогу на Красную и Воскресенскую площади.

Судьбу революции в Москве, как и в Петрограде, могли решить солдаты воинских частей. 28 февраля уже наблюдались случаи присоединения отдельных небольших групп солдат к рабочим демонстрациям. В этот день солдаты часто беспрепятственно пропускали рабочие демонстрации в центр города, а некоторые части запасных полков отказались вообще выйти из казарм на подавление

восстания. Настроение солдат не позволяло командующему Московским военным округом генералу И. И. Мрозовскому использовать воинские части, находившиеся в Кремле и в здании Манежа, для разгона демонстраций на Воскресенской и Красной площадях. Но вскоре он получил известия о том, что рабочие захватили ряд правительственных учреждений, радиостанцию, Арсенал, и объявил город «на осадном положении», телеграфируя в Петроград: «В Москве полная революция. Воинские части перешли на сторону революции»²³¹.

Всю ночь с 28 февраля на 1 марта делегаты крупнейших заводских предприятий во главе с большевиками провели в казармах различных воинских подразделений, призывая солдат к восстанию. Одной из первых к революции присоединилась 1-я запасная артиллерийская бригада. При шести орудиях она появилась на Воскресенской площади. Туда же пришли солдаты из Александровских, Хамовнических, Покровских и других казарм. Это значительно укрепило силы восставших, позволив им начать наступление на Кремль, Градоначальство, Охранное отделение. Вооруженные отряды рабочих и солдат заняли телеграф, телефон, почту, вокзалы, полицейские участки, освободили из тюрьмы политических заключенных, среди которых находились большевики Ф. Э. Дзержинский, Я. Э. Рудзутак, К. В. Островитянов. 2 марта весь город был уже во власти революции. Генерал-губернатор Татищев, градоначальник Шебеко, генерал Мрозовский и другие представители царской власти были арестованы. Начальник Московской охраны А. Мартынов скрылся от народного возмездия. Небезызвестный же охранник, один из идеологов „полицейского социализма“, С. Зубатов, покончил с собой²³².

Революция в Москве развивалась так же, как и в столице и в других промышленных центрах. В освободительном движении преобладали рабочие. Небывалый взлет массового движения при руководящей роли рабочих, включение и слияние воедино различных его потоков отражали всю сложность и глубину революционного процесса. Рост масштабов революции усложнял характер взаимоотношений втянутых в нее неоднородных социальных сил, борьбу классов и политических партий. Массы революционного народа, участники митингов, собраний, демонстраций, опьяненные легкой, в большинстве случаев «бескровной» победой, туманно представляли себе новое уст-

Раздача печатных изданий в дни Февральской революции в Москве

ройство общества, слабо разбирались в позициях различных партий. Многие из рабочих, не говоря уже о солдатах и представителях непролетарских слоев населения, на первых порах почти с одинаковым энтузиазмом поддерживали самые различные партийные направления, организации и группы. В результате возникли организационные комитеты весьма разнородного классового и партийного состава. В то время как большевики в Москве держали твердый курс на ведущую роль рабочих в борьбе за демократические свободы, за Советы, меньшевики и эсеры обратились с этим к буржуазии. Последняя же ориентировалась на Временный комитет Государственной думы в Петрограде.

Соглашательство меньшевиков и эсеров привело к образованию в Москве, как и в Петрограде, двоевластия. Пока на московских предприятиях создавались революционные комитеты, выбирались депутаты в Совет, московская буржуазия укрепляла свои позиции через Комитет общественных организаций, созданный еще днем 27 февраля. В него вошли представители четырех различных группировок — ценовых, демократических, рабочих и смешанных. Но это не означало, что буржуазия, хотя бы

частично, сдала свои позиции мелкобуржуазной и пролетарской демократии. Избранный исполком Комитета общественных организаций в Москве в основном состоял из кадетов или близких к ним лиц²³³. Возглавил исполком кадет Н. М. Кишкин, ставший и комиссаром Москвы — прямым представителем Временного правительства. Не встречая сопротивления со стороны масс, московская буржуазия захватывала ключевые позиции управления городом. Однако в Комитете общественных организаций интересы Совета рабочих депутатов представляли 20 человек, поэтому у буржуазии оставалась одна надежда на то, что Совет под влиянием меньшевиков и эсеров пойдет в фарватере их политики.

1 марта Совет рабочих депутатов начал свою работу. На первом заседании присутствовали представители 52 предприятий и учреждений с правом решающего голоса, в том числе рабочие от 35 заводов и фабрик. По тем же отнюдь не случайным причинам, которые определили состав Петроградского Совета, и прежде всего «благодаря недостаточной сознательности *всей* рабочей и народной массы»²³⁴ в комитет (Исполком) Московского Совета рабочих депутатов были избраны главным образом меньшевики и эсеры: из 44 мест большевики получили только 16. Под преобладающим воздействием меньшевиков и эсеров Совет высказался за передачу управления городом «органу, представляющему все слои населения», т. е. Комитету общественных организаций. Меньшевистская и эсеровская печать идейно влияла на революционные массы. Московская газета меньшевиков «Вперед» приветствовала «союз цензового представительства с рабочим классом России»²³⁵. Организация московских эсеров в газете «Земля и воля» 10 марта 1917 г. также призывала «трудо вой народ» оказывать «организующее давление» на буржуазию, признавая за ней право на власть.

Политика меньшевиков и эсеров не вызывала противодействий в Совете, где после стабилизации состава из 700 депутатов 511 являлись крестьянами по своему социальному происхождению. Рабочие в массе своей просто посылали в Совет всех тех, кто и в 1905 г. и теперь, в 1917 г., шел против царя. В Московском Совете было представлено шесть политических партий — от большевиков до анархистов. От меньшевиков было 172 депутата, от эсеров — 110 депутатов²³⁶.

4 марта в Москве состоялось первое организационное

собрание Совета солдатских депутатов, чему предшествовала работа большевиков (П. Смидовича, В. Обуха и др.) в частях воинского гарнизона. Большевики ознакомили солдат с Приказом № 1 Петроградского Совета. К десятым числам марта наладилась постоянная связь между Советом рабочих депутатов и солдатским Советом. Несмотря на все старания военного командования, буржуазии в Москве не удалось оторвать солдатские массы от московского пролетариата. Солдаты Московского гарнизона принимали активное участие в политической жизни города, отстраняли офицеров от командования, арестовывали их. Благодаря поддержке солдатских масс реальная сила в Москве находилась в руках Советов, деятельность которых расширялась с каждым днем. Вскоре в Москве возникли районные Советы (в Замоскворечье, Лефортове и других районах). Основу их составляли делегаты заводских и фабричных комитетов. В записях отдела Московского Совета рабочих депутатов, занятого организацией районных Советов, указывалось: «Рабочий класс как авангард революционного народа своим движением сверг самодержавие и разбил бюрократический аппарат государственного строя, на его плечи ходом событий взвалена тяжелая и ответственная задача построить новую жизнь в свободном государстве на новых, демократических началах... Рабочий класс сможет выполнить эту задачу при условии, если все его организации будут действовать согласованно между собой, если постановления Центрального Совета рабочих депутатов будут обязательны для всех рабочих, а все рабочие будут активно участвовать в обсуждении политических вопросов, если Центральный Совет рабочих депутатов будет выносить решения после их предварительного обсуждения на заводах, фабриках, в районных Советах рабочих депутатов»²³⁷.

Март 1917 г. прошел в борьбе московских рабочих с буржуазией за утверждение демократических прав, за улучшение положения рабочего класса. Острым политическим вопросом тех дней являлось прекращение забастовки и возобновление работ. Большевики были за продолжение забастовки, пока не будет удовлетворено требование введения 8-часового рабочего дня с сохранением существующей зарплаты. Но меньшевики протащили через Совет под лозунгами революционного оборончества решение о прекращении стачки с 6 марта. Пролетариат Москвы подчинился требованию Совета, но вопрос о

8-часовом рабочем дне и улучшении экономического положения пролетариата сразу решен не был. Большевики продолжали активную разъяснительную работу среди рабочих в районных Советах, профсоюзах, в фабзавкоммах, большинство которых в Москве пошли за большевистской партией. Они стремились правильно ориентировать рабочих в главных политических вопросах, и прежде всего в вопросе о власти, войне и мире. Питаемая энергией революционного пролетариата, Московская организация большевиков быстро набирала силы, ее влияние распространялось через Московское областное бюро ЦК РСДРП на пролетариат губерний промышленного центра. Победа революции в Москве вслед за Петроградом предредила ее торжество по всей стране.

В конце февраля—марте 1917 г. выделяются два, хотя и очень неравных, периода в развитии революции в стране. Первый продолжался всего несколько дней: до поступления известия об отречении царя и образовании Временного правительства. В течение этого периода сопротивление царизму было почти повсеместным, хотя и носило в целом пассивный характер. По существу, оно вылилось в выжидание местными царскими властями дальнейшего развития событий. После получения известия из Петрограда о сформировании буржуазного Временного правительства наступает новый период. Характерной чертой Февральской революции было то, что после ее победы почти не было антиреволюционных акций, да они и не могли бы сыграть существенной роли в обстановке всеобщего подъема масс. У многих сторонников старого режима наступает «примирение» с победившей революцией. Объяснялось это и тем, что еще накануне Февраля романовская клика потеряла социальную опору даже в среде эксплуататорских классов. Создание Временного буржуазного правительства вселяло надежду в буржуазно-помещичьи круги, что если не все, то многое останется по-прежнему. «Мы верили, что великая бескровная революция пришла,— писал впоследствии один из царских генералов,— что Временное правительство идет быстрыми шагами к Учредительному собранию, а Учредительное собрание — к конституционной монархии»²³⁸. Вот почему представители царской бюрократии и генералитета, сохраняя в душе свою приверженность монархии, повсеместно пошли на признание Временного правитель-

ства. Тогда же родилась и легенда о славной бескровной революции и решающей роли в ней буржуазии, о победе революции «по телеграфу».

В первую неделю после победы вооруженного восстания в Петрограде царская власть была свергнута во всех крупнейших торгово-промышленных центрах. Начиная с 1 марта каждый день приносил новые известия о победе революции. Живая волна возмущения и гнева народного протеста против царского самодержавия захлестнула всю страну. Повсюду проходили митинги. Людские толпы шумели на городских площадях, у пропахших хлором вокзалов, на заводах и фабриках, в селах, на базарах, в каждом дворе мало-мальски населенного дома. Клятвы, призывы, обличения, ораторский пыл — все это объединялось в лозунги «Долой самодержавие!», «Долой войну!», «Да здравствует революция!». Поразительное единообразие лозунгов на городских и сельских митингах и демонстрациях доказывало, что условия для завершения демократической революции созрели одновременно по всей стране. Это находило подтверждение и в активном участии трудящихся в разрушении старой власти, и в установлении новых порядков. Повсюду революционный парод освобождал из тюрем политических заключенных, занимал царские учреждения, срывал и сжигал вывески с двуглавым орлом — эмблемой самодержавия. Чиновников, наиболее рьяно защищавших царизм, арестовывали, а наиболее ненавистных палачей парода расстреливали по решению новых революционных судов. В марте 1917 г. революция быстро продвинулась вперед там, где значительную часть населения составлял пролетариат, определявший ее направление и развитие в стране.

Однако на огромной территории России ход революции, формы переворота все же различались в зависимости от факторов географических, социально-политических, военных и пр. Революцию в Петрограде и Москве первым поддержал рабочий класс промышленных губерний Центральной России, где было сосредоточено около миллиона (т. е. одна треть) всех фабрично-заводских рабочих страны. В первые же мартовские дни рабочих Петрограда и Москвы поддерживали пролетарии Иваново-Вознесенска, Коврова, Вичуги, Костромы, Тулы, Твери и других городов Центральной России. Рабочие здесь не только устраняли царскую администрацию, но и тут же создавали свои органы власти. Февральский переворот охватил

Центральную Россию довольно быстро и глубоко. Этому способствовали и сила революционных традиций, и близость к одному из главных революционных центров — Москве.

Там, где к моменту Февральской революции значительна была среди населения прослойка рабочих, сплоченнее были их ряды под руководством большевистских организаций, там шла быстрая и более радикальная ликвидация старых порядков и установление новых (Нижний Новгород, Самара, Саратов и другие города на Волге; Лысьвенский, Мотовилихинский, Воткинский, Ижевский, Миньярский, Златоустовский заводы на Урале и т. д.). Важную роль играли сплоченные профессиональные отряды рабочих, например железнодорожники. По железным дорогам, через линии связи, их обслуживающие, распространялись сведения о революции по стране. Железнодорожники зачастую оказывались первыми вестниками революционной бури. Но этим их роль не ограничивалась. Обслуживая важнейший экономический «нерв» страны, они непосредственно влияли на ход событий. Недаром думский Комитет в столице сразу же, на второй день победы революции, поспешил овладеть положением на железных дорогах. Но эта мера не принесла желаемых результатов. Железнодорожники в массе своей действовали революционно и подчинялись не буржуазным органам власти, а Советам рабочих депутатов²³⁹.

Большевики помогали народу узнавать правду о восстании в Петрограде, рассказывали о самоотверженности питерских рабочих, призывали к активным и решительным действиям в организации революционной власти в стране. Бескомпромиссная борьба российского пролетариата под руководством партии большевиков ко времени второй русской революции укрепила его в качестве вождя освободительного движения. В сложный мартовский период противоборства различных социальных сил руководящая роль рабочего класса проявилась и в том, что идеология сознательного пролетариата, влиявшая на характер и перспективы развития революции, придавала борьбе особую целеустремленность. Именно сознательный пролетариат «сдвинул», привел в движение не только весь рабочий класс, но и другие социальные силы демократического движения — мелкобуржуазные слои города и деревни. Пролетариат шел к великой цели, писал В. И. Ленин, «толкая вперед мелкую буржуазию, предоставляя ей

учиться на своих ошибках, когда она качается вправо, утилизируя все ее силы для папора, когда жизнь заставляет ее идти влево»²⁴⁰.

Переход армии на сторону революции создал тот необходимый перевес сил в стране, который обеспечил народу путь к победе. К рабочим присоединилось в общей сложности более двух миллионов солдат тыловых гарнизонов и запасных воинских частей, проявивших единодушие с рабочим классом в необходимости свержения царизма и установления нового революционного порядка. Восстание в Петрограде было поддержано прежде всего солдатами близлежащих к столице фронтовых частей и соединений. Весть о победе вооруженного народа в Петрограде сразу же достигла боевых кораблей Балтийского флота, базировавшихся в Кронштадте, Гельсингфорсе, Ревеле. Революционное движение здесь возглавили большевики В. Д. Трефолов, П. Д. Хохряков, Н. Т. Маркин, А. Любович, И. Колбин и др. В Кронштадте первыми выступили рабочие паровозного завода; вечером 28 февраля к ним уже присоединились отдельные части гарнизона крепости, а затем восстал и весь гарнизон. 1 марта Кронштадт перешел на сторону революции. В последующие дни восстание охватило корабли и воинские части в Гельсингфорсе и Ревеле. Линейные корабли «Андрей Первозванный», «Севастополь», «Полтава», «Слава», «Рюрик», «Олег», «Богатырь», «Адмирал Макаров», «Петропавловск» и др. подняли красные флаги. Командующим Балтийским флотом был избран вице-адмирал А. С. Максимов, гуманно обращавшийся с матросами. В пунктах базирования флота возникли Советы рабочих и солдатских депутатов²⁴¹.

Солдаты близлежащих к столице воинских частей Северного и Западного фронтов приветствовали события в Петрограде и с восторгом приняли Приказ № 1. Командный состав под влиянием революционного настроения солдат сразу же раскололся: младшие командиры, особенно прапорщики, стали безоговорочно переходить на сторону революции. В прифронтовых районах в воинских частях, как и повсюду в стране, прошли собрания, митинги, демонстрации. Вместе с рабочими солдаты смещали старый командный состав, организовывали революционные комитеты. Революция охватила войсковые части Ставки. Генерал А. С. Лукомский, находившийся в то время в Могилеве, признавал, что начавшийся период

«углубления революции... постепенно становится все более бурным на фронте»²⁴².

5 марта революция дошла до окопов 13-го Финляндского стрелкового полка XI армии. «Известие о Февральской революции перевернуло вверх дном все отношения на фронте,— вспоминал большевик Н. В. Крыленко.— Солдаты не хотели больше воевать. Чудом уцелев от немецких пуль и снарядов, они хотели вернуться к себе на завод или в деревню, помочь обездоленной семье, воспользоваться наконец-то пришедшей свободой. Все чаще стали они собираться небольшими группами и подолгу вести разговоры о том, что будет дальше, скоро ли конец войне»²⁴³.

С каждым днем солдатское революционное движение охватывало все новые участки фронта. Видя, что его остановить невозможно, Ставка разработала положение об армейских организациях с той целью, чтобы комитеты создавались не только по инициативе солдат, но и по приказам командования. Это был выпад против революции. Но огромная, разнородная по своей социальной пестроте солдатская масса не в состоянии была сразу осмыслить и оценить значение происходящего, найти правильный путь политической ориентации. Солдаты могли в равной степени приветствовать и Петроградский Совет, и Временное правительство. Стихийному стремлению к миру противостояла проповедь защиты «нового» отечества. В результате солдатская масса оказалась в плену так называемого революционного оборончества. Воспитанная же годами привычка слепо подчиняться армейской дисциплине помогала командованию сохранять власть над армией, препятствовать развитию процесса ее демократизации.

Большевики, выйдя из подполья, уделили особое внимание солдатам действующей армии. Большевистскими комитетами были направлены специальные рабочие делегации в прифронтовые районы, представители которых принимали участие в установлении нового революционного порядка в армии, обсуждали вместе с солдатами наиболее волнующие вопросы о мире и земле. Тысячи солдатских писем с фронта свидетельствовали, что крестьянская армия с нетерпением ждала решения вопроса о земле. Солдаты советовали односельчанам захватывать помещичьи земли, рубить леса. В одном из солдатских писем, направленных в Петроградский Совет, говорилось, что «для

крестьянина-хлебопашца первое — необходима... часть земли для своего существования. Многие из нас ничего такого не имеют. А потому просим... не медлить с отобранием земли у помещиков»²⁴⁴.

Слухи о предполагаемом разделе земель наряду с усталостью от войны побуждали солдат к дезертирству как на фронте, так и из запасных воинских подразделений. Официальные источники указывают, что в первые дни марта в Петрограде каждый день с Николаевского вокзала уезжало по домам до 400 солдат²⁴⁵. Они привозили в деревни вести о революции.

Революционная волна докатилась до волостей, сел и деревень значительно позже городов и поселков. Разбросанность сельского населения, его разобщенность, темнота и невежество, масса предрассудков, казалось, должны были затормозить вступление крестьян в революционную борьбу. Однако лишь незначительная часть крестьянства была в тревоге и растерянности по поводу того, «как жить без царя». В свое время М. Н. Покровский правильно отметил: «...десять тысяч раз неправы были кадеты, сладко певшие о „стихийном монархизме“ крестьянской массы»²⁴⁶. На самом деле вера крестьян в царя, основательно подорванная в 1905 г., в феврале 1917 г. рухнула окончательно. Взрыв народного негодования всколыхнул все деревни. Опыт выступлений против помещиков и кулаков, приобретенный в годы первой русской революции, столыпинщины и в последующие годы, приобщил крестьян к политике и борьбе. Повсеместно крестьяне начали смещать волостных и земских начальников.

Настроения крестьян были в массе своей весьма сложными, противоречивыми, разнообразными, несли на себе печать двойственного положения крестьянства вообще и умонастроений, характерных для весны 1917 г. Они отражали бессознательное доверие крестьян Временному правительству по основным политическим вопросам (отношение к войне и миру, организация власти), их стремление к незамедлительным переменам, которые привели бы к ликвидации наследия царизма в земельных отношениях и таким образом реально бы улучшили существование беднейших слоев.

Революционные выступления крестьян в марте 1917 г. охватили 17 губерний²⁴⁷. В ряде районов крестьяне громили помещичьи имения, а порой и кулацкие хозяйства.

Тем не менее многие из этих действий крестьян пока еще не были результатом их возросшего сознания революционным путем разрешить аграрный вопрос в свою пользу, скорее они являлись стихийным выражением накопленной десятилетиями ненависти к угнетателям. Мелкобуржуазные иллюзорные взгляды на политику здесь проявились в наивной вере во Временное правительство, в его способность осуществить вековые чаяния народа.

Изгоняя из деревень представителей царских властей, крестьяне избирали революционные комитеты и другие низовые крестьянские организации, волостные и сельские советы ²⁴⁸. Одновременно они обращались и к Временному правительству («в Думу», как ассоциировался в их сознании этот орган власти), требуя указа об отобрании земли, «чтобы отдать ее тем, кто ее обрабатывает».

В марте начался погром помещичьих усадеб, захват пахотных земель, хлеба, инвентаря. Малоземельные крестьяне заставляли паемных рабочих уходить с полей кулаков и таким образом лишали их рабочих рук. Возвратившиеся с фронта солдаты активно помогали крестьянам в их борьбе за землю. Владельцы имений телеграфировали Временному правительству: «Крестьяне потребовали передачи имения», «Крестьяне заявили, что не будут обсеивать поля», «Захвачено имение вооруженными дезертирами из местных крестьян» ²⁴⁹. Временное правительство в лице комиссаров могло только сочувствовать помещикам, но применять оружие против крестьян не решалось. Кадетские газеты зывали к успокоению деревни путем мирного воздействия на крестьян, а крестьяне, надеясь на Временное правительство, ждали постановления закона о земле в Учредительном собрании. Многие крестьянские сходы под влиянием агитации охотно принимали программу широких демократических требований, включали в свои резолюции под воздействием большевиков требования скорейшего окончания войны.

«Петроград разбудил Россию» ²⁵⁰, — писал В. И. Ленин. Революция развернулась на громадной территории, где проживало около 97 млн. нерусских народов и где причудливо переплетались экономические, социальные, национальные и культурные различия. Они определяли своеобразие победы революции в каждом из многонациональных районов. Вместе с тем в революционном процессе в национальных районах и в Центральной России проступали и многие общие черты.

Как и в Центрально-промышленном районе, распространение революции на окраинах шло от промышленных, административных центров, железнодорожных станций, где были сконцентрированы значительные отряды рабочих. Общей чертой революционного движения была и массовость выступлений «низов», которые не остались равнодушными наблюдателями происходивших событий. Март 1917 г. повсюду обнаружил возросшую сознательность рабочих в революционном движении. Годы войны сблизили представителей различных народов прежде всего в сфере промышленного производства. В Москве, Петрограде и других крупных промышленных центрах оказались рабочие из Польши, Прибалтики, эвакуированные в глубь страны вместе с промышленными предприятиями. Преобладающими формами движения масс были стачки, митинги, демонстрации.

Повсюду массы участвовали в движении под демократическими лозунгами, требовали свержения монархии. При первых же известиях о революции представители других народов и наций выражали свою солидарность в совместной борьбе с русскими рабочими, развернули борьбу за национальное освобождение, за равноправие и демократию. Так, например, Польша была в это время оккупированной территорией, но в Петрограде в марте 1917 г. собрания рабочих-поляков приветствовали создание Советов рабочих и солдатских депутатов. Клуб «Промея» призвал польских рабочих и солдат к поддержке борьбы русского пролетариата. В Москве на заседании Совета рабочих депутатов представители польских рабочих заверили присутствующих, что польский пролетариат всегда боролся против царизма совместно с российским пролетариатом и будет впредь продолжать вместе с ним борьбу против всякого угнетения.

Финские рабочие писали русским рабочим и солдатам в Петроградский Совет: «Свергнув господствовавший столетия наихудший из европейских политических порядков, вы совершили великое и благородное дело, равного которому по величию и значению история не знает. Вы открыли двери русскому народу и расчистили ему путь к свободе. Но вы освободили также финский народ от оков деспотизма и подняли высокое красное знамя рабочих, доставив также финскому рабочему классу свободу и освободив его из-под гнета произвола» ²⁵¹.

В Ревеле уже 2 марта начался разгром полицейских участков, помещений судов, губернской царской канцелярии, затем рабочие демонстрации освободили из тюрьмы политических заключенных. Шествуя по городу, они гордо несли красный стяг, сохранившийся еще со времени революции 1905 г.

В Мипске, Бобруйске, Витебске, Слуцке, Борисове и других городах Белоруссии рабочие и солдаты разоружали полицию и жандармерию, брали под охрану правительственные учреждения, почту и телеграф. Повсюду начались демонстрации под лозунгами «Да здравствует демократическая республика!», «Да здравствует свободный народ!», «Долой войну!». Народ жадно следил за тем, что происходит в Петрограде. По воспоминаниям, в первые дни революции популярностью населения Витебска и других городов стала пользоваться газета «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»²⁵².

В подлинно народный праздник вылилась демонстрация в Кишиневе 10 марта под лозунгами «Долой тиранов, прочь оковы!», «Да здравствует свобода!».

Общим для движения в национальных районах было законное требование национального самоопределения. 12 марта в Петрограде, а через неделю на Украине, в Киеве, состоялась массовая манифестация солдат и студентов-украинцев под лозунгом «Да здравствует свободная Украина в свободной России!»²⁵³. В Москве собрание латышей, приветствуя в лице Совета русский рабочий класс и народную армию, потребовало «полного права политического самоопределения»²⁵⁴ Латвии на основе демократических прав. В другом конце страны собрание бурят-монгольских общественных деятелей в Чите постановило добиваться национальной автономии²⁵⁵.

Однако внутри национального движения сразу же обозначилось и другое направление. Оно нашло выражение в образовании на окраинах «общенациональных институтов», вроде Украинской рады, национальных Советов в Азербайджане, Грузии, Армении, Казанского мусульманского комитета, курултаев в Крыму, Башкирии. Во главе этих организаций в большинстве случаев становились буржуазные, а на востоке — феодально-байские элементы. Требования национального возрождения таили в себе зачастую националистические настроения, направ-

ленные на сепаратизм, изоляцию трудового населения национальных окраин от русского народа, получение местной буржуазией свободы эксплуатации «своих» рабочих и крестьян. Этот процесс расслоения по классовому признаку происходил во всех национальных районах с большей или меньшей силой — в зависимости от степени сознательности и организованности пролетариата.

Национальная буржуазия не хотела дальнейшего развития революции и призывала трудовое население национальных районов к поддержке буржуазного Временного правительства. Так, 3 марта в газете «Туркменский курьер» — органе местной национальной буржуазии — было напечатано: «Переворот совершился, возврата к прошлому нет. Победа России над внешним врагом теперь обеспечена... Законные власти остаются на своих местах. Переворот касается только Кабинета министров» ²⁵⁶.

Были и другие, особые группы среди нерусских народов, например, в Поволжье, Приуралье — там, где население медленнее включалось в борьбу, индифферентнее относились к политическим событиям, опираясь на мусульманское духовенство, пытались объединить народы по религиозному признаку. Но знаменательно, что и в этой обстановке среди трудящихся-мусульман росли настроения солидарности с русским народом. Так, например, в Казани 7 марта на одном из собраний русских и мусульман рабочий-железнодорожник татарин М. Вахатов сказал: «Здесь выступало много ораторов... Они говорили: нет мусульманина-рабочего, мусульманина-бедняка, мусульманина-богача, все равны. Верно ли это? А куда вы денете тысячи рабочих-мусульман, гнувших спины на Алафузовых, Крестовниковых на Пороховом заводе? За то мы, рабочие, боролись, чтобы взамен оков самодержавия одеть ваши оковы? Нет! Рабочие построят себе новую свободную жизнь, новый строй. Нам с вами, господа ораторы, не по пути!» ²⁵⁷.

В Средней Азии и Казахстане значительный сдвиг в политическом сознании масс произошел еще в связи с восстанием 1916 г. После его подавления многие из участников движения были отправлены на каторгу, в рудники или на тыловые работы в прифронтовой полосе, где под руководством русских рабочих прошли школу политического воспитания. В марте 1917 г. многие из них возвратились на родину и приняли активное участие в революции. Под их влиянием и при участии русских рабочих

разбуженная революцией городская беднота, жители аулов и кишлаков составляли приветственные послания в Петроград по поводу свержения самодержавия. «Могучая волна движения народа русского докатилась до наших степей,— несколько позже писали в одном из таких посланий крестьяне волостей Аулие-Атинского у. Сырдарьинской вол.— Но все же мы, киргизы волостей Утемишской и Карьбокирской, теперь с чувством живой радости узнали о том, что русский народ отвоевал для себя и для всех народов, населяющих Россию, счастье и благо свободы»²⁵⁸.

В Средней Азии, Хиве, Бухаре ввиду отсутствия крупной фабрично-заводской промышленности пролетариат представляли железнодорожные, строительные рабочие, рабочие предприятий обрабатывающей промышленности. Их было мало: на 7 млн. коренного населения Туркестана (узбеки, таджики, туркмены, киргизы) рабочих было примерно 20 тыс. Среди них ведущую роль в революционной борьбе также играли русские рабочие, в основном железнодорожники. Самый крупный их отряд был сосредоточен в Ташкенте. Это была пролетарская цитадель края, имевшая революционные традиции с 1905 г. Рабочие Ташкента первыми начали революцию и уже 1 марта подняли местные народы на борьбу с байско-ханским угнетением. Вслед за ними выступили рабочие железнодорожных станций Ташкентской и Средне-Азиатской ж. д., а затем известие о революции дошло и до более отдаленных районов. Так, в местечке Иолетань на митинге произошел случай, свидетельствовавший об уже созревшем политическом сознании определенной части угнетенных национальностей, о формирующемся в массах доверии к русскому народу. Так, туркмены-сарыки вместе с русскими составили списки фамилий баев, имевших пшеницу, для реквизиции ее в пользу местного населения. Совместный митинг туркмен-дайхан, русских рабочих и солдат состоялся на ст. Джебал Средне-Азиатской ж. д. Прошло немного времени, и в революционную борьбу включилось крестьянство национальных окраин Туркестана, Бухарского эмирата, Хивинского ханства. Дехкане требовали удаления карательных экспедиций, передачи в собственность народа земли, воды, отмены покибиточного налога, полной ликвидации власти волостных старшин и мирабов²⁵⁹.

В конце марта на всем пространстве бывшей Российской империи установилось двоевластие. Однако революционное движение в стране продолжалось. Решение социального и национального вопросов было тесно связано с осуществлением дальнейших революционных преобразований, утверждением демократических свобод, коренными аграрными реформами.

- ¹ См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1978. Т. 3. Начало революционных битв XX века, с. 601.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 347—348.
- ³ См.: Там же, с. 260.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1972. Т. 3. 1912—1917, с. 595.
- ⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 311.
- ⁷ См.: Там же, с. 326.
- ⁸ Материалы по статистике труда. М., 1920, вып. 8, с. 6, 14.
- ⁹ Цит. по кн.: Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967, с. 88.
- ¹⁰ Степанов З. В. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания (август—октябрь 1917 г.). М.; Л., 1965, с. 26.
- ¹¹ Струмилин С. Г. Общий обзор Северной области.— В кн.: Материалы по статистике труда Северной области. Пг., 1918, вып. 1, с. 17.
- ¹² Там же, с. 43.
- ¹³ Международное рабочее движение, т. 3, с. 605.
- ¹⁴ Листовки петербургских большевиков, 1902—1917. Л., 1939, т. II, с. 242.
- ¹⁵ Шалагинова Л. М. Эсеры-интернационалисты в годы первой мировой войны.— В кн.: Первая мировая война, 1914—1918. М., 1968, с. 323—324; Дажина И. М. Нелегальные большевистские листовки — источник Февральской революции.— В кн.: Свержение самодержавия. М., 1970, с. 249; История Коммунистической партии Советского Союза (далее: История КПСС). М., 1966, т. 2, с. 657—658.
- ¹⁶ История КПСС, т. 2, с. 655.
- ¹⁷ Листовки Московской организации большевиков, 1914—1920 гг. М., 1970, с. 25.
- ¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 23, оп. 16, д. 201, л. 27, 494.
- ¹⁹ История рабочих Ленинграда. Л., 1972, т. 3, с. 509. По другим данным — 300 тыс. (Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1907 гг. Л., 1977, с. 238).
- ²⁰ Грунт А. Я. Москва, 1917-й: Революция и контрреволюция. М., 1976, с. 26—27.
- ²¹ Авдеев Н. Н. Революция 1917 г.: Хроника событий. М.; Пг., 1923. Т. 1. Январь—апрель, с. 6.
- ²² Заозерский Е., Любарский А. Ленин: Эмиграция и Россия. М., 1975, с. 422.
- ²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 390.

- ²⁴ Цит. по кн.: *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1967, т. 1, с. 474.
- ²⁵ Документы Бюро ЦК РСДРП в России (июнь 1914 — февраль 1917 г.).— *Вопр. истории КПСС*, 1965, № 9, с. 81.
- ²⁶ Цит. по ст.: *Анфимов А. М.* Царская охранка о политическом положении в стране в конце 1916 г.— *Ист. архив*, 1960, № 1, с. 205.
- ²⁷ *Игнатъев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974, с. 52—56.
- ²⁸ *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч., с. 99—100.
- ²⁹ Канун революции. Пг., 1918, с. 99—100.
- ³⁰ *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). Л., 1967, с. 295—297.
- ³¹ *Старцев В. И.* Указ. соч., с. 241—243.
- ³² Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг.: Док. и материалы. Л., 1958, с. 540—541.
- ³³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 15, д. 48, л. 72.
- ³⁴ *Свешников Н.* Отрывок из воспоминаний.— *Петроградская правда*, 1923, 14 марта.
- ³⁵ *Авдеев Н. Н.* Указ. соч., с. 314.
- ³⁶ Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг., с. 541—542.
- ³⁷ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия пятая. Пг., 1917, стб. 1287—1316.
- ³⁸ Там же, стб. 1343.
- ³⁹ Там же, стб. 1346, 1359.
- ⁴⁰ Листовки петербургских большевиков, т. II, с. 247—249.
- ^{40a} *Авдеев Н. Н.* Указ. соч., с. 30.
- ⁴¹ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1612, л. 3.
- ⁴² Там же, ф. 4, связка 27, д. 144, л. 9; см. также: *Вопр. истории КПСС*, 1963, № 8, с. 32.
- ⁴³ *Каюров В. Н.* Шесть дней Февральской революции.— *Пролетарская революция*, 1923, № 1(13), с. 158.
- ⁴⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 325—326.
- ⁴⁵ *Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А.* История Путиловского завода. М.; Л., 1932, с. 579.
- ⁴⁶ Здесь и далее данные о числе бастующих в столице 23—26 февраля 1917 г. даны по кн.: *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 г.— март 1917 г.). М., 1979, с. 189. Сведения о числе бастующих, приведенные фабричной инспекцией, дополнены автором на основании донесений приставов Петроградского охранного отделения.
- ⁴⁷ Цит. по кн.: *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч., с. 128.
- ⁴⁸ Ленинградская правда, 1927, 12 марта.
- ⁴⁹ История рабочих Ленинграда, т. 1, с. 515.
- ⁵⁰ *Ерманский О.* Из пережитого. М., 1924, с. 140; *Суханов Н.* Записки о революции. Пг., 1919, кн. 1, с. 16; *Дело народа*, 1917, 15 марта.
- ⁵¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия пятая, стб. 1650.
- ⁵² ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1917, 630, л. 186.
- ⁵³ *Лейберов И. П.* Указ. соч., с. 197.
- ⁵⁴ Там же, с. 198, 201.
- ⁵⁵ Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966, с. 172—173.
- ^{56—57} *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 105.

- ⁵⁸ *Игнатъев А. В.* Указ. соч., с. 67.
- ^{59—60} *Свешников Н.* Указ. соч.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² ЦГАОР СССР, ф. 1467, 1917, д. 471, л. 14—15.
- ⁶³ *Родзянко М. В.* Крушение империи. М., 1928, с. 223.
- ⁶⁴ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1927, т. V, с. 217.
- ⁶⁵ *Старцев В. И.* Указ. соч., с. 260.
- ⁶⁶ Цит. по кн.: *Черменский Е. Д.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1959, с. 118.
- ⁶⁷ *Гордиенко И.* Из боевого прошлого. Л., 1957, с. 87.
- ⁶⁸ *Каюров В. Н.* Указ. соч., с. 169.
- ⁶⁹ *Скобелев Н.* Гибель царизма.— Огонек, 1917, № 11, 13 марта.
- ⁷⁰ Листовки петербургских большевиков, 1902—1917 гг., т. II, с. 249—250.
- ⁷¹ Партия большевиков в Февральской революции, с. 154.
- ⁷² См. подробнее: *Лейберов И. П.* Указ. соч., с. 159—160.
- ⁷³ Там же, с. 163.
- ⁷⁴ Там же, с. 168; *Федосова Э. П.* Бестужевские курсы — первый жепский университет в России. М., 1980, с. 118.
- ⁷⁵ Правда, 1917, 5 марта.
- ⁷⁶ Цит. по кн.: *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч., с. 146.
- ⁷⁷ *Лейберов И. П.* Указ. соч., с. 194—195.
- ⁷⁸ *Свешников Н.* Указ. соч.
- ⁷⁹ Пролетарская революция, 1923, № 1(13), с. 288—289.
- ⁸⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 741, л. 117, 128, 129.
- ⁸¹ См.: Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов. М., 1979, с. 136—137.
- ⁸² Там же, с. 138.
- ⁸³ Пролетарская революция, 1923, № 1(13), с. 288—289.
- ⁸⁴ Февральская революция и охранные отделения.— Былое, 1918, № 1(29), с. 174.
- ⁸⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 175.
- ⁸⁶ См.: *Барштейн Е. К., Шалагинова Л. М.* Департамент полиции о плане петроградских большевиков в феврале 1917 г.— Вopr. архивоведения, 1962, № 1, с. 112; *Лейберов И. П.* Указ. соч., с. 200—201, 298.
- ⁸⁷ Листовки петербургских большевиков, т. II, с. 250—252.
- ⁸⁸ *Шляпников А.* Семнадцатый год. М.; Пг., 1923. Кн. 1. Январь—февраль и три дня марта, с. 33, прил. 23.
- ⁸⁹ Цит. по кн.: *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч., с. 180.
- ⁹⁰ *Лейберов И. П.* Указ. соч., с. 203.
- ⁹¹ *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980, с. 11.
- ⁹² Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия пятая, стб. 1722.
- ⁹³ Цит. по кн.: *Иоффе Г. З.* Крах российской контрреволюции. Л., 1977, с. 18.
- ⁹⁴ *Блок А.* Последние дни императорской власти. Пг., 1921, с. 57.
- ⁹⁵ Переписка..., т. V, с. 204.
- ⁹⁶ Падение царского режима. Л., 1924, т. 1, с. 190.
- ⁹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1467, 1917, д. 471, л. 37—38.
- ⁹⁸ *Свешников Н.* Указ. соч.

- ⁹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5881, оп. 1, д. 528.
- ¹⁰⁰ Листовки петербургских большевиков, т. II, с. 250—251.
- ¹⁰¹ Партия большевиков в Февральской революции, с. 161.
- ¹⁰² Цит. по кн.: *Лейберов И. П.* Указ. соч., с. 181.
- ¹⁰³ *Мильчик И.* Рабочий Февраль. М.; Л., 1931, с. 91; *Ерманский О.* Из прошлого. Л., 1927, с. 145.
- ¹⁰⁴ *Лейберов И. П.* Указ. соч., с. 180—181; Партия большевиков в Февральской революции, с. 11.
- ¹⁰⁵ *Миллер В. И.* Солдатские комитеты в русской армии в 1917 г. М., 1974, с. 17.
- ¹⁰⁶ Правда, 1917, 10 марта.
- ¹⁰⁷ *Волин Ю.* Рождество свободы.— В кн.: Революция в Петрограде. Пг., 1917, с. 32.
- ¹⁰⁸ Советская историография..., с. 102, сн. 24.
- ¹⁰⁹ *Кирпичников Т.* Восстание лейб-гвардии Волынского полка в феврале 1917 г.— Былое, 1917, № 5/6 (27/28), с. 12—13.
- ¹¹⁰ *Шляпников А.* Семнадцатый год, кн. 1, с. 133.
- ¹¹¹ Пролетарская революция, 1923, № 1(13), с. 166—167; ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1313, л. 6.
- ¹¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 249.
- ¹¹³ *Добронравов Л.* Революция.— Современный мир, 1917, № 2/3, с. 283.
- ¹¹⁴ Дневник солдата.— Правда, 1917, 9 марта.
- ¹¹⁵ См.: Очерки истории Ленинграда. М., 1956, т. III, с. 993—994.
- ¹¹⁶ *Кондрагьев А.* Воспоминания о подпольной работе.— Красная летопись, 1923, № 7, с. 68.
- ¹¹⁷ Цит. по кн.: *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч., с. 189.
- ¹¹⁸ Дневник солдата.— Правда, 1917, 10 марта.
- ¹¹⁹ *Туган-Барановский М.* Смысл русской революции.— Биржевые ведомости, 1917, 10 марта.
- ¹²⁰ Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г. Л., 1932, с. V—VI.
- ¹²¹ Очерки истории Ленинграда, т. III, с. 992.
- ¹²² ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1382, л. 2.
- ¹²³ *Грунт А. Я.* «Новая баррикадная тактика» и военные восстания 1905 и 1917 годов.— Вопр. истории, 1966, № 11.
- ¹²⁴ *Калинин М. И.* За эти годы. М., 1929, кн. 3, с. 432.
- ¹²⁵ *Старцев В. И.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.; Л., 1966, с. 47, 103—104; и др.
- ¹²⁶ *Лейберов И. П.* Указ. соч., с. 243.
- ¹²⁷ *Степанов З. В.* Указ. соч., с. 35, 41, 48.
- ¹²⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 374.
- ¹²⁹ *Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская революция 1917 года. Ростов н/Д, 1919, с. 41.
- ¹³⁰ Великая русская революция в очерках и картинах. М., 1917, вып. 1, с. 38—39.
- ¹³¹ Там же, с. 40.
- ¹³² *Иоффе Г. З.* Указ. соч., с. 29—32.
- ¹³³ *Мильчик И.* Указ. соч., с. 90—91.
- ¹³⁴ *Попов И. В.* Воспоминания. М., 1971, с. 332.
- ¹³⁵ *Астрахан Х. М.* О первом издании Манифеста ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России».— Вопр. истории КПСС, 1964, № 6, с. 64—65.
- ¹³⁶ Революционное движение в России после свержения самодержавия: Док. и материалы. М., 1957, с. 3—4.

- ¹³⁷ Там же, с. 3—4.
- ¹³⁸ Известия, 1917, 1 марта.
- ¹³⁹ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника, т. 3, с. 608—609.
- ¹⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 397.
- ¹⁴¹ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника, т. 3, с. 610.
- ¹⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 399.
- ¹⁴³ Там же, т. 31, с. 74.
- ¹⁴⁴ Там же, т. 36, с. 6.
- ¹⁴⁵ Лейберов И. П. Указ. соч., с. 204, 299.
- ¹⁴⁶ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 4—5.
- ¹⁴⁷ Лейберов И. П. Указ. соч., с. 201, 298; см. также с. 159 настоящей работы.
- ¹⁴⁸ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 4—5.
- ¹⁴⁹ Изв. Петроградского Совета, 1917, 27 авг.; Суханов П. Записки о революции. Берлин, 1922, кн. 1, с. 35.
- ¹⁵⁰ Изв. Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 12 марта.
- ¹⁵¹ Былое, 1918, № 1, с. 174—175.
- ¹⁵² Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976, с. 27.
- ¹⁵³ Бурджалов Э. Н. Указ. соч., с. 189; Лейберов И. П. Указ. соч., с. 239—240; и др.
- ¹⁵⁴ Правда, 1917, 12 марта.
- ¹⁵⁵ Шмидт В. В «Крестах». — Правда, 1917, 12 марта.
- ¹⁵⁶ Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства, с. 20—21.
- ^{157—158} Изв. революционной недели, 1917, 27 февр.; Гессен А. И. И я свой след оставил. — Неделя, 1976, № 15 (839).
- ¹⁵⁹ Анализ численности и состава депутатов первого собрания Петроградского Совета см.: Бурджалов Э. Н. Указ. соч., с. 213—214; Токарев Ю. С. Указ. соч., с. 32; Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции, с. 47.
- ¹⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 64.
- ¹⁶¹ Бурджалов Э. Н. Указ. соч., с. 218.
- ¹⁶² Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции, с. 41—47.
- ¹⁶³ Изв. Петроградского Совета рабочих депутатов, 1917, 28 февр., прил. № 1.
- ¹⁶⁴ Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931, с. 10—11.
- ¹⁶⁵ Токарев Ю. С. Указ. соч., с. 69—71.
- ¹⁶⁶ ЛГАОРСС ЛЮ, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 1—2 об.
- ¹⁶⁷ Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции, с. 41—42.
- ¹⁶⁸ Изв. Петроградского Совета рабочих депутатов, 1917, 1 марта.
- ¹⁶⁹ Тарасов-Родионов А. Февраль. М., 1927, с. 228—229.
- ¹⁷⁰ Родзянко М. В. Записки. М., 1927, с. 223.
- ¹⁷¹ Шутьгин В. Дни. Л., 1926, с. 119—120.
- ¹⁷² Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 481 (Мережковский), тетр. 3, л. 93.

- 173 Родзянко М. В. Государственная дума и Февральская революция 1917 года, с. 39—40.
- 174 Гос. библиотека им. В. И. Ленина, Отд. рукописей, ф. 218, папка 306, с. 736—737.
- 175 Шульгин В. Указ. соч., с. 179.
- 176 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 12.
- 177 Там же, т. 34, с. 113.
- 178 Великая русская революция в очерках и картинах, с. 42.
- 179 Гос. библиотека им. В. И. Ленина, Отд. рукописей, ф. 218, папка 306, с. 743.
- 180 Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 409.
- 181 Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства, с. 59.
- 182 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 58.
- 183 Волобуев П. В. Монополистическая буржуазия и Временное правительство.— В кн.: Монополия и иностранный капитал в России. М.; Л., 1962, с. 242—248; и др.
- 184 Минц И. И. Указ. соч., т. 1, с. 620.
- 185 Шульгин В. Указ. соч., с. 182.
- 186 Минц И. И. Указ. соч., т. 1, с. 587, 597—600; Бурджалов Э. Н. Указ. соч., с. 311—313; Токарев Ю. С. Указ. соч., с. 72—112; Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства, с. 61—72.
- 187—188 ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 73, д. 3, л. 5—9.
- 189 Токарев Ю. С. Указ. соч., с. 90.
- 190 Миллер В. И. Указ. соч., с. 25—43.
- 191 Минц И. И. Указ. соч., т. 1, с. 609—616; Бурджалов Э. Н. Указ. соч., с. 334—362; Дякин В. С. Указ. соч., с. 333—341; Ерошкин П. П. Самодержавие накануне краха. М., 1963, с. 152—153; Иоффе Г. З. Указ. соч., с. 53—56; Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства, с. 37—42.
- 192 Цит. по кн.: Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства, с. 75.
- 193 Великие дни Российской революции. Пг., 1917, с. 41—42, 56; и др.
- 194 Миллюков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, т. II, с. 312—313; Великие дни Российской революции, с. 47.
- 195 Цит. по кн.: Бурджалов Э. Н. Указ. соч., с. 325.
- 196 Изв. Петроградского Совета рабочих депутатов, 1917, 2 марта.
- 197 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 32.
- 198 Там же.
- 199 Там же.
- 200 Красный архив, 1927, т. 2(21), с. 53.
- 201 Там же, с. 58—59.
- 202 ЦГАОР СССР, ф. 875, оп. 1, д. 20, л. 272.
- 203 Иоффе Г. З. Указ. соч., с. 53.
- 204 Там же, с. 53—54.
- 205 Шульгин В. Указ. соч., с. 289, 291—292.
- 206 Последняя царская грамота.— Псковская правда, 1966, 2 нояб.
- 207 Отречение Николая II. Л., 1927, с. 179—191.
- 208 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 70.

- 209 С образованием Временного правительства думский Комитет продолжал существовать и прекратил свою деятельность только в сентябре 1917 г. в связи с возникновением предпарламента.
- 210 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 80—81.
- 211 См. с. 130 настоящей книги, а также «Очерки истории Ленинграда» (т. III, с. 952).
- 212 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 156.
- 213 Там же, т. 14, с. 24.
- 214 См. подробнее: Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции, с. 140—156.
- 215 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 156.
- 216 Там же, т. 34, с. 58.
- 217 Там же, т. 31, с. 133—134.
- 218 Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции, с. 149—150.
- 219 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 6—7.
- 220 Минц И. И. Указ. соч., т. 2, с. 758.
- 221 ЦГАОР СССР, ф. 3, оп. 3, д. 10, л. 1.
- 222 ЦГАВМФ, ф. 342, д. 54, л. 315.
- 223 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 434.
- 224 Листовки Московской организации большевиков, с. 26—27.
- 225 Очерки истории Московской организации КПСС. М., 1979, с. 371.
- 226 ГИА г. Москвы, ф. 2262, д. 59, л. 45; ЦГВИА СССР, ф. 8178, оп. 2, д. 86, л. 171—180.
- 227 Заславский Д. О., Канторович В. А. Хроника Февральской революции. Пг., 1924, т. 1, с. 53; Накануне Великой революции. М., 1922, с. 143.
- 228 Листовки Московской организации большевиков, с. 27—28.
- 229 Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М., 1971, с. 14.
- 230 Изв. Всероссийского Исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, 1924, 12 марта.
- 231 Красный архив, 1927, т. 2(21), с. 45.
- 232 Вознесенский А. Н. Москва в 1917 г. М.; Л., 1928, с. 18; Русское слово, 1917, 2 марта.
- 233 Сборник материалов Комитета общественных организаций. М., 1917, вып. 1, с. 3.
- 234 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 68.
- 235 Вперед, 1917, 5 марта.
- 236 Грунт А. Я. Москва, 1917-й: Революция и контрреволюция, с. 71—77.
- 237 Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия, с. 63.
- 238 Краснов П. Н. На внутреннем фронте.— Архив русской революции. Берлин, 1921, т. 1, с. 97.
- 239 См.: Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях 1905—1907, 1917 гг. М., 1975, с. 331—333.
- 240 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 28.
- 241 Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М., 1977, с. 40—43.
- 242 Воспоминания генерала А. С. Лукомского. София, 1923, т. 1, с. 147—148.
- 243 Цит. по кн.: Симолян М. Н. Его профессия — революция. М., 1975, с. 39.
- 244 Солдатские письма 1917 г. М.; Л., 1927, с. 30.

- ²⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 1245, л. 7.
- ²⁴⁶ *Покровский М. Н.* Предисловие.— В кн.: *Солдатские письма 1917 г.*, с. 5.
- ²⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 185, д. 63, л. 6 об.— 11.
- ²⁴⁸ *Герасименко Г. А.* Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 г. Саратов, 1974, с. 42—118.
- ²⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 229, оп. 4, д. 1977, л. 55—62.
- ²⁵⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 458.
- ²⁵¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 731.
- ²⁵² См.: *Савицкий Э. М.* Революционное движение в Белоруссии. Минск, 1981, с. 142.
- ²⁵³ 1917 год на Киевщине: Хроника событий. Киев, 1928, с. 18.
- ²⁵⁴ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 716.
- ²⁵⁵ Там же, с. 715.
- ²⁵⁶ *Туркменский курьер*, 1917, 3 марта.
- ²⁵⁷ *Иопенко И., Тагиров И.* Октябрь в Казани. Казань, 1957, с. 91—92.
- ²⁵⁸ Цит. по кн.: *Маликов Ф.* Февральская буржуазно-демократическая революция в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 160.
- ²⁵⁹ История Туркменской ССР. Ашхабад, 1955, т. 1, с. 528; История Узбекской ССР. Ташкент, 1955, т. 1, кн. 1, с. 412.

Глава III

НОВАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ РОССИИ

ПЕРВЫЕ ШАГИ БУРЖУАЗНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Свержение царского правительства открыло новую страницу в истории России: в стране произошли глубокие классовые сдвиги, на гребне революционной волны буржуазия оказалась у власти, Россия фактически стала буржуазной республикой. Но весь смысл и значение восьми дней революции в Петрограде, расстановка классовых сил в стране не могут быть глубоко поняты и суммированы, если не будут подробно проанализированы последующие события марта 1917 г.

Временному правительству предстояло решить огромные социальные задачи, которые стояли перед страной. 7 марта его заседания были перенесены в Мариинский дворец, в бывшую резиденцию Совета министров. Основные направления государственной политики в той ее части, которая отражала интересы русской буржуазии, существенно не изменились. С большим трудом шла перестройка старого аппарата власти: чиновники не хотели терять насиженные места, а новое правительство не решалось идти на слом старой государственной машины. Оно пошло по пути обмана народа, многое ему обещая, но ограничиваясь, по словам В. И. Ленина, «грошовыми подачками».

В декларации от 3 марта 1917 г. Временное правительство умолчало о своем отношении к установлению в стране республики. Эта декларация регистрировала лишь то, что уже было завоевано народом: гражданские свободы, амнистия осужденных по политическим делам, расширение гражданских свобод на военнослужащих, замена полиции народной милицией и т. д. Но в этом документе ни слова не сказано о решении необходимых для широких народных масс социальных проблем.

Боясь сделать лишний шаг, который мог бы повлечь за собой ущемление своих собственных прав, буржуазное правительство стремилось сохранить старую систему уп-

равления государственного аппарата, но ему удавалось спасти только ее обломки. Так, Временному правительству пришлось подтвердить де-юре то, что было де-факто уже осуществлено революционным народом, — ликвидацию Охранного отделения и царской полиции. Но Временное правительство все же падеялось на восстановление карательного аппарата на основе старых кадров: не случайно оно постаралось в значительной степени сохранить среднее и низшее звенья личного состава Петроградского градоначальства. Санкционировав арест высших царских чиновников и представителей царского генералитета, Временное правительство, по существу, спасло их от справедливого народного гнева, создав 4 марта Чрезвычайную следственную комиссию. В российской судебной системе были проведены меры, которые ликвидировали лишь наиболее вопиющие нарушения законности, совершавшиеся при царском режиме. Источником обновления старого судебного аппарата (должностей прокуроров, чиновников в Министерстве юстиции и т. д.) стали бывшие присяжные поверенные. По всей России были сохранены тюрьмы. Еще меньшему воздействию в направлении слома старой государственной машины подвергся аппарат министерств и ведомств. Изменились лишь названия некоторых учреждений, но прежняя структура сохранилась, а в средних и низших звеньях остались старые кадры царских чиновников. 4 и 5 марта новые министры приступили к работе непосредственно в помещениях бывших царских ведомств¹.

На местах (в губерниях, уездах и волостях) в большинстве случаев произошла бóльшая, чем в центре, ломка старых государственных учреждений. Однако и там далеко не все царские чиновники были отстранены от работы; при этом многие из них попали во вновь возникшие комитеты общественных организаций. 4 марта 1917 г. вместо губернаторов и уездных начальников в провинциальные города были назначены комиссары Временного правительства. На эти должности выдвигались видные капиталисты, представители буржуазной интеллигенции, члены земских управ. Словом, «капиталисты направили теперь все усилия на то, чтобы республика в России как можно больше походила на монархию и могла быть как можно легче снова превращена в монархию»².

Временное правительство отдавало себе полный отчет в непримиримости своих интересов делу революции и по-

тому совершенно сознательно стремилось подчинить своему влиянию ту часть масс, которая слабо разбиралась в политике. В одном из своих выступлений в 1917 г. Миллюков говорил: «Политика — это стремление руководить сознанием масс. Сущность политики — тоже точное знание человеческой природы, точнее говоря, знание законов коллективной психологии... Когда масса темна и не может в политике разобраться, тем самым она способствует безнаказанной деятельности правителей»³.

Но в том-то и дело, что народ России уже не был той бесприсветно темной массой, на которую рассчитывала контрреволюционная буржуазия. Это-то и сдерживало ее открытые выступления против революции. Рядом с Временным правительством находилось «неофициальное правительство» — Совет рабочих и солдатских депутатов, которое, несмотря на соглашательский Исполком, выражало волю революционно-демократических масс, объективно направленную на коренное преобразование всей системы государственного устройства. Об этом писали Миллюков, Гучков, Набоков, Шидловский, Шульгин и многие другие буржуазные политические деятели, которые с первых дней Февральской революции вступили в ожесточенную борьбу с пролетариатом за утверждение единовластия буржуазии. Они готовы были в любую минуту разразиться репрессиями против революционного народа, против партии большевиков. Намерения буржуазных политиков в те дни раскрыл через много лет в своих воспоминаниях военный министр Временного правительства первого состава Гучков. «Я поставил себе целью,— писал он,— во что бы то ни стало ликвидировать Совет рабочих и солдатских депутатов... избавиться от двоевластия и образовать единую, свободную и ответственную лишь перед собой власть... Но для этого необходимо было пройти через серьезное вооруженное столкновение и произвести кровавую расправу»⁴.

И действительно, в дни апрельского кризиса кадетские министры пытались перейти к репрессиям, а пока, в марте, Временное правительство, затаив злобу против революционного народа, старалось изо всех сил парализовать революционный порыв масс, перехватить их инициативу при организации новой власти. В. И. Ленин писал: «Всемирный опыт буржуазных и помещичьих правительств выработал *два* способа удержания народа в угнетении. Первый — насилие. Николай Романов I — Николай Пал-

кин и Николай II — Кровавый показали русскому народу максимум возможного и невозможного по части такого, палаческого, способа. Но есть другой способ, лучше всего разработанный английской и французской буржуазией, „проученных“ рядом великих революций и революционных движений масс. Это — способ обмана, лести, фразы, миллиона обещаний, грошовых подачек, уступок неважного, сохранения важного.

Своеобразие момента в России — головокружительно быстрый переход от первого способа ко второму, от насилия над народом к *лести* народу, к обманыванию его обещаниями» ⁵.

В этом деле Временное правительство умело использовало лидеров эсеро-меньшевистского блока. В повседневной практической работе Петроградского Совета меньшевики и эсеры сдавали позиции Временному правительству на каждом шагу, где массы не могли проконтролировать их действия. Предоставляя Временному правительству свободу в решении государственных дел первостепенной важности, Исполком Совета под влиянием Чхеидзе, Скобелева и других социал-шовинистов лишь «входил с ходатайством» в различные буржуазные министерства по поводу решения тех или иных вопросов, например организации продовольственного дела, часов работы того или иного учреждения либо предприятия, замены воинской части, охранявшей тот или иной объект, и т. д. Под влиянием революционно настроенных депутатов Совета у Исполкома возникали трения с правительством, связанные, например, с принятием присяги солдатами Петроградского гарнизона и др. Были и острые конфликтные ситуации, когда правительство попыталось между 8 и 10 марта отправить царскую семью в Англию, но революционный народ не допустил этого, проследив с пристрастием за переговорами Временного правительства и Исполкома Совета. Столь же серьезным было и столкновение по вопросу о целях войны, которое закончилось тем, что под нажимом революционного народа Временное правительство издало декларацию от 27 марта 1917 г., в которой формально отказывалось от завоевательных устремлений в войне. (Правда, как показали дальнейшие события, эта победа Совета оказалась неполной ⁶). Во всех этих конфликтах соглашательский Исполком никакой роли не играл: он был лишь переда-

точной инстанцией между правительством и революционным народом.

На одном из заседаний Исполкома Совета большевик П. И. Стучка предложил передать гласности деятельность созданной для взаимоотношений с Временным правительством «контактной комиссии» (начавшей работу 6—10 марта 1917 г.). Но предложение Стучки собрало менее половины голосов: соглашатели умели протаскивать через Совет нужные им резолюции. Меншевики делали попытки через «контактную комиссию» выторговать у Временного правительства некоторые постановления, связанные с улучшением экономического положения рабочих и других слоев населения. Но это не шло вразрез с их стремлением оказания помощи буржуазии в ее попытках удержаться у власти и, следовательно, было обманом масс, так как внушало им иллюзии относительно Временного буржуазного правительства.

Вынужденное, по словам В. И. Ленина, «лгать, вертеться, выгадывать время»⁷ Временное правительство маневрировало, давало обещания. Так, в декларации от 6 марта оно заявило, что считает своим долгом осуществить «чаяния народные и вывести страну на светлый путь свободного гражданского устройства»⁸. Но на деле оно старалось по мере своих сил уклониться от реализации своих же обещаний. Не были декретированы даже завоеванные народом главные демократические свободы — слова, союзов, печати, собраний, стачек, но зато усилилась военная цензура. Воздержалось Временное правительство первого состава и от издания закона о женском равноправии. Созыв Учредительного собрания тоже стал не более чем пустым обещанием.

Перед Временным правительством встал ряд острых вопросов внутренней политики, и главный из них — улучшение экономического положения рабочего класса, введение 8-часового рабочего дня. Известно, что законодательное введение 8-часового рабочего дня было, по существу, политическим лозунгом буржуазно-демократической революции. Да и требования рабочих о повышении зарплаты затрагивали не только непосредственно предпринимателей, но и Временное правительство. Ведь экономические требования, как правило, выдвигались не изолированно, а сопровождались требованиями политическими и правовыми и были направлены против Временного правительства. Переплетение экономической

борьбы с политической усиливало ее действительность и размах, обнажало сущность революционного и соглашательского направлений в рабочем движении.

В рабочем вопросе буржуазия использовала идеи «революционного оборончества». Это было ново и позволяло скрывать корыстные мотивы. Исходя из этого Временное правительство отказалось издать законы о 8-часовом рабочем дне, ссылаясь на нужды фронта и «оборону» революции. Соглашатели-оборонцы из Петроградского исполкома Совета убеждали рабочих, что, требуя введения 8-часового рабочего дня, они забывают солдат, сидящих в окопах. И только введение явочным порядком 8-часового рабочего дня на ряде предприятий петроградского фабрично-заводского района и понимание бесперспективности сопротивления заставило капиталистов 10 марта вступить в соглашение с Советом о введении в Петрограде 8-часового рабочего дня. Однако повсеместно во всех отраслях производства введение 8-часового рабочего дня осталось перешенным. Временное правительство в этом вопросе вступило на путь проволочек, поручив министру торговли и промышленности разработать «свои соображения» по этому поводу к Учредительному собранию. Безоговорочно становилось Временное правительство на сторону предпринимателей и в других пунктах рабочего вопроса: улучшение условий труда, повышение заработной платы, даже удаление контрреволюционных элементов из фабрично-заводской администрации. Что же касается повышения заработной платы, то и здесь Временное правительство поддерживало предпринимателей, которые отделялись незначительными поощрениями рабочим. К концу марта капиталисты объявили, что уступки кончились и что требования рабочих «чрезмерны»⁹.

Аграрная проблема — конфискация помещичьих и национализация всех земель — была главной в повестке дня буржуазно-демократической революции. С первых шагов деятельности Временного правительства определилась его классово враждебная трудовому народу позиция в аграрном вопросе. Временное правительство было вынуждено конфисковать земли бывшего императора; земли, леса, реки и озера, находившиеся в распоряжении царской фамилии; они признавались государственной собственностью. Но земли помещиков оставались в неприкосновенности: десятки тысяч дворян по-прежнему сидели

в своих имениях или «переживали» в городах время «смуты»¹⁰. Буржуазия была связана через банки с помещичьей землей, исчисляемой миллионами десятин, и конфискация ее ударила бы по карманам значительной группы капиталистов. Вот почему 19 марта в специальном воззвании Временное правительство, страшась аграрных волнений, признало необходимость земельной реформы, но тут же объявило всякие самочинные захваты помещичьей земли противозаконными. Вслед за этим были приняты некоторые меры по пресечению крестьянского движения. Этот факт — одно из многих доказательств контрреволюционности буржуазии до и после Февральской революции. Как уже отмечалось¹¹, если в предфевральский период либеральная буржуазия в России стремилась прежде всего подорвать в народе веру в необходимость революционного переворота и внедрить в его сознание конституционные иллюзии, то после прихода к власти контрреволюционность ее принимает новые качественные формы. Если бы в руках у народа не было оружия, буржуазия начала бы репрессии уже в марте, уже тогда послала бы в деревни карательные экспедиции, не отменяла бы смертную казнь.

Временное правительство не ставило перед собой задачи решения сложнейшего для России национального вопроса, речь могла идти лишь о некоторых сдвигах в отношении отмены национальных ограничений, которые к тому же были вызваны ростом национально-освободительного движения и являлись не чем иным, как попыткой осуществить весьма ограниченную либеральную программу кадетов, которая в определенной степени могла удовлетворить лишь национальную буржуазию. Так, стремление сохранить Финляндию в составе России заставило Временное правительство 7 марта отменить изданный Столыпным закон, уничтожавший права сейма, и принять «Акт об утверждении конституции Великого княжества Финляндского». Закон этот исключал суверенность Финляндии, ограничивался культурной автономией и обещанием в будущем расширить права сейма в отношении суда, свободы печати, союзов, доходов и расходов казны. В борьбе с австро-германской буржуазией за Польшу цель была одна — привлечь на свою сторону оживившиеся польские буржуазные и мелкобуржуазные группировки.

Русская и национальная буржуазия искали друг у друга поддержку в борьбе с растущим революционным движением. В пределах культурной автономии Временное правительство пошло навстречу отдельным требованиям буржуазии в ряде развитых в экономическом отношении национальных районов, признало некоторые созданные ею организации. Самой значительной из них была образованная 4 марта украинскими буржуазными и мелкобуржуазными националистами Центральная рада. В тот период, о котором идет речь, в Центральную раду входили преимущественно представители украинской буржуазно-националистической организации кадетского толка — так пазываемые поступовцы, которые и были инициаторами создания Центральной рады, тогда насчитывавшей несколько десятков человек. Консолидировать большинство украинской буржуазии вокруг лозунга самостоятельного Украинского государства, как это произошло позднее, Рада еще не успела, «а народные массы при всем их благосклонном отношении к автономии Украины были увлечены решением других, более жизненных социальных вопросов и вообще отрицательно относились к проповеди отрыва Украины от России»¹².

В первые дни после Февральской революции деятельность Центральной рады была крайне ограниченной и осторожной. В связи с продолжающимся ростом революционного движения ее руководители боялись преждевременными требованиями вызвать возмущение своего же классового союзника — русской буржуазии. Центральная рада всемерно поддержала Временное правительство в стремлении погасить пламя революции. Ее обращение «К украинскому народу» призывало к «спокойствию». Но взаимоотношения кадетского Временного правительства и украинской буржуазии кадетского типа были далеко не равными. Русские кадеты пошли лишь на незначительные уступки украинской националистской буржуазии в области культурно-просветительской деятельности. Например, 14 марта Временное правительство ввело (в виде исключения) преподавание на украинском языке в низшей школе Киевского учебного округа. Русские кадеты выступали, как и раньше, против предоставления Украине автономных прав, игнорируя украинское национальное движение, которое, как и всякие движения такого рода, было проявлением общих закономерностей развития капитализма¹³. Временное правительство делало

все, чтобы помешать борьбе украинского народа за свое освобождение. Его великодержавная политика направлялась на отрыв украинского национального движения от революционной борьбы трудящихся других народов России. Резко отрицательную позицию в отношении национального движения украинского и других народов России заняли меньшевики и эсеры, ставшие и в этом вопросе на путь поддержки русской буржуазии.

Белорусская, еврейская буржуазия также стремились создать свои националистические организации и выступили со своими требованиями. Но Временное правительство вовсе игнорировало их заявления ввиду крайней слабости этих буржуазных группировок.

Между 4 и 13 марта состоялись собрания представителей буржуазных и мелкобуржуазных течений, групп и общественных организаций в Латвии, Эстонии и Литве. Большинство из них высказало стремление к образованию самостоятельных административных управлений этих народов¹⁴. 30 марта Временное правительство опубликовало постановление о проведении границ между Эстляндской и Лифляндской губерниями и создании там земских советов. В постановлении указывалось, что язык делопроизводства и обращения определяется самими этими учреждениями, но государственным языком остается русский. Финансы и делопроизводство Лифляндии Временное правительство передало глубоко антинародной кулацкой организации «Земес падоме» («Земский совет»). Вопрос об устройстве Литвы Временное правительство обещало рассмотреть в скором будущем. Оно не могло обойти молчанием и претензии татарской национальной буржуазии, образовавшей уже 7 марта Мусульманский комитет. Декретом правительства от 20 марта 1917 г. было разрешено использование в Казанской губ. татарского языка в делопроизводстве, торговых книгах, а также в частных учебных заведениях.

Во все губернии и области национальных районов были также напачены комиссары Временного правительства. Здесь появились организации и комитеты, в которых сотрудничала контрреволюционная русская и национальная буржуазия.

9 марта было ликвидировано наместничество на Кавказе и вместо него учрежден Особый закавказский комитет (Озаком) под председательством кадета А. Харламова и при участии других буржуазных политических дея-

телей из национальной буржуазии — армянской, азербайджанской и грузинской. Решение рабочего, крестьянского, религиозного и национального вопросов Озаком также отложил до Учредительного собрания. В школах и учреждениях на Кавказе в принудительном порядке сохранялся русский язык, оставались без изменения суды и ведомства. Федералистские тенденции грузинских национал-демократов, азербайджанских мусаватистов, армянских дашнаков появились позднее, в марте же 1917 г. националисты Закавказья выдвинули лозунги лишь культурно-национальной автономии. Расширили свою деятельность мусаватисты. Выразив доверие Временному правительству, они ратовали за привилегии азербайджанской буржуазии. Объединение в Озакоме представителей наиболее многочисленных народов Закавказья далеко не решило здесь национальную проблему. Члены Озакома ненавидели друг друга, каждый старался вершить судьбы «своей» нации, занимался «подсиживанием, подслушиванием, подсматриванием и интригами»¹⁵. Мусаватисты, дашнаки и другие националисты отвлекали трудящихся Закавказья от классовой борьбы, пытались отравить их ядом буржуазного национализма.

Неизменным оставалось положение в Средней Азии. Эмир бухарский и хан хивинский присягнули Временному правительству. Последнее в начале марта заявило о сохранении с ними договоров царского правительства. Представители зажиточного населения Хивы и Бухары были допущены в местные органы власти. В этих районах развертывалась в то время борьба за уничтожение средневековой системы «кормлений и откупов» за предоставление политических прав трудящимся Хивы и Бухары.

Туркестанским краем в течение марта по-прежнему управлял царский наместник генерал А. Н. Куропаткин. Лишь в центральный и местный управленческий аппарат этого края были введены националисты из числа ханов, баев, кулаков-мирабов, которые полностью поддерживали антинародную политику Временного правительства.

В Средней Азии, как нигде, сохраняли свою силу все старые указы. Национальные языки оставались под запретом. В марте в Ташкенте оформился так называемый «Исламистский совет» («Шура-и-ислам»), куда вошли идеологи джадидизма, видные представители исламистской буржуазии, также потребовавшие национально-культурной автономии. Ячейки «Шура-и-ислама» возникли и

в других городах Туркестана. Появилась и программа этой организации, которая основные свои цели связывала с деятельностью Временного правительства и пропагандой принципов панисламизма. Она формулировала их следующим образом: «1. Распространять среди мусульман Туркестана идеи политических, научных и экономических реформ, приемлемых данному времени. 2. Принимать меры и действия, направленные к объединению мусульман всего Туркестана под единой целью и единой идеей. 3. Призывать народ оказывать содействие осуществлению целей и политики... нового правительства. 4. Распространять сведения о формах правления страны и подготовке к Учредительному собранию»¹⁶.

Националистические круги среднеазиатской буржуазии, кавказских мусаватистов, татарской и башкирской буржуазии были идейно близки друг другу, что подкреплялось общностью религии. Среди них были и сторонники выделения из состава России, образования единого мусульманского государства под эгидой Турции. Таким образом, «Шура-и-ислам», как и другие националистические течения, стремился замкнуть трудящихся каждой отдельной национальности в узкий круг изолированных интересов. Программа и практические действия «Шура-и-ислама» противоречили коренным интересам трудящихся, и поэтому эта организация не получила в 1917 г. широкой поддержки в массах¹⁷.

Как бы ни велико было стремление Временного правительства сохранить как можно больше элементов от прежнего государственного устройства, это ему не удавалось. Объяснение данному факту В. И. Ленин дал в книге «Государство и революция», подготовительная работа к которой велась им в основном в январе-феврале 1917 г. Ссылаясь на Ф. Энгельса, В. И. Ленин писал, что каждая великая революция «наглядно и притом в масштабе массового действия» ставит «вопрос о взаимоотношении „особых“ отрядов вооруженных людей и „самодействующей вооруженной организации населения“»¹⁸. «Особые отряды вооруженных людей» служат «господствующему классу». В условиях Февральской революции ими могли являться «отряды» Временного правительства, которые буржуазия, как господствующий ранее, а теперь пришедший к политической власти в стране класс, должна была «возобновить». Но, вынужденное издать приказ о ликвидации полиции и жандармерии, фактически уже

уничтоженных революционным народом, Временное правительство при постоянно существующем открытом контроле масс со стороны Петроградского Совета ничего не могло создать взамен этих ненавистных народу учреждений. Армия также была почти полностью выведена из-под его контроля и влияния. Временное правительство вынуждено было считаться и в этом вопросе с позицией Совета¹⁹. Лишенное такой вооруженной опоры, как армия, оно не могло открыто проводить в жизнь свои классовые намерения в укреплении государственного аппарата.

Между тем «непримиримо враждебный» буржуазии пролетариат умело осуществлял строительство «самодельствующей вооруженной организации населения», «способной служить эксплуатируемым, а не эксплуататорам». По примеру Петрограда основным видом организации рабочих становится пролетарская милиция. Только в первые дни марта она была создана при участии Советов в 23 городах. Пролетарская милиция последовательно выполняла задачи ликвидации сопротивления защитников старого строя, брала на себя охрану общественного порядка в городах. Милиционную службу рабочие несли поочередно в служебное время, за ними сохраняли заработок на предприятиях. В первые недели марта численность рабочей милиции была довольно велика, в Петрограде она, например, достигала 10—12 тыс. человек²⁰. Это и стало решающим в сломе старого чиновничьего государственного аппарата царизма.

В. И. Ленин в начале марта посвятил специальное послание большевикам в Россию, предлагая обратить особое внимание на создание пролетарской милиции, на «поголовное вооружение народа»²¹. От успешности выполнения этой задачи всецело зависели успешная ликвидация старой государственной машины и создание в борьбе с буржуазией нового демократического аппарата государственной революционной власти.

Еще в царской России, помимо губернаторов и градоначальников, подчинявшихся непосредственно Министерству внутренних дел, существовали со времени земской и городской реформ земства и городские думы, которые считались органами местного общественного (буржуазного) управления. Сразу после свержения самодержавия эта буржуазная общественность независимо от указа

Временного правительства в ряде случаев сама стала решать судьбу губернаторов, ликвидируя их власть. Она включилась в создание новых «общественных» образований в губернских, волостных и уездных городах, и теперь, после уничтожения царизма, этот процесс стал протекать гораздо шире. Представители разных классов, главным образом буржуазных и мелкобуржуазных социальных групп, а также политических партий и группировок, претендовали на участие в органах местного управления через комитеты общественных организаций, комитеты общественного порядка, комитеты общественной безопасности. Точных данных о количестве таких «комитетов» нет, но известно (и это хорошо показано исследователями), что они возникали сразу же после ликвидации местной царской власти повсеместно на губернских, уездных, городских уровнях²². Так, например, подсчитано, что уже между 1 и 5 марта включительно возникло 29 только губернских комитетов общественных организаций²³. Но отнюдь не совпадение классовых интересов, хотя бы и временное, приводило порой в одни и те же комитеты общественных организаций представителей разных классов. Это была стихийная тяга веками томившегося под гнетом самодержавия населения России к демократической форме правления.

В то время как Советы являлись детищем самостоятельности трудящегося народа, комитеты в большинстве своем создавались «сверху» как учреждения и организации, оторванные от народа и чуждые ему. В них преобладала буржуазия, которая к моменту революции имела немалый опыт по участию в органах местной власти, и в подавляющем большинстве комитеты общественных организаций отражали интересы буржуазии.

Инициатива при создании общественных комитетов зависела часто от политического веса, популярности той или иной организации, политической партии или даже авторитета определенного лица, поддерживаемого сильной социальной группой в данном городе, районе. В числе организаторов этих комитетов на периферии выступали преимущественно представители буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции из числа городских дум и земств, в которых буржуазия политически консолидировалась еще ранее. Среди этих деятелей городских дум, членов промышленных комитетов, бирж, руководителей союзов торговли и промышленности, попавших в общественные

комитеты, было немало опытных политиков, которые стремились воздействовать через «общегражданские организации» на рабочих и солдат. И в этом отношении они также опирались на опыт 1905 г.: рабочие Харькова, например, могли помнить, как еще в период высшего подъема революции 1905—1907 гг. буржуазия здесь через впервые возникшие общественные комитеты парализовала вооруженную борьбу масс. Теперь же через общественные комитеты буржуазия при помощи меньшевиков и эсеров пыталась прежде всего заполучить под свое влияние солдат тыловых гарнизонов, поставив их под контроль старого офицерства и восстановив тем самым «порядок и спокойствие» (т. е. прекратить демонстрации и митинги, а предприятия заставить ускоренным темпом работать на оборону).

Следует заметить, что уже на первых порах в комитетах общественных организаций довольно отчетливо проявились основные черты русской либеральной буржуазии, воспитанной царизмом в духе невиданного сервилизма, косности, боязни перемен. Буржуазные комитеты общественных организаций, послав приветствия Временному правительству, как правило, бездействовали, пока активность революционных масс не толкала их на необходимость проявить себя. Решения важнейших социальных вопросов на заседаниях таких комитетов под председательством буржуазных деятелей тонули подчас в словопрениях, говорильнях, бесконечных и бесплодных заседаниях. В Самаре, например, комитет общественной безопасности, созданный главным образом из представителей бывшей Государственной думы, прежде обратился телеграммой к Родзянко, с вопросом, как ему действовать. Демократическая газета «Волжский день» писала в то время в адрес комитета: «Когда мы перестаем топтаться на одном месте и утешать друг друга пустыми разговорами... Надо действовать, а не разговаривать»²⁴. Только после того, как деятельностью комитета заинтересовались представители от революционных рабочих, эта организация стала проявлять себя как орган новой власти. Такое положение дел можно было наблюдать в Харькове, Уфе, Саратове. Лишь представители революционно-демократических слоев общества, избранные в комитеты общественных организаций, принуждали буржуазию ускорять ликвидацию старого аппарата управления и устанавливать новые порядки.

Цензовая буржуазия, опираясь на поддержку Временного правительства, стремилась в ряде случаев отстранить революционную демократию от какого бы то ни было участия в конкретных делах комитетов. Она при этом имела целью мобилизовать контрреволюционные элементы, способствуя тем самым укреплению буржуазного «порядка». Если в Москве, как об этом уже говорилось выше, комитет принял решение «являться представителем Временного правительства», то, например, в Уфе такой же комитет просил Временное правительство распорядиться, чтобы местные правительственные учреждения признали его как орган власти и согласовали с ним свою деятельность²⁵.

По-иному разворачивалась деятельность комитетов там, где пролетарские массы были хорошо организованы и сплочены. Как правило, это были районы сильных революционных традиций, где передовой пролетариат проявил себя еще в 1905 г., например Центрально-промышленный район, отчасти Урал. В Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Костроме, Коврове, Твери, Перми и в некоторых других городах революционный народ активно вмешивался в выборы состава комитетов общественных организаций и в их деятельность. В ряде городов за деятельностью комитетов наблюдали Советы рабочих депутатов и оказывали на них давление, чтобы они последовательно «строили новое здание свободы»²⁶. В других случаях, видя, что комитеты бездействуют, революционный народ выдвигал в их состав своих представителей. Вот, как, например, проходило собрание по выборам общегородского Комитета общественных организаций в Ташкенте: «Думский зал был набит народом битком. Казалось, что словоизлиянию... господ (бывших членов городской думы.— *И. П.*) не будет конца... Все сразу сделались такими большими революционерами! Но вскоре мнимая революционность этих господ была нарушена приходом в зал делегации вновь избранных рабочих депутатов. По залу над головами буржуазных депутатов полетели красные прокламации от Совета рабочих депутатов, извещавшие об организации этого революционного органа... На трибуне вместо человека во фраке появилась исхудавшая фигура рабочего в засаленной блузе, и потекла его искренняя революционная речь... На дворе все улицы переполнены рабочим людом, пришедшим вместе со своими избранниками... Рабочая масса на улице

требует ораторов, требует объяснения происходящих грозных событий в России... На дворе перед думским зданием бушует революционная масса, жадно воспринимаящая каждое свободное революционное слово»²⁷. В этой обстановке общегородской комитет в Ташкенте был создан без чиновников канцелярии генерал-губернатора, на что рассчитывала местная буржуазия. В него вошли лишь гласные Думы, но вместе с ними и представители от рабочих и солдат. Комитет принял решение ликвидировать полицию, организовать народную милицию, установил контроль над деятельностью правительственных учреждений и продовольственных органов. Представители от революционных рабочих и солдат вошли также в комитеты общественных организаций Саратова, Минска, Ревеля, Нарвы и немедленно приступили к разоружению полицейских органов, освобождению политических заключенных²⁸.

Революция создала великое множество ситуаций в организации новой власти на местах. Своеобразное положение сложилось и на первых порах из-за удаленности от центра и слабости партийной организации большевиков при выборах Комитета общественных организаций в Баку. Большевик А. М. Стопани вспоминал впоследствии, что при получении известий о революции в Петрограде большевикам в Баку не сразу стал ясен характер политического движения в столице. Было решено, не дожидаясь конца развития событий в Петрограде, «держать курс» на свержение царской власти в городе. Узнав, что гласные городской думы обсуждают при закрытых дверях вопрос о власти, революционные толпы народа организовали митинги с требованием создать «гражданский» исполнительный комитет и включить в него представителей от рабочих и революционных партий. В результате председателем Исполнительного комитета общегражданских организаций был избран городской голова А. Быч, а товарищем председателя — большевик А. М. Стопани²⁹. Это был один из немногих случаев. Столь необычная коалиция объяснялась ограниченно понятыми группой большевиков в Баку задачами революции, которые сводились ими лишь к устранению царизма.

Охотно шли на совместное участие с буржуазией в комитетах общественных организаций меньшевики и эсеры, так как это соответствовало их принципам создания парламентской буржуазной республики. Либеральная же

буржуазия стремилась усилить через соглашателей свое влияние на трудящихся. Спеша занять руководящие позиции в общественных комитетах, меньшевики и эсеры ставили своей прямой задачей работать в полном согласии с Временным правительством и декларировали свои позиции в специальных обращениях к народу³⁰.

Комитеты общественных организаций стали ареной острой политической борьбы, в которой проявилось отношение различных классов и партий к революции. Участие либеральной буржуазии на местах в общегражданских комитетах подтвердило тот факт, что и здесь буржуазия «примкнула» к революции, чтобы использовать ее в своих целях, пробраться к власти, выиграть время и направить события в нужное ей контрреволюционное русло. На примере работы комитетов очевидна и неустойчивая, соглашательская роль меньшевиков и эсеров, проявивших негативные стороны классовой природы мелкой буржуазии.

Отношение большевиков к комитетам общественных организаций не могло быть однозначным во всех случаях вследствие различного состава этих организаций. Ясно и другое. Вхождение большевиков в комитеты могло быть оправданным лишь в том случае, если комитеты были по составу членов и по своему существу исключительно революционно-демократическими организациями. Так было, например, в Якутске, где комитет общественной безопасности возглавил большевик, бывший депутат IV Государственной думы Г. И. Петровский, под руководством которого комитет взял курс на дальнейшее развитие революции. Действуя совместно с Советами, функции революционной народной власти выполняли комитеты и в некоторых городах на Урале, в Гусь-Хрустальном Владимирской губ., Ново-Николаевском у. Саратовской губ. Но и эти случаи были редким исключением. Вхождение большевиков в комитеты общественных организаций при наличии в них кадетов и других представителей буржуазии было глубоко ошибочным: оно дезориентировало мало искушенные в политике народные массы в сложившейся обстановке в стране.

Возникновение и деятельность комитетов общественных организаций в марте 1917 г. явились еще одним фактом, отражающим окончание демократического этапа развития революции в России и возникновения двоевластия. Дальнейшее углубленное исследование политической

борьбы внутри и вокруг этих организаций свидетельствует, что главным условием в преодолении противоречий на пути развития революции было только революционное пролетарское руководство деятельностью масс. Гегемония пролетариата крепла в процессе накопления массами политического опыта, в том числе и раскрытия сущности организаций, в которых участвовала буржуазия. В ходе этой борьбы под руководством большевиков происходило объединение вокруг пролетариата лучших элементов революционной демократии. Общественные или общегражданские комитеты могли быть только временными организациями, так как допускали включение в свой состав представителей антагонистических классов — буржуазии и пролетариата, а также непоследовательных и противоречивых в политическом отношении промежуточных социальных группировок. В процессе классовой и политической консолидации, которая быстро охватила рабочий класс после Февральской революции, распад аморфных в политическом отношении комитетов общественных организаций был совершенно неизбежным.

Итак, формирующаяся на местах в марте 1917 г. система новых организаций управления отличалась исключительной пестротой и сложностью в «конкуренции власти». В городах складывалась примерно такая система: 1) губернский комитет общественных организаций; 2) городской комитет; 3) уездный комитет; 4) городская дума (просуществовала до Октябрьской революции 1917 г.); 5) губернская управа (исполнительный орган городской думы); 6) уездная управа; 7) Советы рабочих и солдатских депутатов; 8) представители Временного правительства — комиссары³¹. В быстром развитии революции на периферии наиболее четко обозначилась роль новых органов революционно-демократической власти Советов рабочих, солдатских, крестьянских депута- тов.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ТВОРЧЕСТВО МАСС

Вторая русская буржуазно-демократическая революция началась с того, что было высшим подъемом первой, — со всеобщей стачки и вооруженного восстания, с повсеместного образования Советов.

Призыв к организации Советов в стране и объединению вокруг них трудящихся исходил из воззваний Петро-

градского Совета рабочих и солдатских депутатов. Да и сам факт создания Петроградского Совета указывал всему революционному народу, в каком направлении следует действовать. 2 марта 1917 г. на митинге в г. Иваново-Вознесенске большевик В. П. Кузнецов сказал рабочим: «Самодержавие пало, власть находится в руках Государственной думы. Что же теперь нам с вами делать? Я думаю, что мы начнем с того, что делали в первую революцию 1905 г. ... Вы знаете, что тогда у нас был Совет рабочих депутатов... Давайте сегодня используем исторический опыт прошлой борьбы — выберем Совет рабочих депутатов, добьемся, чтобы в него вошли и представители солдат»³². Так возродилось в марте 1917 г. то, что было «отрепетировано» 12 лет тому назад.

Вслед за Петроградом и Москвой советская форма политической организации трудящихся стала быстро распространяться в стране. В Центрально-промышленном районе в числе первых организационно оформился Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов. В его составе преобладали большевики. Председателем Совета был избран большевик В. П. Кузнецов, его заместителем — большевик В. Я. Степанов. В Нижнем Новгороде 1 марта создается Временный Совет рабочих депутатов, а 11 марта состоялось первое пленарное заседание постоянного Совета рабочих депутатов, на котором был избран президиум в составе двух большевиков и пяти меньшевиков³³. 2 марта был создан Совет рабочих депутатов в Костроме. Председателем был выбран большевик С. Данилов. 3 марта Советы рабочих депутатов возникают в Твери, Туле, 4 марта — в Воронеже, 6 марта — в Коврове. Всего к концу марта 1917 г. в центральных губерниях было создано 70 Советов рабочих депутатов и 38 Советов солдатских депутатов³⁴.

В этот же период создаются Советы и в городах Поволжья. Например, 2 марта образовались Советы в Самаре и Саратове. Среди 85 депутатов, избранных в Самарский Совет рабочих депутатов, большевиков было 22, меньшевиков — 20, эсеров — 8. Председателем Совета избирается меньшевик И. И. Рамишвили, товарищем председателя — большевик М. Яшанов. Однако уже 20 марта произошло переизбрание председателя, им стал большевик В. В. Куйбышев. 2 марта был образован Саратовский Совет рабочих депутатов, 6 марта он стал Советом рабочих и солдатских депутатов. Большевики здесь

пользовались значительным влиянием. Несмотря на то что среди депутатов Совета большевики были в меньшинстве, в Исполнительный комитет, состоявший из 8 человек, их было избрано 4. Председателем Совета стал большевик В. П. Милютин, его заместителем — большевик М. И. Васильев-Южин. В Казанском Совете рабочих и солдатских депутатов, созданном только 14 марта, среди депутатов Совета и в его Исполнительном комитете преобладали меньшевики и эсеры. Среди депутатов Совета (их было около 200) большевиков было всего 35.

Искра революции, занесенная из центра, быстро разгоралась в заводских поселках Урала. Советы возникли в Невьянске, Мотовилихе, Лысьвенском, Миньярском и других рабочих поселках. В конце месяца на Урале действовало уже около 100 Советов. Во главе многих Советов горнозаводских поселков Урала с первых дней Февральской революции стояли большевики. Под их влиянием находились также Екатеринбургский, Челябинский, Оренбургский Советы. В Екатеринбургском Совете, например, из 350 депутатов 140 являлись большевиками, а из 15 членов исполнительного комитета 9 были большевиками. Председателем Совета был избран прапорщик большевик П. М. Быков. В числе Исполнительного комитета Оренбургского Совета рабочих депутатов 8 являлись большевиками. Председателем Совета был большевик А. А. Коростелев.

В ряде Советов губернских городов Урала имело место засилье меньшевиков и эсеров. Так, из 20 членов Исполнительного комитета Уральского (Пермского) Совета рабочих и солдатских депутатов большевиков было только 3, в составе президиума Уфимского Совета, который возглавили меньшевики и эсеры, из 8 большевиками были 2.

С первых дней Февральской революции развернулась организация Советов в Сибири. К концу марта 1917 г. их насчитывалось здесь 60. Как и в 1905 г., одним из первых — 3 марта — был избран Совет рабочих и солдатских депутатов в Красноярске. В числе 300 его депутатов насчитывалось 180 большевиков. Председателем Совета был избран Я. Ф. Дубровинский, который тогда считался меньшевиком-интернационалистом, но был близок к большевикам. 5 марта образовался Читинский Совет рабочих и солдатских депутатов. Председателем Совета был избран представитель от большевиков. Боль-

шевики входили здесь в Объединенную социал-демократическую организацию, преобладание в которой, как и в Совете, меньшевиков препятствовало большевикам превратить Читинский Совет в полноправный орган народной власти.

В Средней Азии первыми приступили к созданию Советов рабочие Ташкента. 3 марта здесь организационно оформился Совет рабочих депутатов (первое его заседание состоялось 4 марта). В конце марта он объединился с Советом солдатских депутатов. В марте же Советы возникают в Ашхабаде, Самарканде, Андижане и других городах края.

В первый месяц революции Советы рабочих и солдатских депутатов были созданы в большинстве городов и крупных рабочих поселках Украины. В Харькове Совет был избран 2 марта, в Киеве и Екатеринославе — 4 марта, Одессе — 5 марта, Луганске — 8 марта. Только в Донецко-Криворожском бассейне в это время возникло более 150 Советов рабочих и солдатских депутатов. Как и в целом по стране, в большинстве Советов Украины преобладали меньшевики и эсеры. В Харьковском Совете, например, из 300 депутатов большевиков насчитывалось только 30. В Киевском Совете большевикам принадлежали лишь 62 из 444 депутатских мест, а в его Исполнительном комитете — 4 из 37. В Одесском Совете, как и в 1905 г., большинство мест захватили эсеры и бундовцы.

Советы возникают и во многих других районах страны. В Белоруссии Советы были созданы в Минске, Гомеле, Бобруйске, Витебске, Орше, Полоцке, Мозыре, Слуцке и других городах — итого 28 в марте 1917 г. В Минском Совете рабочих депутатов, созданном 4 марта, председателем Совета был избран Б. П. Позерн (меньшевик-интернационалист). На деятельность Минского Совета большое влияние оказывала группа депутатов-большевиков (в нее входили М. В. Фрунзе, И. Е. Любимов, К. И. Ландер и др.). В Гомельском и Витебском Советах преобладали соглашатели.

В Прибалтике Советы были созданы в Риге (председатель-большевик Р. Эндруп), Ревеле, Тарту, Валмиере, Елгаве, Цесиме, Хапсулу и других городах.

В начале марта возникают Советы в Закавказье. 4 марта был создан Тифлисский Совет рабочих депутатов, 6 марта — Бакинский Совет (председателем был избран большевик С. Г. Шаумян). Советы образуются так-

же в Александрополе, Карсе, Саракамыше, Трапезунде, Эривани и других городах.

Политическое лицо Советов на местах определялось тем, кто — большевики или соглашатели (меньшевики и эсеры) — задавал в них тон. В докладе на Апрельской конференции большевиков Я. М. Свердлов, рассказывая о положении дел на Урале, заметил: «Чрезвычайно характерно, что на местах, где велась нелегальная работа до революции, положительный характер ее сказывался в том, что в этих пунктах партийные организации (большевиков. — *И. П.*) образовались раньше, чем Советы рабочих и солдатских депутатов, и влияние партии в этих Советах сильнее, там они захватили Советы в свои руки. В остальных пунктах Советы образовались раньше, и это сказывается в их неопределенности»³⁵. Эта оценка в равной степени может быть отнесена ко всей стране в целом. (Напомним, что Советов в марте 1917 г. возникло 600³⁶, а пунктов, где объединились в редких случаях сотни, чаще десятки членов большевистской партии, было до революции 150³⁷). Однако тут же следует заметить, что после победы Февральской революции, когда большевистская партия вышла из подполья, она быстро укрепляла свои ряды, что не могло не проявиться и в деятельности Советов. В большинстве Советов были образованы большевистские фракции.

В марте 1917 г. Советы были в основном городскими: 555 Советов были организованы в городах и других населенных пунктах³⁸. Губернских и уездных Советов было еще мало, так как в низах движение за их создание только начинало развертываться. Районные Советы в городах, как и в 1905 г., в марте 1917 г. имелись в Петрограде, Москве и Одессе.

Советы были революционно-демократическими органами власти, где без буржуазии и против буржуазии рабочие, солдаты и матросы, крестьяне, городская демократия отстаивали свои интересы, добивались мира, хлеба, свободы. Миллионы пролетарских и полупролетарских масс в Советах сплачивали свои силы, приобретали опыт участия в управлении страной. Выборы в Советы сопровождались многоярусными демонстрациями, составлением наказов депутатам. Это свидетельствовало о давно зревшем стремлении трудящихся страны создать свою государственную власть. В соответствии с расстановкой классовых сил на новом этапе революции и принципами про-

летарской демократии Советы марта 1917 г. обладали такими важными практическими преимуществами перед буржуазно-парламентарными организациями, как свободные выборы, простота структуры и наибольшая доступность для широких масс, подотчетность избирателям, возможность обновления состава депутатов, объединение функций законодательной и исполнительной власти. Трудящиеся массы сами определяли нормы представительства в Советы, состав этих организаций, их статут.)

Руководящая роль в формировании Советов в городах принадлежала пролетариату. Его революционная инициатива, идейное влияние на демократические массы очевидны из истории превращения Петроградского Совета рабочих депутатов в Совет рабочих и солдатских депутатов, из истории возникновения Совета солдатских депутатов в Москве³⁹, который был создан при поддержке Совета рабочих депутатов. Другой пример руководящей роли пролетариата: в Саратове рабочие обратились к солдатам с такими словами: «В здании городской думы заседают два собрания — революционных рабочих и перепуганных хозяев города. Только с рабочими вам по пути, товарищи солдаты! Только рабочие добиваются действительной свободы для всего народа! С рабочими объединились солдаты Петрограда, с рабочими должны объединиться и вы!»⁴⁰. Повсеместно Советы рабочих депутатов действовали в контакте с Советами солдатских депутатов. В Красноярске, Саратове, Екатеринбурге, Уфе, Ташкенте, Минске, Владивостоке, Вологде, Казани и во многих других городах сразу же или путем слияния разделенных Советов в марте 1917 г. были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов.

К Февральской революции определенную школу политической борьбы под руководством рабочего класса прошли крестьянские массы России. Поэтому в марте 1917 г. городские Советы рабочих депутатов, Советы рабочих и солдатских депутатов начали посылать своих представителей в деревни и села для оказания помощи крестьянству в установлении революционной власти. Союз рабочего класса и крестьянства укреплялся и в ходе работы созданных при городских Советах крестьянских секций. Были случаи, когда по получении известий о создании Советов в городе беднейшее крестьянство окрестных сел и деревень направляло ходоков к рабочим депутатам за помощью в проведении революционных мероприятий

в деревне: в распределении земли, ликвидации земских учреждений и т. п. В марте 1917 г. возникло 10 волостных и 12 уездных Советов крестьянских депутатов⁴¹. В 11 городах и населенных пунктах возникли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Показателем возросшей политической активности крестьянских масс являлось также разнообразие избирательных систем в деревнях, количественного состава и структуры крестьянских Советов и революционных крестьянских комитетов. Крестьяне создавали органы власти без вмешательства комиссаров Временного правительства или буржуазных комитетов общественных организаций. «...Непременно снизу, непременно без чиновников, без „контроля и надзора“ помещиков и их прихвостней» — в этом В. И. Ленин видел «вернейший единственный залог успеха революции, успеха свободы, успеха освобождения России от ига и кабалы помещиков»⁴². В настоящее время доказано, что состав выборных революционных крестьянских органов уже весной 1917 г. сложился в пользу бедняцко-середняцких слоев сельского населения, зажиточные же крестьяне оказывались в политической изоляции⁴³. В первые Советы крестьянских депутатов избирались люди, боровшиеся ранее с царскими властями. В числе избранных в крестьянские органы власти было немало бывших фронтовиков.

Огромную роль сыграли Советы в решении революционных задач в национальных районах. Образование Советов в национальных районах в таком массовом масштабе, которого не знала первая российская революция, было новым этапом в развитии национально-освободительного движения народов России. Один из чиновников Временного правительства писал в Петроград из Средней Азии в марте 1917 г., что там Советы стали «единственными организациями, твердая власть которых чувствуетс^я населением»⁴⁴.

В Советы выбирали представителей и русской и других национальностей. Большевики призывали следовать этому принципу, развивая интернациональную солидарность в братство трудящихся страны. Минский Совет рабочих депутатов в одном из обращений специально подчеркивал: «Бок о бок с вами (т. е. русскими.— *И. П.*) живут различные национальности: поляки, евреи, белорусы, литовцы. Рабочий класс всех национальностей припо^сит неисчислимые жертвы на алтарь свободы... Пусть

этот час свободы пробьет для всех угнетенных национальностей. Рабочий класс... песет свет и свободу всем обездоленным и угнетенным без различий национальностей, языка, вероисповедания»⁴⁵.

Большевики подняли знамя борьбы против всех проявлений национализма — черносотенцев, либералов, национал-демократов разного толка. Они сосредоточили главные усилия в этом вопросе на том, чтобы преодолеть развращающее действие великодержавных предрассудков в массе русского населения, искоренить из его сознания великодержавные настроения, внесенные в него буржуазией. Одновременно единомышленники В. И. Ленина боролись за преодоление национальной обособленности трудящихся нерусских народностей и наций. На опыте победы демократической революции они раскрывали роль русских рабочих и крестьян в освободительной борьбе народов России, призывали к прочному и тесному союзу представителей всех наций и народностей.

Большую помощь русские рабочие и солдаты, выбранные в Совет, оказывали потянувшимся к политике представителям коренных национальностей Средней Азии, которые быстро уверовали в силу Советов. Так, например, 8 марта 1917 г. группа киргизов обратилась с письмом в Петроградский Совет с просьбой оказать содействие в установлении революционной власти в их районе, помочь в смещении царских чиновников, помогавших карателям, посланным на подавление восстания 1916 г.⁴⁶ В другом, не менее интересном документе того же времени рассказывается, что группа рабочих — казахов и узбеков, мобилизованных в годы войны на работу на предприятия Московской губ., — обратилась в Московский Совет с просьбой о содействии вернуться на родину. В письме подчеркивалось, что они доверяют «лишь Совету рабочих депутатов как организации рабочих» и думают, что «Совет рабочих депутатов освободит их от подневольного труда»⁴⁷.

В тесном интернациональном содружестве русские, украинцы, белорусы, латыши, эстонцы, якуты, казахи и многие другие народы России вели совместную борьбу за полную ликвидацию власти царских чиновников. Ее возглавляли Советы, которые брали на себя решение важнейших революционных задач. Так, например, выслав из Риги бывшего городского голову А. Красткална, которого Временное правительство назначило сюда комиссаром,

Рижский Совет рабочих депутатов приступил к выполнению революционной программы. Под его руководством, в частности, уже в марте 1917 г. местные Советы в Руге, Алуksне, Валмиере объединили сельскохозяйственных рабочих, батраков, безземельных крестьян против кулацкого Земского совета.

Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов развил агитацию за смещение с занимаемых постов царских чиновников. Выступления на собрании Ташкентского Совета 30 марта 1917 г. не только русских рабочих и солдат, но и представителей коренного населения, свидетельствовали о больших революционных переменах, росте политической активности представителей угнетенных народов. Очевидец этих событий подчеркивает в воспоминаниях, что, когда на заседании Ташкентского Совета обсуждался вопрос об аресте Куропаткина, среди депутатов Совета были «представители городской бедноты из местных», которые заявили, что поддерживают «русских братьев-солдат», т. е. революционных солдат Ташкентского гарнизона — депутатов Совета, проявивших активность в смещении и аресте Куропаткина⁴⁸. 31 марта Временное правительство отозвало Куропаткина из Туркестанского края. Вскоре были отстранены от должностей и другие представители чиновничье-колониаторской царской власти: прокурор окружного суда, городской голова, уездные начальники, полицмейстеры, воинские начальники.

В некоторых Советах состоялись выступления против националистских программ буржуазии. Так, Нарвский Совет рабочих и солдатских депутатов раскритиковал и отверг проект «Эстонской автономии», составленный местными националистами⁴⁹. В Тифлисском Совете группа депутатов, несмотря на численное превосходство в нем меньшевиков и эсеров, выступив против пробуржуазной политики Озакома, добилась указания в постановлении, что Озаком раздувает национальную рознь⁵⁰.

Уже с самого начала развития революции в стране, в марте 1917 г., отчетливо проявилось стремление Советов к объединению и созданию в процессе советизации общероссийской организации Советов. Объединенные совещания 48 местных Советов состоялись 15—17 марта в Бахмуте (Донбасс); 16—17 марта — на Ферганском областном съезде, проходившем в Андижане, где была согласована работа Советов городов и местечек этого райо-

на Средней Азии; 18—20 марта в Тифлисе состоялся первый съезд Советов рабочих депутатов Закавказья; 23—24 марта — конференция Советов 18 городов и рабочих поселков Поволжья и Южного Урала; 19 марта на Западном Урале, в Перми, в результате всеуральского совещания Советов возник областной Совет, объединивший 83 городских и заводских Совета рабочих депутатов, а также солдат воинских частей этого района Урала; в Прибайкалье был образован Совет, объединивший рабочих промышленных городов, копей, рудников, а также крестьян волостей и улусов. В работе Московской областной конференции Советов, состоявшейся 25—27 марта, приняло участие 70 Советов рабочих депутатов, представлявших целую армию рабочих — 1700 тыс., а также 38 Советов солдатских депутатов⁵¹.

Газета «Известия Саратовского Совета», подводя итоги работы конференции Советов Поволжья и Урала, отмечала руководящую роль рабочего класса в революции и создании Советов: «...опорными точками на местах везде послужили ячейки рабочего движения в лице больших касс и в лице социалистических нелегальных групп. Везде рабочей и солдатской демократии приходилось наталкиваться на трусливое, нерешительное, а подчас и предательское поведение нынешних республиканцев, господ либералов, в лице главным образом городских самоуправлений. Почти всюду Советам рабочих и солдатских депутатов приходилось принять энергичные меры для ликвидации старого строя... Воля к организации, стремление рабочих закрепить свои классовые позиции так же обнаруживались, как явление, общее для целого ряда городов»⁵².

Советы были, конечно, подлинной революционной властью, но в том-то и заключалось своеобразие момента, что еще значительная масса трудящихся не могла до конца понять этой роли Советов, действовала нерешительно. Показательно, что, если некоторые Советы и выдвинули вопрос о передаче им всей полноты власти, во многих из них все еще оставалась живучей идея «наблюдения» за буржуазией. В своих выступлениях депутаты Советов часто исходили из того, что они должны действовать совместно с комитетами общественных организаций, даже в ряде случаев предлагали создавать коалиционные группы из представителей Советов и общегражданских комитетов, в которых Советы «должны стремиться занять

позицию, соответствующую главенствующей роли революционного пролетариата и армии в данный момент в политической жизни страны»⁵³.

На всех этих резолюциях лежала печать влияния соглашателей, которых поддерживали не только мелкобуржуазные непролетарские элементы, ориентирующиеся на оборонческий блок меньшевиков и эсеров, но и часть рабочих, тем более что в большинстве Советов соглашатели пользовались численным превосходством над большевиками. По подсчетам исследователей, из 242 возникших в в марте Советов только 27 (Луганский, Иваново-Вознесенский, Екатеринбургский, Мотовилихинский и др.) возглавляли большевики⁵⁴, что свидетельствовало о наличии такого соотношения партийных сил в Советах в начальный период их существования. В Екатеринбургском Совете число большевиков к общему числу депутатов весной 1917 г. составляло 40%, Самарском — 25,9, Киевском — 14, Хабаровском — 12,8, Саратовском — 11,3%⁵⁵ и т. д. В соглашательские Советы иногда попадали близкие к либеральным кругам буржуазии земские, банковские и другие служащие, как, например, в Полтаве⁵⁶. Все это создавало трудности партии большевиков в борьбе за массы.

Меньшевицско-эсеровские соглашательские Советы порой не только не стремились развить свою деятельность, а свортывали работу выборных народных представителей, передавая власть буржуазным комитетам общественных организаций. Так, в Омске Совет вначале развернул работу по созданию народной милиции, организовал отделы — военный, учебный, труда, создал организационно-пропагандистское и литературно-издательское бюро, реквизировал дворец генерал-губернатора для размещения общественных организаций и т. д. Однако властью себя он не объявил, решив заменить царскую администрацию коалиционным комитетом. Такой комитет был создан из представителей «всех» слоев населения, Совет же послал в него своих представителей с информационной целью, поскольку-де «коалиционный комитет является местным органом Временного правительства»⁵⁷. Соглашатели ориентировали народные массы на то, что Советы только «опора Временного правительства», тогда как общественные комитеты — «новый аппарат власти». Об этом, например, писали 5 марта 1917 г. в газете «Современная мысль» грузинские меньшевики.

Большинство решений Советов в марте 1917 г. в той или иной степени несли на себе печать соглашательства. Однако необходимо различать отношение масс к Советам и отношение масс к партиям меньшевиков и эсеров, оказавшимся вначале во главе Советов. Далеко не все рабочие и даже солдаты, голосующие за соглашательские резолюции в периферийных Советах, так же как и в Петроградском, делали сознательный выбор в пользу партий меньшевиков и эсеров.

Меньшевики и эсеры призывали народ отказаться до Учредительного собрания от всех требований, связанных с социальными реформами, проповедовали оборонческие настроения; и все же под давлением передового пролетариата Советы на деле становились органами народной власти. Так, например, в Чите Совет рабочих депутатов тоже способствовал созданию Комитета общественной безопасности, хотя реальная власть в городе благодаря усилиям большевиков концентрировалась в руках Совета. «Вся принципиальная и деловая работа, — отмечал участник событий В. Соколов, — быстро переходила к Совету рабочих и солдатских депутатов... Работа по организации масс шла. Авторитет Совета там поднимался. К нему шли со всякими нуждами больше, чем в комитет»⁵⁸.

Борьба за революционизацию Советов, за их единовластие стала важнейшей программой деятельности партии большевиков. «Господа душиатели революции сладкой фразой (Чхеидзе, Церетели, Стеклов) тащат революцию пазад, — указывал В. И. Ленин, — от Советов рабочих депутатов к „единовластию“ буржуазии, к обычно-буржуазной парламентской республике. Мы должны умело, острожно проявлением мозгов вести пролетариат и беднейшее крестьянство *вперед* от „двоевластия“ к *полновластию* Советов рабочих депутатов, а это и есть коммуна в смысле Маркса, в смысле опыта 1871 г.»⁵⁹ Стремясь к этой цели, большевики строго учитывали конкретно-историческую обстановку. Большевистская тактика того периода наиболее четко была сформулирована В. И. Лениным: «Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок»⁶⁰.

Антинародная политика Временного правительства повсеместно вызывала стихийно растущее недовольство и

крепнувший отпор широких демократических масс. Революция разрасталась повсюду в борьбе за установление диктатуры пролетариата, выступающего в союзе с беднейшим крестьянством. В том, что наилучшей государственной формой этой диктатуры были Советы, трудящиеся массы должны были убедиться. «Перепрыгнуть» через этот этап в развитии политического сознания масс было невозможно, об этом могли мечтать только левые авантюристы.

Революционный народ, несмотря на наличие Временного правительства, признавал центральными органами своей власти Петроградский и Московский Советы. Сюда со всех концов страны шли приветственные телеграммы и письма с различного рода просьбами, связанными с организацией новой власти на местах. При Петроградском Совете был образован иногородний отдел, который был связан с другими органами народной власти в стране. Перед Петроградским Советом как столичным органом власти с самого начала его деятельности встали общие государственные вопросы: снабжение армии, обеспечение страны хлебом и топливом, сношения с рабочими других стран.

Деятельность Советов была широкой и разнообразной. Анкеты провинциального отдела Московского Совета рабочих депутатов и Московского областного бюро Совета рабочих и солдатских депутатов, разосланные по различным городам России, содержали подробный перечень вопросов, обсуждавшихся на заседаниях местных Советов. О широкой сфере деятельности этого и других Советов свидетельствует наличие в них секций, комиссий, бюро, которые охватывали разнообразные стороны административно-хозяйственной деятельности и политической работы среди населения. Например, в Харьковском Совете работали такие секции: финансово-хозяйственная, железнодорожная, муниципальная, агитационная, профессиональная, продовольственная; в Киевском — продовольственная, милиционная, агитационная, провинциальная, конфликтная. В Советах существовали бюро труда, связи, комиссии судебные, арбитражные (по разбору конфликтов рабочих и капиталистов). Все это были выборные организации. Двенадцать городских Советов в марте 1917 г. (в Костроме, Красноярске, Минске, Москве, Омске, Петрограде, Пскове, Самаре, Саратове, Баку, Харькове,

Херсоне) издавали свои «Известия»⁶¹, другие имели в качестве органа информации различные «Бюллетени», «Листики».

Советы решали судьбы политических заключенных, освобожденных из тюрьмы. Солдаты и рабочие от имени Советов брали на себя охрану революционного порядка (регистровали оружие и боеприпасы, выбирали народную милицию и т. д.), обсуждали вопросы, связанные с улучшением социально-экономического положения рабочих, вмешивались в разрешение трудовых конфликтов между рабочими и владельцами предприятий. Исключительно плодотворной и значительной была борьба Советов под руководством большевиков за 8-часовой рабочий день. Как уже говорилось, это был давнишний лозунг русского пролетариата в демократической революции; после ее победы он наполнился новым содержанием. Практическое осуществление 8-часового рабочего дня должно было не только избавить рабочий класс от капиталистической сверхэксплуатации, но и обеспечить ему условия для классовой и профессиональной организации, политического просвещения, активной общественной деятельности.

В первых числах марта 1917 г. остро встал вопрос о возобновлении работ на фабриках и заводах в Петрограде, но забастовки не прекращались. Борьба рабочих была направлена на удовлетворение их насущных требований, среди которых главным было осуществление права на 8-часовой рабочий день. Забастовочное движение теперь имело новое качество: рабочие совершили революцию, сбросили самодержавие, революционное творчество масс создало Советы — мощные пролетарские организации, все перестраивалось по-новому. Было совершенно ясно, что положение рабочего класса не могло оставаться прежним. «Неужели он (пролетариат.— *И. П.*), — писал В. И. Ленин из своего вынужденного „далека“, — не потребует и не добьется, чтобы *всякий* трудящийся *тогда* увидал и почувствовал известное улучшение своей жизни?»⁶²

О сохранении дореволюционных условий труда на предприятиях не могло быть и речи. Заводчики и фабриканты были встревожены. Меншевицско-эсеровское руководство замалчивало решение вопроса о введении 8-часового рабочего дня: об этом ничего не было сказано ни в тех «условиях», которые были выработаны Исполкомом Совета в форме декларации при создании Временного правительства, ни тогда, когда меньшевицско-эсеровский

Исполком Совета убеждал рабочих прекратить стачки. 5 марта пленарное собрание Петроградского Совета огромным большинством приняло решение приступить к работе на фабриках и заводах. Некоторые заводчики и фабриканты принимали условия рабочих о введении 8-часового рабочего дня. Большевистская «Правда» на своих страницах развернула агитацию за его повсеместное введение на заводах и фабриках. ПК большевиков обсуждал этот вопрос 6 и 7 марта и вынес решение: Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов немедленно ввести декретом 8-часовой рабочий день во всех областях наемного труда ⁶³.

Игнорируя оборонческие доводы, которые выдвигали соглашатели в Петроградском Совете, доказывавшие, что практическое осуществление этого лозунга представляет «опасность» для «завоеваний революции» и послужит «расколу с буржуазией», рабочие начали вводить 8-часовой рабочий день явочным порядком и таким образом вынудили руководство Петроградского Совета согласиться принять решение о введении 8-часового рабочего дня ⁶⁴. 10 марта было подписано соглашение между Обществом заводчиков и фабрикантов в Петрограде и Петроградским Советом о введении 8-часового рабочего дня и организации фабрично-заводских комитетов и примирительных камер.

Политическое значение проведенной питерскими рабочими кампании выходило далеко за рамки борьбы вокруг 8-часового рабочего дня в собственном смысле этого слова. То была первая после Февральской революции подлинно массовая кампания, которую пролетариат под руководством партии большевиков провел против объединенного фронта буржуазии.

Примеру Петроградского Совета последовал Московский Совет рабочих депутатов, принявший постановление: на всех предприятиях города с 21 марта ввести 8-часовой рабочий день ⁶⁵. Эти решения Петроградского и Московского Советов были поддержаны и приняты Советами в других городах. В марте—середине апреля 8-часовой рабочий день был введен почти повсеместно во всех крупнейших промышленных центрах страны ⁶⁶.

Поддержка Советами справедливых требований трудящихся укрепляла их авторитет в массах, убеждала, что любое завоевание рабочего класса в экономической области является в то же время и частью его политической

борьбы с буржуазией. Эта борьба обогащала массы новым опытом, раскрывала идейное родство политики и тактики социал-соглашателей и буржуазии.

Широкая экономическая деятельность Советов приходится в основном на послемартовский период, но и в марте 1917 г. в провинции многие социально-экономические вопросы, которые находились в центре внимания Советов, приобретали политическое звучание, будучи направленными против капиталистов. Несмотря на распространенность «мелкобуржуазных иллюзий», «добросовестное оборончество», Советы массовостью своей организации, практической деятельностью и решительностью в отстаивании интересов трудящихся демонстрировали власть более демократическую и более высокую, чем «парламентская республика». Как ни тормозили меньшевистско-эсеровские руководители в Петрограде, последователи их политики в Москве и провинции практическую революционную деятельность Советов, рабочие через свои органы власти вмешивались в работу предприятий, транспорта, в продовольственное снабжение населения и другие стороны производственной, торговой, культурной жизни. Так, например, в Орехово-Зуеве (Московская губ.) Совет рабочих депутатов уже в марте 1917 г. установил свой контроль над фабриками Саввы и Викулы Морозовых. Администрация фабрики отказалась было принять требования рабочих об установлении минимума заработной платы. Орехово-Зуевский Совет решительными мерами заставил капиталистов подчиниться. Он действовал как власть, уполномоченная рабочими. Характерно для того времени следующее письмо от имени Совета начальнику железнодорожной ст. Орехово: «Исполнительный комитет предлагает вам не принимать к отправке грузы фабрики Саввы Морозова без разрешения контрольной комиссии при Орехово-Зуевском Совете рабочих депутатов»⁶⁷. 21 марта в Серпухове Совет рабочих депутатов в ответ на угрозу фабрикантов закрыть предприятия города выдвинул лозунг рабочего контроля⁶⁸. В Саратове рабочие создали при Совете органы, регулирующие производство промышленных предприятий, ввели на большинстве из них рабочий контроль, наладили работу ряда заводов, где она была прекращена из-за отсутствия сырья и по некоторым другим причинам⁶⁹. На Уральских заводах Советы постепенно вникали в различные отрасли заводского дела: взяли под свой контроль увольнение и прием на работу,

установили внутренний распорядок дня, расценки сдельной работы, распределение продовольствия для рабочих и их семей. В Сибири Советы установили контроль над работой железнодорожного транспорта. В марте при Красноярском Совете рабочих и солдатских депутатов был учрежден Комитет охраны Сибирской железной дороги. Там же, в Сибири, Суджанский Совет рабочих и солдатских депутатов сначала контролировал каменноугольные копи Михельсона, а затем, чтобы не допустить развала производства, вообще отстранил старую администрацию от управления⁷⁰. В Донбассе Советы рабочих депутатов начали контролировать производственную деятельность шахт и снабжение населения продовольствием. Многосторонними в этом отношении были и Советы Украины. Они вмешивались в конфликты рабочих с предпринимателями, выносили решения, обязывающие хозяев удовлетворять необходимые требования рабочих⁷¹. Архивы до сих пор хранят огромное количество документов, содержащих такие примеры.

Одной из примечательных особенностей революционного процесса на периферии в марте 1917 г. было то, что во множестве случаев эта «муниципальная революция» зашла дальше, чем в центре. На это обстоятельство указывали и делегаты Апрельской конференции большевиков. Так, например, делегат от Московской окружной организации Е. И. Бумажный (Ефимов) заявил: «Когда говорят, что власть должна перейти в руки Советов, рабочих и солдатских депутатов, нам кажется, что нам здесь в этом направлении нечего делать. У нас власть в руках Советов рабочих и солдатских депутатов»⁷². В качестве примера он сослался на положение в Орехово-Зуеве.

Однако процесс закрепления единовластия Советов в стране в целом только развивался, и притом медленно, а кое-где, начавшись, грозил застопориться полностью. Причиной этого было все то же доверчивое отношение масс к буржуазии, соответствующее идеологическое воздействие мелкобуржуазных партий на сознание трудящихся масс. Особенно это касалось крупнейших городов, где тормозящая революционный почин политика соглашательства сказывалась резко. Но ускорить этот процесс в течение всего периода своего существования Временное правительство первого состава не могло, так как было лишено надежной вооруженной силы. Армия находилась под полным политическим контролем Петроградского Совета и

действовавших совместно с ним войсковых комитетов. Участие солдат в Февральской революции предопределяло политическую обстановку в стране, открыв возможности мирного перехода власти к Советам. Временное правительство не могло силой помешать складыванию и усилению сети Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов и других связанных с ними организаций. Да и революционные массы, опираясь на армию, то там, то здесь пресекали враждебные действия Временного правительства и буржуазии на местах.

Революция на периферии развивалась быстрее, чем в Петрограде и в Москве. В. И. Ленин неоднократно указывал на это. В работе «Наброски к тезисам резолюции о Советах» VII Всероссийской конференции большевиков, состоявшейся в конце апреля 1917 г. В. И. Ленин особо подчеркнул широту власти Советов в провинции. «В ряде местных центров, особенно рабочих, роль Советов оказалась особенно большой. Создалось единовластие; буржуазия разоружена полностью и сведена к полному подчинению; повышена заработная плата, сокращен рабочий день при неуменьшем производстве; обеспечено продовольствие; начат контроль за производством и распределением; смещены все старые власти; поощряется революционная инициатива крестьян и в вопросе о власти (смещение всех старых и создание новых властей) и в вопросе о земле»⁷³. На основании этих наблюдений В. И. Ленин делал вывод, что «пока в столицах и крупнейших центрах главные усилия приходится направить на *подготовку* сил для *з а в е р ш е н и я* второго этапа революции, — на местах можно и должно *непосредственно* двигать революцию дальше ... осуществляя единовластие Советов рабочих депутатов, развивая революционную энергию масс рабочих и крестьян, переходя к контролю над производством и распределением продуктов и т. д.»⁷⁴.

Повсюду в стране при участии Советов на митингах и собраниях, организованных по инициативе и под руководством большевиков, обсуждались важнейшие политические вопросы того времени — о войне и мире, о демократической республике и созыве Учредительного собрания, о программах различных партий, о работе профсоюзов. В этом обсуждении принимали участие и другие демократические организации, возникшие в России после революции: на предприятиях (фабрично-заводские комитеты, революционные профсоюзы), в деревнях (крестьянские

революционные комитеты), в воинских и флотских частях (солдатские и матросские комитеты), на железных дорогах (революционные железнодорожные комитеты). В основе развития этих организаций лежало самостоятельное творчество масс. Советы были тесно связаны со всеми революционными (демократическими, профессиональными) организациями и добивались совместно с ними осуществления на деле завоеваний революции. «Вот она, та революция, которая не сказала еще своего последнего слова», — писал Ленин о Советах рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, возникших в результате Февральской революции ⁷⁵.

В АВАНГАРДЕ БОРЬБЫ ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИР

Февральская революция 1917 г. в России имела глубокое антивоенное содержание. Выступление петроградского пролетариата было первым ударом против империалистической войны, реальным осуществлением большевистского лозунга превращения ее в войну гражданскую. В одной из эпитафий на могилах Марсова поля, где похоронены те, кто погиб в ходе восстаний в столице в феврале 1917 г., отмечена очень точно эта антивоенная направленность Февральской революции: «По воле тиранов друг друга терзали народы. Ты встал, трудовой Петербург, и первый начал войну всех угнетенных против всех угнетателей, чтобы тем убить самое семя войны» ⁷⁶.

Революция в России получила большой международный резонанс. Весть о ней, быстро перешагнув через границы, могучим эхом прокатилась по странам Европы и Азии. Подвиг рабочих и крестьян России, совершивших гигантский скачок от царизма к демократической республике, к Советам, глубокий социальный и антивоенный характер революции в России вдохновляли на борьбу трудящиеся массы, измученные в беспросветной тьме кровавой войны, вдохнули надежду на скорый мир. Февральская революция, оказав глубокое влияние на антивоенные настроения европейских рабочих, способствовала пробуждению их политической активности. Гарри Поллит писал, вспоминая это время: «Точно яркий луч новой надежды блеснул нам... Что-то величественное свело вместе всех нас, исполненных новых надежд и пламенного энтузиазма» ⁷⁷.

Буржуазия за рубежом не скрывала беспокойства, что падение царизма может стать прологом новых, еще более грандиозных потрясений в мире. Февральская революция, свергнув один из оплотов мировой реакции, усилила борьбу трудящихся против империалистической войны и классового угнетения.

Сделавшись наиболее свободной из всех воюющих стран, революционная Россия указывала народам мира путь борьбы за освобождение от всякого рода эксплуатации. Сотни приветственных писем и телеграмм на имя Петроградского Совета, Временного правительства, а также в адрес русских газет шли из разных стран с поздравлениями по случаю победы революции. Братскую симпатию и искреннее восхищение российскому рабочему классу выражали французские рабочие. Революцию приветствовали итальянская социалистическая партия «Аванти», Норвежская рабочая партия, левая социалистическая партия Швеции, рабочие Мадрида. В Барселоне несколько сот демонстраций устроили в честь русской революции манифестацию перед русским консульством. Яркая приветственная декларация от парламентской группы «тесняков» народу России была зачитана в Народном собрании Болгарии. В Лондоне состоялся многотысячный митинг. Вест о победе революции в России распространилась на Востоке — в Китае, Индии, Иране. Одним из первых прислал приветственную телеграмму в Петроград руководитель китайской демократии Сунь Ятсен. Большевицкая «Правда» писала: «Революционный ураган, поднявшийся в России, прорвал пограничные плотины... Вновь раздается и облетает весь мир забытый лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“». Горит почва под ногами империалистических правительств, ибо вновь взвивается над Европой славное знамя Интернационала»⁷⁸.

Еще в начале века центр революционного рабочего движения переместился в Россию. Борьба против империалистической войны, которую возглавила партия большевиков во главе с Лениным, укрепила российский рабочий класс в роли авангарда международного пролетариата. Лозунг превращения войны империалистической в гражданскую, насыщенный глубоким социальным содержанием, после революции в России стал лозунгом активного действия пролетариата других стран. Буквально через несколько недель после победы революции в России

кайзеровскую Германию стали сотрясать мощные удары немецкого рабочего класса. В марте здесь в стачках участвовали сотни тысяч рабочих, и среди них 30 тыс. судостроителей Килия, около 16 тыс. металлистов Магдебурга⁷⁹. В классовые бои, вызванные второй русской революцией, в антивоенные, эконоимические и политические стачки и демонстрации были вовлечены сотни тысяч рабочих европейских стран — Австро-Венгрии, Франции, Италии, Болгарии, Англии. Одним из крупнейших в Европе было антивоенное восстание туринского пролетариата в Италии. Известия о революции в России повлияли на антимилитаристские настроения рабочего класса США. Число забастовщиков в странах Европы и США в 1917 г. возросло в 7 раз по сравнению с предыдущим, 1916 г.⁸⁰

Февральская революция проясняла в определенной степени империалистский характер войны в сознании немецких солдат, создавала определенный климат на фронте: инициатива братания на отдельных участках Восточного фронта исходила теперь не только от русских солдат, а от обеих сторон.

Стаечное движение в европейских странах выдвинуло новые лозунги и требования восстановления уничтоженных за годы войны политических свобод, рабочего контроля, расширения прав профсоюзов. В ходе усилившегося стачечного движения пролетариат Германии, Англии, Франции делал попытки создать и укрепить рабочие организации. Образцом служил «русский опыт». Так, например, антивоенный характер Февральской революции был глубоко воспринят французским народом, причем это усиливалось еще и пребыванием во Франции нескольких русских бригад (около 90 тыс. человек). Наиболее ярким проявлением революционных настроений, вызванных русской революцией, было требование французских рабочих-металлистов немедленного заключения мира и создания Советов рабочих и солдатских депутатов. Среди солдат французской армии нелегально распространялись «10 заповедей французского солдата», воспроизводившие отдельные пункты Приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Пример российского пролетариата вдохновлял передовых европейских рабочих на революционный путь выхода из войны. «Русские рабочие подали вам замечательный пример,— писали спартаковцы в листовке марта 1917 г., обращенной к забастовщикам Лейпцига.— Следуйте их

Демонстрация в дни Февральской революции с призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в Москве

примеру. Выйдите из прусско-германского мрака к сияющей свободе народа! Откажитесь работать — и кровопролитие прекратится!»⁸¹

В социал-демократических партиях ряда стран — Германии, Голландии, Болгарии и некоторых других — усилились позиции левого крыла. Февральская революция способствовала размежеванию в международном социалистическом движении революционеров с оппортунистами и содействовала консолидации пролетарских сил. Левые социалисты разъясняли, что русская революция имеет огромное значение для борьбы международного пролетариата за мир. В. Коларов говорил в Народном собрании Болгарии: «Русская революция — это блестящий пример того, как изученные и угнетенные народные массы разрушают троны насилия и уничтожают оковы рабства, чтобы завоевать свободу и обеспечить мир»⁸². 17 марта все германские социал-демократы под влиянием общей обстановки в стране, роста стачечной борьбы проголосовали в рейхстаге против военных кредитов.

Однако процессы поляризации в партиях II Интернационала «в условиях еще не преодоленного засилья социал-шовинистов происходили сложно, неоднозначно»⁸³. Сказывалось и отсутствие в других европейских странах

сильных марксистских партий, и то, что война расколола демократический лагерь, в результате чего в Европе масса мелкой буржуазии и часть рабочих были одурманены шовинизмом. Лидеры правых социалистов открыто выступили против стачечных форм борьбы. Многим даже левым социал-демократам был неясен империалистский характер политики Временного правительства, усиленно затушевывавшийся патриотической шумихой в России.

Да и в самой России вопрос о войне и мире, переплетаясь с главной проблемой революции — проблемой власти, оставался открытым. Временное правительство, являясь представителем капиталистов и помещиков, не могло обеспечить демократического мира. И большевики, говорил В. И. Ленин, оставаясь верными интернационализму, должны «прежде всего и в первую голову разъяснить массам народа, ждущим мира, невозможность добиться его при данном правительстве»⁸⁴. Для осуществления демократического мира, подчеркивал далее В. И. Ленин, нужно рабочее правительство «в союзе, во-1-х, с беднейшей массой деревенского населения; во-2-х, с революционными рабочими всех воюющих стран»⁸⁵.

В период двоевластия острая насущная политическая проблема демократического мира, волновавшая сотни миллионов людей, стала одной из главных в борьбе за единовластие Советов. По поводу окончания войны в рабочем движении возникали весьма противоречивые, сложные течения идейной борьбы, и только твердая позиция большевиков в отношении лозунга демократического мира могла направить трудящиеся массы в русло пролетарского интернационализма.

Временное правительство, подталкиваемое союзниками по Антанте, стремилось использовать революцию прежде всего в целях доведения войны «до победного конца». В этом оно получило полную поддержку буржуазных общественных организаций — Земского и Городского союзов, съездов представителей банков, представителей промышленности и торговли и др. Временное правительство получило признание де-факто союзниками лишь постольку, поскольку заверяло, что сделает все возможное для достижения решительной победы над врагом⁸⁶. Правящие круги Антанты надеялись использовать результаты Февральской революции 1917 г. в своих целях — заставить Россию более энергично участвовать в войне до победы. Предотвращая в своих странах события

«по русскому образцу», господствующие классы Европы изменили свою политику в отношении рабочего класса, встав на путь уступок. Но наряду с этим они не отступили ни на шаг от своих империалистических целей, используя все методы и формы борьбы против пропаганды мира, против пацифистских настроений на фронте.

В обращениях к населению и войскам Временное правительство заявило, что оно будет свято выполнять все заключенные договоры с союзниками. Оно призывало население сплотиться для защиты «обновленного строя и свободы от внешнего врага», и солдат — «во имя победы» крепить дисциплину и полностью повиноваться офицерам. Временное правительство сразу же запросило командование различных фронтов о настроении солдат. Официальные сводки первых чисел марта, казалось бы, обнадеживали сообщениями, что якобы солдаты настроены на победоносное окончание войны и поражение Германии. Однако эти настроения были исключительно противоречивыми, и, составляя дописания, многие бывшие царские офицеры приписывали солдатам свое отношение к войне, игнорируя деятельность революционных комитетов⁸⁷. Захватнические настроения империалистической буржуазии никогда не разделялись трудящимися массами, чуждыми шовинизма. Шовинизм всегда являлся идеологией буржуазии и ею «искусственно насаждался». Напротив, в массовом движении в дни восстания в Петрограде постоянно прорывались ненависть к войне, антивоенные требования. Но сразу после февральского переворота они были заслонены главным вопросом об организации власти, оборонческой пропагандой.

Маневр буржуазии, присоединившейся в последний момент к революции, породил у плохо разбравшихся в политике масс доверие к Временному правительству, в том числе в решении вопроса о войне и мире. Являясь одним из проявлений идеологического компромисса, «революционное оборончество» исключало аннексии и контрибуции, но выражало готовность защищать страну при условии и в интересах закрепления в ней новых демократических порядков. Представители мелкобуржуазных партий и групп, насаждая в массах идеи революционного оборончества, козыряли обязательством буржуазии созвать Учредительное собрание, которое может якобы решить все важнейшие вопросы, включая вопрос и о войне. Они уверяли, что только оно может обратиться к

германскому народу с предложением мира. Под влиянием этой пропаганды отвергались все предложения большевиков на исполкомах и пленумах Петроградского Совета о немедленной подготовке демократического мира, о том, чтобы войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для объединения всех народов в борьбе против эксплуататоров и прекращения войны, как провозглашал это манифест ЦК РСДРП от 27 февраля 1917 г. Все эти предложения объявлялись меньшевиками и эсерами как «опасные», «грозящие привести к краху революции»⁸⁸.

Антивоенная работа большевиков в марте 1917 г. развертывалась в крайне неблагоприятных условиях. Против нее был брошен авторитет государственной власти не только Временного правительства, но и других государств, вся мощь идеологического аппарата империалистов. В России специальные шовинистские обращения адресовались различным слоям населения — солдатам, рабочим, крестьянам. Солдат призывали во имя победы сохранять дисциплину и единение с офицерством, рабочих — прекратить забастовки и трудиться с еще большим напряжением сил в интересах фронта, крестьян — для победы над врагом помочь в снабжении армии и населения продуктами. Активную агитацию за войну до победы вела оставшаяся не у дел Государственная дума в лице ее Временного комитета и так называемых частных совещаний. Этот комитет выпускал провоенные воззвания, расходившиеся в миллионах экземпляров и призывавшие к наступлению на фронте. На службу шовинистической обработке масс был поставлен весь агитационный аппарат буржуазных и помещичьих партий и их организаций. Наиболее активную работу вели кадеты: только за март-апрель 1917 г. литературная группа ЦК кадетской партии выпустила 22 плаката и листка общим тиражом свыше 2 млн. экз; в их числе были листовки и плакаты «Помните о войне!», «Поддержим нашу армию дружной работой на оборону!», «Солдаты! Спасите Россию, спасите нашу армию!» и др. К этому нужно добавить постоянную периодическую кадетскую печать — газету «Солдатское слово» — и другие издания⁸⁹.

Характерной особенностью буржуазной агитации являлась травля большевиков — единственных последовательных противников империалистической бойни. Антибольшевистская кампания велась грубыми методами, рас-

считанными на легкое верие и несознательность мелкобуржуазной и отсталой части пролетарских масс.

Революционным оборончеством больше всего были охвачены мелкобуржуазные слои населения, хотя оно проникло и в определенные слои рабочих, даже в те, которые не поддались «патриотическому» утару после вступления России в войну в августе 1914 г.

Буржуазия ловко эксплуатировала эти настроения. П. Н. Милюков (прозванный «Дарданелльским» за когда-то открыто пропагандируемые им империалистические планы захвата проливов Босфор и Дарданеллы) сформировал бригады агитаторов. Они, правда, не выставляли лозунга захвата чужих территорий, но выступали на митингах, предприятиях, в воинских частях и флотских экипажах, призывая народ к «защите республики». Буржуазии при помощи меньшевиков и эсеров, лидеров исполкома Совета удалось в определенной мере раздуть настроения революционного оборончества. Сохранились решения многих собраний, которые в той или иной форме отражали оборонческий дух. Они касались, в частности, 8-часового рабочего дня (некоторые резолюции собраний признали его «не отвечающим моменту») ⁹⁰. Можно было увидеть и солдатские манифестации под лозунгом «Война до полной победы!» ⁹¹. На военных предприятиях повсюду красовались оборонческие плакаты, распространялись листовки, некоторые в стихотворной форме, призывавшие увеличить производство оружия ради победы ⁹².

Пропагандируя оборонческие лозунги, лидеры меньшевиков и эсеров требовали отказаться от антивоенных циммервальдских решений. Они поддерживали Временное правительство в выпуске и распространении на нужды войны «Займа свободы 1917 г.», который объявлялся актом гражданского долга, спасения родины и революции.

Все это затемпляло тот факт, что русская империалистическая буржуазия продолжала в сговоре с союзниками ту же политику захвата чужих территорий и покорения народов, что и свергнутое самодержавие.

В интересах развития революции большевики в труднейших условиях разоблачали империалистическую политику Временного правительства, мелкобуржуазную природу революционного оборончества, терпеливо разъясняя массам классовый смысл происходивших в стране событий. В апрельских работах В. И. Ленин, раскрывая

сложную обстановку двоевластия, шовинистического уга-
ра, принявшего после Февральской революции вид «ре-
волюционного оборончества», вскрыл причины массового
увлечения «революционным оборончеством» в первые не-
дели после Февральской революции. Оно явилось также
преобладанием в России мелкобуржуазных слоев населе-
ния, которые потянулись к политике. Классовая суть
«революционного оборончества» состояла в том, что оно
выражало, «с одной стороны, интересы и точку зрения
зажиточных крестьян и части мелких хозяев, которые,
подобно капиталистам, извлекают прибыли из насилия
над слабыми народами,— писал В. И. Ленин.— С другой
стороны, революционное оборончество является результа-
том обмана капиталистами части пролетариев и полу-
пролетариев города и деревни, которые по своему классо-
вому положению в прибылях капиталистов и в империа-
листической войне не заинтересованы»⁹³. В. И. Ленин
подчеркивал, что именно оборончество — «злейший враг
дальнейшего движения и успеха революции»⁹⁴.

Лозунги революционного оборончества встретили от-
пор сознательных рабочих, которые шли за большевика-
ми, за манифестом ЦК РСДРП. Известно, что в первые
дни марта большинство петроградского пролетариата не
считало борьбу за удовлетворение требований народа за-
конченной. Носившее оборонческий оттепок решение
Петроградского Совета о прекращении всеобщей забастов-
ки 5 марта, принятое им по призыву соглашателей, было
поддержано только 45% стачечников. Остальные продол-
жали борьбу под революционными лозунгами, включая
требование демократического мира. Последнее требование
особенно отчетливо было сформулировано работниками
заводов «Динамо», Балтийского судостроительного,
Ижорского, фабрики «Скороход» и ряда других предприя-
тий⁹⁵. Рабочие фабрики «Скороход» записали в резолю-
ции: «Мы требуем немедленного прекращения войны без
контрибуций и аннексий, вопреки вожелдениям буржуа-
зии»⁹⁶.

О борьбе двух тенденций по вопросу о войне и мире в
рабочем движении свидетельствовали и выступления рабо-
чих на собраниях и митингах не только в столице, но и
в других городах России. Так, на митинге, организо-
ванном Луганским Советом рабочих депутатов, агитацию в
защиту революционного оборончества повел редактор га-
зеты «Донецкая жизнь» меньшевик Ларин-Римский. Он

заявил: «Рабочие! Вы теперь — свободные граждане свободной России. С удесyтеренными силами мы принимаемся за работу, чтобы победить всех врагов революции и довести войну до победы». В ответ ему рабочий-большевик И. Набывич сказал: «Надо немедленно кончать войну, разоружать царскую полицию и жандармерию. Вот это будет революция»⁹⁷.

Революционное оборончество находилось в вопиющем противоречии с усталостью рабочих и крестьян от войны. А если еще вспомнить, что перед революцией ненависть к царизму в представлении масс связывалась с ненавистью к войне⁹⁸, что восставшие в Петрограде рабочие и присоединившиеся к ним солдаты объединяли борьбу с самодержавием и войной, то станет понятным, что известия о революции, особенно на фронте, народ интуитивно связывал с надеждой на скорый мир. Жажда мира была важной предпосылкой в преодолении настроения революционного оборончества и мобилизации масс на путь последовательной борьбы за мир, за социалистическую революцию. В ответ на оборонческие призывы рабочие на предприятиях, солдаты в воинских частях, крестьяне на сходках все чаще заявляли, что они не хотят проливать кровь для захвата чужих земель, требовали окончания войны.

Для миллионов солдат во фронтовых окопах лозунг революционного оборончества был лишенным конкретного содержания. В их представлении отечеством была родная деревня, где продолжали господствовать помещики и кулаки, а также завод, где трудились изголодавшиеся жены и дети. «Как нам известно из газет,— писали солдаты, находящиеся в окопах 2-го армейского корпуса,— тыловые депутаты-солдаты хотят вести войну, но им вести войну можно... они не видели горя, такого, как мы на позиции три года перенесли. Вам можно, господа, уже понять ясно, сколько убили миллионов душ, сколько крови пролито. Вы сами понимаете — вся матушка сыра земля пропиталась человеческой кровью. Сколько горьких сирот и вдов — ужас! Сколько на Руси бедных и голых... Господа, подумайте, как вести войну?..»⁹⁹ Интересно в том же плане и письмо в Петроградский Совет большевика М. Лукомского: «Я вел тысячи бесед с множеством и множеством солдат,— писал он.— Хочу сказать вам, товарищи: сто процентов, все без исключения жаждут мира во что бы то ни стало»¹⁰⁰.

Дальновидные военачальники во второй половине марта высказывали сильные сомнения в отношении солдатского желания идти в наступление. «Я глубоко убежден,— писал генерал А. Селивачев,— что солдаты желают теперь одно — еды и мира, так как устали от войны, питаться же громкими словами об „отечестве“, его славе и могуществе родины наш солдат не может, особенно па-стоящий»¹⁰¹. В тылу почти ни одного собрания и митинга не обходилось без того, чтобы на трибуну не вышел солдат, который рассказал бы просто и убедительно о бедствиях войны. Газета московских большевиков «Социал-демократ» писала, что на митинге в театре Струйского в Замоскворечье один из солдат заявил, что «война до победы» может поддерживаться только теми, кто окопался в тылу, а трудовой народ приветствует клич «Довольно крови, долой преступную бойню пародов!»¹⁰².

Большевики, обобщая эти настроения, призывали рабочих и солдат бороться за мир. В первом же номере возобновившей выпуск газеты «Правда» был опубликован манифест ЦК РСДРП, чем подчеркивалась актуальность опубликованных в нем задач, в том числе и обращение к пролетариям других стран с призывом к борьбе за «прекращение кровавой бойни». От общей установки большевикам необходимо было перейти к разработке конкретной программы и тактики борьбы за демократический мир в новых условиях. Русское бюро ЦК РСДРП и ПК в первой декаде марта не раз обсуждали этот вопрос и выработали развернутую программу. В резолюции Петроградского комитета об отношении к войне от 7 марта отмечалось, что ее империалистический характер не изменился и партия по-прежнему считает необходимым вести борьбу за скорейшее ее прекращение. Резолюция намечала следующие практические шаги к миру: 1) демократизация действующей армии и превращение ее в революционную армию с помощью эмиссаров Совета и большевистских агитаторов; 2) развертывание братания на фронте; 3) призыв к пролетариату воюющих стран подняться на революционную борьбу против своих угнетателей и 4) немедленно приступить к совместному обсуждению условий будущего мира. Перечисленные в резолюции меры предполагалось осуществить через Петроградский Совет. Но, учитывая наличие в его руководстве соглашателей, ПК оставлял за собой право на самостоятельные

действия — агитационную работу в России и на международной арене¹⁰³.

Важные дополнения и уточнения к программе, выработанной ЦК РСДРП, содержались в резолюции о войне Русского бюро ЦК РСДРП, принятой 9 марта 1917 г. Бюро подчеркнуло, что характер войны не изменился, что Временное правительство проводит, по существу, такую же захватническую империалистскую политику, какую проводил и свергнутый царизм. Здесь же разоблачалось стремление Временного правительства использовать в своих империалистских целях демократическое движение в стране, в частности в армии. Наконец, в резолюции Бюро ЦК давался ответ на злободневный вопрос: при каких условиях революционная демократия России сможет взять на себя защиту свободы страны от внешней угрозы? Резолюция заявляла, что «это может быть только при революционной диктатуре пролетариата и крестьянства», когда пролетариат и демократия, завоевав свободу народу, «откажутся от всяких захватно-империалистских целей»¹⁰⁴. Однако и Русское бюро ЦК не смогло разобраться в вопросах войны и мира в обстановке двоевластия, поначалу и оно не смогло понять, что «Советы, рожденные революцией, являются уже осуществленной в жизни революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Члены Бюро ошибочно полагали, что такую диктатуру только еще предстоит создать, углубляя развитие революции. Они не видели появившейся в условиях двоевластия возможности мирного развития революции, не выдвинули лозунга «Вся власть Советам!»¹⁰⁵ (подчеркнуто мной. — И. П.). Ни в одном документе Русского Бюро ЦК, ни в одной статье в «Правде» марта месяца, а тем более в резолюциях и решениях других партийных организаций вопрос о войне не связывался непосредственно с вопросом о власти. К тому же в большевистской печати появились глубоко ошибочные статьи Л. Б. Каменева, выражавшие его личное мнение, но направленные против ранее принятых резолюций Бюро ЦК об отношении к Временному правительству и войне. Эти статьи проталкивали меньшевистско-эсеровские идеи революционного оборончества, условной поддержки Временного правительства. Поведение Каменева вызвало осуждение большинства среди петроградских большевиков. На заседании Бюро ЦК эта точка зрения получила отпор¹⁰⁶. В это же время с установкой «давления» па Временное

правительство для прекращения войны выступил в «Правде» И. В. Сталин. Эта установка, по сути дела, содержалась и в резолюции Бюро ЦК «О войне и мире». В целом до приезда В. И. Ленина в Петроград Русское бюро ЦК не смогло достаточно продвинуться вперед в области последовательной разработки тактической платформы партии. Это мешало выработке четкой программы и по вопросу о войне и мире, столь необходимой для целенаправленного руководства массами.

Вместе с тем большевистские организации, повседневно соприкасающиеся с массами, обеспечивали поддержку интернациональных лозунгов трудящихся России против империалистической войны. Так, 5 марта общее собрание рабочих Кабельного завода в Петрограде высказалось за созыв международного рабочего конгресса с целью обсуждений условий мира «без аннексий и контрибуций на основе установления самим народом своего самоопределения»¹⁰⁷. Примеры выступления авангардных групп пролетариата против революционного оборончества имеются в самых различных источниках того времени, и главным образом в большевистской печати. Газета «Правда» писала 8 марта, что на Ижорском заводе собрание предложило Петроградскому Совету в соответствии с манифестом ЦК РСДРП от 27 февраля обратиться к пролетариату воюющих стран с призывом восстать против своих правительств и заключить мир без аннексий и контрибуций. 12 марта на Невском судостроительном заводе 3000 рабочих потребовали от Временного правительства заявления, что его дальнейшие действия будут направлены к заключению мира без аннексий и контрибуций. Собрание поставило вопрос о восстановлении «пролетарского интернационализма»¹⁰⁸.

Независимо от проводимой меньшевиками и эсерами кампании революционного оборончества в народных массах зрели и проявлялись настойчивое стремление к миру и идеи пролетарского интернационализма. Пленарные собрания Советов выносили решения с оценкой войны как захватнической и империалистической. С лозунгом «Мира!» шли «манифестации свободы», которые в марте 1917 г. состоялись в ряде городов страны. Однако всем этим выступлениям не хватало понимания, что нельзя добиться окончания империалистической войны с помощью Временного правительства, что ему глубоко враждебно стремление народов к демократическому миру.

Соглашательские партии должны были в глазах масс увязать свои оборонческие позиции с отношением к вопросу об окончании войны. Когда в одно из посещений Исполкома Петроградского Совета делегаты от воинских частей Петроградского гарнизона спросили, что думает Совет о мире, им был дан расплывчатый ответ, что в принципе Исполком против войны, но он не является сторонником «простого втыкания штыка в землю»¹⁰⁹. Однако, поскольку большевики уже сформулировали свои взгляды на этот едва ли не самый жгучий вопрос того времени и открыто представили программу его решения, меньшевистско-эсеровское руководство Исполкома было поставлено перед необходимостью более понятно изложить народу свои взгляды на окончание войны, не прячась за такие расхожие формулировки, что, мол, война должна продолжаться до решения вопроса на Учредительном собрании. И снова руководство Исполкома выбрало довольно уклончивый по форме ответ на требование масс: оно согласилось обратиться к международному пролетариату, но ничего не сказало о решении этого вопроса для народов своей собственной страны.

14 марта на заседании пленума Петроградского Совета с импровизированным докладом выступил Ю. М. Стеклов. Он заявил, что русский народ, уже решивший в основном свои внутренние дела, должен теперь взять в свои руки решение вопросов внешней политики. Не наметив сколько-нибудь конкретных путей борьбы с империалистической войной, докладчик перенес центр тяжести вопроса на определение условий будущего мира. Он заявил, что их должны «определять не золоченые дипломаты в келейном кругу, а представители рабочих и крестьян, съехавшихся на международный конгресс». Однако это заявление, не подкрепленное принципиальной постановкой вопроса о необходимости перехода власти в стране в руки революционных рабочих и крестьян, в тех конкретных условиях оставалось пустой фразой. Затем на пленуме был зачитан текст манифеста Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира», в котором заявлялось, что «наступила пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительства всех стран», а «народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире». Обращаясь к германским рабочим, манифест призывал их сбросить «иго самодержавного порядка», отказаться быть «орудием захвата и насилия» в ру-

ках господствующих классов, прекратить «страшную бойню, позорящую человечество». Вместе с тем в манифесте говорилось, что Россия будет «стойко защищать» завоеванную свободу «от реакционных посягательств — как изнутри, так и извне»¹¹⁰. Последнее было на руку империалистической буржуазии и доказывало, что авторы воззвания, как это уже отмечалось в литературе, стремились угодить всем сразу, всем течениям в Совете: в манифесте уживались призыв к народам Европы предпринять совместные решительные выступления в пользу мира и признание необходимости для России продолжать войну якобы для защиты революции. В результате получились, по словам В. И. Ленина, «величайшая теоретическая путаница... величайшая политическая беспомощность», обрекавшие Совет в одном из важнейших для масс вопросе о войне и мире «на самое шаткое, неустойчивое положение и поведение»¹¹¹. Манифест звал к восстановлению и укреплению единства международного пролетариата, но не сформулировал четкой принципиальной платформы, на которой можно построить здание интернационализма.

И доклад Стеклова, и предложенный 14 марта Петроградскому Совету членами его Исполкома текст манифеста «К народам мира», судя по репликам с мест, не удовлетворили делегатов. Раздались крики: «Вопрос не освещен как следует!», «Здесь нет никаких предложений о мире, это просто воззвание!». Но вопрос оказался настолько запутанным, что выступить с аргументированной критикой в тех условиях фактически никто из депутатов не смог. Большевики (Г. Ф. Федоров, Н. А. Милютин) подчеркивали, что в манифесте нет ясной программы, четкого определения цели, к которой стремятся рабочие и крестьяне, — условий демократического мира. Они сформулировали эти условия как отказ от аннексий и контрибуций и представление каждой нации права свободного самоопределения¹¹².

Несмотря на всю сложность обстановки, большевики в марте 1917 г. явились единственной партией, которая решительно противопоставила свои взгляды как стремлениям империалистической буржуазии, так и политике соглашательских партий. Нерешенные задачи войны и мира вместе с другими, стоявшими на очереди дня социальными проблемами обостряли в стране классовую борьбу пролетариата с буржуазией. «Русская революция февра-

ля-марта 1917 г. была началом превращения империалистической войны в войну гражданскую,— писал В. И. Ленин.— Эта революция сделала *первый* шаг к прекращению войны. Только *второй* шаг может обеспечить прекращение ее, именно: переход государственной власти к пролетариату. Это будет началом всемирного „прорыва фронта“ — фронта интересов капитала, и только прорыв *этот* фронт, пролетариат *может* избавить человечество от ужасов войны, дать ему блага прочного мира» ¹¹³.

Для осуществления этой программы необходима была организация пролетарских сил под руководством большевистской партии во главе с В. И. Лениным. Революционная Россия нуждалась в быстрейшем возвращении вождя революции из эмиграции.

ЛЕНИНСКИЙ КУРС НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Узнав о революции в России днем 2 марта, В. И. Ленин с нетерпением изучает газеты, в которых содержатся скудные сообщения о событиях в Петрограде, и тут же садится за письмо большевикам, находившимся в эмиграции в Норвегии, предполагая, что они быстрее его попадут на родину. Письмо было отправлено персонально А. М. Коллонтай, но Ленин просит, чтобы она ознакомила с его содержанием и других товарищей. Ленин пишет: «Неделя кровавых битв рабочих и Милюков+Гучков+Керенский у власти!! По „старому“ европейскому шаблону...

Ну что ж! Этот „первый этап первой (из порождаемых войной) революции“ не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистской бойни...». Ближайшие тактические задачи большевиков в этом письме В. И. Ленин формулирует так: «Республиканская пропаганда, борьба против империализма, *по-прежнему* революционная пропаганда, агитация и борьба с целью *международной* пролетарской революции и завоевания власти „Советами рабочих депутатов“ (а не кадетскими жуликами)» ¹¹⁴.

Ко времени приезда в Россию В. И. Ленин имел четкую программу борьбы за всеобщий демократический мир. Так совпало, что именно в тот день, 14 марта, когда в Петрограде в зале Морского кадетского корпуса на Ва-

сильевском острове пленум Петроградского Совета слушал путаное выступление представителей Исполкома Совета по вопросам войны и мира, в Швейцарии, в Цюрихе, на собрании рабочих в Народном доме В. И. Ленин четко сформулировал программу тактики большевиков в борьбе за демократический мир, связанную с перспективами перехода русской буржуазно-демократической революции к следующему, социалистическому этапу и подчеркивавшую необходимость взятия власти Советами.

«Наши условия мира,— говорил Ленин,— такие: 1) Совет рабочих депутатов, как революционное правительство, заявил бы тотчас, что *никакими* договорами ни царизма, ни буржуазии он *не* связан; 2) он опубликовал бы тотчас эти подлые, грабительские договоры; 3) он открыто предложил бы *всем* воюющим перемирие тотчас; 4) он предложил бы мир на условиях освобождения *всех* колоний и *всех* неполноправных народов; 5) он заявил бы, что не доверяет буржуазным правительствам и зовет рабочих всех стран свергнуть их; 6) он заявил бы, что долги на войну заключала буржуазия и пусть *капиталисты* платят их»¹¹⁵. Только эта политика партии рабочего класса, поддержанная большинством рабочих и беднейших крестьян, обеспечила бы подлинный мир, свободу и демократию, помощь пролетариата других стран.

Достижение всеобщего демократического мира, указывал В. И. Ленин,— международная задача, требующая для своего решения сотрудничества с революционным пролетариатом и трудящимися других стран. «Международные обязанности рабочего класса России,— писал В. И. Ленин в начале апреля 1917 г.,— именно теперь с особенной силой выдвигаются на первый план»¹¹⁶. Он предлагал большевикам взять на себя инициативу объединения всех действительно интернационалистских элементов международного рабочего движения в новом Интернационале. В качестве практической задачи выдвигалась поддержка начавшегося на фронте братания и его организованное развертывание.

Пока зарубежные друзья В. И. Ленина изыскивали способы возвращения вождя революции на родину, он внимательнейшим образом всесторонне изучал сообщения заграничных газет о том, что происходило в России. «Материала тьма. Следить не под силу»¹¹⁷,— пишет он И. Ф. Арманд. В «Письмах из далека» марта 1917 г., ставших образцом анализа задач партии в революции,

определена четкая программа перехода от буржуазно-демократической к социалистической революции, создания нового государства рабочих и крестьян, разработаны важнейшие вопросы тактики партии на данном этапе революционного движения в России. Суммируя итоги своих размышлений за первые две недели после февральского восстания 1917 г. в Петрограде и учитывая опыт международного рабочего движения, В. И. Ленин выделяет восемь главных задач революционного пролетариата в России на текущий момент: «(1) суметь подойти наиболее верным путем к следующему этапу революции или ко второй революции, которая (2) должна передать государственную власть из рук правительства помещиков и капиталистов (Гучковых, Львовых, Милюковых, Керенских) в руки правительства рабочих и беднейших крестьян. (3) Это последнее правительство должно организоваться по типу Советов рабочих и крестьянских депутатов, именно (4) оно должно разбить, совершенно устранить старую и обычную во *всех* буржуазных государствах государственную машину, армию, полицию, бюрократию (чиновничество), заменив эту машину (5) не только массовой, но и поголовно-всеобщей организацией вооруженного народа. (6) *Только* такое правительство, „такое“ по своему классовому составу („революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“) и по своим органам управления („пролетарская милиция“) *в состоянии* успешно решить чрезвычайно трудную и безусловно-неотложную, *главнейшую* задачу момента, именно: добиться *мира*, притом не империалистского мира, не сделки между империалистскими державами о дележе награбленной капиталистами и их правительствами добычи, а действительно прочного и демократического мира, который не достигим без пролетарской революции в ряде стран. (7) В России победа пролетариата осуществима в самом ближайшем будущем *лишь* при условии, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за конфискацию всего помещичьего землевладения (и национализацию всей земли...). (8) В связи с такой крестьянской революцией и на основе ее возможны и необходимы дальнейшие шаги пролетариата в союзе с *беднейшей* частью крестьянства, шаги, направленные к *контролю* производства и распределения важнейших продуктов, к введению „всеобщей трудовой повинности“ и т. д.»¹¹⁸.

Главной и определяющей задачей момента в России Ленин считал пролетарскую и общепародную организацию сил, которая обеспечит дальнейшее развитие революции, подготовит победу на втором, социалистическом ее этапе. Ленин многократно подчеркивал, что Советы могут сыграть роль органов революционной власти, если они смогут опереться на поголовное вооружение народа, на пролетарскую милицию. Он подробно рассмотрел разнообразный круг вопросов, связанных с вооружением трудящихся, с формированием пролетарской милиции. Ленин считал, что залогом успеха в деле организации революционной армии и пролетарской милиции является то, что в Февральскую революцию пролетариат «повел за собой *большинство* армии, состоящее из рабочих и крестьян»¹¹⁹. Опираясь на исторический опыт борьбы российского пролетариата, он показал, что создание новых вооруженных сил тесно связано с одним из основных положений марксизма о необходимости не только коренного слома государственной машины, но и создания нового государственного механизма, который явился бы реальной гарантией против реставрации монархии и буржуазного строя.

Ленин был озабочен тем, чтобы его оценка движущих сил, характера, направления революции, которую он дал в «Письмах из далека», дошла бы до большевистских организаций в России, чтобы она помогла им в решении сложнейших вопросов войны и мира, тактики революционной партии. Однако не все складывается так, как хотелось бы. Телеграмма, посланная В. И. Лениным 6 марта, была доставлена в Петроград лишь 13 марта, когда и была оглашена на заседании Русского бюро ЦК РСДРП и Исполнительной комиссии ЦК. «До возвращения Ленина в Россию разработанные им положения о стратегии и тактике не стали достоянием всей партии»¹²⁰. Из «Писем из далека» лишь первое было доставлено Коллонтай в Петроград и не полностью было опубликовано в «Правде» 21—22 марта. Из письма выпало важнейшее положение о невозможности поддержки буржуазного Временного правительства партией. В этом сказалось вмешательство Каменева, который в середине марта вошел в состав редакции «Правды» и препятствовал публикации статей В. И. Ленина. Все это затрудняло преодоление ошибочных положений, которые выдвигались партийными руководителями, борьбу большевиков с соглашателями.

Начиная с первого указанного выше письма, посланного с А. М. Коллонтай большевикам в Россию, все труды В. И. Ленина мартовского периода настойчиво подчеркивают необходимость в сложившихся условиях укрепления революционной партии. Ленин последовательно разоблачает соглашательство лидеров Исполкома Петроградского Совета — меньшевиков и эсеров — Чхеидзе, Скобелева, Керенского, их предательскую тактику в отношении рабочего класса по всем основным политическим вопросам. Ленин указывает, что было бы величайшим несчастьем для дела революции, если бы большевики пошли на «единство» с меньшевиками, «социал-патриотами» или еще опаснее — с колеблющимися группками вроде ОК, Троцкого и К^о. В письме от 3 марта 1917 г. прямо говорится: *«Ни за что снова по типу второго Интернационала! Ни за что с Каутским! Непременно более революционная программа и тактика...»*¹²¹. В «Наброске тезисов 4(17) марта 1917 года», с которыми Ленин просит связанных быстрее ознакомить большевиков в России, та же мысль: *«...мы не можем идти ни в какие ни блоки, ни союзы, ни даже соглашения с рабочими-оборонцами, ни с направлением Гвоздева—Потресова—Чхенкели—Керенского и т. п., ни с людьми, занимающими подобно Чхеидзе и т. д., колеблющееся и неопределенное положение по этому основному вопросу»*¹²² (избавление народов от империалистической войны.— И. П.). Скупые строчки телеграммы Ленина от 6 марта 1917 г. большевикам, первым отъехавшим в Россию из-за границы (из Швеции и Норвегии), целиком посвящены тому же: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата — единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями»¹²³.

Всем своим поведением в эмиграции В. И. Ленин подчеркивал, насколько серьезным и принципиальным должен быть разрыв большевиков с меньшевиками. 14 марта Ленин отказывается выступать в Народном доме на митинге, посвященном второй русской революции, вместе с меньшевиком Мартыновым. «Вы, видимо, меньшевиков недостаточно хорошо знаете,— говорил Ленин секретарю Цюрихской секции большевиков.— Если я выступлю здесь на одном митинге с меньшевиком Мартыновым, то содержание моей речи станет известно в России значительно

позже, а о самом факте нашего совместного выступления заграничные меньшевики протелеграфируют в Россию, а там Дан и компания сумеют использовать этот факт в целях объединения большевиков с меньшевиками. Раз Ленин и Мартынов объединились за границей, то нам в России и подавно следует объединиться и т. п. Самая большая опасность, которая угрожает русской революции — это объединение большевиков с меньшевиками»¹²⁴.

Опасения В. И. Ленина не были напрасными. В атмосфере общего революционного настроения в России, быстрого роста рядов социал-демократии после Февральской революции начали создаваться объединенные организации РСДРП. Как правило, они создавались по инициативе меньшевиков. Но дело заключалось вовсе не в «миролюбии» последних, а в том, что путем объединения меньшевики вели дело на расстройство рядов большевистской партии, привлечение рабочих на свою сторону. Объединительные тенденции не следует преувеличивать, но все же число объединенных организаций по отношению к самостоятельным большевистским к концу апреля составляло примерно один к трем¹²⁵. Правда, объединенные организации были, как правило, малочисленными и удельный вес большевиков, входивших в эти организации, был незначительным. Но даже те благие намерения, которые имели большевики, соединившиеся с меньшевиками в объединенных комитетах РСДРП и ставившие своей задачей отколоть рабочие и солдатские массы от соглашателей, были не чем иным, как добросовестным заблуждением. Оно приводило к противоположным результатам, так как тормозило идейное воспитание масс. Без дальнейшего организационного укрепления партии невозможно было расширение работы в массах с целью подготовки широкой основы для более высокого этапа революции — перерастания ее в социалистическую. Компромисс с меньшевиками не только запутал бы массы в политической ориентации, внес ложь в их сознание, но и ослабил, подорвал бы роль пролетариата в деле дальнейшего руководства революционным движением.

В целом партия большевиков вышла из подполья идейно закаленной и обогащенной революционным опытом, накопленным в боях с царизмом. «Есть все основания утверждать, что основное, наиболее сознательное ядро рабочего класса по-прежнему пло за большевистской партией»¹²⁶. Анализ многих рабочих резолюций.

принятых в марте на предприятиях Петрограда, показал, что на 14 из них преобладало влияние большевиков. Лейтмотив этих резолюций — революция не закончена и необходима боевая готовность к дальнейшей борьбе. Эта мысль была довольно четко выражена в решениях собраний второй половины марта. Интересно, что те же решения на 36 других предприятиях уживались с некоторыми оборонческими идеями: там рабочие зачастую не понимали существа разногласий между большевиками, с одной стороны, и с меньшевиками и эсерами — с другой. Доверчиво одобряя общую политическую линию оппортунистического руководства Петроградского Совета, многие рабочие воспринимали ее как линию представителей всех партий — избранных в Совет¹²⁷.

В марте 1917 г. ряды большевистской партии быстро пополнялись новыми членами. Уже к Апрельской конференции численность партии большевиков превышала 100 тыс.¹²⁸ Наиболее идейно сплоченными были те низовые организации большевиков, где был сильным слой рабочих-правдивов, активных участников революционного движения. Они развернули борьбу с соглашателями и революционным оборончеством, в чем и были поддержаны широкими слоями передовых беспартийных рабочих.

Партия большевиков была верна своему принципу: работать там, где массы. В этом заключался залог успеха ее разносторонней деятельности, повышения ее авторитета, закрепления руководящей роли в дальнейшем развитии революции. Сила революционного пролетариата, неуклонный рост его морально-политического авторитета среди населения страны, его боевые качества были необыкновенно высокими. Благодаря этим обстоятельствам большевики в России быстро преодолевали трудности в тактических и организационных вопросах, возникавшие на пути дальнейшей борьбы за революционное преобразование общества, за революцию социалистическую.

Значительная роль в организации и революционном воспитании масс принадлежала центральному органу партии — возрожденной газете «Правда». Она установила тесные связи с трудящимися всей страны, регулярно публиковала письма рабочих, крестьян, солдат. Рабочие России собирали деньги на ее издание («железный фонд „Правды“»). Газета распространялась по предприятиям, военным соединениям, в сельской местности. Низовые партийные организации, учитывая опыт «Правды», ис-

пользовали легальные возможности для своих газет и журналов. Вскоре начали выходить местные большевистские газеты: «Социал-демократ» (Москва), «Кийр» (Ревель), «Пролетарий» (Харьков), «Кавказский рабочий» (Тифлис), «Социал-демократ» (Саратов), «Юрьевская правда» (Тарту), «Циня» (Рига), «Красноярский рабочий» и др. Формировалась большевистская военная печать: начали выходить газеты для солдат (в Кронштадте, Одессе, Гельсингфорсе). Имея опыт практической работы в массах, большевики привлекали на свою сторону лучших представителей непролетарских демократических масс, молодежь.

Принимая участие в работе революционно-демократических организаций национальных окраин — «Гуммета» («Энергия», Азербайджан), «Карахалка» (союз, объединивший крестьян-бедняков Кабарды), «итти-факов» (союзы трудящихся-мусульман) и др., большевики призывали рабочий класс и беднейшее крестьянство бороться за полное социальное освобождение и уничтожение национального гнета. Большевики поддерживали право наций на самоопределение, связывая решение национального вопроса с победой власти Советов.

Выше уже были упомянуты члены большевистской партии, которые приняли деятельное участие в работе среди масс в дни свержения самодержавия в Петрограде и Москве. Самоотверженно работали большевики и в других городах — М. В. Фрунзе, И. Е. Любимов, В. Г. Кнорин, К. И. Ландер, С. Г. Могилевский (Минск); В. П. Кузнецов, В. Я. Степанов (Иваново-Вознесенск); Е. А. Дунаев, В. Н. Лосев (Нижний Новгород); В. В. Куйбышев, С. И. Дерябина, А. П. Галактионов (Самара); Н. Н. Яковлев (Томск); И. М. Малышев, В. П. Милютин (Саратов); П. М. Быков (Екатеринбург); М. П. Кучкин (Вятка); С. Г. Шаумян, И. Т. Фиолетов (Баку); Р. Эндруп (Рига); А. Урб, И. Егоров (Ревель); Е. Л. Власенко, Д. Д. Колюшенко, С. М. Цвилинг (Челябинск); Н. П. Брюханов, А. И. Свидаерский (Уфа); Г. Ачканов, Г. Слепов, Ф. Земит (Одесса); Ф. Махарадзе (Тифлис) и многие другие¹²⁹. Под руководством большевиков на крупных предприятиях ряда городов страны формировались силы для нового наступления в борьбе за победу социалистической революции — отряды рабочей милиции.

В сложной политической обстановке, порожденной революцией, когда перед партией большевиков встали новые трудные задачи руководства многомиллионными народными массами, необходимо было четко ориентироваться в новых условиях, перестраивать формы и методы работы. «Февральская революция 1917 года,— отмечал Л. И. Брежнев в докладе на Торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина,— поставила перед партией большевиков, перед российским пролетариатом массу совершенно новых проблем. Сегодня всем нам ясно, что эта буржуазно-демократическая революция должна была перерасти в социалистическую. Но пужно учитывать, насколько запутанной, противоречивой была обстановка того времени, насколько различными были существовавшие тогда взгляды относительно дальнейших путей революции, чтобы вновь и вновь оценить ум, прощительность и волю Ленина, ощутить подлинный масштаб его подвига»¹³⁰.

Временное правительство чинило препятствия возвращению Ленина и других большевиков, не без основания опасаясь влияния авторитета В. И. Ленина в массах трудящихся¹³¹. Еще в начале войны союзными правительствами были составлены так называемые международные военно-контрольные списки, в которые под видом военных шпионов вносились видные политические эмигранты. Первое место в этих списках занимали циммервальдцы во главе с В. И. Лениным. К этим спискам тайные службы европейских государств стали относиться особенно внимательно после Февральской революции в России. Эмигрантам-большевикам не выдавались паспорта, чинились всяческие препятствия: тайные службы не без основания опасались прежде всего их антивоенной деятельности в массах.

18 марта пришло известие, что заграничные друзья В. И. Ленина во главе с Фрицем Платтенем выхлопотали ему наконец разрешение на въезд в Россию с группой других политических эмигрантов в экстерриториальном вагоне через Германию в обмен на такое же количество попавших в плен немцев и австрийцев. Провожать Ленина на вокзал в швейцарском городе Берне пришло много молодежи. Один из провожавших — Зигфрид Блох, соблюдая законы гостеприимства, сказал: «Надеемся вскоре вновь Вас увидеть среди нас, товарищ!». «Это

было бы пехорошим политическим признаком!» — ответил, улыбаясь, Ленин¹³².

27 марта Ленин навсегда покинул Швейцарию, 31 марта он был уже в Стокгольме, а в ночь на 3 апреля — в Торнео (пограничном пункте Швеции и Финляндии) агенты Временного правительства, недоверчиво проверив документы Ленина, в лучших традициях царской полиции обыскав его, позволили вступить на землю теперь уже демократической России. Далее путь в Петроград лежал по железной дороге. «...В вагон мало-помалу набирались солдаты, — вспоминала Н. К. Крупская. — Скоро набился полный вагон». Ленин начал говорить солдатам, как покончить с войной, как крестьянам получить землю. «Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались лица»¹³³.

Еще днем 3 апреля в Петрограде разнеслась весть, что вечером должен приехать Ленин. Она облетела все рабочие районы города и воинские части. Рабочие, солдаты и матросы стали готовиться к встрече. Лично Ленина тогда знала лишь небольшая группа революционеров, но авторитет его среди народа был необыкновенно велик. Привокзальную площадь и прилегающие к ней улицы к вечеру заполнили десятки тысяч людей. Такого скопления народа на улицах не было со времен февральских дней. Преобладали рабочие. Они сгруппировались вокруг бесчисленного множества заводских знамен. Во главе рабочих колонн с винтовками и красными повязками на рукавах расположились отряды Красной гвардии. Военные прожекторы, разрезая тьму, освещали волнуящееся людское море и реюющие над ним в темном небе красные стяги. На перроне вокзала выстроились солдатские шеренги гвардии Московского и Преображенского полков и пулеметной роты. Рядом с серыми шинелями виднелись черные бушлаты матросов флотского экипажа.

В 23 часа 10 минут скорый поезд из Торнео остановился у платформы Финляндского вокзала. На площадке вагона показался Ленин. Солдаты и матросы взяли «на караул», оркестр заиграл «Марсельезу». Выслушав рапорт командира почетного караула, Ленин произнес несколько приветственных слов, обращенных к солдатам и матросам. Затем он прошел в здание вокзала. Сухо поздоровавшись с Чхеидзе и другими встречавшими его

На пути в Россию... Ленин в Стокгольме. Апрель 1917 г.

меньшевиками, Ленин отошел к группе питерских большевиков. Там же И. Д. Чугурин, как представитель Петроградской организации большевиков, вручил Ленину партбилет.

Ленин вышел на площадь. Мощные прожекторы осветили его фигуру. Как писала «Правда», Ленин начал с приветствия революционному пролетариату и революционной армии, сумевшим, как подчеркнул Ленин, не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положить начало социальной революции в международном масштабе. Ленин сказал, что «пролетариат всего мира с надеждой смотрит на смелые шаги русского пролетариата»¹³⁴. Его краткая речь была обращена в будущее и заканчивалась словами «Да здравствует революция социалистическая!».

Приезд Ленина имел громадное значение для большевистской партии, для народных масс России, для судеб не только российского, но и всемирного революционного освободительного движения. Победа демократической революции в России открыла качественно новый цикл в мировом революционном движении, поскольку глубина социально-экономических противоречий России и острей-

шие кризисы, порожденные войной, вплотную приблизили буржуазно-демократическую революцию к социалистической.

- ¹ *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980, с. 167—193.
- ² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 46. В эмигрантской литературе, а позднее в работах зарубежных буржуазных ученых утверждается, что после Февральской революции восстановление монархии было невозможным. Однако факты свидетельствуют о другом: черносотенные элементы не были погребены под обломками рухнувшего царизма. Февральская революция далеко не подорвала экономических основ монархического строя правления. См.: *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977, с. 59—67; и др.
- ³ Цит. по кн.: *Соболев Г. Л.* Источниковедение и социально-психологические исследования эпохи Октября.— В кн.: История и психология. М., 1971, с. 239.
- ⁴ Из воспоминаний А. И. Гучкова.— Последние новости, Париж, 1936, сент.
- ⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 158.
- ⁶ *Старцев В. И.* Революция и власть. М., 1978, с. 22.
- ⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 36.
- ⁸ ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 2, д. 8, л. 2.
- ⁹ *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964, с. 161—164.
- ¹⁰ *Осипова Т. В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974, с. 186—187.
- ¹¹ См.: *Тютюкин С. В.* «Оппозиция его величеству»: (Партия кадетов в 1905—1917 гг.).— В кн.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970, с. 211.
- ¹² Победа Советской власти на Украине. М., 1967, с. 135.
- ¹³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 258—262.
- ¹⁴ Революционное движение в России после свержения самодержавия: Док. и материалы. М., 1957, с. 725—726; Вестн. Временного правительства, 1917, 19 марта; Последние известия, Рига, 1917, 6 марта.
- ¹⁵ *Шаумян С. Г.* Статьи и речи 1917—1918 годов. Баку, 1929, с. 113.
- ¹⁶ Наджат, 1917, 28 апр.
- ¹⁷ Вакий, 1917, 14 июня.
- ¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 9—11.
- ¹⁹ См. подробнее: *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава, с. 167—169, 188; и др.
- ²⁰ *Старцев В. И.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917 г.—апрель 1918 г.). М.; Л., 1965, с. 288.
- ²¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 34—47.
- ²² *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М., 1971, с. 160—332; *Миц И. И.* История Великого Октября. М., 1967, т. 1, с. 817—832.

- ²³ *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава, с. 197.
- ²⁴ *Грунт А. Я.* Москва, 1917-й: Революция и контрреволюция. М., 1976, с. 52; *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч., с. 203.
- ²⁵ Там же, с. 199—200.
- ²⁶ Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губ. Молотов, 1957, с. 117.
- ²⁷ *Бауман В.* Февральский переворот в Ташкенте.— Красная летопись Туркестана, 1923, № 1/2, с. 49.
- ²⁸ Саратовский Совет рабочих депутатов (1917—1918 гг.): Сб. док. М.; Л., 1931, с. 65; *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч., с. 270—273.
- ²⁹ *Стопани А.* Из прошлого нашей партии.— В кн.: Из прошлого. Баку, 1923, с. 26.
- ³⁰ См.: Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии: Сб. док. и материалов. Уфа, 1957, с. 5—6; ЦГАОР СССР, ф. 6517, оп. 1, д. 4, л. 14; *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч., с. 207—208, 223.
- ³¹ См.: *Шляпников А. Г.* Семнадцатый год. М.; Л., 1927, кн. 3, с. 4—6.
- ³² *Кузнецов В.* Перед Октябрем: Воспоминания. Иваново, 1935, с. 12.
- ³³ *Демочкин Н. Н.* В. И. Ленин и образование Республики Советов. М., 1974, с. 87.
- ³⁴ Здесь и далее сведения об образовании Советов в стране в марте 1917 г. даны по кн.: *Мицу И. И.* Указ. соч., т. 1, с. 773—816, 913; *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч., с. 170, 171, 175, 182, 186, 190, 193—195, 200, 203, 206—208, 217, 242, 262, 280, 300, 319, 326; *Демочкин Н. Н.* Указ. соч., с. 87—89.
- ³⁵ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б): Протоколы. М., 1958, с. 123.
- ³⁶ *Мицу И. И.* Указ. соч., т. 1, с. 913.
- ³⁷ История Коммунистической партии Советского Союза (далее: История КПСС). М., 1967, т. 3, кн. 1, с. 20—21.
- ³⁸ *Мицу И. И.* Указ. соч., т. 1, с. 913—914.
- ³⁹ *Смидович П.* Выход из подполья в Москве.— Пролетарская революция, 1923, № 1(13), с. 175.
- ⁴⁰ Цит. по кн.: *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч., с. 207.
- ⁴¹ *Мицу И. И.* Указ. соч., т. 1, с. 913.
- ⁴² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 271.
- ⁴³ *Герасименко Г. А.* Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 г. Саратов, 1974, с. 73; *Васькин В. В., Герасименко Г. А.* Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов, 1976, с. 169—174, 183; и др.
- ⁴⁴ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1956, т. 1, с. 590.
- ⁴⁵ Изв. Минского Совета рабочих депутатов, 1917, 5 марта.
- ⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 242, л. 14.
- ⁴⁷ Цит. по кн.: *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч., с. 58.
- ⁴⁸ Туркестан, 1917, 11 апр.
- ⁴⁹ См.: *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч., с. 275.
- ⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. 398, оп. 2, д. 147, л. 17—18.
- ⁵¹ Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г.: Хроника событий. М., 1967, т. 1, с. 208, 276; История Узбекской ССР. Ташкент, 1956, т. 1, кн. 2, с. 403; *Адамов В. В.* Февральская революция на Урале. Свердловск, 1967, с. 36; *Фрейдлин Б. М.* Очерки истории рабочего движения в России в 1917 г. М., 1967, с. 46.

- ⁵² Цит. по кн.: Саратовский Совет рабочих депутатов (1917—1918 гг.), с. 65.
- ⁵³ Подготовка Великой Октябрьской социалистической революции на Украине. Киев, 1957, с. 256—257.
- ⁵⁴ Минц И. И. Указ. соч., т. 1, с. 795.
- ⁵⁵ Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября, март — октябрь 1917 г. М., 1967, с. 77.
- ⁵⁶ Победа Советской власти на Украине, с. 86.
- ⁵⁷ Цит. по кн.: Бурджалов Э. Н. Указ. соч., с. 324.
- ⁵⁸ Соколов В. Февральский «переворот» в Чите.— Северная Азия, 1927, № 1(13), с. 40—41.
- ⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 123.
- ⁶⁰ Там же, с. 115.
- ⁶¹ Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917): Справочник. М., 1957, с. 248—253.
- ⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 44.
- ⁶³ Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. М.; Л., 1927, с. 24—25.
- ⁶⁴ Очерки истории Московской организации КПСС, 1883 — ноябрь 1917. М., 1979, кн. 1, с. 390.
- ⁶⁵ Волобуев П. В. Указ. соч., с. 104—109.
- ⁶⁶ Фрейдлин Б. М. Указ. соч., с. 91; Токарев Ю. С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март — октябрь 1917). М.; Л., 1965, с. 87—89.
- ⁶⁷ Революционное движение в России в апреле 1917 г. М., 1958, с. 292.
- ⁶⁸ 1917 год в Московской области. М., 1937, с. 192.
- ⁶⁹ Антонов-Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы. М.; Л., 1925, т. 1, с. 128—129.
- ⁷⁰ За власть Советов: Сб. док. Красноярск, 1957, с. 44—45; Сгубренко С. А. Сибирь в период мирного развития революции (март — середина июля 1917 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1972, с. 30—31.
- ⁷¹ Победа Советской власти на Украине, с. 106; и др.
- ⁷² Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), с. 132.
- ⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 382.
- ⁷⁴ Там же, с. 385.
- ⁷⁵ Там же, т. 32, с. 94.
- ⁷⁶ Автор надгробия — А. В. Луначарский, который сохранил в тексте прежнее название столицы.
- ⁷⁷ Поллит Г. Английский рабочий класс и Октябрьская революция.— Красный интернационал профсоюзов, 1927, № 10, с. 354.
- ⁷⁸ Правда, 1917, 21 марта.
- ⁷⁹ Головачев Ф. Ф. Рабочее движение и социал-демократы в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 — октябрь 1918 г.). М., 1960, с. 205—218.
- ⁸⁰ Мировая война: (В цифрах). М.; Л., 1934, с. 18.
- ⁸¹ Норден А. Между Берлином и Москвой: К истории германо-советских отношений. М., 1956, с. 65—68.
- ⁸² Цит. по кн.: Христов Х. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на революционное движение в Болгарии.— В кн.: Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1968, с. 216.

- ⁸³ Международное рабочее движение: Вопр. истории и теории. М., 1978. Т. 3. Начало революционных битв XX века, с. 637.
- ⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 2.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Заславский Д. О., Канторович В. А. Хроника Февральской революции. Пг., 1924. Т. 1. 1917 г., февраль — май, с. 76—77.
- ⁸⁷ Вестн. Временного правительства, 1917, 10 марта; см. также: Деникин А. Очерки русской смуты. Париж, 1921, т. 1, вып. 1. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г., с. 60—61.
- ⁸⁸ Шляпников А. Г. Семнадцатый год. М.; Пг., 1923, кн. 1, с. 210—241.
- ⁸⁹ Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974, с. 81—82.
- ⁹⁰ Революционное движение в России в апреле 1917 г., с. 167.
- ⁹¹ Заславский Д. О., Канторович В. А. Указ. соч., с. 104.
- ⁹² ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 5, д. 1360, л. 36—37.
- ⁹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 393.
- ⁹⁴ Там же, с. 159.
- ⁹⁵ Игнатьев А. В. Указ. соч., с. 77—78.
- ⁹⁶ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 461.
- ⁹⁷ Набичев И. Это было в Луганске.— В кн.: Рассказы о великих днях. Луганск, 1957, с. 14.
- ⁹⁸ Тютюкин С. В. Война, мир, революция: Идеинная борьба в рабочем движении России 1914—1917 гг. М., 1972, с. 204.
- ⁹⁹ Солдатские письма 1917 года. М., 1927, с. 39—40.
- ¹⁰⁰ Революционное движение после свержения самодержавия, с. 626.
- ¹⁰¹ Красный архив, 1925, т. 2(9), с. 112.
- ¹⁰² Социал-демократ, 1917, 14 марта.
- ¹⁰³ КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия, 27 февраля — 4 июля 1917 г.: Сб. док. М., 1957, с. 180.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 31.
- ¹⁰⁵ Международное рабочее движение, т. 3, с. 631.
- ¹⁰⁶ См.: Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917).— Вопр. истории КПСС, 1962, № 3, с. 148; и др.
- ¹⁰⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий, т. 1, с. 85.
- ¹⁰⁸ Правда, 1917, 12, 14 марта.
- ¹⁰⁹ Шляпников А. Г. Указ. соч., кн. 1, с. 245, 248.
- ¹¹⁰ Изв. Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 15 марта.
- ¹¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 278.
- ¹¹² Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль — июнь 1917 г.). М., 1969, с. 106—107.
- ¹¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 161.
- ¹¹⁴ Там же, т. 49, с. 399, 400.
- ¹¹⁵ Там же, т. 31, с. 77.
- ¹¹⁶ Там же, с. 169.
- ¹¹⁷ Там же, т. 49, с. 414.
- ¹¹⁸ Там же, т. 31, с. 55—56.
- ¹¹⁹ Там же, с. 73.
- ¹²⁰ История КПСС, т. 3, кн. 1, с. 32—33.

- ¹²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 400.
- ¹²² Там же, т. 31, с. 6.
- ¹²³ Там же, с. 7.
- ¹²⁴ Цит. по кн.: Заозерский Е., Любарский А. Ленин: Эмиграция и Россия. М., 1975, с. 428.
- ¹²⁵ История КПСС, т. 3, кн. 1, с. 27.
- ¹²⁶ Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма: (Март 1917—1918 г.). М., 1968.
- ¹²⁷ См.: Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 467.
- ¹²⁸ История КПСС, т. 3, кн. 1, с. 70.
- ¹²⁹ Партия большевиков в Февральскую революцию 1917 года. М., 1971. с. 209—253.
- ¹³⁰ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1970, т. 2, с. 557—558.
- ¹³¹ Зубко М. Возвращение в революционную Россию.— Коммунист, 1978, № 1, апрель, с. 50.
- ¹³² Пианзола М. Ленин в Швейцарии. М., 1958, с. 113.
- ¹³³ Цит. по кн.: Владимир Ильич Ленин: Биография. 2-е изд., М., 1964, с. 302.
- ¹³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 98.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. завершила победой многолетнюю упорную борьбу народов России с царизмом. Много поколений революционеров сменилось в героической борьбе с самодержавием, но лишь тогда, когда во главе освободительного движения встал пролетариат, создавший свою боевую революционную партию, появилась сила, способная свалить романовскую монархию и открыть путь трудящимся массам страны к социалистической революции.

Из всех государств, втянутых тогда в мировую войну, Россия стала в марте 1917 г. самой свободной страной. Февральская революция открыла тюрьмы, вернула с каторги пролетарских революционеров, предоставила возможность народу широко использовать политические права, в том числе свободу слова, собраний, уличных шествий, демонстраций, открыто участвовать в общественно-политической жизни.

Победой в буржуазно-демократической революции российский рабочий класс во главе со своим авангардом — партией большевиков — выдержал экзамен на зрелость. Важнейшим итогом этой революции было громадное усиление роли рабочего класса в стране, как носителя исторической миссии, как вождя народа в борьбе за революционное преобразование общества. В ходе нарастания и развития Февральской революции еще раз показала себя великая организующая и направляющая сила рабочего класса.

Вторая буржуазно-демократическая революция в России подтвердила способность революционной пролетарской партии успешно руководить движением народных масс. Будучи единственным руководителем революционного натиска на самодержавие, большевистская партия во главе с В. И. Лениным в годы первой мировой войны продемонстрировала необыкновенную жизнеспособность, тактическую гибкость и богатство приемов руководства борьбой масс, последовательность и твердость избранного ею курса. Большевики сумели привлечь во внимание и

учесть уроки революции 1905—1907 гг., и прежде всего необходимость укрепления гегемонии пролетариата, союза рабочего класса с крестьянством. Партия в период вооруженного восстания в столице реализовала уроки революционной тактики, полученные в годы первой российской революции: концентрация основного удара революционных сил в столице империи, организация смелого и решительного наступления на царизм, превращение всеобщей стачки в вооруженное восстание и т. д.

История Февральской революции показывает, что ленинская наука о революции позволяла объединить сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч в миллионы и десятки миллионов, стремящихся к одной цели — социальному и политическому освобождению.

Эту задачу могла решить только тесно сплоченная в идейном и организационном отношении партия рабочего класса, в совершенстве владеющая революционной теорией, научно обоснованной стратегией и тактикой борьбы. Именно на это было направлено руководство В. И. Ленина деятельностью партийных организаций в России.

В предвидении новой революции В. И. Ленин продолжил теоретическую разработку проблемы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, организации государства в форме Советов. Находясь в труднейших условиях разобщенности отдельных звеньев партии, Ленин сумел объединить и направить усилия большевиков на дальнейшее укрепление партийных организаций, восстановление издательской деятельности партии. В центре его внимания была связь массового движения с работой партийных организаций. Несмотря на серьезные преграды, преследования и репрессии, Заграничное бюро ЦК РСДРП и партийные организации большевиков в России к началу революции представляли единую систему руководящего центра рабочего класса. Партия мобилизовала огромные усилия на революционное просвещение масс, которые успешно усваивали большевистские лозунги, активно участвовали в решении революционных задач на каждом конкретном этапе революции.

Осуществление исторической миссии российского пролетариата включало ряд основных моментов. Во-первых, еще более обнаружился внутренний антагонизм самой капиталистической системы в России, что пагло

выражение в росте стачечного движения. В 1915—1916 гг. число его участников только на предприятиях фабрично-заводской промышленности России (1 млн 492 тыс.) было равным числу забастовщиков во всех отраслях наемного труда за те же годы в 10 европейских странах (Австрия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Франция, Швеция), где оно составило 1 млн. 461 тыс.¹ В результате Февральской революции рабочий класс осуществил явочным порядком уже в марте 1917 г. право на 8-часовой рабочий день, на организацию профсоюзов, фабзавкомов, на создание своей пролетарской милиции. Это было одним из показателей глубины развития революционного переворота.

Во-вторых, от первых выступлений протеста против империалистической войны до Февральской революции в стране пролетариат занимал ключевые позиции в организации этой борьбы, находясь в авангарде движения. Пролетариат с помощью своего испытанного в боях оружия политической борьбы — стачки вновь «раскачивал» массы, развивал революционную инициативу непролетарских трудящихся масс, в том числе находившихся в армии, втягивал их в революционное движение, сделал революцию поистине народной. Если в феврале 1917 г. в Петрограде в ней участвовало около 1 млн. рабочих и солдат, то в марте 1917 г. — $\frac{9}{10}$ населения, добывающего *«мира, хлеба, свободы»*². В дни февраля 1917 г. рабочий класс России не только привел в действие новые резервы революции, но и обеспечил качественно новый этап движения в согласованности действий, в сплочении революционного фронта борьбы. Важную роль в этом сыграло то, что передовой пролетариат России повел за собой большинство армии, состоявшей из рабочих и крестьян. После победы революции непролетарские демократические массы, и прежде всего многомиллионное крестьянство, на деле убедились, что союз с пролетариатом оправдал себя: в деревне был упразднен институт волостных и уездных царских чиновников, часть крестьянства получила в свое распоряжение казенные и удельные земли, появилась возможность создавать свои выборные революционно-демократические организации и т. д.

В борьбе пролетариата за расширение революционно-демократического фронта на пути к победе демократической революции российский пролетариат укрепил свои

качества гегемона социалистической революции, создал основу демократического движения, в котором грядущая социалистическая революция могла черпать революционную энергию, получать поддержку в массах. Добиваясь политических и демократических прав, рабочий класс расчищал арену классовой борьбы, приближал час решительной битвы с капитализмом.

Взросшая сила гегемонии рабочего класса России проявилась и в том, что этот класс не только решил задачу низложения самодержавия, но и поставил цель завершить, довести до конца демократические преобразования в стране. Итогом этого было создание Советов — облеченной в плоть и кровь гегемонии пролетариата, революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства. Советы представляли интересы всех беднейших масс населения страны, добывающихся свободы и мира. Повсеместным созданием Советов Февральская революция 1917 г. в России отличалась от других демократических революций и потому явилась началом перехода от первого, буржуазно-демократического этапа революции ко второму³, социалистическому, дальнейшее развитие которого после завершения разгрома царизма пошло с невероятной быстротой.

В-третьих, Февральская революция 1917 г. пошла дальше и в деле укрепления при гегемонии пролетариата интернациональных основ боевого союза угнетенных народов России. Вместе с русскими рабочими и крестьянами народы России получили политическое освобождение от царского гнета. Образование Советов в национальных районах было новым этапом в развитии национально-освободительного движения народов России. Историческая миссия пролетариата после победы Февральской революции выразилась и в поддержке требований народов и наций страны, направленных на полную ликвидацию социального и национального угнетения во всех его видах и формах. «Чем более демократичен государственный строй, тем яснее рабочим, что корень зла — капитализм, а не бесправие. Чем полнее национальное равноправие... тем яснее рабочим угнетенной нации, что дело в капитализме, а не в бесправии»⁴, — писал В. И. Ленин.

Уже революционная ситуация накануне Февраля раскрыла степень зрелости «субъективных условий» революции, и среди них осознание рабочим классом своих

революционных задач, что усиливало целенаправленный характер движения. Все это, как в фокусе, отразило восстание в столице. Пока в рабочее движение в Петрограде не влилась широкая мелкобуржуазная масса, в нем преобладала организованность. Благодаря связям большевистского подполья с рабочими Петрограда накануне открытия 5-й сессии Государственной думы большевикам удалось направить рабочих в русло революционной борьбы, а не на поддержку Думы. Источники, исходящие не только из революционно-демократического, но и из враждебного ему либерально-оппозиционного лагеря, свидетельствуют, что большевики стремились осуществлять свое руководство в темпе нарастания революции. Лозунги, выдвигавшиеся партией большевиков в это время и преобладавшие на транспарантах в дни восстания в столице, указывали перспективу революционному народу в развитии революционного движения от всеобщей стачки к вооруженному восстанию.

В период вооруженного восстания в Петрограде в феврале 1917 г. растущая активность, сознательность и организованность масс были органически связаны друг с другом, взаимно проникали друг в друга, отражая тем самым поступательный рост движения. Организованное начало, вносимое рабочим авангардом, сохранялось — в том или ином масштабе — во все периоды Февральской революции. Мелкобуржуазная стихия лишь численно преобладала над сознательным пролетариатом и только временно захватила широкие круги рабочих, внося в их взгляды на политику путаность.

Победа демократической революции в стране создала объективные условия для борьбы против хозяйственной разрухи и прежде всего активной деятельности, самостоятельного творчества миллионов трудящихся. Некоторые Советы в Петрограде, Москве, на Урале, в Сибири, Донбассе и на Украине, фабзавкомы, другие революционно-демократические органы пытались вмешиваться в хозяйственную жизнь (в управление промышленностью, транспортом), ставили пред собой задачу наладить продовольственное обеспечение рабочих и т. д. Но все это ограничивалось отсутствием подлинного народовластия в стране, упиралось в сопротивление буржуазии, наталкивалось на препоны, чинимые меньшевиками и эсерами.

Победа Февральской революции в значительной мере была обеспечена тем, что произошло идейное и органи-

зационное размежевание революционного и оппортунистического направлений в РСДРП. Главный момент расхождений большевиков с меньшевиками и эсерами заключался в неверии последних в творческие революционные возможности народных масс, в гегемонию пролетариата. Большевики стремились к единству социал-демократии, а также — при известных условиях — к политическому соглашению с партиями, представлявшими в той или иной степени интересы непролетарских трудящихся масс и на деле добивавшихся свержения царизма. Но с началом первой мировой войны большинство лидеров мелкобуржуазной демократии заняло социал-шовинистские, центристские позиции, либо колебались между шовинизмом и революционностью. Идя на поддержку буржуазии, социал-шовинисты затупевывали классовую сущность буржуазии, ее антагонизм по отношению к рабочим и ко всем трудящимся.

Большевики же не могли идти на какой-либо компромисс с теми, кто под любым флагом (в том числе и под лозунгом «защиты отечества») толкал пролетариат на империалистическую бойню, кто отвлекал его от твердо намеченных целей, от борьбы против самодержавия и войны, кто после победы Февральской революции агитировал за «революционное оборончество». Политика меньшевистско-эсеровского блока в марте 1917 г., рассчитанная на оборончество, на стабилизацию существующего положения в стране после возникновения Временного буржуазного правительства, мешала двигать революцию дальше к новому, второму этапу, который должен был «дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»⁵.

Глубоко проникнув в сущность совершившегося исторического переворота и учитывая революционную энергию масс, В. И. Ленин стремился спешно использовать ее для решения задач социалистической революции. Главным в стратегическом плане В. И. Ленина в марте 1917 г. были ликвидация двоевластия и передача власти Советам мирным путем⁶, настойчивая большевистская пропаганда и агитация, направленная на изживание в массах мелкобуржуазных иллюзий.

Февральская революция 1917 г. в России еще раз подтвердила, что российская буржуазия ни на какой демократический переворот не была способна, так как, враждебная всякому народовластию, боялась революции

и последовательной демократизации страны. И только победа пролетариата, как гегемона освободительного движения, поставила либеральную буржуазию перед выбором; либо погибнуть вместе с монархией, либо создать правительство.

Поведение либеральной буржуазии после Февральской революции также доказывает исконную контрреволюционность, глубокую враждебность проводимой ею политики по отношению к народу. Она целиком и полностью определялась силой классового родства Временного правительства с буржуазией и помещиками, интересами монополистической буржуазии. Игнорируя требования трудящихся масс, буржуазия стремилась лишь к сохранению и укреплению своего политического господства. Временное правительство отказалось от декретирования 8-часового рабочего дня и других социальных реформ в рабочем вопросе, им не были конфискованы помещичьи земли, не было предоставлено право народам на самоопределение, его внешняя политика была направлена на продолжение войны. Временное правительство считало злом то, что являлось спасением для страны, и не остановилось бы даже перед потерей ее независимости и распродажей национальных богатств иностранному капиталу. Все это определяло вызревание условий для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Только рабочий класс мог взять на себя решение общенациональных задач, спасти страну от разрухи и порабощения.

Февраль 1917 г. ускорил ход мирового революционного процесса. Вся обстановка в мире требовала дальнейшего развития революции в России. Идти вперед, не идя к социализму, было нельзя. Громадный размах второй русской революции, как пророчески писал В. И. Ленин в «Прощальном письме к швейцарским рабочим» в марте 1917 г., может «сделать из нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, *ступеньку* к ней»⁷. Поэтому, выполнив одну из главнейших задач освободительного движения в России — свержение царизма пролетариат в союзе с беднейшим населением страны под руководством партии большевиков приступил к решению последующей задачи — проведению социалистической революции. Перспективу и конкретный план перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической наметили «Апрельские тезисы»

В. И. Ленина, которые были с воодушевлением восприняты рабочим классом России.

Почти три четверти века отделяют нас от победного штурма царизма. Но политические уроки второй русской революции не утратили своего значения и по сей день. В современном мире, где революционный рабочий класс играет руководящую роль в широком и мощном общедемократическом антиимпериалистическом движении, исторический опыт борьбы народов России, ленинские идеи о сплочении трудящихся масс на революционные преобразования, о гегемонии пролетариата в революционной борьбе приобретают особую актуальность.

Опыт Февральской революции подтверждает историческую закономерность гегемонии пролетариата в освободительном движении, ее объективную потребность. И теперь, как и в начале XX в., основные вопросы социально-политического развития многих стран не могут быть решены без учета интересов рабочего класса, который является ведущей силой в осуществлении демократических и социалистических революций современности, в крушении монархий, режимов тоталитарного типа, выступает «координатором стремлений разнородных потоков антимонополистической битвы, выразителем общих целей социального прогресса»⁸.

Стремительность динамики исторического процесса в наши дни требует для решения задач современности как неуклонного условия идеологической сплоченности масс, единства и согласованности их действий, огромного чувства солидарности, взаимной поддержки в борьбе и, конечно, гегемонии пролетариата и руководящей роли революционной партии. Сегодня это условие — объединение разнородных политических сил — необходимо для решения главной задачи современности — борьбы против гонки вооружений, за прочный демократический мир во всем мире. Путь к нему проложен всеми революциями XX в., в том числе и Февральской буржуазно-демократической революцией в России 1917 г., которая в период ее нарастания ярко раскрыла силу массового протеста народов против империалистической войны.

Февральская революция в России является одним из важнейших революционных событий в мировой истории еще и потому, что большевистская партия сумела воплотить в жизнь свой лозунг, связанный с борьбой против империалистической войны, — мобилизовать массы во

главе с рабочим классом в своей стране на превращение войны империалистической в гражданскую и уничтожение царизма, вишюного наряду с другими капиталистическими правительствами в развязывании войны.

Историческая миссия российского пролетариата, как одного из отрядов международного рабочего класса, проявилась и в том, что, связывая свержение царизма с борьбой против войны, он объективно тем самым направлял удар и против империалистических устремлений мировой буржуазии, ее агрессивной внешней политики, против порабощения одних народов другими, за подлинный и прочный мир между народами. Еще не были закреплены результаты вооруженного восстания в Петрограде, а большевистская партия в лице Русского бюро ЦК РСДРП уже предложила пролетариату воюющих стран сплотиться под знаменем интернационализма и совместными усилиями найти демократическое решение проблемы войны и мира.

После Февральской революции вопрос о войне и мире вобрал в себя все социально-экономические и политические проблемы, чего не хотели видеть зараженные шовинизмом меньшевики и эсеры, которые внушали массам, будто Временное правительство способно пойти на заключение «мира без аннексий». Ленин расценил это как политическое шарлатанство, разъяснив, что «вне социализма нет спасения человечеству от войн, от голода, от гибели еще миллионов и миллионов людей»¹.

1917 год, начавшийся Февральской буржуазно-демократической революцией и завершившийся Великим Октябрем, стал переломным не только в жизни России, но и всего мира, а Февральская революция, открывшая народам России путь к социалистической революции,— важной вехой в международном рабочем движении.

¹ Забастовочная борьба трудящихся. Конец XIX в.—70-е годы XX века: (Статистика). М., 1980, с. 56—110.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 19.

³ Там же, с. 21.

⁴ Там же, т. 30, с. 126—127.

⁵ Там же, т. 31, с. 114.

⁶ См.: Там же, т. 34, с. 11—12; Минц И. И. История Великого Октября. М., 1978, т. 2, с. 68—69.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 92.

⁸ Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1981, с. 11, 67.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 130.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I	
РОССИЯ НА ПУТИ К НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ	10
Предпосылки Февраля	10
Рабочий класс в борьбе за свержение самодержавия и прекращение войны	38
Союзники пролетариата на пути к новой революции	77
По другую сторону баррикад	93
Глава II	
СВЕРЖЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ	127
Предвестники революционного натиска	127
Штурм самодержавия	142
Возникновение двоевластия	180
Страна поддерживает восстание в Петрограде	217
Глава III	
НОВАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ РОССИИ	245
Первые шаги буржуазного правительства	245
Революционное творчество масс	262
В авангарде борьбы за демократический мир	280
Ленинский курс на социалистическую революцию	295
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	311

